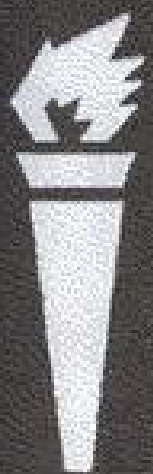

ЖЮЛЬ ВЕРН Т. Прашкевич

ЖЗЛ

ЖЮЛЬ ВЕРН

Теннадий
Прашкевич

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

«Я всего лишь рассказчик историй», — говорил о себе знаменитый французский писатель, неисправимый романтик и неутомимый популяризатор науки Жюль Верн (1828—1905). Его романы, такие как «Дети капитана Гранта», «Двадцать тысяч лье под водой», «Таинственный остров», «Пятнадцатилетний капитан» и многие-многие другие, были и остаются привлекательными для разных поколений людей во все эпохи. Книги Жюль Верна сыграли огромную роль в профессиональном становлении многих известных деятелей мировой науки и техники. А что же сам автор? Как его жизнь соотносится с жизнью его героев? Об этом и многом другом расскажет в своей новой книге известный писатель, поэт и переводчик Геннадий Прашкевич.

- [Геннадий Прашкевич](#)

-

- [Предисловие.](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [Часть первая.](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [Часть вторая.](#)

■

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

○ [Часть третья.](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

○ [Часть четвертая.](#)

■

- [1](#)
- [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

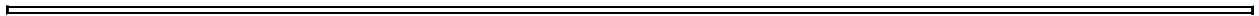
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЖЮЛЯ ВЕРНА](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

Геннадий Прашкевич
ЖЮЛЬ ВЕРН

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1616

(1416)

«Молодая гвардия», 2013

Автор глубоко благодарен коллегам и друзьям, всемерно помогавшим ему в работе над этой книгой, а особенно — Эноре ле Блейз (Париж), С. Соловьеву (Тулуза — Санкт-Петербург), Л.Г. Киселевой (Новосибирск), Т.Б. Стадниченко (Новосибирск), Т.Н. Вершининой (Монпелье), С. Исакову (Новосибирск).

Предисловие.

РАССКАЗЧИК ИСТОРИЙ

*Я книгу твою запомнил
Про звездный чужой простор,
Где вьется в сиянии молний
Кондор скалистых гор.
Я тех берегов не видывал.
Гремела в ночи труба.
О, как я тебе завидовал,
Неведомая судьба!
И снилась мне ширь заката,
По рваным снастям ползу,
Срезаю концы каната,
Костры стерегу в лесу.
Не знаю в пути преграды,
Орел в облака зовет.
Грустят на заре громады
У края великих вод.
Как яростен рев гортанный,
А берег земли высок!
Но встретился друг нежданный,
Волшебный лесной стрелок.
Не видно в лесах рассвета.
По джунглям слоны бегут.
В тугих парусах корвета
Все ветры земли ревут.
Звнящая в ливнях пестрых,
Как факел, луна горит.
Плывет на безвестный остров,
Где сердце земли стучит.
За то, что ты сделал краше
Страницами дерзких книг
Холодное детство наше,
Спасибо тебе, старик.
Виссарион Саянов*

Книги Жюль Верна и его биография давно известны в России.

Но по мере углубления в изучаемый материал портрет писателя, казалось бы, хорошо знакомый нам еще с давних советских (и досоветских) времен, постепенно перестал совпадать с привычным, «книжным» портретом. Для читателя массового, для потребителя, это, так сказать, и неважно. «Таинственный остров» — приключения? Ну и ладно! «Вверх дном» — фантастика? И бог с ней! «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» — роман географический? И пусть. Алексей Толстой фантастом себя не считал, а в истории фантастики остался. Герберт Джордж Уэллс выше всего ставил социальные свои романы, а читают до сих пор «Войну миров» и «Человека-невидимку». Сомерсета Моэма, Уильяма Сарояна, Луи Селина, даже Льва Толстого издают сейчас конечно же меньшими тиражами, чем Стивена Кинга или Джоан Роулинг, но кто станет утверждать, что уровень мировой литературы определяет Стивен Кинг, а не Лев Толстой?

«Сегодня главные позиции в искусстве занимает поп-культура, — сказал однажды на онлайн-конференции итальянский писатель Пьердоминико Баккаларио. — Сегодня все главные позиции занимает поп-культура, она и привлекает главный интерес. — И нашел, как ему показалось, весомый аргумент в пользу своих размышлений: — Не будете же вы в приличном ресторане под чудесное итальянское вино дискутировать о Борхесе или Достоевском. А вот о последних новинках фэнтези — непременно».

Что же такое Жюль Верн с сегодняшней точки зрения?

Да, сюжеты его часто не оригинальны, описания полны длиннот, бесконечные перечисления утомляют, портреты героев и героинь набросаны по банальным схемам, — но кто, скажите, недочитал до конца историю колонистов острова Линкольна или роман о невероятных приключениях французского капитана, волею случая занесенного на пролетающую мимо Земли комету?

Ученики сами выбирают себе учителей.

Жюль Верн всю жизнь восхищался Виктором Гюго, считал его мэтром, мечтал превзойти его, хотя бы встать вровень, но учителем все же выбрал Александра Дюма-отца.

И, скажем так, это был не худший выбор.

Ведь Александр Дюма-отец — это Франция.

Да — Франция! Утверждение столь же неоспоримое, как и то, что Марк Твен или Джек Лондон — это Америка, Лев Толстой — Россия, Иоганн Вольфганг Гёте — Германия, а Герберт Уэллс или Редьярд Киплинг — Англия...

«Все, что Дюма сделал для истории, я сделаю для географии».

Жюль Верн сдержал свое слово, написав почти 100 томов своих «Необыкновенных путешествий».

И успех его был не случаен.

Как это ни странно, в основе всей мировой культуры лежат путешествия.

Почему-то перемещения в пространстве часто кажутся творческим людям важнее перемещения во времени. Возьмите любое значительное литературное произведение, и вы убедитесь, что герои его непременно куда-то стремятся. Одиссей — на Итаку, Робинзон Крузо — в обитаемый мир, Веничка Ерофеев — в Петушки...

Никому в голову не придет изучать мировую географию по книгам Жюль Верна, но из романа «Двадцать тысяч лье под водой» юный читатель узнает о жизни земных морей и океанов ничуть не меньше, чем из школьного учебника.

Рассказывая о писателе, невозможно обойтись без его текстов.

Вот роман Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой». Цитата из него может показаться непомерно большой, но в оригинале она еще больше, в оригинале она, скажем так, величественна.

«Какой-нибудь впечатлительный конхиолог, конечно, растерялся бы, увидев соседние витрины, в которых были размещены и классифицированы представители типа моллюсков. Коллекция мягкотелых не имела цены, и мне недостало бы времени ее описать. Я назову лишь некоторые особи, единственно ради того, чтобы сохранить в памяти их названия: изящная королевская синевакула Индийского океана, вся в белых пятнах, ярко выступающих на красном и коричневом фоне, красочный "императорский спондил", весь оцетинившийся шипами, — редкий экземпляр, за который, по моему мнению, любой европейский музей заплатил бы двадцать тысяч франков, обыкновенная синевакула из морей Новой Голландии, весьма трудно добываемая, экзотические сенегальские бюккарды — двустворчатые белые раковины, — такие хрупкие, что рассыпаются при малейшем дуновении, множество разновидностей морского щипца с острова Явы — улитки вроде известковых трубок, окаймленных листовидными складками, высоко ценимые любителями; все виды брюхоногих, начиная от зеленовато-желтых, которых вылавливают в морях Америки, до кирпично-красных, предпочитающих воды Новой Голландии; одни, добытые в Мексиканском заливе и примечательные своей черепицеобразной раковиной, другие — звездчатки, найденные в южных морях, и, наконец, самый редкий из всех, великолепный шпорник Новой Зеландии; затем удивительные теллины, драгоценные виды цитер и венусов, решетчатые кадраны, отливающие перламутром, с берегов Транкебара, крапчатая башенка, зеленые ракушки китайских морей, конусовидная улитка; все виды ужовок, служащих монетами в Индии и Африке, "Слава морей" — драгоценнейшая раковина Восточной Индии; наконец, литорины, дельфинки, башенки, янтины, яйцевидки, оливы, митры, шлемы, пурпурницы, трубачи, арфы, скальницы, тритоны, цериты, веретенovidки, блюдечки, стеклышки, клеодоры — нежные хрупкие раковины, которым ученые дали прелестные имена. В особых отделениях лежали нити жемчуга невиданной красоты, загорававшиеся всеми огнями при электрическом освещении: розовый жемчуг Красного моря, зеленый

жемчуг из раковин галиотиса, желтый жемчуг, голубой, черный — удивительный продукт различных моллюсков всех океанов и некоторых перловиц из северных рек; и, наконец, несколько бесценных образцов, извлеченных из самых крупных и редчайших раковин жемчужниц. Иные жемчужины были больше голубинового яйца; каждая из них стоила дороже той жемчужины, которую путешественник Тавернье продал за три миллиона персидскому шаху, а красотой они превосходили жемчужину имама маскатского, которой, как я думал, не было равной в мире. Определить стоимость коллекции не представляло возможности. Капитан Немо должен был истратить миллионы на приобретение этих редчайших образцов; и я спрашивал себя: из каких источников черпает средства на удовлетворение своих причуд этот странный собиратель редкостей?..»

Кто-то махнет на такие перечисления рукой, кто-то их пропустит.

В конце концов, невозможно запомнить каждую каплю, — запоминается сам дождь.

Как отдельные капли превращаются в ливень, так бесчисленные перечисления делают книги Жюль Верна.

Жюль Верн любил язык науки.

В его картотеке хранилось множество тетрадок, заполненных специальными, но всегда выразительными и поэтическими терминами.

Снежный заряд... Солнечная корона... Пустынный загар... Бараньи лбы... Каменноугольная эпоха... Китайский щит... Столбчатые базальты... Профиль ветра... Дождевая тень... Ленточные глины... Зеркала скольжения... Угольные мешки... Мертвая зыбь... Конус выноса... Вересковая пустошь...

В детстве, когда все горизонты свободны, такая вот туманная дымка научной романтики ничуть не ухудшает видимость, напротив — улучшает ее.

Но литература — не наука.

Текст одного писателя нельзя проверить текстом другого.

Книги Федора Достоевского, Макса Фриша, Эдгара По или Жюль Верна нельзя сравнивать с книгами Михаила Шолохова, Готфрида Келлера, Марка Твена или Рея Брэдбери, — они разные. «Бесов» или «Тихий Дон», «Марсианские хроники» или «Таинственный остров» при всем желании не напишешь заново. Это в науке самый сложный эксперимент можно (и нужно) повторять, чтобы подтвердить истинность открытия. И всегда повторенный, скажем, в тысячный раз эксперимент Альберта Майкельсона даст один и тот же результат.

А вот в литературе всё не так.

Правда, парадоксальный Борхес пытался что-то такое проделать.

«Не второго "Дон Кихота" хотел он сочинить, но именно "Дон Кихота", — уточняет герой борхесовского рассказа «Пьер Менар, автор "Дон Кихота"» (1939). — Излишне говорить, что он отнюдь не имел в виду механическое копирование, не намеревался переписывать роман. Его дерзновенный замысел состоял в том, чтобы создать несколько страниц, которые бы буквально — слово в слово, строка в строку — совпадали со словами и строками Мигеля де Сервантеса...»

И правда, почему не написать нового «Дон Кихота»?

Надо лишь соблюсти необходимый ряд условий. Скажем, глубоко изучить испанский язык XVII века... И возродить в душе истинную католическую веру... И пройти через сражения с маврами и турками... И забыть всю историю Европы между 1602 и 1939 годами... Короче, стать Сервантесом.

Вот мы и подходим к пониманию того, что гении в литературе, они всегда — как отдельные вершины.

Джомолунгма, Канченджанга, Хан-Тенгри... (Лев Толстой, Уильям Шекспир, Александр Пушкин...) — они не просто поднимаются над уровнем моря, над уровнем равнин и высоких плато... (над уровнем мировой литературы, над уровнем мирового искусства...), — они поднимаются над всеми окружающими горами и долинами, над всем миром...

Рушатся склоны, обтаивают ледники, целые горы сносит потоками.

Но в ряду других горных вершин Жюль Верн все так же остается

вершиной.

Даже когда его тексты кажутся нам невыносимо сентиментальными, чудовищно дидактичными, даже когда они забиты ужасающими длиннотами, они все равно зачаровывают. «Путешествие и приключения капитана Гаттераса», «Дети капитана Гранта», «Двадцать тысяч лье под водой», «Таинственный остров», «Пятнадцатилетний капитан», «Гектор Сервадак», «Путешествие к центру Земли»... Существует масса подражаний этим романам, по их мотивам снято множество фильмов, на сценах театров идут многочисленные пьесы, но все равно ничего равного оригиналам до сих пор не создано.

Метод Борхеса слишком парадоксален.

Выдвигая свои фантастические гипотезы, Жюль Верн старался оставаться в пределах возможного. Для романа «Вверх дном» расчеты ему проделал опытный горный инженер Бадуро, для романа «Из пушки на Луну» — математик Анри Гарсе (кстати, кузен писателя), о подземных пустотах Жюль Верн подробно расспрашивал известного французского геолога Шарля Сен-Клер Девиля, спускавшегося в кратер Этны.

Пьер-Жюль Этцель, редактор и постоянный издатель «Необыкновенных путешествий», всячески поддерживал стремление Жюля Верна к точности, — ведь книги, издаваемые им, должны были попадать в руки людей молодых, а уж им-то точно не надо забивать головы вздором.

Вот почему книги Жюля Верна сыграли огромную роль в профессиональном становлении таких известных деятелей мировой науки и техники, как географ В.А. Обручев (1863— 1956), энтузиаст ракет К.Э. Циолковский (1857—1935), авиатор, конструктор дирижаблей Альберто Сантос-Дюмон (1873—1932), изобретатель радио Гульельмо Маркони (1874— 1937), путешественники Фритьоф Нансен (1861 — 1930), Ричард Берд (1888—1957), Свен Гедин (1865—1952), конструктор подводных лодок Саймон Лейк (1866—1945), вулканолог Га-рун Тазиев (1914—1998), покоритель глубочайших пропастей и пещер мира Норбер Кастере (1897— 1987), знаменитый анархист князь Петр Кропоткин (1842—1921), исследователь стратосферы и морских глубин Огюст Пикар (1884—1962), геохимик А.Е. Ферсман (1883—1945), химик Д.И. Менделеев (1834—1907), поэт и исследователь Валерий Брюсой (1873—1924), палеонтолог и писатель Иван Ефремов (1907— 1972), академик Д.И. Щербаков (1893— 1966) и многих, многих других...

«Не знаю писателя, кроме разве Эдгара По, — писал Валерий Брюсов в биографической повести «Моя юность»^[1], — который произвел бы на меня такое же впечатление, как Жюль Верн. Я впитывал в себя его романы. Загадки "Таинственного острова" заставляли меня леденеть от ужаса. Заключительные слова в "Путешествии капитана Гаттераса" были для меня высшей доступной мне поэзией. Помешанный, заключенный в больницу капитан Гаттерас ежедневно совершал прогулку по одному направлению: "Капитан Гаттерас по-прежнему все стремился на Север". Последние страницы в "20 000 лье под водой", рассказ о "Наутилусе", замершем и безмолвном, до сих пор потрясает меня при перечитывании...»

В России Жюль Верн всегда был чрезвычайно популярен.

Первый же роман писателя — «Пять недель на воздушном шаре» — был незамедлительно переведен и издан в России в 1864 году под названием «Воздушное путешествие через Африку». В журнале «Современник», возглавляемом поэтом Н.А. Некрасовым, благожелательно отозвался о «Воздушном путешествии» М.Е. Салтыков-Щедрин...

Жюлю Верну повезло: романы его переводила Марко Вовчок (М.А. Маркович) — замечательная русско-украинская писательница. С 1867 по 1877 год 16 книг Жюль Верна (14 романов, сборник повестей и рассказов и научно-популярный труд «Знаменитые исследователи и путешественники») вышли в ее переводах. Кстати, Марко Вовчок и сама не чуралась естественно-научных идей: со знаменитым критиком Д.И. Писаревым она немало потрудились над переводами трудов Чарлза Дарвина и Альфреда Брема, а также редактировала журнал «Переводы лучших иностранных писателей» (нечто вроде предшественника известного советского журнала «Иностранная литература»).

В конце XIX — начале XX века в России вышло несколько собраний сочинений французского классика. Самые известные: собрание П.П. Сойкина — 88 книг-приложений к журналу «Природа и люди» за 1906—1907 годы, и И.Д. Сытина — приложение к журналу «Вокруг света» за 1917 год. А в 1927—1929 годах в издательстве «Земля и фабрика» вышло собрание сочинений, снабженное специальными научно-популярными очерками и подробными комментариями, что было немаловажно при катастрофическом послереволюционном упадке российской массовой культуры.

«Он был не только моим спасителем в детстве, — признавался Николай Островский, автор романа «Как закалялась сталь». — Он был для меня чем-то гораздо большим! С каким трепетом читал я его объемистые книги, страдая от того, что чтение это рано или поздно должно прийти к концу...»

Михаил Булгаков тоже не обошел французского писателя.

«Лорд Гленарван, — писал он в сатирической повести «Багровый остров», — известный аглицкий буржуй, акула британского империализма, выведенная на чистую воду товарищем Жюль-Верном...»

«Мишель Ардан — известный французский буржуй, союзник и конкурент лорда Гленарвана в деле ограбления цветных народов. Акула французского империализма...»

«Капитан Гаттерас — оголтелый колонизатор на службе у лорда Гленарвана; за систематическую пьянку в служебное время и халатность разжалован лордом в рядовые канониры (пушкари). С горя стал пить еще больше...»

«Филеас Фогг — еще один прислужник лорда, такая же зараза, если не хуже...»

«Профессор Жак Паганель — ученый холуй французских колонизаторов, сиречь Мишеля Ардана и компании. Близорук, в очках, рассеянный паразит с подозрительной трубкой под мышкой. Пить, правда, не пил, а что толку?»

Разумеется, все это написано с иронией, потому что должно было играть на сиюминутные интересы, но... запоминалось! На фоне огромного количества восторженных отзывов непременно находились отзывы сдержанные. Без них нет развития. Они позволяют различать истинную картину.

Понятно, что не к писателю лично были обращены претензии и другого крупного писателя — Б.Н. Стругацкого.

«Практически ничего не знаю о Жюле Верне, — писал он автору этой книги. — Снимаю шляпу, встаю, когда он входит, изображаю на лице искательную улыбку, а сам думаю раздраженно: ну, старый... что же ты сделал из литературы? Скольких читателей сбил с панталыку? Какое оружие дал в руки нашим педантичным суходралам?.. Впрочем, подозреваю, что господин был достойнейший и для своего времени, вероятно, — образцовый. И вообще — разбудил Уэллса!»^[2]

Говоря о читателях (и писателях), сбитых с панталыку, Борис Натанович, конечно, имел в виду пресловутую теорию «фантастики ближнего прицела».

Прагматичный подход французского классика к литературе пришелся по вкусу первым, еще более прагматичным советским литературным критикам. С их легкой, точнее, не очень легкой руки сложилось представление, что заглядывать советским фантастам в далекое будущее — дело бессмысленное, ненужное. Партия всё знает, партия всё укажет! Незачем писателям отвлекаться на какие-то пустые мечтания. Ну, если уж вам очень хочется прослыть смелым предсказателем будущего, опишите трактор, который будет на пару сотен лошадиных сил мощнее уже работающих, или поднимите самолет не на три тысячи метров, а на все десять, или дайте читателям описание орудия, которое бьет не на тридцать километров, а на все сто!

В 1958 году, выступая на Всероссийском совещании по научно-фантастической и приключенческой литературе, писатель-фантаст Г.И. Гуревич не без горечи говорил:

«Пожалуй, самой распространенной в писательской среде являлась и является "теория ближней фантастики" («ближнего прицела». — Г.П.). Сторонники ее призывали держаться ближе к жизни. Ближе понималось не идейно, а формально: ближе во времени, ближе территориально. Призывали писателей фантазировать в пределах пятилетнего плана, держаться на грани возможного, твердо стоять на Земле и не улетать в космос. С гордостью говорилось о том, что количество космических фантазий у нас сокращается. По существу, это было литературное самоубийство. У фантастики отбиралось самое сильное оружие — удивительность...

Но жизнь опередила таких писателей.

Пока мы ползали "на грани возможного", создавая рассказы о новых сверхсильных плугах и немнущихся брюках, ученые проектировали атомные электростанции и искусственные спутники Земли. Фантастика отставала от действительности.

Я помню, как однажды на писательском собрании, где "ближняя" фантастика, в прямом смысле этого слова, буквально торжествовала, вышел на трибуну читатель — офицер-артиллерист — и сказал с недоумением: "Товарищи, я что-то не понимаю. У нас в армии есть артиллерия ближнего боя, есть артиллерия дальнего действия. Они выполняют разные задачи, но ведь обе нужны!" И хотя литераторы посмеивались, прав был именно этот читатель, а не теоретики всяких ограничений...»

Позже, поясняя свою мысль, Георгий Иосифович писал: «В литературе, в отличие от шахмат, переход из мастеров в гроссмейстеры

зависит не только от мастерства. Тут надо явиться в мир с каким-то личным откровением. Что-то сообщить о человеке человечеству. Например, Тургенев открыл, что люди (из людской) — тоже люди. Толстой объявил, что мужики — соль земли, что они делают историю, решают мир и войну, а правители — пена, только играют в управление. Что делать? Бунтовать! — объявил Чернышевский. А Достоевский открыл, что бунтовать бесполезно. Человек слишком сложен, нет для всех общего счастья. Каждому нужен свой ключик, сочувствие, любовь. Любовь отцветающей женщины открыл Бальзак, а Ремарк — мужскую дружбу и т. д.»^[3].

А что нового сказал миру Жюль Верн?

Эмиль Золя откровенно издевался над коллегой:

«Наряду с Эркманом-Шатрианом упомяну о Жюле Верне.

Этот последний не пишет, собственно говоря, романов; он драматизирует науку, он пускается в фантастические бредни, опираясь на новые научные данные. В сущности, это, конечно, романы, и романы еще более неправдоподобные и фантастические, чем наши. Публике нравится эта забавная популяризация науки. Я не стану разбирать этого рода произведений, долженствующих, по-моему, исказить все познания детей. Я со своей стороны отдаю предпочтение "Мальчику-с-пальчику" и "Спящей красавице". Но я вынужден засвидетельствовать о их невероятном успехе. Произведения Жюль Верна, несомненно, всего более покупаются в настоящее время во Франции. Каждая из его книг: "Cinq semaines en ballon", "Le Tour du monde en 80 jours", "Les Fils du capitaine Grant" и другие — расходились в количестве ста тысяч экземпляров. Их увидишь в руках всех детей, им отводится место во всех семейных библиотеках, что и объясняет их сильный сбыт. Впрочем, они не имеют никакого значения в современном литературном движении. Азбуки и требники продаются в таком же громадном числе»^[4].

Азбуки и требники. Звучит чрезвычайно обидно.

Другие, не менее суровые, критики дивились внешней нелепости гипотез, предлагаемых Жюлем Верном.

Открытое море — на Южном полюсе.

Вулканические земли — на полюсе Северном.

Обитаемые пустоты — в горячих глубинах земного шара.

Межпланетный полет — в чреве алюминиевого артиллерийского снаряда...

Впрочем, в XX веке многие европейские и американские писатели без всякого стеснения будут разрабатывать все те же «жюль-верновские» приемы: «Плутония» В.А. Обручева... «Отравленный пояс» А. Конан Дойла... «Архипелаг исчезающих островов» Л. Платова... «Люди или животные?» Веркора... «Золотая гора» Александра Беляева... «Тайна двух океанов» Григория Адамова... «Атавия Проксима» Лазаря Лагина...

Нет смысла говорить о мнимых и о действительных предвидениях великого француза — об этом написана не одна сотня книг. Отсылки на электрические двигатели, позволяющие подводным и воздушным судам

двигаться со скоростью более 50 узлов в час (по тем временам совершеннейшая фантастика), или на приборы, способные стащить с неба металлический болид, — это не главное.

Жюль Верн был и остается прежде всего романтиком.

Мир для него не был миром мрака и ужаса. Он верил в будущее.

Конечно, и в литературе, и в жизни он слишком часто себя ограничивал (не важно, под давлением общественного мнения, семьи или издателя): правилами поведения, заранее расчисленными маршрутами, четким разделением поступков на хорошие и плохие. Трагедия личной жизни, оставившая след во многих его книгах, как бы выносилась за рамки, смазывалась. Читатели не всегда понимали, почему героини Жюль Верна так часто сходили с ума, а герои становились мстителями. Но в целом Жюль Верн привлекателен во все эпохи.

С самого начала литературной деятельности Жюль Верн поставил перед собой невероятную задачу — подробно и ярко, романтично, но точно описать в ста томах (как раз хватит человеческой жизни) всю нашу Землю.

Почему задача эта кажется нам невероятной?

Да потому, что ты описываешь неведомые дебри тропической Африки, а реальные исследователи уже прошли этим маршрутом. Ты описываешь придуманное тобой открытое море на месте Южного полюса, а реальный Роальд Амундсен уже водрузил норвежский флаг на антарктическом материке. Ты посылаешь героев в путь по чудовищным ледяным проливам Северо-Западного прохода, а реальные исследователи уже издают свои отчеты.

Да и вообще. Ну, спустятся герои в еще одну бездонную пропасть, создадут еще одну колонию на необитаемом острове, пересекут еще один океан на фантастической подводной лодке или поднимутся на воздушном корабле выше самого высоченного пика, выше самых легких облаков, что с того? Для настоящих героев мало возмущать настоящее, они должны изменять его.

Жюль Верн не любил, когда его называли провидцем.

«Я всего лишь рассказчик историй», — говорил он о себе.

То, что описания научных открытий и изобретений, содержащиеся в его романах, время от времени находили отражение в реальной жизни, сам писатель объяснял самым простым образом.

«Это всего лишь совпадения, — говорил он. — Когда я говорю о каком-нибудь научном феномене, то предварительно исследую все доступные мне источники и делаю выводы, опираясь на множество уже знакомых мне фактов. Что же касается точности описаний, то в этом отношении я обязан всевозможным выпискам из книг, газет, журналов, различных рефератов и отчетов, которые у меня заготовлены впрок и исподволь пополняются. Ни одна моя книга не написана без помощи моей обширной картотеки. Каждый день я внимательно просматриваю двадцать с лишним газет, прилежно прочитываю все доступные мне научные сообщения, и, поверьте, меня всегда охватывает чувство восторга, когда я узнаю о новом открытии...»

Конечно, с научной точки зрения ценность романов Жюля Верна давно сведена практически к нулю, но его герои, неистово добивавшиеся поставленных целей, остались героями.

Они восхищают.

Их приключения волнуют.

Они сами как вечное ожидание волшебного зеленого луча.

Я видел книги Жюля Верна в лавках и библиотеках Туниса и Германии, Индии и Малайзии, США и Болгарии, Китая и Польши, Греции и Испании, не говоря уже про Францию и Россию. Я видел фильмы, снятые по романам Жюля Верна, в самых разных странах. Автор самой полной его фильмографии Дмитрий Аксютин насчитывает таких фильмов более двух сотен, начиная с самых первых черно-белых, немых, снятых в 1901 году французским режиссером Фердинандом Зеком: «Дети капитана Гранта», «На завоевание воздуха», «Подводная драма», до тех, что сейчас находятся в работе.

Кстати, снимал фильмы по романам Жюля Верна и его сын Мишель: «Двадцать тысяч лье под водой» (1916), «Судьба Жана Морена» (1916), «Черная Индия» (1917), «Южная звезда» (1918), «Пятьсот миллионов бегумы» (1919).

Разумеется, каждый режиссер старался вложить в снимаемый им фильм что-то свое.

Вот, скажем, описание фильма «Таинственный остров» (*Mysterious Island*), снятого в США в 2005 году:

«В ролях: инженер Сайрес Смит — Кайл Маклахлан (Kyle MacLachlan), капитан Немо — Патрик Стюарт (Patrick Stewart), Джейн Спиллет — Габриель Анвар (Gabrielle Anwar), Нэб — Омар Гудинг (Omar Gooding), Пенкроф — Джейсон Дурр (Jason Durr), Элен Спиллет — Дэниэль Кэлверт (Danielle Calvert), Джозеф — Рой Мэрсден (Roy Marsden), Блэйк — Том Мисон (Tom Mison), Боб Харви — Винни Джонс (Vinnie Jones), Джозеф — Рой Энтони Моулд (Roy Anthony Mould), Атертон Харви (Крис Ларкин), Сан — Дом Хетракл (Dom Hetrakul), Лемани — Нат Харрисон (Nate Harrison), Ли — Джефффри Джулиано (Geoffrey Giuliano), пират — Банджонг Сириваттанавонг (Banjong Siri Wattanawong), молодой пират — Дэниел О'Нейлл (Daniel O'Neill), пират — Дин Александру (Dean Alexandrou), молодой офицер — Кен Струткер (Ken Streutker), юный солдат — Чад Дилан Марковиц (Chad Dylan Markowitz), второй пират — Танапол Чуксрида (Tanapol Chuksrida), первый стражник — Дэниел Дж. Молнас (Daniel J. Molnas), первая проститутка — Тарини Сонгкьяттхана (Tharinee Songkiatthana), вторая проститутка — Трангта Коситхимонгкол (Trungta Kositchimongkol), Зоу — Грегори Т. Эйсмин (Gregory T. Eismín), сумасшедший пират — Байрон Бишоп (Byron Bishop), первый сумасшедший пират — Саишиа Вонгвирой (Saichia Wongviroj), пират Бард Нест — Чайя-порн Торпхорн (Chaiyaporn Torphorn), охранник конфедератов — Роберт Слэйтер (Robert Slater), уродливый пират — Ваннакит Сириопут (Wannakit Sirioput), толстый пират — Альбер Ли Харлоу 2-й (Albert Lee Harlow II), толстый трансвестит — Порнсири Вичиентиен (Pornsiri Vichientien), последний пират — Нопхан Боний (Nophan Boonyai), капитан — Чухай Бусаракамвонг (Choochai Busarakamwong)»^[5].

Не правда ли, есть чему удивиться? Сумасшедшие пираты, молодые офицеры, стражники, охранники конфедератов, проститутки, трансвеститы обычные и толстые...

Вот уж поистине: «Кто своего в чужое не добавил...»^[6]

Желание понять мир.

Желание постигнуть увиденное.

«Кроме того, я стараюсь учитывать все запросы и возможности моих юных читателей, — сказал Жюль Верн в 1902 году корреспонденту «Новой Венской газеты». — Работая над своими научными романами, я всегда думаю о том (пусть иногда это даже идет в ущерб искусству), чтобы из-под моего пера не вышло ни одной страницы, ни одной фразы, которую не могли бы прочесть и понять дети».

Может, в этом ключ неисчерпаемой притягательности книг Жюля Верна.

Работать на детей — это, наверное, и значит — работать на будущее.

В книге использованы цитаты из романов и повестей Жюль Верна, переведенных Г. Кудрявцевым, В. Ишечкиным, Н. Рыковой и Н. Световидовой, З. Бобырь, В. Николаевым, М. Таймановой, А. Москвиным, А. Бекетовой, М. Салье, В. Барбашевой, М. Вовчок, Игн. Петровым, Е. Лопыревой, А. Мошенко, Р. Розенталь, Н. Гнединой, Я. Лесюк, Н. Егоровым, О. Волковой, З. Александровой, Е. Брандисом, Е. Гунст, О. Матвиенко, Е. Шишмаревой, А. Тетеревниковой, Д. Лившиц, Г. Велле, В. Вельдман, О. Мосиенко, Н. Габинским, Л. Слонимской, А. Рудковской, Н. Немчиновой, А. Худодовой, Н. Яковлевой, Е. Корш, С. Викторовой, С. Шлапоберской.

Часть первая.
В ПАРИЖ! В ПАРИЖ!
(1828-1863)

*Язык булыжника мне голубя понятней,
Здесь камни — голуби, дома — как голубятни.
И светлым ручейком течет рассказ подков
По звучным мостовым прабабки городов.
Здесь толпы детские — событий попрошайки,
Парижских воробьев испуганные стайки,
Клевали наскоро крупу свинцовых крох —
Фригийской бабушкой рассыпанный горох.
И в памяти живет плетеная корзинка,
И в воздухе плывет забытая коринка,
И тесные дома — зубов молочных ряд
На деснах старческих, как близнецы, стоят.
Здесь клички месяцам давали, как котят,
И молоко и кровь давали нежным львям;
А подрастут они — то разве года два
Держалась на плечах большая голова,
Большеголовые там руки подымали
И клятвой на песке, как яблоком, играли...
Мне трудно говорить — не видел ничего,
Но все-таки скажу: я помню одного, —
Он лапу поднимал, как огненную розу,
И, как ребенок, всем показывал занозу.
Его не слушали: смеялись кучера,
И грызла яблоки, с шарманкой, детвора.
Афиши клеили, и ставили капканы,
И пели песенки, и жарили каштаны,
И светлой улицей, как просекой прямой,
Летели лошади из зелени густой!
Осип Мандельштам*

Зеленый остров Фейдо. — Семья и другие родственники. — Мечта о необитаемых островах и прекрасном море. — «Малая семинария Сен-Донатъен». — Судьба робинзонов. — Бегство в Индию. — Первое приобщение к поэзии. — Любовь небесная: прекрасная Каролина. — Поездка в Париж. — 1848 год. — Лев на площади. — Парижские литературные салоны. — Встреча с мэтром Виктором Гюго. — Александр Дюма и замок «Монте-Кристо». — Водевиль, водевил. — «Сломанные соломинки». — «Обеды одиннадцати холостяков». — Сумасшедший в корзине воздушного шара. — Слепой Жак Араго и его зрячее окружение. — Журнал «Семейный альманах». — Картоотека будущего писателя. — Крымская война глазами классика. — «Зимовка во льдах». — Родословная. — Знакомство с Онориной Анной Эбе Морель, урожденной де Фрейн де Виан. — Свадьба. — Брокерская контора Эггли. — Поездка в Шотландию. — Рождение сына. — Знакомство с Этель Энен. — Беседы с воздухоплавателем Надаром. — Любовь небесная: жена нотариуса. — Роман о неслыханном путешествии. — Республиканец Пьер-Жюль Этцель. — «Журнал воспитания и развлечения». — Первый издательский договор. — Необыкновенные приключения доктора Фергюссона

Жюль Верн родился 8 февраля 1828 года в портовом городе Нанте.

Оригинальность писателя (если писатель оригинален) так или иначе всегда связана с местом его рождения. Особенности говоры, семейное окружение, соседи, пейзажи, домашние истории, даже быт. Поистине, если уж тебе привелось родиться в Гренландии, северные сияния и метели неизбежно будут вплетаться в твои мысли, где бы ты ни жил, ну а если тебе повезло родиться в пустыне, всю жизнь в твоей голове будут звенеть поющие барханы.

Для Жюля Верна таким определяющим моментом стало море.

Родители Жюля Верна перебрались в Нант из Парижа. В столице, на их несколько консервативный католический взгляд, слишком часто происходили революции. Дом они купили на острове Фейдо (улица Оливье де Клиссон, 4) — каменный, двухэтажный, просторный, с садом. Рядом — набережные с пришвартованными судами. Здесь продавали рыбу, разгружали соль из Геранды, отсюда уходили в море парусники. Предки со стороны матери — Софи Анриетты Верн, до замужества Аллот де ла Фюи (1801 — 1887) — по семейным преданиям, вели свое начало от некоего шотландского стрелка, поступившего в 1462 году на службу в гвардию французского короля Людовика XI; по отцовской линии фамилию представляли в основном адвокаты. Впрочем, среди Вернов бывали и моряки. Мэтр Пьер Верн (1798—1871), несмотря на склонность к религиозной строгости, постоянной озабоченности и погруженности в дела, в общем-то, не чурался искусства: поощрял музыкальные увлечения жены, не пропускал спектаклей в местном театре, даже сам пописывал веселые стихи для семейных праздников — назидательные, но без фанатизма.

Твердые моральные устои.

Уверенное будущее.

Башмаки с подковками, синие чулки, цветные жилеты.

Булыжные мостовые. Набережные, скудно освещенные газовыми рожками.

«Это было время фонарей-рефлекторов, штрипок, национальной гвардии, сигар и огнива, заменявшего спички, — писал Жюль Верн в «Воспоминаниях детства и юности», заказанных ему бостонским журналом «Компаньонка»^[7]. — Да! Да! Фосфорные спички появились уже при мне, как и пристегивающиеся воротнички, манжеты, почтовая бумага, почтовые марки, брюки с широкими штанинами, складывающиеся цилиндры, метрическая система, пароходики на Луаре (их называли "невзрывающимися", потому что они взлетали в воздух немного реже, чем другие им подобные). Омнибусы, железная дорога, трамваи, газ, электричество, телеграф, телефон, фонограф. Можно сказать, я принадлежу к поколению, жившему между двумя гениями — Стефенсоном и Эдисоном! («Воспоминания» Жюля Верна написаны в 80-х годах XIX века. — Г. П.). И продолжаю жить среди удивительных открытий, совершаемых прежде всего в Америке: необыкновенные гостиницы, машины для выпечки тартинок, движущиеся тротуары, газеты из слоеного теста, пропитанного шоколадными чернилами, — пожалуйста, читайте, потом можете съесть...»

В портовых городах всегда ощущается дыхание иного — далекого, огромного, таинственного, почти неизвестного мира. Множество самых невероятных событий происходит где-то за чудесной линией горизонта, мальчишки это понимают. Жюль в семье был старшим. За ним следовали — брат Поль (1829), сестры Анна (1836), Матильда (1839), Мари (1842).

В веселой родственной компании, в которую входили еще кузины Тронсон — Каролина и Мари, ровесницы Жюля и Поля, царили самые прекрасные отношения. А в летнее время в доме мэтра Пьера Верна часто появлялся любимый всеми дядя Прюдан Аллот, брат матери. «Было время, дядя плавал и в Каракас, и в Порто-Габельо! Это его именем впоследствии я назвал одного из персонажей романа "Робур-завоеватель", — вспоминал Жюль Верн. — А Каракас находился где-то в далекой Америке, в той самой Америке, которой я уже тогда был очарован. И вот, лишенные возможности плавать по морям, как наш замечательный дядя Прюдан, брат Поль и я днями напропалую носились по окрестным лугам и лесам. У нас не было возможности карабкаться по вантам на мачты, зато

мы лазали по деревьям: кто выше устроит гнездо! А еще много болтали, читали разные книжки, строили планы далеких путешествий, и ветер раскачивал над нами ветки, создавая иллюзию боковой и килевой качки...»

Иногда приезжал из Парижа еще один дядя — месье Франсиск де ла Селль де Шатобур — муж старшей сестры мадам Верн. Он был благодушен и доброжелателен. Именно он впоследствии ввел молодого Жюля в литературные и художественные салоны Парижа. Месье де Шатобур был человеком известным: ученик живописца Изабе, кузен знаменитого писателя Шатобриана. Благодаря его рисункам, пережившим время, мы и сейчас можем видеть кабинет мэтра Пьера Верна — с классическими картинами на стенах, с высоким дубовым бюро, с застекленными книжными шкафами. Хозяин кабинета сидит в кресле в небрежной позе: правая рука с каким-то документом легла на колено, левая заброшена за спинку стула. А вот и мадам Софи в своем будуаре — уютное кресло, резной туалетный столик. Всё по-домашнему.

«Сын парижанина и матери-бретонки, — вспоминал Жюль Верн, — я с детства жил посреди толкотни большого торгового города. Я так и вижу Луару, многочисленные рукава которой соединены перевязью мостов, вижу ее забитые грузами набережные, затененные густой листвой огромных вязов; двойная колея железной дороги и трамвайные линии еще не избороздили улицы. Корабли приютились у причалов в два-три ряда. Другие поднимаются вверх по реке или спускаются вниз. В то время не было пароходов; точнее — их было слишком мало, зато было множество грузных грузовых парусников. Огромные белые паруса приводили меня в восторг. Однажды я рискнул и перелез через фальшборт какого-то трехмачтового корабля, пришвартованного к причалу. Вахтенный явно нес свою службу где-нибудь в кабачке по соседству, и я оказался на палубе один.

О, блаженное мгновение! Рука моя схватила фал, и тот свободно заскользил в блоке! Я подошел к открытому люку, наклонился над темной бездной, и в лицо ударили резкие испарения гудрона, смешанные с ароматом экзотических специй! Потом перешел на полуют. Вот кают-компания с привинченным столиком — на случай качки, которой, увы, быть не могло в спокойных водах гавани! Вот каюты с щелкающими замками на дверях, с тесными и жесткими, но такими привлекательными койками. А вот покои капитана, этого первого господина после Бога, совсем не похожего на какого-нибудь там королевского министра или даже на самого наместника! А еще я набрался смелости и, вернувшись на палубу, повернул на четверть оборота штурвал. Мне казалось, что судно отходит от причала, туго натягиваются швартовы...»

Впрочем, моряком предстояло стать младшему — Полю.

Старший сын обязан был продолжить дело отца. Так издавна велось в роду Верное. Отец даже водил Жюля в свое адвокатское бюро на набережной Жан Бар, но Жюлю там не понравилось. Скучные бумаги, толстые канцелярские книги, казенный запах сургуча и чернил, усталые, озабоченные посетители. К счастью, скоро Жюля и Поля определили в детский сад, основанный на острове Фейдо некоей общительной госпожой Самбен — вдовой капитана дальнего плавания, загадочно исчезнувшего где-то в тропических морях у берегов Индии. Капитан Самбен пропал давно, но точного подтверждения его гибели не было, так что вдову считали «соломенной». Это действовало на юное воображение. Много лет спустя Жюль Верн вспомнит о потерявшемся капитане и о его вдове в романе «Миссис Браникан»...

«Мне не было еще десяти лет, — вспоминал Жюль Верн, — когда отец купил собственный дом за городом, в Шантене. Этот дом удачно стоял на холме, господствовавшем над правым берегом Луары. Из окна своей комнатки я видел, как на расстоянии двух-трех лье от дома река извивалась среди широких лугов, заливая их зимой паводковыми водами. Правда, летом воды не хватало и посреди широкого русла красиво обнажались полосы великолепного желтого песка — целый архипелаг причудливых, постоянно меняющихся островков!

Корабли не без труда двигались по узким протокам, хотя они всегда были провешены черными решетчатыми мачтами.

Ах, Луара! Конечно, ее не сравнишь с Гудзоном, Миссисипи или рекой Святого Лаврентия, но все-таки она была и остается одной из крупнейших рек Франции. В то время я страстно мечтал о далеких плаваниях. Я знал все морские словечки и команды и настолько разобрался в навигации, что прекрасно понимал все маневры морских судов, описанные в романах Фенимора Купера, которые с восторгом перечитывал...»

Да, любимым чтением в то время были романы приключенческие и морские.

Фенимор Купер, Вальтер Скотт, Александр Дюма, Даниель Дефо, капитан Марриэт, Майн Рид, чуть позже Чарлз Диккенс. Однажды Жюль Верн признался английскому журналисту Ч. Дауборну в том, что всегда так любил и столько раз перечитывал романы Диккенса, что может

пересказывать их с любого места.

В 1837 году братья Верны были определены родителями в интернат «Малой семинарии Сен-Донатьен», в которой будущий писатель учился до 1841 года. Через много лет, в романе «Росказни Жана-Мари Кабидулена», описывая приключения шхуны «Сент-Инах», Жюль Верн поименно вспомнит своих одноклассников, составив из них целый экипаж. Но главной книгой детства стал для юного Жюля роман Даниеля Дефо «Робинзон Крузо». Оказалось, что в красочном мире попугаев и дикарей выжить вовсе не легко. Больше того, там почти невозможно выжить. Но если уж ты выжил, если земля и море тебе подчинились и даже животные и дикари готовы помогать тебе, значит, ты оказался по-настоящему крепким человеком, ты достоин этого мира.

Похоже, многие эпизоды знаменитой книги Жюль Верн в детстве воспринимал как жизненную программу. Ничуть не смущали его поступки Робинзона, они были накрепко вписаны в ту эпоху. Ну да, Робинзон без каких-либо угрызений совести продает мальчика Ксури, который не раз спасал его во время тяжелого плавания; он сколачивает группу плантаторов для поездки в Гвинею за рабами — дешевая рабочая сила нужна всегда. Он всего лишь обыкновенный здравомыслящий человек.

«Порою на меня нападало отчаяние, — читал Жюль Верн в книге Дефо. — Я испытывал смертельную тоску. Чтобы побороть эти горькие чувства, я пытался доказать самому себе, что даже в моем бедственном положении есть немало хорошего». И дальше в книге идет знаменитая, разделенная надвое страница.

Одна сторона страницы обозначена словом «ЗЛО», другая — словом «ДОБРО».

Кто бы сомневался, что к слову «ЗЛО» относилось все, что прямо угрожало жизни и благополучию Робинзона, а к слову «ДОБРО» — то, в чем ему везло.

«Я заброшен судьбой на мрачный необитаемый остров и не имею никакой надежды на избавление». Разумеется, это «ЗЛО».

«Но я жив, я не утонул, подобно всем моим товарищам». Это «ДОБРО».

«Я как бы выделен и отрезан от всего мира и обречен на горе».

«Но зато я выделен из всего экипажа, смерть пощадила меня, и тот, кто столь чудесным образом спас меня от смерти, вызволит и из этого

безотрадного положения».

«Я отдален от всего человечества; я отшельник, изгнанный из общества людей».

«Но я не умер с голоду и не погиб в этом пустынном месте, где человеку нечем пропитаться».

«У меня мало одежды, и скоро мне нечем будет прикрыть свое тело».

«Но я живу в жарком климате, где я не носил бы одежду, даже если бы она у меня была».

«Я беззащитен против нападения людей и зверей».

«Но остров, куда я попал, безлюден, и я не видел на нем ни одного хищного зверя, как на берегах Африки. Что было бы со мной, если бы меня выбросило туда?»

«Мне не с кем перемолвиться словом, и некому утешить меня».

«Но Бог сотворил чудо, пригнав наш корабль так близко к берегу, что я не только успел запастись всем необходимым для удовлетворения моих потребностей, но и получил возможность добывать себе пропитание до конца моих дней»^[8].

Так что не стоит унывать. Уныние — тяжкий грех.

«Чернила, перья и бумагу, — записывал Робинзон, — я старался всячески беречь. Пока у меня были чернила, я подробно записывал все, что случалось со мной; когда же они иссякли, пришлось прекратить всякие записи, так как я не умел делать чернила и не мог придумать, чем их заменить...»

Всё на острове требовало невероятных усилий.

«Над частоколом, которым я обвел мое жилище, — жаловался Робинзон, — я работал чуть не целый год. Нарубить в лесу толстые жерди, вытесать из них колья, перетащить эти колья к палатке — на все это требовалось много времени. Колья были очень тяжелые, так что я мог поднять не более одного зараз, и порою у меня уходило два или три дня лишь на то, чтобы вытесать кол и принести его домой, а на следующий день вбить его в землю. Вбивая колья в землю, я употреблял сначала тяжелую дубину, но потом вспомнил, что у меня есть железные ломы, которые я привез с корабля, и стал работать ломом, хотя не скажу, чтобы это сильно облегчило мой труд...»

Главное, не опускать руки. Главное, помнить о цели.

И не важно, что прототип настоящего Робинзона Крузо мало походил на героя многих написанных к тому времени приключенческих романов. Реальный шотландский Робинзон — моряк по имени Александр Селкирк (1676—1721) был наказан за обыкновенное грубое неповиновение

капитану.

«Его высадили на остров Хуан-Фернандес, — рассказывал историю Робинзона англичанин Вудс в книге «Путешествие вокруг света с 1708 до 1711 года», — разрешив захватить с собой одежду, постель, ружье, фунт пороха, пули, табак, нож, котел, Библию, несколько других книг религиозного содержания и принадлежавшие ему инструменты и книги по мореходству. Селкирк был снабжен всем необходимым; однако в течение первых месяцев ему стоило большого труда побороть отчаяние, которое ему внушало столь ужасное одиночество. Из стволов переченого дерева он построил две хижины, на некотором расстоянии друг от друга. Он покрыл их тростником и обил шкурами коз, которых убивал по мере необходимости, пока не вышел весь порох. Когда запас пороха был окончательно исчерпан, Селкирк научился добывать огонь трением двух кусков сухого дерева и ловил коз на бегу. От постоянных упражнений он стал таким проворным, что с невероятной скоростью носился по лесам, взбегал на утесы и холмы. Однажды он с таким пылом преследовал козу, что схватил ее на краю скрытой кустами пропасти и скатился вместе с ней на самое дно. Он был оглушен падением и потерял сознание. Почти сутки он лежал рядом с убитой козой и только потом с большим трудом дотащился до хижины...»

На необитаемом острове Александр Селкирк прожил с 1703 по 1709 год.

Он, кстати, не раз видел проходившие мимо корабли. К сожалению, это были корабли испанцев — извечных врагов англичан. С одного из них, услышав крики о помощи, Селкирка даже обстреляли из мушкетов.

«Однажды я шел по реке совсем один на скверном плоскодонном ялике, — вспоминал Жюль Верн. — В десяти лье ниже Шантене обшивка ялика вдруг разошлась. Течь невозможно было остановить, но я даже обрадовался: вот оно — настоящее кораблекрушение! Но когда ялик пошел ко дну, единственное, что я смог сделать, — устремиться к островку, окаймленному пучками высоких тростников, верхушки которых раскачивал ветер. Без всякого страха представлял я себе, как построю хижину из листьев, как из тростника смастерю удочку, а из колючих жестких шипов — рыболовные крючки, и как буду, уподобившись дикарям, добывать огонь с помощью двух сухих кусков дерева. Сигналы? Да ну! Зачем подавать сигналы? Меня заметят и спасут раньше, чем мне того хотелось. Правда, голод уже давал о себе знать. Как его утолить? Охотиться на птиц? Но без собаки это невозможно, а ружья у меня не было. Может, собирать ракушки?

Размышления, впрочем, длились недолго. Начался отлив, и по лодыжку в воде я прошел до того места, которое про себя патетически называл континентом, — на правый берег Луары. А оттуда преспокойно вернулся домой, где удовлетворился обычным семейным ужином вместо закуски на манер Робинзона Крузо, которая состояла бы из сырых моллюсков, куска пекари и хлеба из маниоковой крупы...»

Впрочем, обожая роман Даниеля Дефо, Жюль Верн до глубокой старости сохранил любовь и верность совсем другому Робинзону — швейцарскому. Даже, может быть, любовь более пылкую.

«Швейцарский Робинзон» был написан в 1812 году учителем и библиотекарем Иоханном Дэвидом Виссом (1782—1830), в сущности, переложившим дивные истории, которые его отец, приходский священник, рассказывал вечерами своим детям.

«Я хорошо знал, — признавался Жюль Верн, — что сочинение Даниеля Дефо философски более значимо, ведь в нем предоставленный самому себе несчастный однажды с ужасом натывается на след чужой босой человеческой ноги на песке! Но произведение Висса, богатое событиями и приключениями, было, видимо, интереснее для моих молодых мозгов. Там была изображена целая дружная семья: отец, мать, дети — и их различные поступки. Сколько раз я перечитывал эту книгу! С каким пылом присоединялся к каждому открытию! Стоит ли удивляться, что если позже в романе "Таинственный остров" меня непреодолимо вело ко всяким

"научным" Робинсонам, то в романе "Два года каникул" — уже к целому пансиону Робинзонов находчивых!»

«Мне исполнилось двенадцать лет, а я все еще не видел моря, настоящего огромного моря! — жаловался в своих воспоминаниях Жюль Верн. — Я только мысленно добирался до него. И только мысленно сплавлялся к открытому морю на рыбачьих баркасах, больших бригах, шхунах, на паровых судах — их в то время называли пироскафами. Но в один прекрасный день мы с братом все же получили разрешение на путешествие к настоящему морю. Миновали Эндре, огромное государственное предприятие, окутанное клубами черного дыма, оставили позади причалы на левом и правом берегах реки. Куэрон, Пелерин, Пембеф... Вот и Сен-Назер — некое подобие мола, старая церковь с наклоненной колокольной, крытой черепицей из сланцев... Пара прыжков и мы сбежали на полосу берега, зачерпнули в ладони морскую воду.

— Она не соленая! — сказал я, бледнея.

— Совсем не соленая! — согласился брат.

— Значит, нас обманули! — в гневе закричал я.

Какими же мы тогда были маленькими глупцами! Мы ведь попали на берег в максимальную фазу отлива и просто-напросто черпали ладонями пресную воду Луары! А вот когда начался прилив, то тут уж точно обнаружилось, что соленость морской воды даже превосходит наши ожидания!»

В 1839 году, начитавшись приключенческих книг, наслушавшись рассказов о дальних странах и необитаемых островах, юный Жюль решил убежать в Индию. Ближе бежать не стоило. Даже боязнь наказания не остановила его. Из Нанта уходила на восток парусная шхуна «Корали», и он договорился с юнгой (таким же безумным мальчиком), что тот за небольшую сумму (карманные деньги Жюлю выдавались регулярно, и он сумел кое-что скопить) не только доставит его на борт шхуны, но и спрячет до выхода в открытое море. Там поворачивать судно из-за случайного пассажира никто не станет, а рабочие руки на борту всегда нужны. Вот прекрасный шанс разыскать пропавшего в тропических морях капитана Самбена, утешить его несчастную «соломенную» вдову. К счастью, мэтр Пьер Верн, узнав о загадочных перемещениях сына, успел на местном «пироскафе» перехватить юного беглеца.

И вот одно интересное размышление. Праздное, конечно, но всё же. Удайся мальчику побег, стал бы он когда-нибудь тем Жюлем Верном, которого мы знаем? Или — ситуация наоборот. Восхищались бы мы сейчас замечательными книгами Джозефа Конрада, не сумей в свое время юноша Юзеф Теодор Конрад Коженевский убежать из польского Львова в далекий Марсель?..

У взрослых и у детей — свои волнения.

У юного Жюль: доберется ли он до шхуны «Корали», убежит ли в далекую Индию и как к этому отнесется его отец? А у мэтра Пьера Верна: как вразумить сына?

К счастью, жизненные проблемы так или иначе решаются.

В 1844 году отец отдал Жюль в Нанте кий королевский лицей.

Обычное классическое образование — риторика, философия, логика, латынь.

Ничего особенного, но Жюлю показалось, что жизнь каким-то необыкновенным образом стала течь сразу по двум параллельным, совершенно разным, не имеющим отношения друг к другу, руслам. В одном — бесконечное штудирование скучных учебников, консультации с наставниками, спряжения, таблицы, правила, в другом — всё волшебным образом преображалось, стоило лишь взять в руки любимую книгу. На фоне бесконечных разговоров взрослых о новых заморских территориях, об империи и республике, о постоянно растущей дороговизне, в счастливом параллельном мире всё соответствовало самым благородным представлениям. И неважно, что Джеймс Фенимор Купер, автор «Шпиона», «Лоцмана» и «Осады Бостона», не сражается в морях с жестокими пиратами и живет не так уж далеко от Нанта — в Париже (одно время он был американским консулом в Лионе), — скорее, это лишь подчеркивало параллельность искусства и обыкновенной будничной жизни.

А еще Жюль Верн открыл для себя театр.

Больше того, он сам написал драму в стихах!

Правда, в Нантском театре марионеток, куда Жюль принес свою рукопись, драма юного поэта восторгов не вызвала, но с той поры театр на всю жизнь стал для Жюль Верна праздником.

Может, еще потому, что как раз в это время он влюбился.

Всеми мыслями юного Жюль Верна завладела кузина Каролина Тронсон.

Это тоже было необычно и странно. Ведь с Каролиной (она была на год старше) Жюль не первый год проводил время в одних компаниях. Вместе играли, вместе носились по зеленому тогда берегу Луары. Но почему-то именно сейчас стихи Жюль нашли адресата (правда, без взаимности). А Аристид Иньяр (1822—1898), близкий друг Жюль, будущий

композитор, даже подобрал к стихам музыку.

В Шантене, где мэтр Пьер Верн в 1840 году купил для семьи летний домик, под руководством любимого всеми дядюшки Прюдана дети по вечерам разыгрывали веселые домашние представления. Софи Верн садилась за фортепиано, иногда ее заменял старший сын. Еще Жюль вдохновенно декламировал свои стихи, стараясь перехватить взгляд кузины. К сожалению, Каролину интересовали другие мальчики — спортивные, ловкие, без всякой этой блажи в голове, без стихов, без дурацких декламаций. Такие, как сноровистый Жан Кормье или напористый молодой Дезонэ. Но, боже мой, думал смятенно Жюль, как можно полюбить человека с фамилией Кормье или Дезонэ? Даже через несколько лет (в письме от 5 ноября 1853 года) он писал матери из Парижа: «Дорогая мама, пожалуйста, извести меня о мадемуазель Каролине, уж не знаю, как теперь ее фамилия, — вышла ли она замуж? Я хочу знать, как она живет и каковы ее сердечные склонности...»

В 1846 году Жюль получил диплом бакалавра.

Море, казавшееся таким далеким, резко приблизилось.

К тому же в 1847 году в Нанте было объявлено о помолвке Каролины.

Что после таких событий может держать молодого человека в провинции?

В Париж! В Париж! Только там можно найти будущее! Пироскафы и парусники, далекие моря, необычные приключения дразнили воображение Жюля, но теперь он жил еще и стихами. Пусть кузина не оценила его талант, но она еще услышит о Жюле Верне! Да и вообще, истинную ценность написанного можно узнать только в столице мира — Париже. В 18 лет самая пора завоевывать мир!

К счастью для Жюля, его отец мэтр Пьер Верн думал так же.

Правда, мэтр имел в виду Сорбонну, где можно получить полноценное юридическое образование. А стихи что? Стихи со временем забудутся. Они хороши для домашних вечеринок и праздничных событий, а вот профессия адвоката будет кормить всю жизнь. Пусть младший сын делает морскую карьеру, это в традициях семьи, но путь старшего сына предопределен. «Адвокатская контора Верн и Верн!»

Это звучало!

Воля отца неоспорима.

В апреле 1847 года Жюль впервые едет в Париж.

Сдать экзамены много времени не заняло, и лето он провел у родственников в Провансе, откуда вернулся в родной Нант, чтобы продолжить углубленные занятия по программе юридического факультета. Правда, мешали мысли о Каролине, о ее предательстве (как еще он мог объяснить ее холодность?), хотелось уехать.

В Париж! В Париж!

Нужно сказать, это был основной мотив французской литературы тех лет: провинциал рвется в столицу От «Трех мушкетеров» до «Отца Горио». Тем более что в столице все время что-то происходило. Что-то такое, что волновало, что не могло не волновать всю страну. В феврале 1848 года была принята отставка премьер-министра Гизо, а Луи Филипп, король Франции, отрекся от престола и бежал в Англию. Временное правительство провозгласило республику! Слушая такие новости, мэтр Пьер Верн качал головой. Не повторится ли страшный девяносто третий год, так талантливо и ужасно описанный в романе Виктора Гюго?

Пока Жюль корпел над скучными учебниками, младший брат Поль на шхуне «Лютэн» отправился в свое первое морское плавание — к Антильским островам. Теперь рядом не было и брата. Время, казалось, остановилось. Скорее бы уехать! В Париж! Прочь из Нанта! Стихи уже не спасали от одиночества. В огромном шумном Париже — Триумфальная арка, первый камень которой заложил еще в 1806 году сам император Наполеон I; там знаменитые музеи и театры, шумные кафе, набитые спорщиками. Там Лувр, Академия, башни Нотр-Дама, мост Искусств и Дворец правосудия. Да, конечно, из провинции часто мир виднее, но умному человеку жить надо в Париже! Только там можно сделать имя.

На семейном совете было решено: в Париже Жюль будет жить (для пущего контроля) у мадам Шаррюель — тетки отца, такой же строгой и религиозной, как он сам, в старом доме на улице Терезы. «Холодный колодец без воздуха и вина» — так впоследствии определил этот пустынный дом совершенно счастливый и столь же неблагодарный племянник мадам Шаррюель.

А события накатывались одно за другим. Провозглашена Вторая республика! Отменено рабство в заморских колониях!

«Революция без перерыва!» Месье де Шатобур бесконечно рассказывал об уличных перестрелках. В столице много раненых, говорил он. В столице опасно. Там не хватает фиакров, чтобы развозить раненых по домам. Учредительное собрание приняло жесткий закон против любых революционных демонстраций, но это ничему уже не могло помочь. В июне весь Париж был охвачен восстанием.

«Все громче и ближе слышались барабаны... троекратный бой... которым созывалась национальная гвардия, — писал в очерке «Наши послали!»^[9] Иван Сергеевич Тургенев (1818— 1883), находившийся в те дни в Париже. — И вот, медленно волнуясь и вытягиваясь, как длинный черный червяк, показалась с левой же стороны бульвара, шагах в двухстах от баррикады, колонна гражданского войска; тонкими, лучистыми иглами сверкали над нею штыки, несколько офицеров ехали верхом в ее голове. Колонна достигла противоположной стороны бульвара и, заняв его сплошь, повернулась фронтом к баррикаде и остановилась, беспрестанно нарастая сзади и все более и более густея. Несмотря на прибытие такого значительного количества людей, кругом стало заметным образом тише; голоса понизились, реже и короче раздавался смех; точно дымка легла на все звуки. Между линией национальной гвардии и баррикадой внезапно оказалось большое пустое пространство, по которому, слегка крутясь, скользили два-три небольших вихря пыли — и, озираясь по сторонам, расхаживала на тонких ножках черно-пегая собачонка. Вдруг, неизвестно где, спереди или сзади, сверху или снизу, резко грянул короткий, жесткий звук, он походил более на стук тяжело упавшей железной полосы, чем на выстрел, и тотчас вслед за этим звуком наступила странная, бездыханная тишина. Все так и замерло в ожидании — казалось, самый воздух насторожился... И вдруг над самой моей головой что-то нестерпимо сильно затрещало и рывкнуло — точно мгновенно разорванный громадный холст. Это инсургенты дали залп сквозь жалюзи окон из верхнего этажа занятой ими жувеновской фабрики. Мои соседи фланеры и я — мы немедленно устремились вдоль домов бульвара (помнится, я еще успел заметить на пустом пространстве впереди человека на четвереньках, упавшее кепи с красным помпоном да вертевшуюся в пыли черно-пегую

собачонку) и, добежав до небольшого переулка, тотчас повернули в него. К нам присоединилось десятка два других зрителей, из которых у одного молодого человека лет двадцати была прострелена плюсна. На бульваре, позади нас, беспрерывно трещали выстрелы. Мы перебрались в другую улицу — если не ошибаюсь — в *Rue de L'Echiquier* (улицу Шахматной доски). На одном ее конце виднелась низенькая баррикада — и мальчишка лет двенадцати прыгал по ее гребню, кривляясь и махая турецкой саблей; толстый национальный гвардеец, бледный как полотно, пробежал мимо, спотыкаясь и охая на каждом шагу...»

И далее: «Погода была жаркая, душная. Я не сходил с Итальянского бульвара, запруженного всякого сорта людьми. Распространялись самые невероятные слухи, беспрестанно сменяясь другими, еще более фантастическими. К ночи одно стало несомненным: почти целая половина Парижа находилась во власти инсургентов. Баррикады возникали повсюду — особенно по ту сторону Сены; войска занимали стратегические пункты: готовился бой не на живот, а на смерть. На следующий день, с раннего утра, вид бульвара — вообще внешний вид Парижа, не занятого инсургентами, изменился, как по мановению волшебного жезла. Вышел приказ начальника парижской армии Кавеньяка, запрещающий всякого рода движение, циркуляцию по улицам. Национальные гвардейцы, парижские и провинциальные, выстроенные по тротуарам, караулили дома, в которых квартировали; регулярные войска, подвижная национальная гвардия (*garde mobile*) дрались; иностранцы, женщины, дети, больные сидели по домам, в которых все окна должны были быть раскрыты настежь, для предупреждения засады. Улицы мгновенно вымерли. Лишь изредка прокатит почтовый омнибус или карета медика, беспрестанно останавливаемая часовыми, которым он показывает пропускной билет; или с грубым грохотом и гулом проедет батарея, направляясь к месту битвы, пройдет отряд солдат, проскачет адъютант или ординарец. Наступило страшное, мучительное время; кто его не пережил, тот не может составить себе о нем точного понятия. Французам, конечно, было жутко: они могли думать, что их родина, что все общество разрушается и падает в прах; но тоска иностранца, осужденного на невольное бездействие, была если не ужаснее, то уж, наверное, томительнее их негодования, их отчаяния. Жара знойная; выйти нельзя; в раскрытые окна беспрепятственно льется жгучая струя, солнце слепит, всякое занятие, чтение, писание немыслимо... Пять раз, десять раз в минуту раздаются пушечные выстрелы; иногда доносится ружейный треск, смутный гам битвы. По улицам хоть шаром покати; раскаленные камни мостовой желтеют, раскаленный воздух струится под

лучами солнца; вдоль тротуаров тянутся смущенные лица, неподвижные фигуры национальных гвардейцев — и ни одного обычного жизненного звука! Просторно вокруг, пусто — а чувствуешь себя стесненным, как в могиле или в тюрьме. С двенадцати часов новые зрелища: появляются носилки с ранеными, с убитыми... Вот проносят человека с седыми волосами, с лицом, белым, как подушка, на которой оно лежит; — это смертельно раненный депутат Шарбоннель... Головы безмолвно обнажаются перед ним — но он не видит этих знаков скорбного уважения: его глаза закрыты... Вот идет кучка пленных, их ведут гардмоби́ли, все молодые ребята, почти мальчи́ки; на них сначала плохо надеялись, но они дрались как львы... Некоторые несут на штыках окровавленные кепи своих убитых товарищей — или цветы, брошенные им женщинами из окон... "Vive la republique!" — кричат с обеих сторон бульвара национальные гвардейцы, как-то дико и уныло протягивая последний слог. "Vive la mobi-i-ile!" Пленные идут, не поднимая глаз и прижимаясь друг к другу, как овцы: нестройная толпа, мрачные лица, многие в лохмотьях, без шапок; у иных руки связаны. А канонада не умолкает. Тяжелое, однообразное буханье так и стоит в вышине; оно повисло над городом вместе с чадом и гарью зноя... Под вечер из моей комнаты в четвертом этаже слышится нечто новое: к этому буханью присоединяются другие, резкие, гораздо более близкие, непродолжительные и как бы веерообразные залпы... Это, говорят, расстреливают инсургентов по мэриям...»

Генерал Луи Эжен Кавеньяк (1802—1857), назначенный военным министром, подавил восстание. Незамедлительно последовал правительственный декрет о высылке всех участников июньских событий из страны. Так же незамедлительно вступила в действие инструкция прокурора Гиацинта Мари Корна о «способах обнаружения инсургентов», которая всем служителям закона рекомендовала особенно внимательно осматривать руки каждого подозрительного человека в поисках следов пороха...

Мэтр Пьер Верн революционные события комментировал сдержанно.

В конце концов, черни тоже понадобятся адвокаты, так считал он. Адвокаты нужны всем — в любые, даже в самые тревожные времена; просто не все могут их прилично оплачивать. Появляясь в Нанте, месье де Шатобур рассказывал мэтру о парижских баррикадах, о перестрелках, о трехцветных, расшитых золотом знаменах, вьющихся над баррикадами; вот ужас, среди них были и красные! При этом месье де Шатобур не забывал отмечать, что он сам и его друзья-художники вели себя в дни восстания именно как художники! Не страшась опасности быть ранеными, даже убитыми, они смело выставляли свои полотна в витринах лавок и салонов, потому что считали — искусство должно принадлежать всем! Это восхищало Жюля. Любой француз имеет право видеть Венеру! «Вот, гражданин, как прекрасна сегодня Франция».

12 ноября 1848 года Жюль Верн и его друг Эдуар Бонами прибыли на дилижансе в Париж. Грязные кривые улочки предместий, облупившиеся каменные дома. Стены истерзаны пулями, густо покрыты оспинами от ударов. Мостовые разворочены, вдоль обочин навалены груды булыжников. Грузовые фуры, редкие кареты, испуганные цветочницы. На бульварах — цветные сюртуки и высокие цилиндры.

«Гражданин гарсон, еще чашку кофе».

Обращение «гражданин» еще в ходу, но красных флагов не видно.

«Я побывал в местах, где происходило восстание, — пугал Жюль Верн своих родителей. — На улицах Сен-Жак, Сен-Мартен, Сент-Антуан, Пти-Пон, Бель-Жардиньер я видел дома, изрешеченные пулями и продырявленные снарядами. Легко проследить направление снарядов, которые разрушали и сносили балконы, вывески, карнизы...»

На самом деле начинающий юрист больше заглядывался на прогуливающих по бульварам молодых женщин, проводил время в Тюильри и в Люксембургском саду. На парапетах набережной бесстрашные букинисты уже выложили книги. Он листал их, но купить что-либо было не по карману.

В начале ноября Национальное собрание приняло конституцию.

На площади Согласия должно было состояться торжественное провозглашение. Ветер рвал намокшие флаги. Улицы, выходившие на площадь, занимали молчаливые вооруженные солдаты. Строгая и религиозная мадам Шаррюель еще весной уехала в Прованс, — она, как и мэтр Пьер Верн, не терпела никаких революций. К счастью, Аристид Иньяр, старый нантский приятель, тоже добравшийся до Парижа, снял две смежные комнатки в доме 24 по улице Ансьен Комеди, и теперь Жюль Верн — впервые в жизни — оказался предоставленным самому себе.

Никакого контроля со стороны близких!

И он находился в Париже! И это был вечный, беспокойный, полный тайн город, столько раз описанный самыми талантливыми писателями и поэтами, город, который Жюль уже успел полюбить, который в его воображении был тесно слит с его собственным будущим. Непременно счастливым и великим!

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза...
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.
А по окнам, танцуя,
Все быстрее, быстрее,
И смеясь и ликуя,
Вьются серые феи...
Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,
И касается пяльцев
Торопливо иголка...
На синеющем лаке
Разбегаются блики.
В проносящемся мраке
Замутились их лики...
Сколько глазок несхожих!
И несутся в смятенье,
И целуют прохожих,
И ласкают растенья...
И на груды сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre-Dame.
М. Волошин

«Я становлюсь совсем другим человеком, наверное, умнею, — патетически писал Жюль отцу. — Духу моему лет восемьдесят, у него костыли и очки. Я превращаюсь в существо старое, как мир, умудренное, как семь самых великих мудрецов Греции, глубокое, как гренельский колодец, я — наблюдателен, как Араго^[10], морализирую, как резонеры старых комедий. Вы меня при встрече просто не узнаете, сердце мое обнажено. Никогда еще я не расточал столько сравнений, как сейчас. Может, потому, что меня, — не мог удержаться он, — постоянно донимают колики. — И жаловался: — Какой ужасный желудок я унаследовал от мамы. А ведь веду примернейшую жизнь. Святой Иоанн Стилит, в течение десяти лет простоявший на столпе, чтобы заслужить благоволение небес, по образцовому поведению со мной не сравнится...»

Кровать, стол, два стула, комод на гнутых ножках.

В окне — городские крыши, печные трубы, вечная дымка.

«У меня длинные зубы, а хлеб дорог». Семидесяти пяти франков, высылаемых отцом, хватало только на оплату комнаты, понятно, на скромный завтрак, изредка — на вино. Ну и что?! Можно обойтись протертым овощным супом. Колики в желудке? Ну и что?! Всё проходит, и это пройдет! Главное, он в Париже. Парижанки — сирены бессердечные и бесстрастные, как писал Бальзак. Они гордые, гибкие, сильные, как писали тысячи других талантливых литераторов. После революции люди еще сильнее хотят удовольствий. Да, они жаждут свободы и равенства, но всегда хотят удовольствий. «Вы в провинции обуреваемы всякими страхами и боитесь всего гораздо больше, чем мы в Париже», — писал Жюль родителям. Тем более что о недавних баррикадах и перестрелках напоминали разве что стихи Огюста Барбье.

Я был свидетелем той ярости трехдневной,
 Когда, как мощный лев, народ метался гневный
 По гулким площадям Парижа своего,
 И в миг, когда картечь ошпарила его,
 Как мощно он завыл, как развевалась грива,
 Как морщился гигант, как скалился строптиво!
 Кровавым отблеском расширились зрачки.
 Он когти выпустил и показал клыки.

И тут я увидел, как в самом сердце боя,
В пороховом дыму, под бешеной пальбою,
Боролся он в крови, ломая и круша,
На луврской лестнице... И там, едва дыша,
Едва живой, привстал и, насмерть разъяренный,
Прочь опрокинул трон, срывая бархат тронный,
И лег на бархате, вздохнул, отяжелев, —
Его Величество народ, могучий лев!

10 декабря 1848 года Луи Наполеона избрали президентом Франции.

Жюль восторженно писал отцу: «Хотя выборы прошли более или менее спокойно, вполне возможно, что еще будет шум. Вчера вечером огромные толпы пробегали по бульварам с ужасными криками и бранью. По улицам фланировали усиленные военные патрули, повсюду возбужденные группы. Боюсь, — пугал он отца, — что теперь дело может кончиться не мятежом, а гражданской войной. Чью сторону держать? Кто будет представлять партию порядка? К какому флагу примкнуть?»

Вопрос был не праздный.

Третий сын в семье младшего брата Наполеона I — Луи Бонапарта и Гортензии (дочери Жозефины от ее первого брака с генералом А. Богарне), Луи Наполеон Бонапарт вовсе не был заурядной личностью, как писали в свое время советские историки. В 1830-х годах Луи Бонапарт принимал самое активное участие в революционном движении в Италии, направленном против австрийцев, а в 1836 году поднимал вооруженный мятеж в Страсбурге, где был арестован и выслан в США. В 1840 году тайно вернулся во Францию, пытался возмутить гарнизон города Булонь, но опять был схвачен. В работах, написанных в крепости Ам, в которой отбывал заключение, Луи Наполеон доказывал, что Франция нуждается в режиме, сочетающем лучшие качества монархии и республики — порядок и свободу!

Такой человек не мог не стать президентом.

Жаль, что он не удержался и провозгласил себя императором.

Учеба. Учеба. Учеба.

И театр. Любимый театр!

Нет денег на вход, можно наняться в клакеры.

Все это не проблема. Всё решается. Молодость ничто остановить не может. Куда только не заводило Жюля любопытство. Однажды он попал на заседание палаты депутатов. «Там был Гюго! — восторженно писал он отцу. — И Гюго говорил в течение получаса. Чтобы получше его разглядеть, я вырвал лорнет из рук какого-то незнакомца. Наверное, об этом упомянут в газетах».

В Париж, наконец, вернулся месье де Шатобур.

Перед Жюлем сразу, как в сказке, открылись двери самых известных салонов: мадам Жомини, мадам Мариани и мадам Баррер. Там играли в карты, там поругивали чернь, беспорядки, правительство. Там можно было посмотреть новые скульптуры, познакомиться с пышущими энергией молодыми людьми. «Об одном из них говорили как о новом таланте, — посмеивался Оноре де Бальзак в нашумевшем романе «Шагреневая кожа». — Первая же картина поставила его в один ряд с лучшими живописцами времен Империи. Другой только что отважился выпустить очень яркую книгу, проникнутую своего рода литературным презрением и открывавшую перед современной школой новые пути. Скульптор, суровое лицо которого соответствовало его мужественному гению, беседовал с одним из тех холодных насмешников, которые, смотря по обстоятельствам, или ни в ком не хотят видеть превосходства, или признают его всюду. Остроумнейший из наших карикатуристов, с взглядом лукавым и языком язвительным, ловил эпиграммы, чтобы передать их штрихами карандаша. Молодой и смелый писатель лучше, чем кто-нибудь другой, схватывающий суть политических идей и шутя, в двух-трех словах, умеющий выразить сущность какого-нибудь плодовитого автора, разговаривал с поэтом, который затмил бы всех своих современников, если бы обладал талантом, равным по силе его ненависти к соперникам. Оба, стараясь избегать и правды и лжи, обращались друг к другу со сладкими, льстивыми словами. Знаменитый музыкант, взяв си-бемоль, насмешливо утешал молодого политического деятеля, который недавно низвергся с трибуны, но не причинил себе никакого вреда. Молодые писатели без стиля стояли рядом с молодыми писателями без идей, прозаики, жадные до поэтических красот, — рядом с

вполне прозаичными поэтами. Бедный сенсимонист, достаточно наивный для того, чтобы верить в свою доктрину, из чувства милосердия примирял эти несовершенные существа, очевидно желая сделать из них монахов своего ордена. Здесь были, наконец, два-три ученых, созданных для того, чтобы разбавлять атмосферу беседы азотом, и несколько водевилистов, готовых в любую минуту сверкнуть эфемерными блестками, которые, подобно искрам алмаза, не светят и не греют. Несколько парадоксалистов, исподтишка посмеиваясь над теми, кто разделял их презрительное или восторженное отношение к людям и обстоятельствам, уже повели обоюдоострую политику, при помощи которой они вступают в заговор против всех систем, не становясь ни на чью сторону...»

В салоне мадам Баррер Жюль особенно повезло: он познакомился с графом де Коралем, редактором газеты «Свобода». «Этот Кораль — друг Гюго, — восторженно писал Жюль отцу. — Он согласился сопровождать меня к нему, если, конечно, полубог согласится меня принять».

Чудо случилось. Полубог согласился.

В назначенный день Жюль появился на улице де ля Тур д'Овернь.

Он явился к почитаемому им писателю в своих лучших воскресных брюках, в сюртуке своего друга Иньяра и с затейливой тростью в руках (непременная деталь парижанина тех лет). В доме мэтра царил невероятный беспорядок. Все-таки эпоха заморских территорий, военных экспедиций. Ковры, резная слоновая кость, невероятные африканские безделушки. Люстры, северские вазы, шпаги на стенах, кальян. Но главное — сам мэтр! Он стоял в гостиной на фоне высокого стрельчатого окна, рядом находились мадам Гюго (1802—1885) и верный «оруженосец» полубога Теофиль Готье^[11], уже тогда известный как превосходный поэт и тонкий стилист. Жюль откровенно растерялся, так много ему хотелось сказать мэтру. Он надеялся, что сможет прочесть свои стихи или хотя бы небольшой отрывок из новой драмы. Но мэтр, помолчав, сам начал разговор:

«Молодой человек, поговорим о Париже».

Но почему о Париже? Почему не об искусстве?

Жюль еще больше растерялся. Перед ним — холодная и неприступная — стояла сама Литература, ее творимая история, ее живое воплощение. Казалось, начини сейчас Жюль говорить, выскажи он себя, свои тайные желания, прочти свои стихи, прояви страсть, любовь, и его услышат, поддержат.

Но как начать? Чего, собственно, он хотел от полубога?

На этом, к сожалению, столь ожидаемая встреча закончилась.

Зато в многочисленных литературных и студенческих кабачках Монмартра царила полная свобода. Тут ничего божественного или полубожественного не наблюдалось. Там пили вино, читали стихи, музицировали, пели. Чтобы отец знал, что высылаемые им скромные суммы всегда расходуются исключительно по делу, Жюль не забывал напоминать, что вот, скажем, «шестнадцать франков у меня ушли на приобретение сочинений Шекспира, хорошо переплетенных, в издании Шарпантье».

И все такое прочее, что, разумеется, не всегда соответствовало истине.

Парижская жизнь захватывала целиком, она требовала отдачи. «Чем чаще я бываю в художественных и в литературных салонах, — признавался Жюль отцу, — тем больше убеждаюсь, насколько разнообразен круг людей, с которыми в Париже можно познакомиться. Количество их переизбыточно, но, как бы там ни было, люди эти умеют придавать беседе своеобразный глянец, усиливающий ее блеск, вроде позолоты. Впрочем, и такого рода бронза, и такого рода разговоры сами по себе ничего не стоят, хотя эти лица часто приняты в самом высшем свете и, по-видимому, на короткой ноге с самыми выдающимися людьми нашего времени! С ними за руку здороваются и Ламартин, и Наполеон, тут у них госпожа графиня, а там госпожа княгиня. Разговор идет о колясках, лошадях, егерях, ливреях, политике, литературе. О людях они тоже судят с самых современных позиций».

Мадам Баррер, содержавшая один из модных салонов, была близкой приятельницей Софи, матери Жюля, и дружила с дочерью Александра Дюма-отца (1802—1870). По просьбе мадам Баррер шевалье д'Арпантиньи, известный хиромант и чревовещатель (Дюма-отец всегда страстно верил в любые, самые невероятные чудеса), любезно свел юного провинциала со знаменитым писателем. Правда, Жюль некоторое время колебался. Его так холодно встретили в доме республиканца Виктора Гюго, а тут сам Дюма... Сын наполеоновского генерала... Автор «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо»... Эти небожители так далеки от проблем молодых людей, только еще рвущихся к славе... Чем студент-юрист может заинтересовать писателя?

Но визит состоялся. И придал бодрости Жюлю Верну.

В замке Дюма «Монте-Кристо» можно было встретить разных людей.

Хозяин жил в атмосфере непреходящего праздника, винные погреба замка никогда не закрывались, вечерами над лужайками просторного сада вспыхивали фейерверки. Ох уж эти революции! Будем надеяться, что они не будут следовать одна за другой без перерыва! Революции, даже самые прекрасные, отвлекают людей от чтения, продажи книг сразу падают. Жизнь прекрасна, когда ее течение ничто не нарушает. Мир должен принадлежать художникам!

Дюма интенсивно работал.

Переписчики его рукописей всегда были заняты.

Угроза возможного банкротства? Смешно! Долги Александра Дюма-отца были столь велики, что о них можно не задумываться. Искусство — вот единственный достойный предмет для размышлений. Всё остальное не стоит потерянного времени! Курчавый, огромный, излучающий радость жизни Александр Дюма сразу и навсегда поразил Жюль. Конечно, Виктор Гюго был полубогом, но полубогом мраморным, холодным, занятым только собой, а Александр Дюма-отец меньше всего хотел говорить с юным и явно талантливым провинциалом о Париже. Зачем ему говорить о Париже, когда всё вокруг — Париж?! Когда он, Александр Дюма, и есть Париж! Зачем говорить о баррикадах и перестрелках, когда можно обсуждать невероятные приключения самого писателя, неоднократно пережитые на Ближнем Востоке и даже в России?

«Наверное, мой юный друг не слышал о том, как однажды мне удалось перепить самого египетского бея?»

Египетского бея? Трудно представить!

«Наверное, мой юный друг не слышал о том, как...»

Нет, конечно! Но если и слышал, можно выслушать еще раз.

«Похоже, мой юный друг — бретонец. Худой, синеглазый, белокурый...»

Жюль был покорен. Он всего лишь студент Сорбонны, он только готовится к адвокатской карьере. Да, он пишет стихи! Но их не сравнить со стихами того же Теофиля Готье. Да, он музицирует, пытается писать драмы, но...

Никаких но! Великий писатель каким-то волшебным образом подчеркнул совершенно явную для него особенность молодого поэта. Обаяние и талант! Это чувствуется во всем. Он, Александр Дюма, чувствует талант издалека, он многим помог. Он не скрывал, что нуждается в талантливых помощниках. Совсем недавно Александра Дюма-отца со скандалом покинул один из главных (не известных никому) соавторов — Огюст Маке. С его помощью мэтр написал множество замечательных книг,

но ведь важна рука Мастера! Важна не черная работа, а именно рука Мастера. Важен стиль, важна энергия творчества! Ни один талантливый человек не уходил от великого Александра Дюма, не поделившись с ним хотя бы крупницей своего таланта. Жюль, конечно, был наслышан о грандиозных попойках и пиршествах, якобы постоянно происходящих в замке, но сейчас, приглядываясь, прислушиваясь, отвечая на десятки обращенных к нему вопросов, он еще и еще раз убеждался, что ничего в мире нельзя брать на веру. Совсем недавно его разочаровал мэтр Виктор Гюго. Нет-нет, не романами, не великой поэзией, не политическими высказываниями, а своим отношением к людям — напыщенным, высокомерным. А рядом с Александром Дюма, рядом с не менее великим творцом, он — студент, начинающий поэт, не испытывает никакого смущения! Ему радуются, ему наливают, ему подносят, хотя сам Мастер (Жюль внимательно все отмечал) практически не прикасался ни к вину, ни даже к черному кофе. Для Мастера (это непременно нужно запомнить) все чрезмерности нехороши. Глоток вина — это пожалуйста! Но глоток, не больше. Сигара — да! Но не две. Писатель всегда должен быть в форме. Жюль Верн с восхищением следил за чудовищно беззаботным (внешне) курчавым креолом, при котором не было ни сдержанной (мраморной) мадам, ни вечно ироничного оруженосца Теофиля Готье, — просто замок наполняли, шумели, веселились какие-то безобидные веселые рожи.

«Чему вы хотите себя посвятить?»

Виктору Гюго такой вопрос в голову не пришел.

А вот Александр Дюма этим благожелательно заинтересовался.

Пришлось объяснять, пусть сумбурно, свой глубочайший интерес к поэзии и к театру. И пришлось остаться ночевать в замке. А потом остаться в замке еще на одну ночь. Вино в больших количествах подсказывает нам самые простые решения. Желудочные колики были забыты. «Какое наслаждение, — писал Жюль Верн отцу, — вот так непосредственно соприкасаться с литературой, предвидеть, как пойдут ее пути, наблюдать все эти колебания от Расина к Шекспиру, от Скриба к Клервиллю. Тут можно сделать глубокие наблюдения над настоящим и призадуматься над будущим. К несчастью, распроклятая политика даже на прекрасную поэзию набрасывает прозаический покров. К черту министров, президентов, палату, если во Франции будет хотя бы один поэт, способный волновать сердца! История доказывает, что политика относится к области случайного и преходящего. Я же повторяю вслед за Гёте: "Ничто из того, что делает нас счастливыми, не иллюзорно"».

Александр Дюма-отец поддержал Жюля.
 Он увидел в нем поэта. Он увидел в нем драматурга.
 Всё, хватит! Никаких больше стишков! Театр — вот дело жизни.
 Жестокая кузина Каролина Тронсон (он так и не смог ее забыть) права:
 все эти стишки никому не интересны, пусть даже некоторые, как песенка
 «Марсовые», становились популярными. Ненадолго, к сожалению.

В расставанья час,
 снявшись с якорей,
 видел ты не раз
 слезы матерей.
 С сыном распротаясь,
 Старенькая мать
 Плачет, не таясь:
 Ей так трудно ждать.
 Так душа болит
 В тишине пустой...
 Мать свечу сулит
 Деве пресвятой.
 — Только б уцелел
 бедный мальчик мой,
 бури одолел
 и пришел домой...
 Марсовые, эй!
 По местам стоять,
 чтоб средь волн скорей
 землю отыскать.
 Вперед! Вперед!
 Друзья, вперед!
 Нас море вечно вдаль зовет —
 Вперед!^[12]

В сущности, это даже не поэзия.
 Надо искать что-то новое, необыкновенное!

Мэтру Пьеру Верну, встревоженному все новыми и новыми литературными знакомствами сына и его всепоглощающим интересом к литературе (явно мешающим учебе), Жюль ответил так (24 января 1849 года): «Спасибо тебе за добрые советы, но я ведь не отступаю от указанной тобой стези. Я сам разобрался в том, что хорошо, а что плохо, что принять, а что отвергнуть в артистических кружках, название которых пугает тебя больше, чем они того заслуживают... В будущий вторник я сдам, наконец, экзамен, хотя, признаюсь, от занятий у меня голова идет кругом. Экзамен я, конечно, выдержу, хотя заранее ручаться нельзя. Я все время работаю, я много работаю, потому что хочу как можно скорее получить степень лиценциата... К августу я должен представить диссертацию, потом буду принят в адвокатуру... — О возвращении в Нант, в контору отца, Жюль и думать не желает. — Тебе самому хорошо известно, как влечет Париж. Ты жил в Париже и прекрасно понимаешь, что я предпочел бы поселиться именно здесь, а не в провинции. Почему? Да потому, что в Париже я не жалею о Нанте, а вот в Нанте буду жалеть о Париже...» И подводил отца к главному: «Если бы после всех моих литературных упражнений я решился бы, наконец, на более серьезную попытку, пусть даже в порядке дополнительного занятия, пусть даже в порядке занятий, не отвлекающих от учебы, и вдруг достиг бы успехов, согласись, ты первый бы мною гордился».

В январе 1849 года Жюль Верн получил ученую степень лиценциата.

Вернись он в Нант, он не торчал бы в конторе какого-нибудь неизвестного провинциального адвоката, он сразу мог стать полноценным компаньоном отца. «Адвокатская контора Верн и Верн!» Многообещающая перспектива.

Но театр... Но поэзия...

Любое соприкосновение с искусством меняет представление человека о времени и о возможностях. Жюль сам озвучил это в своих стихах.

Прошлого нет, но его можно описать,
Будущего нет, но его можно вообразить.
Существует только настоящее.

Сегодня! Всё определяет сегодняшний день!

17 февраля 1849 года основанный Александром Дюма-отцом «Исторический театр» открылся спектаклем «Юность мушкетеров». Мэтр пригласил Жюля Верна (который в ту зиму не раз навещал замок курчавого неукротимого великана) в свою ложу. Восторгам молодого поэта не было границ, ведь он сидел рядом с Мастером, и рядом с Теофилом Готье, и рядом с прославленным критиком Жюлем Жаненом (1804—1874), и рядом с модным журналистом Эмилем де Жирарденом (1806-1884)!

Вдохновленный Жюль Верн погружается в драматургию.

Одна за другой появляются исторические драмы — «Пороховой заговор» и «Трагедия из времен Регентства». Конечно, сюжеты для своих драм Жюль Верн находил в книгах, а не в том, что происходило за окном, но надо было учиться, надо было завоевывать сцену. Непростое дело. Ведь эта сцена занята такими гигантами, как Виктор Гюго, Альфред Мюссе (1810— 1857), Александр Дюма-отец, Эжен Скриб (1791—1861). Масса сложностей. Ведь истинная драма требует личного опыта. Истинная драма требует глубокого осмысления! Принц Гамлет не для того бродил по темному замку, чтобы просто «поговорить об Эльсиноре». Нужно что-то свое! Что-то поистине новое — мощное, веселое, но при этом трагическое, способное по-настоящему взбодрить актеров. Впрочем, почему бы не написать комедию?

И Жюль Верн пишет «Морскую прогулку».

Впрочем, фарсы на сцене тоже нынче весьма популярны.

И Жюль Верн пишет «Миг расплаты». Правда, жалуется матери: «Я много работаю. Очень много. Но мои творения пока не приносят практического результата. Но я терпелив, ты знаешь». А отцу сообщает: «В Нант я не вернусь. Ты пойми, папа, мне даже не стоит пробовать. Какой я тебе помощник? Твоя контора в моих руках захиреет. Лучше уж стать хорошим литератором, чем плохим адвокатом».

Отец недоволен.

Он настаивает на возвращении.

Но 12 июня 1850 года Александр Дюма-отец ставит на сцене «Исторического театра» веселый водевиль Жюль Верна «Сломанные соломинки».

«Искусство должно забавлять!» Вот правильный подход к искусству.

Довести текст до приемлемого уровня помог Жюлю Александр Дюма-сын (1824—1895). Имя Александра Дюма-сына стояло и на афише, что, в общем-то, объяснимо: основатель «Исторического театра» сразу решил, что репертуар будет состояться исключительно по вкусу старшего Дюма. К тому же мэтр имел на юного Жюль Верна свои виды. Любой талантливый человек, не без примеси веселого цинизма считал Дюма-отец, может внести определенную лепту в его творчество. Дюма-отец не гнушался никакими соавторами, предпочитая даже совсем безвестных. Правда, Жюль Верн проявил упорство. Он не захотел быть подмастерьем, пусть даже у столь великого мастера. И вот редкий случай: Дюма понял молодого писателя и не обиделся. Даже издал «Сломанные соломинки» отдельной книжкой. «Не беспокойтесь, мой юный друг, покупатели найдутся. В любом случае один экземпляр я куплю сам!»

Первая отдельная книжка! Первая постановка в знаменитом театре!

Жюль уверен, что успех обрадует отца, но отец напротив — урезает денежное содержание. «Дорогой папа! — пишет домой Жюль. — Ты просишь, чтобы я еще раз хорошо подумал над будущим, прежде чем ответить тебе, но мои размышления и так рождаются в ледяных горах неуверенности и уныния (Жюль Верн уже заражен театральностью. — Г. П.). — Даже репетиторством я занялся специально, чтобы на получаемую от уроков сумму уменьшить твое родительское даяние. Я страдаю от мысли, что не могу пока заработать себе на жизнь, но что касается будущей адвокатуры, то вспомни свои же слова: нельзя гнаться сразу за двумя зайцами! Время, которое я сейчас отдаю репетиторству, отнимает у меня от силы семь-восемь часов в день, а работа в конторе заставит меня каждый день приходить на службу в половине восьмого утра и уходить не раньше девяти вечера. Что же останется на самого себя? Ведь для меня литература — прежде всего! Уехать сейчас из Парижа, пусть даже на два года, значит растерять найденные знакомства и связи, махом уничтожить все начатое.

Пока я отсутствую, неприятель заделает бреши, восстановит укрепления, вновь пророем траншеи. Ты ведь знаешь, что в парижских конторах не работают восемь часов в день. Раз уж ты стал конторским служащим, контора заберет все твое время и ничего другого из тебя уже не получится».

Но отец не устает твердить о сыновнем долге.

Он не забывает напоминать сыну о нищете, — чего ждать в Париже никому не известному литератору? Столица высасывает из людей все соки. Напрасно Жюль ссылается на успех Александра Дюма-отца. Пример нетипичный, считает мэтр. Наверное, можно зарабатывать и литературой, но для этого надо быть... Александром Дюма или... Виктором Гюго.

В соавторстве с Аристидом Иньяром (он — автор музыки) Жюль Верн пишет комедию «Тысяча и вторая ночь». Поставить ее, правда, не удалось. Но в 1853 году в «Лирическом театре» все-таки прошла (несколькими представлениями) одноактная комическая опера «Жмурки», а через два года — такая же одноактная опера «Товарищи Маржолены», а еще через три года — «Господин Шимпанзе» и «Гостиница в Арденнах». Успеха они не снискали. Призрак бесславного возвращения в Нант постоянно точит сознание молодого драматурга. Ну, правда, сколько можно? Ну, еще одна оперетка, ну еще один водевиль... Это же не «Марион Делорм»! Это не «Рюи Блаз»! Отец прав. Это даже не «Юность мушкетеров»!

Жюль Верн часто бывает на улице Луи де Гран — у молодого композитора Адриана Талекси (1821 — 1881). Там собираются такие же, как он, еще не нашедшие себя писатели, поэты, композиторы, художники. Многие известны еще меньше, чем Жюль Верн, но никто не собирается уступать судьбе. Встречи друзей торжественно окрещены «обедами одиннадцати холостяков» — по числу постоянно присутствующих. Один раз в неделю собравшиеся обсуждают текущие литературные события, делятся рабочими замыслами и планами, рассказывают анекдоты, театральные истории. Конечно, обсуждаются и любовные романы. Вовсе не книжные. Жюль Верн в этом отношении не отличается особой скромностью, его стихи иногда приобретают, скажем так, не совсем пристойный оттенок. Молодость! Они все молоды! Делиу, Давид Пифоль, Анри Касперс, Филипп Жилль, Катрелль, Эрнест Буланже, Виллемансан, Фурнье-Сарловез, Аристид Иньяр. Да, конечно, у многих пока нет звучных имен, да, конечно, большинство не заработает известности. Но их сердца пылают!

Водевиль «Сломанные соломинки» был впервые прочтен именно у Талекси.

Ничего особенного. Сюжет избитый, много раз отработанный.

Прелестная и ветреная жена-кокетка, муж-ревнивец.

— Ты обещал мне жемчужное ожерелье!

— Да, обещал. Но ты же видишь. Мне приходится экономить каждый сантим!

— А как же твоя любовь? — вечный вопрос, на который необходимо найти ответ.

И вот истерзанный упреками муж находит, как ему кажется, выход. Он предлагает жене пари. Если она каким-то обманным образом сумеет всучить ему в руки совсем ненужную вещь, он, так и быть, купит ей ожерелье...

Обсуждение вызвало у «холостяков» взрывы смеха.

Муж раньше времени возвращается домой. Он видит, что его молодая жена как-то странно взволнованна. Муж ревнив.

— Ты, наверное, спрятала в шкафу любовника!

— В шкафу? Как вы могли подумать? Вам отдать ключ от шкафа?

И перепуганная, но лукавая, уstraшенная гневом, но верящая в пари, жена вручает обманутому мужу ключ. Да, ужасно найти любовника в шкафу! Теперь от покупки жемчужного ожерелья не отвертеться.

В одном из литературных салонов Жюль познакомили с Пьером Франсуа Шевалье (1812—1863).

Впрочем, сам Пьер Франсуа предпочитал называть себя Питром.

Питр Шевалье занимался журналистикой и редактировал журнал «Мюзе де фамий» («Семейный альманах»). Уроженец Пембефа, он окончил Нантский лицей, правда, пятнадцатью годами раньше братьев Вернов. Узнав, что Жюль Верн — бретонец, что он его земляк, Питр Шевалье, ни минуты не раздумывая, приглашает его к сотрудничеству. Правда, молодой писатель не мог рассчитывать больше чем на шесть страничек в одном номере журнала, да и то не чаще двух раз в год.

— А о чем писать?

— Да о чем захотите!

— И все-таки, все-таки!

— Ну, напишите о Мексике!

— Почему именно о Мексике?

— Не знаю. О Мексике сейчас много говорят. Мир меняется. Вы чувствуете? Франция на подъеме. Вы слышали? Готовится военная экспедиция в Мексику.

— Я слышал, — ответил Жюль Верн.

К этому времени он уже понимал, что настоящий писатель должен уметь всё.

Именно — всё! Иначе как прожить? В марте 1851 года он отчитывался перед отцом: «Все это время я получал от тебя 125 франков в месяц, а не 159, как ты указываешь, дорогой папа... Комната мне обходится в 35 франков, питание (самое меньшее) — в 65... Итого — 100... Остается 25 — на дрова, освещение, почтовые расходы, на ботинки, которые я только что купил, на починку одежды, на бумагу и на все-все прочее...»

«Все прочее...»

Отец старается не замечать этого «все прочее».

Живет Жюль Верн все там же — на бульваре Бон Нувель.

С Аристидом Иньяром они продолжают снимать две небольшие смежные комнаты на мансарде. «Сто двадцать ступенек — и вид сверху как с египетской пирамиды. Внизу, на бульварах и площадях, снуют черные мелкие муравьи, или люди, как принято говорить. С этой своей олимпийской высоты я проникаюсь состраданием к жалким пигмеям и

никак не могу поверить, что я точно такой же...»

Располагая одним фраком на двоих, друзья вынуждены посещать интересные им места по отдельности. Интересные места — это и замок Александра Дюма-отца, и художественный салон мадам де Баррер, и музыкальные собрания. Денег катастрофически не хватает. Очень ко времени Александр Дюма-отец представляет молодого драматурга Эдуару Севесту — директору «Лирического театра», под крышей которого он решил возродить национальную оперу.

В середине декабря 1851 года молодой драматург приступает к работе.

Теперь он литературный секретарь «Лирического театра», у него оклад — 100 франков в месяц. Жизнь начинает налаживаться. Правда, работа нелегкая. Встречи с раздраженными авторами, уговоры актеров, недовольных выпавшими им ролями, редактирование чужих, часто совершенно неинтересных ему произведений. А еще — дружеские вечеринки, случайные женщины, само собой, «обеда одиннадцати холостяков». Ни с того ни с сего здоровье Жюля Верна начинает сдавать. «Ни с того ни с сего» он начинает страдать бессонницей, у него появились головокружения.

Но он упрям. «Я стремлюсь только к одной вещи в мире — служить моей музе, — как и раньше, пишет он отцу. — К сожалению, организация писателей-драматургов, к которой я принадлежу, не допускает того, чтобы директор театра ставил у себя пьесы своих служащих. Это записано в уставе. Так что, работая в "Лирическом театре", я останусь без какого-либо вознаграждения, даже если моя инсценировка будет принята к постановке...»

И жалуется матери: «Вижу, вижу, мама, что мои рубашки порождают у тебя страшные видения! Ты даже советуешь мне купить новую манишку. Но, дорогая мамочка, к сожалению, все мои рубашки в дырах. Может, как ты считаешь, госпожа баронесса Делаборд при моем визите к ней этого и не заметит, но я-то понимаю, что столь легкомысленный туалет больше подошел бы хорошенькой женщине...»

И решает: «В общем, сделаем так. Я закажу в Париже рубашку по своей мерке и пришлю тебе в качестве образца...»

Софи Верн намек поняла.

Подражая американскому писателю Эдгару Аллану По (1809—1849), необычные истории которого он очень любил, Жюль Верн совершенно неожиданно для «холостяков» написал рассказ «Путешествие на воздушном шаре». Впрочем, он и раньше пытался ввести на «обедах» обсуждение тех или иных научных тем, но это как-то не проходило. И вдруг он напрямую обратился к подобному сюжету.

Воздушный шар. Новинка по тем временам.

Уже обрублены тросы, когда в корзину вскакивает незнакомец.

Чтобы читатели с первых строк знали, с кем несчастному герою рассказа придется иметь дело, неизвестный громко и возбужденно выкрикивает: «Я изучал аэронавтику!»

И добавляет, не снижая голоса: «Так долго изучал, что это навредило моим мозгам».

Высоко над землей звучат ужасные монологи. Сумасшедший (а в корзину шара вскочил, конечно, настоящий сумасшедший) пытается уверить героя в своей непреходящей любви к воздушным шарам, к счастливому свободному парению в атмосфере. Правда, к месту и не к месту он вспоминает особенно ужасные происшествия, случавшиеся с аэронавтами. Кажется, Жюль Верн специально (и с большим удовольствием) перебирает известные ему воздушные трагедии. Кажется, мучает Жюля Верна мысль: а вдруг уже завтра не представится возможность поговорить на такую чудесную тему, вдруг завтра снова придется возвращаться к либретто, к песенкам, к «сломанным соломинкам»?..

«Слыхали про битву при Флёрюсе? — восклицает сумасшедший. — Именно тогда инженер Кутель организовал роту аэростатчиков! При осаде Мобежа уже генерал Журдан с большим успехом применял новый способ разведки — воздушный, а Кутель дважды в день поднимался в воздух вместе с генералом. Обо всем увиденном они сигнализировали людям, державшим шар внизу, при помощи белых, красных и желтых флажков. Позже, собираясь овладеть Шарлеруа, генерал Журдан снова воспользовался услугами инженера. На этот раз Кутель поднялся с Жюмейской равнины и его сопровождал генерал Морло, производивший наблюдения. Эти полеты значительно способствовали победе французов при Флёрюсе. Впоследствии генерал Журдан заявил об этом во

всеуслышание. И что же? Несмотря на все заслуги аэронавтов во время бельгийской кампании, Бонапарт закрыл единственную школу, основанную правительством в Медоне. А ведь дитя родилось вполне жизнеспособным, его не следовало душировать...»

Даты сражений, открытий, событий, имена известных и малоизвестных путешественников и исследователей, героев разных кампаний, названия трав, рыб, птиц, зверей — Жюль Верн старался ничего не придумывать. Жизнь настолько богата, настолько разнообразна, что нет нужды придумывать что-то. В этой работе ему немало помогла картотека, которую он в то время начал вести, тщательно просматривая журналы и газеты. В специальные самодельные тетрадки он выписывал все поразившие его географические и научные термины, имена исследователей, необыкновенные происшествия, новинки техники. Память — несовершенный инструмент. По ходу развития, ветвления, специализации мировой науки ее творцам требуются все новые и новые методы запоминания, подхода к теме. В будущем к подобным приемам будут прибегать и другие фантасты^{[\[13\]](#)}.

В ночь на 2 декабря 1851 года (годовщина Аустерлицкой битвы) на улицах Парижа вновь были расклеены воззвания. Президент Франции Луи Наполеон провозгласил себя императором и потребовал всей полноты власти.

Тезисы известные.

Страна должна стать великой!

Если французы доверяют президенту (читай, будущему императору), то он, Луи Наполеон, смело возложит на себя самые трудные задачи! И выполнит их! Выполнит непременно, потому что знает, как это сделать! Новая конституция — вот что сейчас необходимо стране. Только ответственный глава, назначаемый на десять лет, может обеспечить гарантии.

Начались аресты активных оппозиционеров.

Многие республиканцы предусмотрительно бежали из Франции.

Виктор Гюго укрылся в Бельгии, но скоро перебрался в Англию. Вождь социалистов Луи Блан (1811—1882) осел в Лондоне. Тайно покинули страну Эдгар Кине (1803—1875) и Арман Барбес (1809—1870). Знаменитый историк Жюль Мишле (1798—1874) и не менее знаменитый философ Ипполит Тэн (1828—1893) оставили университетские кафедры. Даже таким далеким от политики писателям, как Постав Флобер (1821 — 1880) и Шарль Бодлер (1821—1867), грозила тюрьма.

«Магазины закрываются, людей арестовывают ни за что, — писал Жюль Верн отцу. — Кое-где на улицах опять возводятся баррикады. Я ни во что не вмешиваюсь, но что будет дальше?»

«Я ни во что не вмешиваюсь» — это о многом говорит.

«В четверг жестоко сражались в нижнем конце моей улицы. Многие дома теперь насквозь продырявлены орудийными снарядами! Нарастает негодование против президента и против армии, которые опозорили себя такими действиями. Вот случай, когда право и законность вполне могут сосредоточиться в руках повстанцев... Вчера я обошел Париж... Бульвары наполнены пехотой, кавалерией, артиллерией... Здание Опера-комик изрешечено пулями...»

«Я ни во что не вмешиваюсь». Это было сказано не просто так, не по случаю. Жюль Верн увлекся наукой. Девятнадцатый век уходил от старых представлений о том, как должны развиваться народы.

Собирая материал для новых рассказов, Жюль Верн активно знакомился с новыми для себя людьми, порой замечательными. Это были не актеры, способные жить чувствами лишь на сцене, это были исследователи! Например, Жак Араго (1790—1855) — брат знаменитого астронома. Этому человеку шел седьмой десяток, он практически ослеп, но ничуть не потерял жизнерадостности. Завзятый театрал, он сперва заинтересовался молодым писателем именно как театрал. Он явно слушал и видел «Сломанные соломинки». А Жюль Верн, в свою очередь, тянулся к нему. Кругосветное плавание Жак Араго совершил еще за десять лет до рождения Жюля Верна, и Жюль прекрасно знал четыре тома его воспоминаний под названием «Вокруг света».

В доме на улице Мазагран собирались необычные, порой довольно странные люди. Путешественники, географы, писатели, астрономы, просто искатели приключений, авантюристы. Здесь Жюль близко сошелся со своим кузеном парижанином Анри Гарсе — математиком. Кстати, именно кузен передавал Жюлю деньги от мэтра Пьера Верна; контроль в этом деле не помешает, а математики люди, известно, тщательные и обязательные. К огромному удивлению Жюля, оказалось, что обсуждать проблемы механики и астрономии, химии и техники ничуть не скучнее, чем сочинять легкомысленные куплеты для опереток. Анри водил молодого кузена в Политехническую школу, в Музей природоведения. Вряд ли коллеги математика догадывались, что любознательный молодой человек, задающий им так много вопросов, живет тем, что сочиняет фривольные (по мнению мэтра Пьера Верна) стихи. По крайней мере, перуанский художник Игнасио Мерино (1817—1876), видимо, так и не узнал об этом. Иначе, с чего бы он после первой же просьбы согласился дать свои рисунки к якобы уже сочиненной (или только еще сочиняемой) Жюлем Верном этнографической повести.

Но Жюль Верн написал такую повесть!

И в апреле 1852 года напечатал ее в журнале Питра Шевалье «Семейный альманах».

«Мартин Пас. Перуанские нравы» — так называлась повесть. И

вышла, понятно, с замечательными, обещанными Игнасио Мерино рисунками.

Элегантные синьорины... Индейцы... испанцы... голубые небеса...

Что же касается сюжета, он был несложен. Некий индеец Мартин Пас влюбился в красавицу Сару. Разумеется, она воспылала ответным чувством к молодому человеку, но тут появился богатый негодичант...

Чем не либретто для очередной оперетки?

Там же, в «Семейном альманахе», Жюль Верн напечатал двухактную комедию «Замки в Калифорнии, или Катящийся камень мхом не обрастает», написанную, кстати, в соавторстве всё с тем же Питром Шевалье — редактором и владельцем журнала, что, несомненно, указывает на врожденное здравомыслие молодого писателя. Правда, практические результаты творчества, как и прежде, были ничтожны.

«Ты говоришь, дорогой папа, — оправдывался Жюль перед отцом, — что Александр Дюма и другие не имеют ни гроша в кармане и ведут беспорядочную жизнь, но это вовсе не так. Александр Дюма зарабатывает 300 тысяч франков в год, а Дюма-сын — без всякого напряжения — от 12 до 15 тысяч франков. Эжен Сю — миллионер, а Скриб — четырежды миллионер, а у Виктора Гюго — 20 тысяч франков ренты. Как видишь, все они имеют прекрасный достаток и никто из них не раскаивается, что избрал для себя именно такой путь...»

Кстати, написал Жюль Верн и о Мексике.

Рассказ назывался «Первые корабли мексиканского флота».

«18 октября 1825 года крупное испанское военное судно "Азия" и восьмипушечный бриг "Констанция" бросили якорь у острова Гуахан, одного из Марианских...» Это вам уже не «Сломанные соломинки»! Это не любовник в шкафу! Это — кровавый мятеж, это искрящиеся в ночи камнепады, это огнедышащий вулкан с ужасным названием Попокатепетль и страшно раскачивающиеся над пропастями мосты, связанные из гибких лиан...

Неустанно пополняя заведенную им картотеку, Жюль Верн постоянно натыкался на необыкновенные, ранее совершенно неизвестные ему факты. Взять ту же Африку. Какие запоминающиеся, какие бьющие по нервам детали! Разве можно «из головы» сочинить оперетку, в которой голосистые певички будут порхать, как бабочки, над высохшими под экваториальным солнцем трупами?

«Один мертвец, — конспектировал Жюль Верн отчет английского путешественника майора Диксона Денема, — казалось, упал у колодца совсем недавно. На лице его еще держалась борода, и можно было разобрать некоторые черты лица. Купец из остановившегося рядом на ночлег каравана воскликнул:

— Да это же мой раб! Я его бросил неподалеку отсюда еще месяца четыре назад.

— Ну, так торопись, — засмеялся какой-то веселый работороговец. — Волоки его отсюда прямо на рынок, а то объявится другой хозяин».

Таких, заполненных рукой Жюля Верна карточек становилось все больше.

Само время привлекало людей к дальним странам. Русские упорно продвигались на восток и на север Азии. Французы осваивали Египет с его таинственными пирамидами и мумиями. Ост-Индская компания неутомимо создавала все новые и новые научные общества. Не успевала вернуться одна экспедиция, как следующая уже отправлялась с новыми поручениями. В ноябре 1854 года Саид-паша, правитель Египта, предоставил французскому дипломату и инженеру Фердинанду Лессепсу концессию на строительство Суэцкого канала. Человечество не хотело больше зависеть от ограничений, наложенных на их деятельность природой. Зачем гонять парусники и первые не очень еще надежные пароходы вокруг огромной Африки?

В том же году французы начали осваивать Сенегал.

В Париже появились невиданно высокие смуглые африканцы.

Из этих красавцев формировались специальные части французской армии — сенегальские стрелки. Даже в парламенте заседали представители никому прежде не известных народностей — волоф, фульбе, серер. Африка переставала быть далекой, как, кстати, и Индокитай, в котором французы споро и решительно захватывали все новые и новые территории.

Обыватели только изумленно раскрывали рты: Аннам? Кохинхина? Где это?

27 марта 1854 года император Луи Наполеон подписал оборонительный и наступательный (так это именовалось) союзы Османской империи с Францией и Великобританией против России. Разумеется, обиженная Россия незамедлительно объявила союзникам войну, и уже в сентябре союзный десант высадился в Крыму вблизи Евпатории.

За этими событиями Жюль Верн наблюдал с тревогой.

Под Севастополем в боях с русскими участвовал его младший брат Поль.

Там же, в Севастополе, но, понятно, с другой, русской стороны нес службу молодой артиллерийский офицер граф Лев Николаевич Толстой. Ему мы обязаны, может, лучшими страницами, посвященными Крымской войне.

«Пройдя еще одну баррикаду, — писал Л.Н. Толстой в «Севастопольских рассказах», — вы выходите из дверей направо и поднимаетесь вверх по большой улице. За этой баррикадой дома по обеим сторонам улицы необитаемы, вывесок нет, двери закрыты досками, окна выбиты, где отбит угол стены, где пробита крыша. Строения кажутся старыми, испытывшими всякое горе и нужду ветеранами и как будто гордо и несколько презрительно смотрят на вас. По дороге спотыкаетесь вы на валяющиеся ядра и ямы с водой, вырытые в каменном фундаменте бомбами. По улице встречаете вы и обгоняете команды солдат, пластунов, офицеров; изредка встречаются женщина или ребенок, но женщина уже не в шляпке, а матроска в старой шубейке и в солдатских сапогах. Проходя дальше по улице и спустясь под маленький изволок, вы замечаете вокруг себя уже не дома, а какие-то странные груды развалин — камней, досок, глины, бревен; впереди себя на крутой горе видите какое-то черное, грязное пространство, изрытое канавами, и это-то впереди и есть четвертый бастион... Здесь народу встречается еще меньше, женщин совсем не видно, солдаты идут скоро, по дороге попадают капли крови, и непременно встретите тут четырех солдат с носилками и на носилках бледно-желтоватое лицо и окровавленную шинель. Ежели вы спросите: "Куда ранен?" — носильщики сердито, не поворачиваясь к вам, скажут: в ногу или в руку, ежели он ранен легко; или сурово промолчат, ежели из-за носилок не видно головы и он уже умер или тяжело ранен. Недалекий свист ядра или бомбы, в то самое время как вы станете подниматься на гору, неприятно поразит вас. Вы вдруг поймете, и совсем иначе, чем понимали прежде, значение тех звуков

выстрелов, которые вы слушали в городе... Какое-нибудь тихо-отрадное воспоминание вдруг блеснет в вашем воображении; собственная ваша личность начнет занимать вас больше, чем наблюдения; у вас станет меньше внимания ко всему окружающему, и какое-то неприятное чувство нерешимости вдруг овладеет вами. Несмотря на этот подленький голос при виде опасности, вдруг заговоривший внутри вас, вы, особенно взглянув на солдата, который, размахивая руками и осклизаясь под гору, по жидкой грязи, рысью, со смехом бежит мимо вас, — вы заставляете молчать этот голос, невольно выпрямляете грудь, поднимаете выше голову и карабкаетесь вверх на скользкую глинистую гору. Только что вы немного взобрались в гору, справа и слева вас начинают жужжать штуцерные пули, и вы, может быть, призадумаетесь, не идти ли вам по траншее, которая ведет параллельно с дорогой; но траншея эта наполнена такой жидкой, желтой, вонючей грязью выше колена, что вы непременно выберете дорогу по горе, тем более что вы видите, все идут по дороге. Пройдя шагов двести, вы входите в изрытое грязное пространство, окруженное со всех сторон турами, насыпями, погребями, платформами, землянками, на которых стоят большие чугунные орудия и правильными кучами лежат ядра. Все это кажется вам нагроможденным без всякой цели, связи и порядка. Где на батарее сидит кучка матросов, где посередине площадки, до половины потонув в грязи, лежит разбитая пушка, где пехотный солдатик, с ружьем переходящий через батареи и с трудом вытаскивающий ноги из липкой грязи. Но везде, со всех сторон и во всех местах, видите черепки, неразорванные бомбы, ядра, следы лагеря, и все это затопленное в жидкой, вязкой грязи. Как вам кажется, недалеко от себя слышите вы удар ядра, со всех сторон, кажется, слышите различные звуки пуль — жужжащие, как пчела, свистящие, быстрые или визжащие, как струна, — слышите ужасный гул выстрела, потрясающий всех вас, и который вам кажется чем-то ужасно страшным. "Так вот он, четвертый бастион, вот оно, это страшное, действительно ужасное место!" — думаете вы себе, испытывая маленькое чувство гордости и большое чувство подавленного страха. Но разочаруйтесь: это еще не четвертый бастион. Это Язоновский редут — место сравнительно очень безопасное и вовсе не страшное. Чтобы идти на четвертый бастион, возьмите направо, по этой узкой траншее, по которой, нагнувшись, побрел пехотный солдатик. По траншее этой встретите вы, может быть, опять носилки, матроса, солдат с лопатами, увидите проводники мин, землянки в грязи, в которые, согнувшись, могут влезать только два человека, и там увидите пластунов черноморских батальонов, которые там переобучаются, едят, курят трубки, живут, и увидите опять

езде ту же вонючую грязь, следы лагеря и брошенный чугун во всевозможных видах. Пройдя еще шагов триста, вы снова выходите на батарею — на площадку, изрытую ямами и обставленную турами, насыпанными землей, орудиями на платформах и земляными валами...»

Я привел столь пространную цитату намеренно.

Нет ничего более непохожего друг на друга, чем оригинальные писатели.

Это и понятно. Писатели, открывающие новые пути, в принципе не могут походить друг на друга, какие бы общие события — жизни и творчества — их ни объединяли. Жюль Верн и Лев Толстой — между ними мало общего. Но придет время и Жюль Верн сумеет по достоинству оценить «Севастопольские рассказы», а Лев Николаевич дома по вечерам будет читать детям главы из романа «Вокруг света в восемьдесят дней», переведенного в России в 1873 году.

«Этот последний роман, — вспоминал Илья Львович Толстой, — был без иллюстраций. Тогда папа начал нам иллюстрировать его сам. Каждый день он приготавливал к вечеру подходящие рисунки пером, и они были настолько интересны, что нравились нам гораздо больше, чем те иллюстрации, которые были в остальных книгах. Я как сейчас помню один из рисунков, где изображена какая-то буддийская богиня с несколькими головами, украшенными змеями, фантастичная и страшная. Отец совсем не умел рисовать, а все-таки выходило хорошо, и мы все были страшно довольны. Мы с нетерпением ждали вечера и всей кучей лезли к нему через круглый стол, когда, дойдя до места, которое он иллюстрировал, он прерывал чтение и вытаскивал из-под книги свою картинку»^[14].

Неустроенная жизнь.

Множество нереализованных желаний.

В итоге — проблемы с желудком, жестокая невралгия.

«Я даже сбрил бороду, — жаловался Жюль матери, — чтобы основательнее растереть ноющую челюсть...»

К счастью, в 1854 году выдался короткий отдых — на Северном море.

Здесь, в Дюнкерке, в доме дяди (по матери) Огюста Аллота де ла Фюи на молодого, но уже во многом разочарованного писателя вдруг снизошло спокойствие. Он всегда любил море, теперь оно расстилось прямо под окнами. Никаких водевилей, актеров, визгливых актрис, озабоченных драматургов, художников, никаких вздорных ссор с мимолетными любовницами — только чистая линия горизонта, из-за которой бесшумно и величественно поднимаются далекие белые паруса.

Дядя Огюст интересовался генеалогией. От него Жюль Верн в подробностях узнал, что род Вернов действительно ведет начало от некоего бретонца Флери, проживавшего в Париже при короле Людовике XV. Впоследствии сын Флери Антуан занимал место секретаря Высшего податного суда в Париже, а внук — Антуан Габриель — исполнял судебскую должность.

От Габриеля и его жены Марты Аделаиды Прево остались дети:

Мария Антуанетта,

Огюстина Амели,

Пьер Габриель,

Альфонсина Розали.

Имена звучали для Жюля Верна как музыка.

Кстати, Мария Антуанетта впоследствии вышла замуж за Поля Гарсе, так что кузен был дарован Жюлю самой судьбой. Среди судей и адвокатов математическое образование Анри выглядело экзотично.

Ну а что касается материнской линии — Софи Нанины Анриетты, то позже, в написанных им воспоминаниях, Жан Жюль-Верн^[15] (внук писателя) с присущей ему величайшей тщательностью указал: «Госпожа де Ласе, дочь Роже Аллот де ла Фюи и внучка генерала Жоржа Аллот де ла Фюи, установила свою родословную вплоть до 1462 года, когда некий Н. Аллот — шотландец, прибывший во Францию для службы в отряде шотландских гвардейцев Людовика XI, оказал королю услуги, за которые

был возведен в дворянское звание и получил "право Фюи", то есть право быть владельцем голубятни, а это тогда считалось королевской привилегией. Указанный шотландский лучник обосновался неподалеку от Лудэна, построил себе замок и стал называться Аллот, сеньор де ла Фюи».

«Через Александра Аллот де ла Фюи, — писал дальше Жан Жюль-Верн, — мы добираемся до Жана Огюстена, сочетавшегося браком с Аделаидой Гийоше де Ламперьер. Его сын Жан-Луи Огюстен, супруг Луизы де Боннмор, стал отцом генерала Жоржа Аллот де ла Фюи и полковника Мориса Аллот де ла Фюи.

У Жана Огюстена с Аделаидой было еще и четыре дочери:

Лиза (ставшая впоследствии госпожой Тронсон),

Пальмира,

Каролина (вышедшая замуж за Франсиска де ла Сель де Шатобур),
и, наконец, Софи — мать Жюля Верна...»

Разговоры с дядей приводили к воспоминаниям.

Тронсоны были родственниками по матери. Жюль так и не смог забыть Каролину. Случайные парижские связи никак не могли заменить это искреннее чувство. Может, и поэтому рядом с названием написанной на берегу Северного моря повести «Зимовка во льдах» появился подзаголовок — «История обрученных в Дюнкерке». (Ах, Каролина!) И это была не просто книга приключений и путешествий, это действительно была романтическая история двух любящих сердец, жестоко разлученных природой и людьми... И героиня повести (Ах, Каролина, Каролина!) назло всем мыслимым и немыслимым препятствиям нашла потерявшегося в ледяных полярных просторах капитана.

Северные сияния, дрейфующие льды, метели. В тот год в газетах всего мира много писали о загадочной судьбе полярного путешественника Джона Франклина (1786—1847), экспедиция которого затерялась в северных ледяных просторах. Жюль Верн, разумеется, преследовал и конъюнктурные цели. Он всегда старался рассказывать о том, что было на слуху в данный момент. Местами своей сдержанностью повесть напоминала судовой вахтенный журнал, но Жюль Верн этого и добивался: как можно больше действия, как можно меньше длиннот!

«Начало февраля ознаменовалось обильными снегопадами».

Разве такой фразы недостаточно, чтобы передать самую глубокую тревогу ожидания и человеческого бессилия?

«Средняя температура все еще держалась ниже минус двадцати пяти градусов».

Разве за скупыми словами «все еще» не угадывается неясная, но

никогда не умирающая надежда?

Всё сбудется, всё!

Надо только верить.

«Солнце с каждым днем поднималось все выше».

«Зимовку во льдах» напечатал Питр Шевалье.

Но материальное положение Жюль несколько не улучшилось.

«Не вижу, почему бы мне, — в отчаянии писал он матери, — не подцепить в парижском свете супругу, какую-нибудь богатую девицу, которая, скажем, сбилась с предначертанного пути или готова с него сбиться...»

К сожалению, богатые девицы с предначертанного пути как-то не сбивались, а ко всему прочему летом 1854 года Париж охватила эпидемия холеры. Жюль Севест, директор «Лирического театра», заболел и скоро умер. Он был человеком сложным, договориться с ним по спорным вопросам всегда было нелегко, но с новым директором Жюль вообще не сумел сработаться. Пришлось уйти из театра.

«Теперь-то я точно женюсь на любой женщине, которую ты мне найдешь», — жаловался матери Жюль.

Что ж, на ловца и зверь бежит.

Весной 1856 года Огюст Леларж, шурин профессора Анри Гарсе, а значит, тоже дальний родственник, пригласил Жюля Верна на свадьбу. Понятно, на свою собственную. Состояться свадьба должна была в Амьене — в тихом пикардийском городке, расположенном в нескольких часах езды от Парижа.

Жюль согласился.

И не зря. Совсем не зря.

Друзей в Амьене встретили с большой теплотой.

«Семья Виан, в которую вступает Огюст, — подробно описывал матери Жюль Верн свои впечатления от поездки в Амьен, — очаровательна. Она состоит из юной и очень любезной вдовушки, сестры невесты, по-видимому, весьма счастливой, и молодого человека моих лет, биржевого маклера в Амьене, который зарабатывает кучу денег и является просто милейшим парнем! Отец невесты — старый военный в отставке, но он куда лучше, чем обычно бывают эти отставные вояки, а мать — умница».

Кстати (немаловажная деталь), вдовушка, показавшаяся Жюлю такой счастливой, носила красивое имя Онорина де Виан — в девичестве Онорина Анна Эбе Морель (1830—1910) и поразительно походила на Каролину.

Жюль Верна такой тип женщин всегда волновал.

Четыре дня, проведенные в Амьене, всё решили. Даже маленькие дочки Онорины — Валентина и Сюзанна — не смутили Жюль Верна. Вырастут — отделятся. Это не сегодняшняя проблема. Сегодня нужно жениться! Надоели холостяцкие вечеринки, надоела вечная отговорка парижанина: «Я не хотел бы ее компрометировать!» Надоело жить в тесной комнате, не иметь кухарки, спать на узкой кровати, знакомиться со случайными женщинами...

Онорина не ответила отказом. Но как содержать будущую семью?

Найти место в театре? Писать либретто к опереткам, которые не идут на сцене более двух-трех раз? Пожалуй, впервые Жюль Верн подумал, что драматургия ему никак не дается. И написал отцу письмо. Отношения их никогда не были особенно теплыми и гладкими, но на этот раз Жюль Верн писал откровенно.

«В семье Виан, — писал он, — имеется брат невесты, моих лет. В свое время он вступил в компанию с одним из своих друзей и работает посредником между владельцами ценных бумаг и парижскими маклерами. Вдобавок компаньон и он сам внесли сотню тысяч франков, чтобы получить место биржевых маклеров в Париже. Отличное положение для молодого человека, к тому же, как ты понимаешь, без всякого риска. То, чем брат Онорины занимается в Амьене, с еще большим успехом можно делать в Париже. Старший г-н Виан тоже вхож в мир финансистов и маклеров. Он легко мог бы помочь мне войти в маклерское дело в Париже за незначительную сумму...»

«Так вот, дорогой папа, — спрашивал Жюль, — я хотел бы знать, можешь ли ты в случае необходимости внести пай в дело столь же официальное и доходное, как контора присяжного поверенного или нотариуса? Сам знаешь, мне просто необходимо изменить образ жизни, ибо нельзя же все время существовать в таком шатком положении, как существую я. Постоянного заработка нет, а того, что ты мне даешь по своей доброте, хватает при теперешней дороговизне лишь наполовину...»

Действительно, на этот раз Жюль Верн был настроен чрезвычайно серьезно.

«Признаюсь, папа, что хочу, наконец, получить положение приличное и солидное. Скажу тебе со всей прямоотой: одиночество меня давно тяготит. В моем сердце образовалась отчаянная пустота. Это доказывает, что я сейчас уже в таком возрасте, когда человеку нужен союз с кем-то, прочная связь. Пока я буду оставаться всего лишь сверхштатным кандидатом в писатели, все благополучные отцы и матери будут отворачиваться от меня,

причем с полным основанием...»

Он даже слово дал — впредь не писать стихов и водевилей.

«Сегодня я покидаю этот полюбившийся мне город, — пишет он матери из Амьена. — Сейчас ноябрь. Время еще есть. Не думаю, что наша свадьба с Онориной может состояться до 15 января. Прежде всего, этого требуют приличия особого порядка... надо ведь проявить необходимую деликатность по отношению к семье Морель... Муж Онорины скончался, приличия требуют не торопить события...»

Но он не мог их не торопить.

«Что касается подарков, — писал он матери, — сама понимаешь, они будут скромными. Я поднес Онорине красивое ожерелье — золото и яшма, а вот серег и брильянтов покупать не буду. У нее уже есть прекрасные брильянты (вот он сказывается, пресловутый французский характер. — Г. П.). Мы просто закажем для них новую оправу. Платья новые тоже не нужны, у Онорины их достаточно! Может, подарить муфту? И о кашемировой шали подумаем, хотя у Онорины уже есть длинная французская шаль и еще одна — квадратная...»

В декабре 1856 года Жюль Верн с помощью отца занимает под проценты 50 тысяч франков и входит официальным пайщиком в контору финансиста и брокера Парижской биржи Фернана Эггли. Никакой склонности вести биржевые дела у Жюля нет, но есть жажда любви, жажда покоя и насущная необходимость в деньгах. К слову, театр «Жимназ» чуть ли не перед самой свадьбой отклонил трехактную комедию Жюля Верна «Сегодняшние счастливыцы»...

10 января 1857 года мэрия третьего округа Парижа зарегистрировала брак Онорины Анны Эбе Морель (де Фрейн де Виан), 27 лет, и Жюля Габриеля Верна, 29 лет.

Венчание происходило в церкви Сен-Эжен — на бульваре Пуассоньер.

Присутствовали родители и все сестры Жюля (младший брат Поль находился в плавании), родственники Онорины, а из друзей — неизменные Анри Гарсе и Аристид Иньяр. Расчувствовавшийся мэтр Пьер Верн, к удивлению гостей, разразился торжественными стихами, которые чрезвычайно понравились главной виновнице торжества:

Четвертой дочери моей
Скажу: приди же поскорей
В наш тесный круг и знай, что, сидя
Среди своих, у очага,
Ты нам близка и дорога, —
Пусть в тесноте, да не в обиде...

Две комнаты на верхнем этаже дома 18 по бульвару Бон Нувель стали первой семейной квартирой Вернов. Аристид Иньяр перебрался на этаж ниже.

Пришло время новой жизни. Вечерние пирушки, «обеда одиннадцати холостяков», постоянное недосыпание и недоедание, работа сверх сил — привычный быт был, наконец, разрушен. И к удивлению многих, прежде всего Онорины, выяснилось, что на самом деле романтический драматург и поэт Жюль Верн — человек железной дисциплины.

Каждый день он вставал в пять утра. Выпив чашку кофе, садился к письменному столу. Здесь, за столом, семейная жизнь, все радости и проблемы куда-то отодвигались. Он больше ничего не видел и не слышал. Он жадно рылся в своей замечательной картотеке, пытаясь найти связи между событиями и людьми.

Вот, скажем, отчет Рене Кайе.

Нет ничего интереснее, чем вникать в незнакомые судьбы.

Рене Кайе, этот проблемный, как бы сейчас сказали, парень из департамента Дёсевр, в 16 лет отправился в Сенегал на грузовом судне «Луара». За годы непрерывных странствий — опасных, иногда попросту безрассудных, юный Кайе повидал многое. Однажды суровый вождь племени уасулу по имени Барамиза принял путешественника в хижине, которая одновременно служила ему и спальней хозяину, и для любимой лошади — стойлом. «Постель вождя, — писал в отчете смелый путешественник, — находилась в помещении. Это были обыкновенные подмости, возвышавшиеся дюймов на шесть, с расстеленной поверх бычьей шкурой и с грязным пологом для защиты от moskitov. В жилище не было никакой мебели. На колышках, вбитых в стену, висели два седла. Большая соломенная шляпа, барабан, которым пользуются в военное время, копья, лук, колчан со стрелами — вот и все украшения. Был, правда, еще светильник, скрученный из железного листа и укрепленный на таком же железном штыре, вогнанном в землю. В светильнике горело местное растительное масло — вонючее, вязкое, но недостаточно густое, чтобы из него можно было лить свечи...»

Никакой романтики. Всё просто и ясно.

«По мучительным болям в челюсти, — рассказывал про свои беды Рене Кайе, — я скоро понял, что, наверное, заболел цингой. Нёбо

постоянно кровоточило, иногда я выплевывал целые кусочки кости. Я жестоко страдал. Временами боли так страшно усиливались, что я опасался, как бы они не повлияли на мой мозг...»

Зато 20 апреля 1828 года Рене Кайе вступил в загадочный африканский город Тимбукту.

«Когда я оказался в Тимбукту, — писал он, — в этом городе — предмете устремлений стольких европейских исследователей, меня охватило чувство невыразимой гордости. Ничему и никогда в жизни я так не радовался. Однако мне приходилось сдерживаться и скрывать свои переживания (в этом трудном путешествии француз выдавал себя за мавра. — Г. П.). На первый взгляд Тимбукту — это просто жалкое скопление плохо построенных глинобитных домов. В какую сторону ни взглянешь, только и видишь равнину, покрытую сыпучими песками, желтовато-бурую и совершенно бесплодную. Небо на горизонте светло-красное, в природе разлита печаль, царит тишина: не слышно птичьего пения. Но было что-то необычное и внушительное в городе, возникшем среди голых песков, и я невольно восхищался трудом тех, кто его основал...»

Сыпучие пески...

Светло-красное небо...

Печаль, разлитая в природе...

Жюль Верн подмечал каждую деталь.

Инстинктом художника он чувствовал за словами отчетов какую-то особенную, никем еще не разгаданную волшебную глубину. Он внимательно вчитывался в каждое слово. Он еще не знал точно, зачем ему все это, но чувствовал — надо... понадобится... Каким-то образом музыка, и прежде так часто звучавшая в его душе, начинала менять тональность. Всё самое интересное, всё, обратившее на себя внимание, он заносил в самодельные тетрадки своей картотеки. Теперь чего только в ней не было! И маршруты далеких плаваний, географические и научные открытия, новинки техники, схематические карты плохо изученных земель. Даже заметки о том, как будут выглядеть города будущего, там были...

Онорину Жюль честно предупредил, что утренние часы всегда будут отдаваться литературным занятиям.

— Это принесет нам деньги?

Он честно ответил:

— Нет.

Веру в быстрый успех он успел подрастерять.

Но работал. Каждое утро работал. Онорина же вставала около семи.

В своих привычках и вкусах Онорина оказалась такой же последовательной, как и муж. Что бы в мире ни происходило, какие бы события ни волновали Париж или заморские территории, завтрак в уютной маленькой столовой (она служила Жюлю Верну и кабинетом) подавался ровно в девять. Пуста домашняя касса или нет, есть лишний франк или нет, — обход бутиков и модных лавок входил в число главных развлечений Онорины. А Жюль пил свой кофе (всегда превосходный), просматривал свежие газеты и слушал болтовню жены, которая обо всем знала намного больше, чем любая самая информированная газета...

Около десяти Жюль Верн отправлялся на биржу.

В конторе брокера Эггли он сразу попадал в финансовый шторм, иначе это не назовешь. В 1857 году во Франции, а потом почти во всей Европе разразился мощный экономический кризис. Неудачные попытки отдельных биржевиков выправить положение собственными силами только ухудшали ситуацию. Газеты полнились тревожными новостями. Писали об ужасном восстании в Индии. Это, конечно, больше касалось Англии, но французские корабли тоже плавают по океанам, в том числе и у берегов Индии. В Китае длились «опиумные войны». Одна за другой назначались военные экспедиции в Японию, Аннам, Мексику, Сирию. Успех или неуспех на далеких азиатских и африканских рынках незамедлительно отражался на курсе ценных бумаг. Банковский работник Жюль Верн обязан был тщательно следить за колебаниями ценных бумаг, за состоянием дел иностранных казначейств, за прибылями отечественной промышленности, французских железных дорог, торгового флота. Но даже на бирже существовали тихие уголки, где всегда можно было обменяться с друзьями свежими литературными новостями, посмеяться над карикатурами в газетах. В определенное время под колоннадой собирались Шарль Валу, бывший сотрудник журнала «Семейный альманах», Дюкенель, мечтавший

стать директором театра Шатле (мечта его сбудется), Филипп Жиль, сменивший Жюль Верна в «Лирическом театре»; через пять-десять минут к ним присоединялись пианист Делиу, романист Фейдо и еще такие же отъявленные «финансисты», — неудачниками себя, впрочем, не считавшие.

Сквозь трещины каменных плит прорастала трава. Колонны нагревались на солнце.

«Мертвый город застыл в глазах, давай завоюем себе новые земли!» — такие песенки распевали тогда во всех кабачках Латинского квартала. Созданный в 1831 году французский Иностранный легион рос, утверждался. Любой француз, отвечавший определенным физическим кондициям, мог отправиться в заморские территории — подальше от скуки и безденежья.

«Мы печатаем шаг, мы хотим прочесать дальние страны!»

Брат Поль, морской офицер, плавающий по далеким морям, не раз слышал такие распевы. «Отправляйся-ка, парень, отправляйся на поиски незнакомого цветка в дальние страны, лежащие там, за океаном». Поль не раз бывал в заморских владениях Франции. «Пусть дрожат те, кому хотелось бы остановить тебя!»

Легион — наше отечество. Легион поет только свои песни.

«Кровяная колбаса! Колбаса для эльзасцев, швейцарцев, лотарингцев...»

Le Boudin (кровяная колбаса) — синее шерстяное одеяло, символ легиона, его носят legionеры на своем ранце. «Легион — это Тонкий. Легион — это Аннам! Легион — это Сенегал! *Le Boudin!* Кровяная колбаса! Лихорадка и огонь...» У legionеров даже темп маршировки был другой. Обычные армейские подразделения маршируют со скоростью 120 шагов в минуту, в легионе — только 88. В песках больше не сделаешь. Целый месяц газеты восторженно обсуждали историю о том, как некий удачливый французский консул на свой страх и риск купил у султана Сомали целый городок вместе с жителями. Казалось, сама Земля каждый день стремительно расширяется. Немудрено, что любопытные постоянно торчали в книжных лавках.

— У вас есть новые географические карты?

— Придется подождать. Но они уже печатаются.

По воскресеньям Жюль с удовольствием водил Онорину и падчериц в зоологический сад.

— Ой, какое удивительное животное! — Онорина не находила слов.

— Это окапи, — солидно и со знанием дела пояснял Жюль.

— А это что такое? Что это за птица?

— Это ехидна. Просто у этого животного, как у птиц, клюв.

Онорина смотрела на мужа чуть ли не с испугом. Мало того что он знал всех этих ужасных актеров и поэтов Монмартра, этих придурков, грубиянов, алкоголиков, теряющих время за «зеленой колдуньей», этих падших девок, строящих из себя нежных фей, — Жюль вообще знал имена всему. Зверям, травам, птицам, рыбам, насекомым, планетам, морям, островам, звездам. Разговаривать с Жюлем было страшно: знакомые слова у Онорины быстро заканчивались, а у Жюля таких проблем не было, он продолжал и продолжал говорить. Со звезд переходил на рыб, с рыб на птиц и на необыкновенных животных, с Фламариона на Ламарка, с Магеллана на Ливингстона, а когда Онорина совсем теряла нить рассуждений, вдруг вспоминал о любимом Александре Дюма-отце. Это имя успокаивало Онорину. Ода, Дюма! Конечно, Дюма! Человек-праздник! Его читают даже белошвейки!

Но Жюль переходил на исторические романы, и Онорина испытывала разочарование.

Зачем ей романы, тем более исторические? Они длинные и скучные. Зачем ей знать, о чем пишет некий господин Бальзак? Наверное, о страшном. Или этот Лоренс Стерн. «Сентиментальное путешествие». Разве путешествия бывают сентиментальными? Онорина предпочла бы услышать что-нибудь остренькое, пикантное. Что ей до книг, в которых главным, видите ли (по словам Жюля), является достоверный пейзаж. Онорина считала (и не без оснований), что достовернее всего на свете не какой-то там дурацкий пейзаж или сантименты какого-то путешествия, а истинная, непридуманная любовь мужчины — к женщине и все такое прочее. Звезд и рыб — миллионы, насекомых еще больше. Какой смысл знать по имени каждое живое существо? Хоть 100 лет живи, всех даже не перечислишь. Пусть себе птицы летают, жабы прыгают, рыбы ныряют. Какая разница, как их обозвали двуногие ученые чудаки?

— Смотри, Жюль, какая собачка!

Слепые застилая дни,
Дожди под вечер нежно-немы:
Косматые цветут огни,
Как пламенные хризантемы,
Стекают блики по плечам
Домов, лоснятся на каштанах,
И город стынет по ночам
В самосветящихся туманах...
В ограде мреет голый сад.
Внося колонну над колонной,
Из мрака лепится фасад —
Слепой и снизу осветленный.
Сквозь четкий переплет ветвей
Тускнеют медные пожары,
Блестят лучами фонарей
Пронизанные тротуары.
По ним кипит людской поток
Пьянящих головокружений —
Не видно лиц, и к стеблям ног
Простерты снизу копья теней.
Калится рдяных углей жар
В разверстых жерлах ресторанов,
А в лица дышит теплый пар
И запах жареных каштанов.
М. Волошин. Париж зимою. 20 апреля 1915 года

В апреле 1859 года Франция и Сардинское королевство, заключив специальное соглашение, выступили против Австрии. Все лето биржу лихорадочно трясло. Работы было так много, что Жюль пришлось даже изменить распорядок; бывало, он и ночь проводил в биржевой конторе.

Но все же выдавалось и свободное время.

«Мы только что вернулись из сельской местности Эссон, — писал Жюль отцу. — Онорина, я, Валентина, Сюзанна, Иньяр, Делиу и Леруа, мы всей компанией провели три дня у Огюста. Было весело, несмотря на сорокаградусную жару. А через недельку мне представится возможность побывать у вас в Нанте, правда, уже одному, без Онорины и детей. Альфред Иньяр (агент паровой компании в Сен-Назере) предлагает мне и своему брату Аристиду бесплатную поездку в Шотландию и обратно. Представляешь? Дел много, но я, конечно, не премину воспользоваться такой возможностью...»

Аристид Иньяр и Жюль Верн действительно отправились в путешествие.

Первым портом захода парохода «Принц Уэльский» оказался Лондон. Пока Иньяр с энтузиазмом великого композитора копался в партитурах Лондонского музыкального общества (он в то время писал оперу «Гамлет»), Жюль съездил на верфи Депфорта, где заканчивалось строительство гигантского по тем временам трансатлантического парохода «Грейт Истерн».

— Вот будущее! — восхищался он.

И было чем восхищаться! 210 метров в длину, 25 метров в ширину. Водоизмещение 32 тысячи тонн. Пять дымовых труб, шесть мачт. Гребные колеса диаметром чуть ли не в 18 метров приводились в движение двумя паровыми машинами по 500 лошадиных сил, а гребной винт с размахом около семи метров — машиной в 1600 лошадиных сил. Вдобавок еще и паруса общей площадью в 5400 квадратных метров. Экипаж из пятисот человек. Каюты на пять тысяч пассажиров. Настоящий город! Всё в этом пароходе поражало. Ему даже не требовалась дозаправка по пути через океан — места для угля в трюмах хватало...

Из Лондона друзья проследовали в Ливерпуль.

Из Ливерпуля на Гебриды, а с островов — в Эдинбург.

В Шотландии Жюль смело спускался в угольные шахты, что

впоследствии помогло ему в написании романа «Черная Индия». Он любил Шотландию — сказывалась материнская кровь. Всё в Шотландии его восхищало. Он посетил замок Холируд, постоял у памятника обожаемому им Вальтеру Скотту.

«У ног расстилалась удивительная панорама Эдинбурга, — писал он позже в «Черной Индии». — Чистенькие прямые кварталы нового города, нагромождение домов и причудливая сетка улиц Старой коптильни. Над всем этим господствовали две высоты: замок, прилепившийся к базальтовой скале, и Колтон-Хилл с руинами памятника на округлом хребте. От столицы лучами расходились прекрасные, обсаженные деревьями дороги. На севере Фортский залив, подобно морскому рукаву, глубоко врезался в берег, открывая Лейсский порт. Выше, на третьем плане, развертывалось живописное побережье Файфского графства, а дальше — прекрасные песчаные пляжи Нью-Хейвена и Портобелло, где песок окрашивал в желтый цвет первые волны прилива. Даль оживляли рыбацьи лодки и два-три парохода, поднимавших к небу султаны черного дыма...»

А ведь совсем недавно он писал глупенькие водевили.

Вернувшись в Париж, Жюль узнал о подписанном в Виллафранке перемирии между императорами Наполеоном III и Францем Иосифом.

«Вот и долгожданный мир, — написал он отцу. — Стоило ли тратить пятьсот миллионов франков, чтобы прийти к такому результату?»

Отвечая на деловые вопросы отца, он не забывал напоминать: «Я глубоко верю, что рано или поздно достигну литературного успеха. Правда, меня страшит то, что в свои тридцать два года я все еще не занял прочного места в литературе...»

Но он работал.

Вставал в пять часов утра.

Это раздражало Онорину, у них возникали конфликты.

Как бы в утешение за домашние ссоры летом 1859 года судьба поднесла Жюлю Верну прекрасный и тревожный подарок. В одном из художественных салонов, а может, на выставке или театральном вечере (сейчас можно только гадать), он познакомился с некоей Эстель Энен. Биографы Жюля Верна обратили внимание на дату, подчеркнутую в романе «Замок в Карпатах» самим автором — *29 мая того года*. Возможно, именно в мае, именно 29-го числа они встретились. В любом случае встреча произошла задолго до августа, потому что 30 августа упомянутая молодая дама («белокурая красавица») вышла замуж за нотариуса Шарля Дюшена...

Многие десятилетия при жизни писателя и после его смерти об отношениях его с мадам Дюшен ходили только неясные слухи, что, видимо, всех устраивало. Когда Жюль Верна не стало, родственники его категорически отказывались публиковать что-либо, известное об этих отношениях. В замечательной (хотя и не всегда искренней) книге внука писателя Жана Жюль-Верна^[16] об отношениях мадам Дюшен и Жюля Верна сказано было весьма туманно:

«Сирена, чье влияние на писателя было предано гласности его романтическим биографом, госпожой де ла Фюи, вероятнее всего, ничем не походила на женщину, которая рисуется лукавому воображению. Это была дама серьезная, широких взглядов, с ней он мог обсуждать интересующие его вопросы, а кроме того, она предоставляла ему возможность мирно работать. Помнится, она жила в Аньере, в то время место это было тихое и спокойное. Фамилию мадам Дюшен можно отыскать в архивах, так как я

имел неосторожность сообщить ее госпоже Аллот де ла Фюи, оставившей мое письмо в своих бумагах. Я называю эту фамилию с некоторой осторожностью, ибо мне так и не удалось установить, кто была эта дама. Тем не менее одна особенность не может не привлечь внимания: ее имя свидетельствует о том, что она принадлежала к одной из нантских семей. Не исключено, таким образом, что Жюль Верн просто возобновил старое знакомство... Мадам Дюшен умерла лет на двадцать раньше Жюля Верна. Есть основания полагать, что она принадлежала к его поколению, а возможно, была и старше его. Во всяком случае, сомневаться не приходится: Жюль Верна связывала с этой дамой большая духовная близость, она проявила себя достойной собеседницей, и оба они относились друг к другу с живейшей симпатией. Мне скажут, что симпатия между мужчиной и женщиной называется любовью. Не спору, но позволю себе заметить, что любовь многогранна, приведу один лишь пример: любовь Лауры и Петрарки, послужившая поводом для стольких словесных излияний».

Как уже говорилось, из чисто моральных соображений (может быть, и ложных) после смерти Жюля Верна родственники наглухо закрыли его архив. Таким образом приятельницы парижской юности Жюль Верна остались безвестными, но о мадам Дюшен сейчас мы, к счастью, знаем многое. Даже то, с каким приданым она шла замуж за Шарля Дюшена (30 тысяч франков) и под какие проценты муж брал кредит, чтобы купить нотариальную практику.

Но нам важно другое.

Мадам Дюшен (она была моложе Жюля Верна на восемь лет) сыграла в жизни писателя огромную роль. С именем Эс-тель связаны романы Жюль Верна «Париж в XX веке», «Плавучий остров», «Замок в Карпатах». Скрытые намеки разбросаны по многим другим книгам Жюль Верна. Их общая (внебрачная) дочь Мари дала толчок роману «Невидимая невеста». Под названием «Тайна Вильгельма Шторица» роман этот был опубликован только после смерти писателя.

Известно, что мадам Дюшен была знакома с Надаром — близким другом Жюль Верна.

Надар, настоящее имя — Каспар Феликс Турнашон (1820— 1910), был известен всему Парижу. Писатель, театральный художник, карикатурист, смелый воздухоплаватель, адепт только что зародившейся фотографии — он во всем с блеском проявил себя. Фотоателье Надара на улице Анжу посещали самые разные люди. Там можно было встретить композитора Гектора Берлиоза (1803—1869), знаменитого строителя Суэцкого канала

Фердинанда Лессепса (1805—1894), поэта Шарля Бодлера, русского революционера Бакунина (1814—1876), художника Поставы Доре (1832—1883). Фотопортреты гостей Надара не раз издавались отдельными альбомами. Он первый открыл парижанам таинственные катакомбы столицы, первый показал им Париж с высоты птичьего полета.

Не исключено, что и первая встреча Жюль Верна с Эстель Энен произошла именно в фотоателье Надара.

Это была счастливая для Жюль Верна встреча.

Он нуждался в собеседнице, во всем понимающей его.

Мир буквально кипит. В мире происходят значительные события.

Жюль Верн каждый день пополняет свою постоянно растущую картотеку.

В России отменено крепостное право, в Америке идет война за уничтожение рабства, электричество мощно входит в обыкновенную будничную жизнь, человек покоряет воздушные и водные пространства...

Жюлю постоянно нужна собеседница, а Онорина...

Электричество? Но на люстрах все еще красуются свечи. Суэцкий канал? Но Онорина не собирается в Индию. Гораздо больше, чем тибетские базары, ей нравится мир парижских бутиков!

Вот, правда, муж зарабатывает мало...

После бурных ссор с Онориной встречи с Эстель, конечно, казались завораживающими. Ничего такого Жюль Верн не чувствовал со времен своей влюбленности в Каролину. Это настоящее чувство!

Да, конечно, уже с августа 1859 года Эстель — дама замужняя. Но зато и предприимчивая, как многие француженки. Теперь, после знакомства с Жюлем, ей хотелось жить ближе к Парижу, и она уговорила мужа купить дом в Аньере (собственно, пригород столицы) — на набережной Сены, 49. Этот дом и стал местом постоянных встреч Жюль Верна и Эстель, поскольку все будние дни Шарль Дюшен должен был проводить в своем бюро в Кевре...

В июне 1861 года брат Иньяра снова предложил Аристиду и Жюлю бесплатное путешествие. На этот раз на угольщике — по разным портам Норвегии, Швеции и Дании. Жюль, конечно, сразу же согласился. Онорина была беременна, Эстель, к его огорчению, тоже (не от него... не от него...), биржа отнимала много времени, а тут снова любимое море, извилистые фиорды, ледники, ветер...

К сожалению, путешествие оказалось недолгим.

В Копенгагене Жюль получил срочную телеграмму: 3 августа 1861 года Онорина родила ему сына. Назвали его — Мишель.

На попутном пакетботе Жюль Верн вернулся во Францию.

В те годы Жюль чаще всего встречался с Надаром.

Темпераментом и копной рыжих волос художник напоминал Александра Дюма-отца.

Будущее? Да о чем разговор? Будущее будет прекрасным. Будущее будет исключительно республиканским! Ведь республика — это государство свободы! В свободном воздухе над свободной страной поплывут чудесные воздушные корабли. Кстати, чем не сюжет для большого романа: путешествие на воздушном корабле или на воздушном шаре? А? Чем сегодня можно увлечь уставшего от бесчисленных событий обывателя?

Надар первым разместил в оболочке обычного воздушного шара еще одну — внутреннюю, хитроумно связав ту и другую неким секретным приспособлением. Он построил настоящий шар-гигант и так и назвал его — «Гигант». Надар надеялся выгодно продать его инженеру Лессепсу, точнее, администрации Суэцкого канала — для инспектирования с воздуха. Горячие разговоры в крошечном кабинетике Жюля Верна на бульваре Бон Нувель или в квартире Надара на улице Дофина часто затягивались допоздна. Это раздражало Онорину, потому что Мишель родился болезненным мальчиком и требовал повышенного внимания.

Путешествие на воздушном шаре...

Жюль Верн уловил главную мысль друга...

В задуманном им романе путешественники должны были отправиться на воздушном шаре не куда-нибудь, а в малоизвестную тогда Африку. Там, в тропических лесах затерялся шотландский миссионер Давид Ливингстон (1813—1873). Там, в сердце тьмы, как позже определит атмосферу тропиков Джозеф Конрад, пропали уже многие знаменитые путешественники. Капризы и плач маленького Мишеля, конечно, мешают работать. Мешают бесконечные жалобы Онорины на тесноту и на нехватку денег. Мешает нелюбимая работа в банке. Но...

Писать. Писать. Писать. Ценой каких угодно

Усилий. Исчеркав хоть тысячу страниц.

Найти сокровище. Свой мир. Свою Голконду.

Сюжет, не знающий начала и границ.

Написано о другом писателе, но напрямую относится и к Жюль Верну.

Он трет вспотевший лоб.
В итоге наблюдений
Остался перечень ошибок и обид.
И только дождь долбит: дай денег, денег, денег!
Долбит по капле дождь, и тишина долбит.
И если твой башмак по этой грязи хлюпал,
Будь трезвым, как вода, и — глупым, глупым, глупым,
Как дождь, как ржавая блевота желобов,
Как власть традиции, как вечная любовь...
П. Антокольский. Бальзак

Крошечная квартира... Ссоры с женой... Бесконечные капризы Мишеля...

Но одновременно — возвышенные беседы с мадам Дюшен (в те дни, когда ее муж находится в Кевре) и вдохновенные речи Надара!

Законченную рукопись («Пять недель на воздушном шаре») Жюль Верн показал редактору журнала «Обозрение двух миров» господину Франсуа Бюло, который, в общем-то, согласен был ее напечатать, но без гонорара.

— Но я писатель, сударь!

— Но у вас нет никакого имени!

— Зато я написал необычный роман!

— Поздравляю вас. Но все равно вы пока никому не известны. Вот и начните с «Обозрения двух миров». Печататься в таком замечательном журнале почетно само по себе без всякого гонорара.

Рукопись у Бюло Жюль забрал.

Но что с ней делать? Опять тупик.

Жюль Верн в тот год так много работал, что в столе у него лежала рукопись еще одного романа — «Париж в XX веке» — фантастического. Мелкий отчетливый почерк, каждая буква одна к другой — Жюль Верн понимал, что даже от почерка многое зависит. Чем неразборчивее рукопись, тем труднее ее оценить.

К счастью, как раз в это время неугомонный Надар познакомил друга с издателем Пьером-Жюлем Этцелем (1814— 1886), надо заметить, очень непростым человеком. В 1848 году энергичный Этцель занимал во временном правительстве место начальника канцелярии министра иностранных дел, затем — морского министра и генерального секретаря кабинета. После переворота, устроенного Луи Наполеоном, Этцель, как многие его друзья-республиканцы, бежал за границу. Своих идей он не растерял, но, вернувшись во Францию, отошел от активной политической деятельности и занялся исключительно издательскими делами. Вполне успешно, между прочим. С Этцелем охотно сотрудничали самые выдающиеся французские писатели, да и сам он писал увлекательные книжки для детей (под псевдонимом П.-Ж. Сталь). Не особенно надеясь на успех, Жюль Верн показал Этцелю свой роман о воздушном путешествии над Африкой.

И услышал, наконец, долгожданное:

— Эта вещь у меня пойдет!

Удача! Даже больше, чем удача.

Условия, предложенные Этцелем, потрясли Жюль Верна.

С этой поры по долгосрочному договору (а речь сразу зашла о постоянном сотрудничестве) Жюль Верн обязывался все написанное отдавать исключительно Этцелю. Для начала романы должны были проходить через «Журнал воспитания и развлечения», основанный Этцелем совместно с известным педагогом Жаном Масе (1815—1894). «Журнал» этот оказался чрезвычайно живучим, он выходил с 1864 по 1906 год. Своей популярностью «Журнал воспитания и развлечения», конечно, был обязан прежде всего Жюлю Верну, опубликовавшему в нем 30 романов, к тому же проиллюстрированных лучшими французскими художниками того времени: Эдуардом Риу (1833-1900), Жюлем Декартом Фера (1819—1898?), Альфонсом Мари де Невилем (1835—1885), Леоном Бенеттом (1839—1916), Эмилем Байяром (1837—1891) и др. С «Журналом» активно сотрудничали писатели Эркман-Шатриан (псевдоним Эмиля Эркмана, 1822—1899, и Александра Шатриана, 1825—1890), Гектор Мало (1830-1907), Люсьен Биар (1829-1897), Эдуард Лабуле (1811-1883), Жюль Сандо (1811-1883), Андре Лори (псевдоним Паскаля Груссе, 1845—1909), Андре Лео (псевдоним романистки Леодиль де Бера-Шансе, 1829—1900), Камиль Лемонье (1844—1913) и такие известные ученые, как Элизе Реклю (1830-1905), Анри Сен-Клер Девиль (1818-1881), Камиль Фламарион (1842—1925), Вивьен де Сен-Мартен (1802-1897).

Три полноценных романа в год или один трехтомный!

Объемы (десять авторских листов каждый том) Жюль Верна не пугали.

Рукопись первого романа («Пять недель на воздушном шаре») уже сдана издателю, рукопись второго готова («Париж в XX веке»). Картотека постоянно и энергично пополняется. Идей в голове масса. Жюль Верн многие годы мечтал о настоящей литературной работе, о настоящем успехе! Писать романы — это не уговаривать разных там капризных режиссеров, певичек, актеров, это не корпеть над скучными банковскими бумагами. Онорина была потрясена обещанием Этцеля за каждый том выплачивать 1950 франков, а мадам Дюшен... О, мадам Дюшен радовалась успеху Жюля!

«Познакомившись с Александром Дюма-отцом, — сказал однажды Жюль Верн, — я решил, что все то, что он сделал для истории, я сделаю для географии».

Герой первого романа Жюль Верна — доктор Самюэль Фергюссон, действительный член Географического общества Лондона, с верным слугой Джо и не менее верным другом Ричардом Кеннеди (по прозвищу Дик) отправляется в неслыханное путешествие над Африкой — по воздуху, на воздушном шаре. Доктор Фергюссон (вот они, долгие вечерние беседы с Надаром!) изобрел свой собственный способ с помощью специального змеевика подогревать водород в оболочке воздушного шара, а значит, по своей воле менять высоту, отыскивая наиболее благоприятные для полета ветры. Не надо с опасностью для жизни продираться сквозь тропические заросли, прорубать тропу, отбиваться от злобных дикарей — огромный воздушный шар под величественным названием «Виктория» сам перенесет тебя через весь Африканский континент — с побережья Занзибара в Сенегал. Многие страницы романа «Пять недель на воздушном шаре» даже в наши дни вызывают восхищение, а представьте, как их воспринимали современники!

И юмор необычный.

«По окончании заседания, — читаем мы уже в первой главе романа, — доктора Фергюссона повезли на улицу Пель-Мель в "Клуб путешественников", где в его честь устроили великолепное пиршество. Количество блюд соответствовало значению, которое придавалось экспедиции почетного гостя, а поданный на стол осетр был только на каких-нибудь три дюйма короче самого Самюэля Фергюссона. Французские вина лились рекой, провозглашалось множество тостов в честь знаменитых путешественников, прославивших себя исследованиями Африки. Пили за здоровье одних и за светлую память других, придерживаясь при этом алфавита».

И дальше идет чудовищное перечисление:

«Пили за Аббади, Адамса, Адансона, Андерсона, Арно, Арнье, Барта, Бейки, Бельтраме, Бертон, Берчела, Бика, Бимбачи, Болвика, Болдуина, Болзони, Болоньези, Боннемена, Брен-Ролле, Брауна, Бриссона, Брюса, Буркхардта, Вайлда, Вальберга, Варингтона, Вашингтона, Вейсьера, Венсана, Верне, Винко, Водейя, Галинье, Гальтона, Гольберри, Дебоно,

Дезаваншера, Деккена, Денхема, Диксена, Диксона, Дочарда, Дункана, Дю Бербя, Дюверье, Дюрана, Дюруле, Дю Шаллю, Жоффруа, Ибн Баттута, Кайе, Кайо, Кауфмана, Кемминга, Кемпбелла, Клаппертона, Кноблехера, Коломье, Крапфа, Куммера, Куни, Курваля, Лажайя, Ламбера, Ламираля, Лам-приера, Лафарга, Левайяна, Лежана, Ленга, Джона Лендера, Ричарда Лендера, Лефевра, Ливингстона, Мадьяра, Мак-Карти, Мальзака, Мольена, Монтейро, Моррисона, Моффата, Мунго Парка, Мэзана, Нейманса, Овервега, Пане, Партаррьо, Паскаля, Педди, Пенея, Пирса, Питрика, Понсе, Пракса, Рата, Раффенеля, Ребмана, Рилейя, Ритчи, Ричардсона, Ронгави, Роше д'Эрикура, Рошера, Рюппеля, Сонье, Спика, Такки, Таусни, Тибо, Тирвитта, Томпсона, Торнтон, Троттера, Туля, Ферре, Фогеля, Френеля, Халма, Хана, Хейглина, Хорнемана, Хоутон, Чепмена, Штейднера, Эккара, Эмбера, Эрхардта, д'Эскейрак де Лотюра. Наконец, подняли бокалы и за доктора Самюэля Фергюссона, который своим удивительным начинанием обещал в скором времени связать воедино труды всех вышеперечисленных предшественников и внести свой собственный вклад в изучение Африки...»

Страшно представить состояние гостей, даже если за каждого путешественника они сделали всего по глотку. Это все равно, что пить поименно за каждого отдельного человека в тысячной толпе, запрудившей площадь. (Кстати, предложенной Жюлем Верном моделью описания заседаний Лондонского географического общества впоследствии не раз с удовольствием пользовался Артур Конан Дойл, да и не только он.) Конечно, нормальный человек вряд ли дочитает до конца приведенный Жюлем Верном список, но мы видим улыбку писателя: верьте мне! "

И ему поверили.

Путешествуя в корзине «Виктории» над Африкой, доктор Самюэль Фергюссон собирался стереть с карты множество белых пятен, в частности — обнаружить истоки Нила. Начиная путешествие, он еще не знал, что истоки Нила открыты. 28 июля 1862 года английский путешественник Джон Хеннинг Спик (1827—1864) вышел к огромному озеру, которое он назвал именем королевы Виктории (вот они — совпадения), — из этого озера и вытекал Белый Нил. Впрочем, телеграмма Спика пришла в Европу только 30 апреля 1863 года, так что доктор Фергюссон летел в неизвестность.

Спутник доктора — Ричард Кеннеди — оказался человеком спокойным и рассудительным. Трудно ли сломать голову, передвигаясь на воздушном шаре? — спрашивает он. Почему непременно надо передвигаться по воздуху?

«Да потому, — весело отвечает доктор, — что до сих пор многие подобные попытки терпели сплошные неудачи. Мун-го Парк убит на Нигере, несчастный Фогель исчез в стране Вадаи, Оудней умер от лихорадки в Мурмуре, Клаппертон — в Сокото, француз Мэзан изрублен на куски злобными дикарями, майора Ленга зарезали туареги, а Рошер из Гамбурга погиб в начале тысяча восемьсот шестидесятого года неизвестно какой смертью. Вам этого мало? Хотите продолжить список?»

И подводит итог сказанному: «Зачем, мой друг, бороться сразу со всеми этими ужасными стихиями — с голодом, жаждой, с ужасными болезнями, дикими зверями и неоткрытыми туземными племенами, если есть возможность лететь над ними?»

Всю жизнь Жюль Верн возвращался к романам Дефо и Висса.

Любовь к перечислениям, к функциональным перечислениям, заметим, к чудесным находкам — это, конечно, от «Робинзона».

«Раньше всего я уложил на плоту все доски, какие нашлись на корабле; потом взял три сундука, принадлежавших нашим матросам, взломал замки и выбросил все содержимое. Потом я отобрал те вещи, которые могли понадобиться мне больше всего, и наполнил ими все три сундука. В один сундук я сложил съестные припасы: рис, сухари, три круга голландского сыра, пять больших кусков вяленой козлятины, служившей нам на корабле главной мясной пищей, и остатки ячменя, который мы везли из Европы для бывших на судне кур; кур мы давно уже съели, а немного зерна осталось. Этот ячмень был перемешан с пшеницей; он очень пригодился бы мне, но, к сожалению, как потом оказалось, был сильно попорчен крысами. Кроме того, я нашел несколько ящиков вина и до шести галлонов рисовой водки, принадлежавших нашему капитану...»

«Помимо необходимого количества водки, — писал он в романе «Пять недель на воздушном шаре», — доктор Фергюссон брал с собой два ящика питьевой воды, по двадцать два галлона каждый. По мере потребления этих припасов нагрузка воздушного шара должна была уменьшаться. Надо знать, что равновесие шара в воздухе чрезвычайно неустойчиво. Даже незаметное уменьшение нагрузки может ощутительно изменить положение воздушного шара. Доктор Фергюссон не забыл ни тента, прикрывающего часть корзины, ни одеял, составляющих постель путешественников, ни, конечно, охотничьих ружей с запасом пороха и пуль.

Вот точный подсчет всего, что находилось на "Виктории" (в фунтах):

Фергюссон ... 135

Кеннеди ... 153

Джо ... 120

Внешняя оболочка шара ... 650

Внутренняя оболочка ... 510

Корзина и сеть ... 280

Якоря, инструменты, ружья, одеяла, тент, разная утварь ... 190

Солонина, пеммикан, сухари, чай, кофе, водка ... 386

Вода ... 400

Аппараты ... 700

Вес водорода ... 276

Балласт ... 200

Всего — 4000 фунтов...»

То, что на воздушном шаре «Виктория» летят только англичане, Жюль Верна, при всем его патриотизме, ничуть не смущало. Спасали путешественников (а значит, всё ими открытое) все-таки французы. «Воздушный шар начал снижаться. Смелчаки-воздухоплаватели вцепились в сетку. Казалось сомнительным, что они благополучно достигнут земли. И тогда французы (члены экспедиции, специально посланной на помощь доктору Фергюссону сенегальским губернатором. — Г. П.) бросились в реку и подхватили англичан почти в тот момент, когда "Виктория" буквально свалилась в воду в нескольких саженях от левого берега Сенегала.

— Доктор Фергюссон? Не правда ли? — крикнул лейтенант.

— Он самый и два его друга, — спокойно ответил доктор».

Истоки Нила открыты. На огромном пространстве между четырнадцатым и тридцать третьим градусами восточной долготы стерты белые пятна. Гонимая попутными ветрами, «Виктория» благополучно долетела до французских заморских территорий. Наконец, доктор Фергюссон вполне заслуженно получил золотую медаль за то, что подтвердил научные факты, с таким трудом добытые до него Бартом, Бертоном, Спиком и другими мужественными исследователями.

Роман Жюль Верна вышел в свет 24 декабря 1863 года.

Успех был огромный. Произведение сразу перевели на многие европейские языки.

Молодой, никому до того не известный писатель сразу стал настоящей знаменитостью.

Через много лет Жан Жюль-Верна в превосходной книге, посвященной деду^[18], привел письмо Этцеля-сына, в котором (в июле 1896 года) издатель, сменивший на этом посту отца, рассказал Жюлю Верну о некоем состоявшемся в Париже съезде книгоиздателей. На этом съезде, писал Этцель-сын, «...три наших министра решили пустить пыль в глаза своим иностранным собратьям, всячески подчеркивая значение современной французской литературы. Все шло очень хорошо и пошло еще лучше, когда было упомянуто Ваше имя. Господин Аното вспомнил, как однажды, сопровождая посла В. на Берлинскую конференцию, где обсуждались сферы влияния в Африке, он натолкнулся на странное равнодушие, даже на невежество своего начальника, который не желал знать или хотя бы ознакомиться с необходимыми дипломатическими и географическими документами. Особенное пренебрежение господин В. высказывал в отношении озера Чад, утверждая, что в детстве "никогда не видел его на школьных картах". При упоминании о детстве, рассказал господин Аното, я подумал, что для меня озеро Чад не просто детское воспоминание. Благодаря роману "Пять недель на воздушном шаре" это озеро превратилось для меня в наваждение и теперь возникло в инструкциях, которые я составлял по распоряжению министра. И я подумал, что Жюль Верн, наверное, и на более пожилого, уже сформировавшегося человека сможет повлиять так, как повлиял когда-то на ребенка. Я побежал приобрести экземпляр романа, а вечером сказал послу, что если он пожелает прочесть эту книгу, то у него составитя должное представление об озере Чад. На следующий день посол вернул мне книгу, в которой все страницы были разрезаны до конца... Я выиграл свое дело, а Жюль Верн, как Вы можете убедиться, еще раз оказался провидцем, уже в первом своем романе совершенно верно определив территории Франции в Африке».

Часть вторая.

НА ПИКЕ

(1864-1872)

*Я мальчиком мечтал, читая Жюль Верна,
Что тени вымысла плоть обретут для нас,
Что поплывет судно, громадней «Грейт-Истерна»,
Что полюс покорит упрямый Гаттерас,
Что новых ламп лучи осветят тьму ночную,
Что по полям пойдет, влекомый паром, Слон,
Что «Наутилус» нырнет свободно в глубь морскую,
Что капитан Робюр прорежет небосклон.
Свершились все мечты, что были так далеки.
Победный ум прошел за годы сотни миль;
При электричестве пишу я эти строки,
И у ворот, гудя, стоит автомобиль;
На полюсах взвились звездистые знамена;
Семья «Титаников» колеблет океан;
Подводные суда его взрезают лоно,
И в синеву, треща, взлетел аэроплан.
Валерий Брюсов*

*

Дыхание удачи. — «Париж в XX веке». — Дама из Аньера. — «О некоторых авторах XIX века и о том, как трудно достать их книги». — Мелодии галантного века. — Поиски стиля. — Жестокое письмо Этцеля. — «Англичане на Северном полюсе». — Лето в Шантане. — Размышления. — «Эдгар По и его произведения». — Картотека открытий и исследований. — Нисхождение профессора Лиденброка в подземную бездну. — Технический прогресс. — «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут». — Замысел серии «Необыкновенные путешествия». — Смерть мадам Дюшен. — Любовь и

супружеская верность. — Кого будут читать в XX веке? — «Отверженные». — Записка, найденная в желудке акулы. — Новое необыкновенное путешествие вокруг земного шара. — Обезьяны и чернокожие. — Натуралист на борту «Дункана». — «Иллюстрированная история Франции». — Покупка «Сен-Мишеля». — Колыбель рода человеческого. — Споры с издателем. — Загадочный капитан. — К вопросу о России. — Гюго или Дюма-отец? — Теория Вечного Мстителя. — Красота спасающая, красота убивающая. — Зинаида Гиппиус о Жюле Верне. — «Если бы Фабиан был французом...» — Война. — Седанская катастрофа. — Самый мрачный роман. — Семьдесят два дня Парижской коммуны. — Декламаторы молний. — «Париж заселяется вновь...» — Смерть отца. — Решение о переезде в Амьен. — Дагеротип Надара

Жюль Верн продолжал служить в конторе Эггли, но успех романа и долгосрочный договор с Этцелем позволяли строить более уверенные планы.

Под колоннами Парижской биржи Жюль Верн немало размышлял о складывающейся ситуации. Вне сомнения, жизнь начинала удаваться. Он писал о том, что ему было интересно, и работа его оплачивалась. Он бережно относился к деньгам, даже сейчас не позволяя Онорине слишком часто посещать бутики. Бережно относился — это не фигура речи. Судя по воспоминаниям внука, ссылавшегося на близких родственников, писатель был скуповат. Онорина, в свою очередь, мало интересовалась рукописями мужа, только иногда переспрашивала: а о чем это он там пишет? Ах, о процветании Франции! Вообще-то она считала, что о *таком* должны думать и писать министры.

Жюль Верн думал иначе.

Процветание Франции в XIX веке во многом зависело от заморских территорий, от того, как складывается ситуация в Африке, Индокитае, Северной Америке. «Научные» романы, показывающие и объясняющие мир, именно сейчас могут принести обывателю, то есть главному читателю любого пишущего человека, ощущение реального участия в мировых процессах. Пароходы пересекают океаны, над Землей взлетают воздушные шары, значит, даже банки рано или поздно получают в свое распоряжение не привычных недалеких клерков, не успевающих следить за стремительно меняющимися курсами ценных бумаг, а быстродействующие электрические машины.

В рукописи романа «Париж в XX веке» Жюль Верн уже описал нечто подобное.

Электрические счетные машины походили на огромные фортепиано. Пользуясь удобной клавиатурой, можно было в невероятно короткое время и с непостижимой точностью посчитать любые расходы, приходы, сложные коэффициенты, пропорции, проценты...

Работая над вторым томом полярных приключений капитана Гаттераса, Жюль Верн завершил и отправил Этцелю рукопись «Парижа».

Он не сомневался в успехе. Он надеялся на успех. Он был уверен в успехе.

Как ни хороши были «Пять недель на воздушном шаре», но между

этим сочинением и, к примеру, «Отверженными» Виктора Гюго была, скажем так, разница. Роман «Париж в XX веке» должен был эту разницу сгладить. Этим романом Жюль Верн вторгся в настоящую литературу. Он действовал как мэтр Виктор Гюго, как Оноре де Бальзак, даже как нелюбимый им Эмиль Золя. Жюль Верн теперь писал о самых обычных вещах, о том, что будет со всеми нами. Не с отдельной экспедицией в экзотические края, а со всеми французами, с парижанами точно. Ну да, Майн Рид, Вальтер Скотт, Джеймс Фенимор Купер, капитан Марриэт, — все они создают замечательные, всеми читаемые книги, но когда критики всерьез заговорят о неведомом *будущем*, то без обращения к «Парижу в XX веке» они не смогут обойтись. Как не обходятся сейчас без перечисленных выше имен, говоря о *настоящем*.

Эстель поддерживала такие настроения.

Молодой писатель нуждался в ее поддержке.

Он долгие годы мечтал о женщине, с которой можно обсуждать не только моды или светские слухи — с этим прекрасно справлялась и Онорина; ему хотелось любить женщину, которая будет понимать то, о чем он пишет, и чтобы в хорошенькой головке ее не смешивались механически обыденность и приевшаяся романтика художественных салонов.

Даже скупость Жюля Верна, его чисто французская скупость, несколько умерилась благодаря влиянию белокурой красавицы. Правда, этому помогало и то, что Онорина не всегда могла контролировать поступление его гонораров.

Мадам Дюшен жила теперь в Аньере, и он понимал, что это — ради него.

Подобных чувств Жюль Верн не испытывал со времен своей юношеской влюбленности в Каролину. Что же касается Онорины... Да, типичный брак по расчету... Ни она, ни он этого не скрывали... Такой же брак по расчету, как и у Эстель с Шарлем... Других вариантов, к сожалению, нет. Человек не просто любит жить, человек любит хорошо жить. В одиночку справиться с тяготами жизни трудно. У общества свои законы, не всегда можно переступить через них. Шарль Дюшен был старше Эстель на 14 лет, у него было свое дело. И, к счастью для влюбленных, дело это (нотариальная контора), благодаря стараниям Эстель, находилось в Кевре, достаточно далеко от Аньера...

Любовь и успех возродили Жюль.

Он чувствовал себя способным на всё.

Он теперь иначе смотрел на людей, которыми совсем недавно восхищался, которым, что скрывать, нередко завидовал. Он чувствовал, что с помощью талантливого издателя и своего собственного таланта (Эстель не уставала напоминать об этом) он поистине горы свернет. «Париж в XX веке» должен был показать Этцелю, что выбор его сделан правильно. Зная литературные вкусы издателя, в главе «О некоторых авторах XIX века и о том, как трудно достать их книги» Жюль Верн специально коснулся давней, правда, умело до поры до времени затаенной обиды. Ему почему-то вдруг показалось, что жесткая критика кипящего литературного мира понравится Этцелю.

«Бальзак, де Мюссе, Ламартин — все они давно позабыты», — с чрезвычайной легкостью заявлял в романе Мишель — молодой человек грядущего XX века. Жюль Верн хотел раз и навсегда поразить издателя смелостью и независимостью своих суждений. Он ядовито высмеивал вчерашних кумиров, от которых если кто и останется, то разве что Поль де Кок (1793— 1871) (вполне возможно, что романы Поль де Кока нравились мадам Дюшен. — Г. П.). А на смену грязным натуралистическим творениям Эмиля Золя (1840—1902) или высокомерной стилистике Пастера Флобера придут книги совсем иного плана.

Какого? Да научного, прежде всего!

Жюль Верн даже приводил названия таких книг.

«Теория трения» — в двадцати томах. «Обзор трудов по проблемам электричества». «Практический трактат по смазке ведущих колес». «Электрические гармонии», изложенные исключительно в стихах. «Раздумья о кислороде». «Поэтический параллелограмм» (сразу вспоминается «Треугольная груша» А. Вознесенского. — Г. П.). Вот что должно интересовать нормальных людей. В конце концов, умный издатель, а Этцель, несомненно, относился к умным издателям, должен понять главную мысль молодого автора: будущее формируется сегодня, и формируется оно сегодняшними взглядами на жизнь и прогресс.

Идеи, изложенные в фантастическом романе, должны были раз и навсегда сокрушить принципы на глазах устаревающего романтизма.

Еще в 1827 году, то есть за год до рождения Жюль Верна, в предисловии к знаменитой драме «Кромвель» Виктор Гюго подробно изложил пресловутые принципы. Разумеется, романтизм еще жив, принципы его еще продолжают работать, но мэтр не видит, не учитывает того, с какой невероятной мощью вторгаются в жизнь техника и наука. Конечно, мэтр прав: никому не следует подражать, верить можно только природе и собственному вдохновению. Конечно, мэтр прав: вовсе не романтические литературные персонажи воплощают в себе все самое величественное и прекрасное, а обыкновенные люди. Хотя нет. С последним утверждением можно спорить. Жорж Кювье (1769—1832), или Антуан Лавуазье (1743—1794), или Давид Ливингстон в быту, возможно, всегда вели себя как обычные добропорядочные люди, но их мощные умы так сильно воздействовали на историю всего мира, что их ни в коем случае нельзя было считать людьми обычными...

Да, мэтр прав: современный писатель всегда должен помнить о точности места и действия. Размытые романтиками пейзажи Франции или заморских территорий требуется теперь писать просто и ясно. Достижения науки позволяют делать это. Долой Шекспира! Да! Но долой и Буало! Долой и самого мэтра Виктора Гюго!

Да здравствует точность! Да здравствует научный подход!

«Месье, ваш отец был художником, — говорит Мишелю Дюфренуа, молодому герою романа, некий опытный, поживший господин Бутарден, опершись одной рукой о классический камин, а другую спрятав в карман жилета. — Я хотел бы думать, что вы не унаследовали злополучные наклонности своего отца. Я вижу, вы охотно путешествуете по зыбучим пескам идеального, а это опасно. Сами видите, пока что самым очевидным результатом ваших усилий стал только пресловутый приз за сложение латинских стихов, который вы позорно заработали. Нет-нет! Я не потерплю поэтов в своей семье! Я не потерплю жалких субъектов, плюющихся рифмами! Запомните, что артист недалеко ушел от обычного кривляки, которому я бросаю из своей ложи сто солей, дабы он позабавил меня после обеда. Вы слышите, Мишель? Никаких талантов! Долой таланты! Сегодня важны только способности, так что забудьте про свои нелепые стишки.

Отныне вы будете служить не где-нибудь, а в банке "Касмодаж и К^о" под просвещенным началом вашего кузена...»

«Правда искусства не совпадает с правдой действительности», — заметил как-то Гюго. Но вот странно: при личной встрече мэтр почему-то не сумел разглядеть в юном Жюле Верне поэта. Это до сих пор больно уязвляло последнего.

В некотором смысле «Париж в XX веке» был прямым ответом мэтру.

«Ты берешь привычные поэтические сюжеты, а для поэзии нынешнего времени это вовсе не обязательно, даже не нужно. Ты воспеваешь привычные надоевшие всем луга, долины, облака, звезды, любовь, все, что относилось и относится к прошлому, а сегодня все мечтают о будущем».

Отсюда вывод: «Стихи должны славить прежде всего науку и промышленность!»

По трубе раскаленной гиганта-котла
Льется сжигающий пламень угля, —
Нет равных сверхжаркому монстру верзил!
Дрожит оболочка, машина ревет
И, паром наполнившись, мощь выдает
Восьмидесяти лошадиных сил.
Но велит машинист рычагу тяжеленному
Заслонки открыть, и по цилиндру толстенному
Гонит поршень двойной, извергающий стон!
Буксуют колеса! Взмыла скорость на диво!
Свисток оглушает! Салют локомотиву
Системы Крэмpton!

Не правда ли, эти стихи, сочиненные Жюлем Верном, напоминают опыты будущих футуристов, пролеткультовцев, конструктивистов?

Еще грубее, еще откровеннее Жюль Верн издевался в романе «Париж в XX веке» над театром и музыкой. Да-да, над высокой чудесной музыкой, над волшебным миром театра. Другими словами, над своей великой несбывшейся любовью, над своим вождленным раем, над миром счастливых и таких сладких грез, в который его не пустили, в котором его не сочли равным.

«Кенсоннас сказал:

— Друзья, замечали ли вы, какие у нас большие уши?

— Нет, — ответил Жак.

— Так сравните их тщательно с античными или средневековыми ушами, изучите все известные нам картины и скульптуры. Вы сразу устраситесь: наши уши со временем увеличиваются в той же мере, в какой уменьшается наш рост. И виной тому — музыка! Именно музыка! Согласитесь, нельзя безнаказанно в течение целого века впрыскивать себе в уши звуки Верди или Вагнера.

— Но ведь в Опере еще дают старые шедевры.

— Знаю, знаю, — охотно ответил Кенсоннас. — Поговаривают даже о том, чтобы возобновить "Орфея в аду" Оффенбаха — с речитативами, введенными в этот шедевр Шарлем Гуно. Но "Гугеноты" теперь сведены к одному акту и служат лишь вступлением к модным балетным номерам. Этого достаточно. Трико балерин столь прозрачны, что их уже не отличишь от живой натуры. И это понятно: все делается по вкусу финансистов. Опера стала филиалом Биржи: там теперь до истинной музыки никому дела нет. Певцы ржут, визжат, воют, режут, выпускают звуки, не имеющие ничего общего с пением. А что касается оркестра, то он вообще пал ниже некуда. Ах, если бы можно было использовать растрачиваемую впустую силу, с которой жмут на педали фортепиано, хотя бы для вычерпывания воды из угольных шахт! Ах, если бы воздух, выдуваемый из труб, приводил в движение колеса мельниц! Если бы возвратно-поступательное движение кулисы тромбона применялось на механической лесопилке!»

И к этому совсем уж решительные оценки.

Забутые арии пресловутого «Вильгельма Телля»...

Утомительные мелодии галантной эпохи Герольда и Обера...

Берлиоз, глава школы импотентов, чьи музыкальные идеи выливались в завистливые фельетоны... Гуно, умерший после того, как принял постриг в вагнеровской церкви... И так далее и тому подобное.

А женщины!

О, эти женщины!

«Если верить старым эстампам, парижанка когда-то была ну просто очаровательным созданием. Она соединяла в себе самые совершенные пороки и самые порочные совершенства, будучи женщиной — в полном смысле этого слова. Но мало-помалу кровь парижанки теряла чистоту, порода деградировала. Все знают, что из отвратительных гусениц со временем выходят очаровательные бабочки, а у нас почему-то все произошло наоборот — очаровательные бабочки чаще всего превращаются в отвратительных гусениц. Походка парижанки, ее осанка, насмешливый нежный взгляд, милая улыбка — все это уступило место формам на удивление вытянутым, высушенным, жилистым, костлявым, истощенным.

Ангел геометрии, некогда столь щедро одаривший наших женщин самыми притягательными округлостями, теперь навязал им прямые линии и острые углы. Француженки, как и американки, всерьез рассуждают о важных делах и воспринимают жизнь без тени улыбки. Оседлав тощую кобылу нравственности, они одеваются из вон рук плохо, безвкусно, носят корсеты из гальванизированной стали, способные отразить самый сильный натиск...»

Жюль Верн бушевал.

Он хотел высказаться.

Теперь за ним стояли надежный Этцель (так он считал) и чудесная любящая мадам Дюшен, присутствие которой на страницах «Парижа в XX веке» было столь ощутимым, что роман, пожалуй, можно было назвать романом любовным.

И всё же «Париж» вышел в свет (несмотря на то, что Жюль Верн даже переписал его) только... в далеком XX веке.

«Почему Жюль Верн решил переписать роман "Париж в XX веке"? — спрашивал в статье «Заново посещенный Париж в XX веке»^[19] известный французский литературовед Оливер Дюма. — Первый черновик романа относится к 1860 году, к самому мрачному периоду жизни Жюль Верна, когда распадался его супружеский союз и он почти потерял надежду добиться литературного успеха. И вот тут-то и произошло важное событие: писатель влюбился в жену нотариуса Шарля Дюшена, которую он встретил примерно в 1862 году (по другим данным, на два-три года раньше. — Г. П.).

Разные части романа "Парижа в XX веке" подтверждают связь между новым вариантом романа и пережитым Жюлем Верном сентиментальным приключением, время которого закончилось, видимо, в декабре 1864 года.

Пьеро Гондоло де ла Рива в "Предисловии", которое он написал к роману, предположил, что переписывание произошло именно в 1864 году, опираясь на тот факт, что Этцель в письме, в котором он отказался печатать "Париж", упомянул "Капитана Гаттераса", уже прочитанного им. Исходя из этого, можно предположить, что писатель воспользовался своим вынужденным пребыванием в Кротуа (как раз в это время муж Эстель вернулся в Аньер), чтобы внести изменения в роман. Становится понятно, почему Жюль Верн в мае 1865 года все еще в отчаянии оттого, что он все еще не в Париже и не может видаться с Эстель (которая в то время была в положении)...

Но почему Жюль Верн отдал издателю такое странное и несовершенно произведение, как "Париж в XX веке"?

Да, видимо, потому, что оно имело для автора гораздо большее значение, чем казалось тому же Этцелю.

Благодаря удивительным открытиям исследователя Норбера Персеро мы знаем, что в период с 1863 по 1865 год Жюль Верн действительно испытывал большую страсть к Эстель Энен (по мужу — Дюшен). Она встречалась с молодым писателем в те дни, когда ее муж был занят службой в другом городе, приезжая в Аньер только на один день в неделю. Когда Шарль Дюшен узнал об этой связи, он оставил должность нотариуса и попытался восстановить ослабленные брачные узы. Поэтому нет никакой неожиданности в том, что "Париж в XX веке" полон намеков на отношения Жюль Верна и жены господина Дюшена. Своему герою Жюль Верн, к примеру, дал имя своего законного сына, а фамилию (кстати, верн, *verne*,

по-французски — синоним слова «ольха») образовал из названия дерева ясень (*frene* — ясень). Будь издан роман, один совсем уж удивительный отрывок, вероятно, привел бы в негодование всех читателей 1865 года. В этом отрывке Жюль Верн выступил в защиту внебрачных детей, высказав буквально следующее: "В наши дни число законных детей резко упало в пользу незаконнорожденных; последние составляют подавляющее большинство, скоро они станут хозяевами во Франции и предложат закон, который запретит установление отцовства". Заметим, что здесь Жюль Верн в очередной раз сделал верное предсказание, поскольку сегодняшнее французское законодательство дает одинаковые права наследования как внебрачным, так и законным детям...»

Решение нотариуса Шарля Дюшена отказаться от собственной практики в Кевре не помогло восстановить отношения. Скорее всего, Дюшен уже знал о неверности своей жены. Клэр Мари (дочь Жюля Верна. — Г. П.) появилась на свет 25 июля 1865 года, а спустя четыре месяца ее мать, мадам Дюшен, умерла.

Родители Эстель — бакалейщик Грегуар Фредерик Энен и его жена Мари Франсуаз Берто — владели продуктовым магазином в Суассоне и были совсем простые люди, но их дочь, как и две ее сестры (в замужестве — госпожа Шатийон и госпожа Гуланкур), получила неплохое образование в религиозной школе.

Несомненно, Жюль Верн знал о рождении своей дочери Клэр Мари, может, даже стремился к встрече с ней, хотя вряд ли... это было не в его характере.

Сейчас нет смысла гадать, как в дальнейшем могли бы сложиться отношения писателя и мадам Дюшен (с «дамой из Аньера», как говорили одни, с «женой нотариуса», как говорили другие), — в самом конце года, 13 декабря, мадам Дюшен внезапно скончалась.

Официальная версия — от последствий тяжелых родов.

Но в статье «*Estelle en filigrane*»^[20] Оливер Дюма указывает на совершенно другие, несомненно, шокирующие причины.

«Я несколько не верю, — пишет он, — ни в неожиданную болезнь Эстель, ни во внезапное безумие, приведшее к ее смерти через четыре месяца после рождения дочери. Я предполагаю скорее, что уныние после рождения ребенка, классическая послеродовая депрессия, усугубленная постоянным отсутствием своего возлюбленного и упреками ревнивого (не без оснований, как мы теперь знаем) мужа, довели Эстель до самоубийства. Видимо, она бросилась в Сену. Так что, понятно, почему семье было выгодно сослаться на внезапное безумие, — они хотели похоронить Эстель

по церковным обычаям. Возможно, какое-то время и сам Жюль Верн верил во внезапное сумасшествие своей любовницы, иначе откуда бы в его романах так много героинь внезапно сходят с ума — от любви или других потрясений?»

Но это позже, позже.

А пока Жюль Верн горел.

Он чувствовал силу встать вровень с мэтром Виктором Гюго и превзойти Александра Дюма-отца. Обретя немалый житейский и литературный опыт, он хотел всем современникам объяснить запутанность их жизни, несовершенство их морали.

Любовь и супружеская верность? Да ну! Какая любовь!

«Сорок лет назад, — откровенничал один из героев романа, — господин Бутарден сочетался браком с мадемуазель Атенаис Дюфренуа, теткой Мишеля. Для банкира она стала достойной спутницей: угрюмая, некрасивая, расплывшаяся, вылитая учетчица или кассирша, начисто лишенная женского обаяния; зато она была докой в бухгалтерии, прекрасно справлялась с двойной ее ипостасью, а если нужно, изобрела бы и тройную; одним словом, настоящая администраторша, женская особь администратора. Любила ли она господина Бутардена или он ее? Да, конечно. В той мере, в какой вообще могли любить эти индустриальные сердца. Вот достойное сравнение для нашей супружеской пары: она была паровой машиной, а он — машинистом-механиком; он поддерживал ее в рабочем состоянии, протирал и смазывал, и она равномерно катилась так уже добрых полвека, обнаруживая при этом не больше разума и воображения, чем паровоз Крэмптона. Излишне пояснять, что она никогда не сходила с рельс».

«Излишне пояснять, что она никогда не сходила с рельс».

Перед нами какой-то незнакомый Жюль Верн. Он полон сарказма.

Он готов каленым мечом выжигать из жизни всё фальшивое и глупое.

Успех «Пяти недель на воздушном шаре», страстная любовь Эстель и внимание издателя сделали Жюля Верна безмерно смелым. Дорабатывая роман о полярных приключениях капитана Гаттераса, он нетерпеливо ждет от Этцеля ответа, — несомненно, полного восхищения.

И ответ был получен.

Правда, не такой, какого он ждал.

«Мой дорогой Верн, — писал Этцель, даже не пытаясь скрыть своего огромного разочарования, — не знаю, что бы я дал, чтобы мне не пришлось сейчас писать Вам это письмо. Вы взялись за невозможную задачу и, как многие Ваши предшественники, потерпели крушение, не смогли успешно решить ее. На мой взгляд, "Париж в XX веке" на сто футов ниже "Пяти недель на воздушном шаре". Если Вы перечитаете свою рукопись через год, Вы, несомненно, согласитесь с моим мнением: это всего лишь история для бульварной газетенки...

Собственно, я и не ждал совершенной вещи. Вы еще не слишком опытны, это должно было сказаться. Но что я получил? В рукописи, которую Вы мне прислали, не ставится и не решается ни одного сколько-нибудь серьезного вопроса, в ней не найти критики, которая бы хоть чем-то не напоминала уже кем-то сказанное. И если я все-таки чему-то дивлюсь, так это тому, как это Вам, человеку талантливому, удалось произвести на свет вещь столь искусственную и безжизненную...

Провали Вы театральную пьесу, я бы не удивился, — пьесу легко провалить, там не всё зависит от автора. Но и книгу так же легко можно провалить. Когда отправная точка не определена, когда цель не обдумана, ничто не поможет писателю — ни его талант, ни его мастерство. Нельзя спасти того, чего в принципе нельзя спасти. Я не вижу, что собственно можно похвалить в Вашей рукописи, и страшно сожалею, что вынужден говорить Вам все это. Поверьте, было бы истинной катастрофой для Вашей писательской репутации — публиковать сейчас этот роман. У читателей сразу возникло бы неприятное ощущение того, что роман "Пять недель на воздушном шаре" был для Вас всего лишь случайностью. К счастью, у меня лежит первая часть "Капитана Гаттераса" и я знаю, что случайностью

является все же не предыдущий роман, а этот, нынешний. Как ни прискорбно, в "Париже" Вы даже о литературе рассуждаете как незрелый светский человек, который лишь слегка прикоснулся к ней и со странным удовлетворением открывает для себя то, что для всех уже давным-давно является общим местом.

Думаю, Вы еще не созрели для книги о будущем. Может, Вы ее переделаете через двадцать лет или тридцать. Но стоит ли старить мир на сто лет, чтобы не суметь подняться над тем, что происходит на наших улицах сегодня?

В общем, мой юный друг, это — провал, это откровенный провал.

И если даже сто тысяч человек сейчас придут и скажут мне обратное, я громко повторю: это провал! — и пошлю всех куда подальше.

К несчастью, сто тысяч людей, прочтя Вашу рукопись, скажут то же самое, что сейчас пишу Вам я. В Вашей рукописи ничто не ранит. В ней нет ни идей, ни чувств. Даже литературная сторона рукописи ниже Вас самого в каждой строчке. Ваш Мишель Дюфренуа — резонер. В героях нет ничего забавного, они попросту неприятны. В своей работе Вы ни с того ни с сего впали вдруг в полную посредственность, и — по самую макушку. Ни оригинальности, ни простоты, ни одного выражения, которое могло бы создать книге успех. Зато в рукописи много такого, что может Вам надолго и непоправимо навредить...

Я говорю жестокие вещи, но говорю их с сожалением, как сказал бы собственному сыну. Надеюсь, Вы понимаете, что я желаю Вам только добра. Бог свидетель: если бы Ваша книга удалась Вам хотя бы на четверть, я признал бы ее хорошей...»

Такого ледяного душа Жюль не ожидал.

Он растерялся. Он всего себя вложил в роман о *будущем* Париже. Он даже главного героя назвал Мишелем, как собственного сына. С Этель они хотели так назвать сына, если бы он родился. (Родилась дочь.) В разных частях романа Жюль Верн щедро разбросал метки, понятные лишь Этель и ему. В одном месте он говорит о дверях, в которые *не может войти* Мишель. Сейчас мы знаем, что после возвращения в Аньер господина Дюшена визиты самого Жюля Верна в дом Дюшенов были категорически отменены. Даже имя героини «Парижа» — *Лусу* (Люси) — всего лишь на одну букву отличается от букв, из которых складывалось тройное имя мадам Дюшен: Клэр Этель Жюли Энен — *jULIE-LUCIE*. Восторженное описание прекрасной Люси, похоже, вполне соответствовало реальному облику мадам Дюшен.

«Люси была восхитительна, сама свежесть, как едва раскрывшийся бутон, являющий взору образ нового, чистого, хрупкого. Ее длинные светлые локоны свободно, по моде дня падали на плечи; ее глаза бездонной голубизны, полные наивности взгляд, кокетливый носик с маленькими прозрачными ноздрями, слегка увлажненный росой рот, чуть небрежная грация шеи, нежные, гибкие руки, элегантные линии талии — все это очаровывало юношу, от восторга он потерял дар речи. Девушка была живой поэзией, он воспринимал ее больше чувствами, ощущениями, нежели зрением, она скорее запечатлелась в его сердце, чем в глазах...»

А брак? А семья?

Жюль Верн беспощаден.

«Нынешний муж живет отдельно от жены, — пишет он. — Дом его — клуб. Он там обедает, ужинает, играет и спит. Мадам тоже занята делами — своими. Если месье случайно повстречает ее на улице, он здоровается с ней, как с посторонней. Время от времени он посещает мадам, иногда мадам приглашает его отобедать, реже — провести вечер; в общем, они встречаются так мало, видятся так мало, разговаривают так мало, обращаются друг к другу на "ты" так мало, что возникает законный вопрос: каким образом в нашем мире все же появляются наследники?»

Даже дорога, по которой Мишель Дюфренуа идет к своей любви, в деталях совпадает с другой привычной дорогой, по которой Жюль Верн не раз добирался до Аньера. «Поезд поднялся по бульвару Малерб, оставил

справа тяжеловесную церковь Святого Августина, слева — парк Монсо и остановился на станции, названной Аньерскими воротами...»

Наверное, Жюль не раз представлял радость Эстель.

Выпустить долгожданную книгу! Вложить ее в любимые руки!

Горечь, испытанная при чтении холодного письма, полученного от издателя, была невероятна. Она обожгла Верна. Эта горечь переросла в боль, стала втрое тяжелее, когда Эстель ушла из жизни, так и не увидев роман «Париж в XX веке» изданным. Единственным утешением для Жюля оставалось помнить о ней.

И он помнил. В той или иной мере Эстель возникала позже в таких его романах, как «Плавучий город», «Замок в Карпатах», а их общая дочь Мари послужила прототипом чудесной героини романа «Невидимая невеста» («Тайна Вильгельма Шторица»), изданного уже после смерти писателя.

«Вы даже о литературе рассуждаете как незрелый светский человек, который лишь слегка прикоснулся к ней и со странным удовлетворением открывает для себя то, что для всех уже давным-давно является общим местом...»

До Жюль Верна слишком поздно дошло, что история французской литературы вовсе не была Этцелю чужой, более того, многие известные писатели и поэты были его личными друзьями. Как он мог отнестись к таким вот пассажирам?

«К 1978 году, предсказал Стендаль, Вольтер превратится во второго Вуатюра, и полуидиоты сделают из него своего божка. К счастью, Стендаль возлагал слишком большие надежды на будущие поколения. Полуидиоты? Да нет же, совсем нет! К 1978 году не осталось никого, кроме полных идиотов! Оставаясь в рамках этой нашей метафоры, я бы сказал, что Вольтер был всего лишь кабинетным генералом, он давал сражения, не покидая своей комнаты и ничем особенно не рискуя. Его ирония, в общем-то, оказалась не таким уж опасным оружием, чаще всего она была мимо цели, и люди, якобы убитые им, жили дольше, чем сам автор...»

Сам тон оценок казался Этцелю абсолютно неприемлемым.

Жан Жак Руссо (взгляд из XX века. — Г. П.): «генерал Республики в сабо, без эполет и вышитых сюртуков!»

Бомарше — «восторженный стрелок авангарда».

Шатобриана Жюль Верн укорил тем, что «Воспоминания с того света» не спасли его от полного забвения потомков.

А далее — Вернард де Сен-Пьер, чей роман «Поль и Виржиния» вряд ли мог в будущем кого-то тронуть. «Сегодня Поль был бы банкиром и выжимал все соки из своих служащих, а Виржиния просто вышла бы замуж за удачливого фабриканта рессор для локомотивов».

А далее — месье де Талейран, который, наверное, и в аду займется своей дипломатией. И Альфред де Мюссе — с гитарой, на которой давно невозможно играть. И мэтр Виктор Гюго, как всегда, яростно и бесцельно размахивающий знаменем романтизма. «Никогда еще человеческая мысль не сплавлялась так плотно, как в голове этого человека — в странном тигле, способном выдержать самые высокие температуры. Полное собрание его сочинений выдержало семьдесят пять изданий, но и он давно забыт, забыт навсегда».

Бальзак? Нравы, описанные им, отвратительны.

Александр Дюма-отец? О да, конечно! «Мюрат словесности!»

К своему учителю Жюль Верн проявил все-таки некоторую снисходительность.

«Александр Дюма-отец был увлекательным рассказчиком. Щедрая природа позволила ему без ущерба для себя растрачивать свой талант, ум, красноречие, пыл, задор, свою физическую силу. Он без всякой пощады попирает Францию, Испанию, Италию, берега Рейна, Швейцарию, Алжир, Кавказ! Наверное, он написал бы и четырехтысячный свой том, если бы не отравился в расцвете лет блюдом, которое сам изобрел».

В лихом романе Жюль Верна досталось всем и каждому.

Жюль Жанен — «критик, сочинявший латинские стихи на полях газет».

Гозлан — «гусарский капитан».

Проспер Мериме — «генерал от прихожей».

Сент-Бёв — «помощник военного интенданта».

Араго — «ученый офицер саперных войск, сумевший устроиться так, что все простили ему его ученость».

Луи Вейо — «самый непоколебимый приверженец Римской церкви». Однако, к великому своему изумлению, он умер отлученным.

И вообще все эти Ассоланы, Флоберы, Бодлеры, Парадоли, Шолли — всего лишь молодчики, на которых волей-неволей приходилось обращать внимание, потому что «они постоянно стремились палить вам по ногам».

Этцель не мог принять таких оценок.

Для него Виктор Гюго, Оноре де Бальзак, Жорж Санд, Альфред Мюссе были его близкими друзьями. Он издавал их труды, он спорил с ними, пил вино, обсуждал новости. Он никак не мог согласиться с оценками Жюля Верна. Они его возмущали. Что за нелепые неологизмы?! — негодовал Этцель. — «Торчат, как шлагбаумы, походят на словечки Фурье».

Что за диалоги?! — «Неестественно длинные, они везде кажутся нарочитыми. Может, мой друг, такой прием прошел бы у Дюма, но у Вас это не получается».

А стиль? — «Журналистика самого низкого пошиба».

А герои? — «Этот Мишель Дюфренуа с его стихами — просто глупый индюк».

А обзор литературы XIX века? — «Я нахожу его злым, наивным и необдуманным».

Главный герой — глуп, тетка героя — пародийно практична, дядя — вызывающе алчен.

«Не роман, а водевиль для провинциальной сцены!»

Сравнение с водевилем добило Жюля Верна. Ведь он писал о другом.

Он вкладывал в роман всю душу. Роман должен был стать истинным откровением.

«Мишель поднимался выше и выше, пока за кипарисами неожиданно не открылся Париж. Вдали — Мон-Валерьен, направо — Монмартр, все еще ожидавший своего Парфенона, который афиняне обязательно воздвигли бы на этом акрополе, налево — Пантеон, собор Парижской Богоматери, Святая Часовня, Инвалиды, а еще дальше — маяк Гренельского порта, вздымавший свой острый шпиль на высоту пятисот футов. Широко громоздились сотни тысяч домов, торчали окутанные дымом трубы десяти тысяч заводов. А прямо под ногами раскинулось нижнее кладбище. Сверху скопления могил выглядели небольшими городами со своими улицами, площадями, домами, вывесками, церквями и соборами — последними пристанищами самых тщеславных. И над ними высоко раскачивались несущие громоотводы, воздушные шары, лишавшие молнию любого шанса поразить беззащитные дома. Мишель ощутил страстное желание обрезать канаты, удерживавшие линию воздушных шаров, и открыть город все сметающему на пути огненному потоку.

— О Париж! — вскричал он, полный гнева и отчаяния.

— О Люси, — прошептал он, теряя сознание и падая в снег».

На долгие десятилетия «Париж в XX веке» лег в стол писателя.

Роман будто специально дождался *своего* века — вышел в 1994 году.

Конечно, Жюль Верн не собирался спорить с Этцелем. Он прекрасно понимал, чем может кончиться такая ссора. Он был ошеломлен реакцией издателя на рукопись. А вдруг он расторгнет договор? Что тогда? Вернуться в биржевую контору Эггли? Поступить в какой-нибудь театр администратором? Снова писать бесконечные, ничего не дающие водевили?

Нет, нет и нет! Он слишком долго искал человека, который мог привести его к успеху. В письме, помеченном «в субботу, вечером», Жюль Верн смиренно, хотя и несколько искусственно, даже «радуется» отповеди Этцеля: «Черт возьми, мой дорогой Учитель, Ваше письмо было мне необходимо, оно вовремя подхлестнуло мне кровь! Согласен, тысячу раз согласен, что я — тварь, нахваливающая саму себя устами собственных персонажей...»

А сам садится за второй том «Капитана Гаттераса».

С 1815 года, как только отгремели последние залпы боевых кораблей, английское Адмиралтейство одну за другой организовывало самые сложные экспедиции в северные районы мира. Это позволяло тысячам опытных моряков не терять работу, их руки и головы были заняты, а военные корабли оставались в рабочем состоянии, не гнили, брошенные у пирсов.

В картотеке Жюля Верна скапливались поразительные факты.

В поисках морского пути из Атлантики в Тихий океан мимо северных берегов Американского континента английский лейтенант Уильям Парри, судно которого затерло мощными льдами, нашел силы и мужество отнестись к суровой зимовке не как к трагической ситуации, не как к чему-то стопроцентно фатальному, но, напротив, — как к чему-то ожидаемому, предсказуемому. Матросы и офицеры не пали духом. Под вой пурги они сочиняли веселые сцены и разыгрывали их в тесной кают-компании. Они даже выпускали рукописную «Газету» («The North gazette and Winter Chronicle»), материалы которой оказались настолько захватывающими, что, по возвращении экипажа в Англию, вышли в свет отдельным изданием...

Как уже говорилось, Этцель огромные надежды возлагал на «Журнал воспитания и развлечения», первые номера которого уже готовились.

«Научные» романы Жюль Верна непременно должны были проходить через журнал, Этцель нуждался в таких романах. Читатель (грамотный обыватель), считал он, быстро привыкнет к новому писателю. Только Жюль Верн может сейчас рассказать им что-то новое о стремительно расширяющемся мире. Тем более что Жюль Верн давно и внимательно следил за всеми арктическими экспедициями.

Совсем недавно, в 1857 году, полярный исследователь Мак-Клинтон (1819—1907) обнаружил на берегу острова Кинг-Уильям последнее пристанище экспедиции Джона Франклина (1786—1847). Эта страшная находка еще раз подчеркнула невыразимую трудность подобных путешествий. И все равно в ледяное царство песцов и белых медведей, в царство северных сияний и лютых морозов люди вторгались все чаще и чаще — и вовсе не ради удовольствия просто открыть еще одну неизвестную землю, еще один неведомый пролив. Суэцкий канал открыл европейцам короткий путь из Атлантики в Индийский океан, это прекрасно, но крайне необходимо было найти столь же удобный проход из Атлантики еще в один океан — Тихий. Романтика тут ни при чем. Ради богатых далеких стран исследователи неустойчиво прокладывали все новые и новые маршруты, ориентируясь по рассказам аборигенов, случайных моряков, пленников, наконец. Жюль Верн пришел в литературу очень вовремя. «Пять недель на воздушном шаре» не являлись исследовательским отчетом, но люди, прочитавшие этот роман, получили достаточно верное представление об Африке.

Мишель подрастает, но здоровьем природа его не наградила.

Он часто капризничает, громкий плач ребенка нервирует писателя.

Он наглухо запирает дверь кабинета, наступает тишина. Но приезжают падчерицы — и квартира опять превращается в бедлам. Одно счастье — можно уйти гулять.

Ох уж эти его парижские привычки! — недовольно ворчит Онорина.

«Мой дорогой Учитель, — пишет Жюль Верн Этцелю, — я только что осуществил мощный рывок, достойный нормандского крестоносного тяжеловоза. Но тянул ли я свою "повозку" в правильном направлении, вот что мне надо узнать... Очень скоро я передам Вам "Путешествие к Северному полюсу" (речь идет о романе «Путешествие и приключения капитана Гаттераса». — Г. П.). Я сейчас весь в сюжете — на 80-м градусе северной широты и при 40 градусах Цельсия ниже нуля. У меня даже насморк от всего этого начинается...»

Но в приписке вполне будничная просьба: связаться с неким господином Биксио, влиятельным администратором банка «Креди мобилъе». С его помощью Жюль Верн хотел выгодно продать свою долю биржевого маклера.

«Завтра во время отлива бриг "Форвард", под командой капитана К. З. и старшего лейтенанта Ричарда Шандона, отойдет из Новых доков Принца по неизвестному назначению...»

Неистовый капитан Гаттерас, выступивший в указанном сообщении под загадочными буквами К. З., — профессиональный моряк. Он живет одной мечтой — первым добраться до Северного полюса. Он англичанин, настоящий упертый неукротимый англичанин. Он убежден: на полюсе должен развеяться британский флаг! Он намерен исправить дикую историческую несправедливость. Жюль Верн с удовольствием тасует свои карточки с записями. Сами подумайте! Индию открыл португалец Васко да Гама, Китай — португалец Фернан д'Андрада. Даже Огненную Землю открыл не англичанин, а португалец Магеллан. То же самое — с Бразилией, Канадой, с мысом Доброй Надежды, с Гвинеей, Конго, Мексикой, Гренландией, Исландией, Японией, Камбоджей, Беринговым проливом, Тасманией. Все они открыты русскими, французами, испанцами, скандинавами, голландцами, даже какими-то датчанами. Как такое слышать фанатичному английскому капитану?

Цель его жизни — водрузить «Юнион Джек» над Северным полюсом.

На страницах романа, блестящего по кипящим в нем страстям, Жюль Верн любовно перечисляет бесчисленные экспедиции, в разное время уходившие в самые отдаленные северные уголки земного шара. Наверное, правильнее всего читать романы Жюль Верна, имея под рукой географические карты XIX века. За какую-то пару лет Жюль Верн разительно изменился. Не любовники в шкафах интересуют молодого писателя, не легкомысленные девицы, о которых он сочинил столько куплетов для веселых и не всегда удачных водевилей, а настоящие герои — такие мореплаватели, как Мак-Клур, Коллинсон, Франклин, Мак-Клинтон...

И в этом же ряду — имя капитана Гаттераса.

Ввести в роман женщину, как советует Этцель?

Ну нет! Он уже писал о любви в «Париже в XX веке», хватит.

«Суждения, которые мы, мужчины, можем иметь о женщинах, весьма переменчивы, — замечает он в письме издателю. — Утром мы думаем о них не то, что вечером. Весна наводит на мысли, не подходящие для осени. На подход к этой проблеме самым решающим образом могут повлиять

неожиданный дождь или хорошая погода. Наконец, на мое личное восприятие женщин может оказывать состояние моего пищеварения».

И вообще. Речь идет о Земле, о планете.

Теперь Земля — героиня романов Жюль Верна.

Чувство любви сублимировано страстью к открытиям.

Пересечь неизвестный материк, высадиться на необитаемом острове, добраться до диких мест, где поистине никогда еще не ступала нога человека, — что может быть выше этого? Читатель должен получить полное и самое точное представление об ужасах и красотах полярного мира. Разве не обжигает сердце мысль о том, что бриг капитана Гаттераса «Форвард» сумел подняться до широт, до которых никто до сих пор не поднимался — до 78 градусов 15 минут! Держите, держите под рукой географическую карту, вычерченную мастерами начала XIX века! Внимательно вглядывайтесь в многочисленные белые пятна, в неопределенные линии берегов, в пункты проложенных храбрыми путешественниками путей. Только так можно по-настоящему понять отчаяние капитана Гаттераса, вдруг узнавшего, что какой-то неизвестный ему америкашка, презренный янки капитан Альтамонт достиг широты 83 градуса 15 минут! Невозможной, невероятной широты! Этот отрывок стоит полностью процитировать. По сути, он глубоко трагичен.

«Американец, поднявшись со своей постели, пополз по земле, потом встал на колени. Покрытые язвами губы шевелились, он что-то бормотал. В крайнем изумлении доктор молча смотрел на него. Гаттерас уставился на больного, стараясь уловить смысл его невнятных слов.

— "Порпойз"... "Порпойз"...

— Корабль! — воскликнул капитан. Американец утвердительно кивнул головой.

— В здешних морях? — спросил капитан с замиранием сердца.

Больной снова кивнул.

— На севере? — Да!

— И местонахождение его вам известно? — Да!

— В точности?

— Да! — повторил Альтамонт.

Наступило молчание. Свидетелей этой неожиданной сцены охватила дрожь.

— Слушайте, — сказал, наконец, Гаттерас, — нам необходимо знать местоположение вашего корабля. Я вслух буду считать градусы, и когда надо будет, вы остановите меня жестом.

В знак согласия американец кивнул головой.

— Итак, речь идет о градусах долготы. Сто пять? Нет! Сто шесть? Сто семь? Сто восемь? Западной?..

— Да, — отвечал американец.

— Дальше. Сто девять? Сто десять? Сто двенадцать? Сто четырнадцать? Сто шестнадцать? Сто восемнадцать? Сто девятнадцать? Сто двадцать?..

— Да, — сказал Альтамонт.

— Сто двадцать градусов долготы? — недоверчиво переспросил Гаттерас. — А сколько минут? Я буду считать...

При слове "пятнадцать" Альтамонт слабым жестом остановил капитана.

— Так... Теперь перейдем к градусам широты... Вы меня поняли? Начинаем... Восемьдесят? Восемьдесят один? Восемьдесят два? Восемьдесят три?

Американец опять остановил Гаттераса.

— А сколько минут? Пять? Десять? Пятнадцать? Двадцать? Двадцать пять? Тридцать? Тридцать пять?!

Альтамонт снова подал знак, причем слабо улыбнулся.

— Итак, — сказал Гаттерас, — ваш "Порпойз" находится под ста двадцатью градусами пятнадцатью минутами долготы и восьмьюдесятью тремя градусами и тридцатью пятью минутами широты...

— Да. — От напряжения Альтамонт вконец обессилел.

— Итак, друзья мои, — воскликнул Гаттерас, — вы видите, что спасение на севере, только на севере!.. — Но вслед за этими радостными словами капитана вдруг поразила какая-то ужасная мысль. Он даже изменился в лице! Как так? Значит, опять не он, а совсем другой человек, притом американец! — на целых три градуса дальше него продвинулся к полюсу!»

Бесконечные отсвечивающие снега.

Собаки с трудом тащат груз, истощенные люди выбиваются из сил.

«Потепление предвещало близкий снегопад. И в самом деле, вскоре снег повалил крупными хлопьями. Метель, застилая даль, увеличивала трудности похода. Путешественники часто сбивались с прямого пути и двигались медленно, проходя в среднем по три мили в час.

Поверхность ледяного поля от жестоких морозов и ветров стала шероховатой и ухабистой. Сани то и дело встряхивало, и на неровностях они сильно кренились. Но всё обходилось благополучно.

Гаттерас и его товарищи кутались в шубы, сшитые по гренландской моде. Правда, они не отличались изяществом покроя, зато были отлично приспособлены к климатическим условиям. Лицо было плотно закрыто узким капюшоном, непроницаемым для ветра и снега, наружу выглядывали только глаза, рот и нос. Впрочем, их и не следовало защищать от ледяного воздуха, потому что нет ничего неудобнее поднятых воротников и кашне, быстро каменеющих на морозе, — вечером их пришлось бы разрубать топором, а такой способ раздевания весьма неприятен даже в арктических странах! Необходимо давать свободный выход дыханию, потому что выделяющиеся при этом пары, встречая препятствие, немедленно замерзают.

Беспредельная, утомительная своим однообразием равнина тянулась вдаль. Кругом громоздились льдины, торосы самых разнообразных очертаний, которые под конец начинали казаться одинаковыми, ледяные глыбы, словно отлитые по одному образцу; нередко встречались и ледяные горы, прорезанные извилистыми долинами. Путешественники шли с компасом в руках и лишь изредка перебрасывались словами. Открывать рот на таком морозе — сущее мучение, так как между губами мгновенно образуются острые кристаллы, не тающие даже от теплого дыхания. Каждый ощупывал перед собой дорогу палкой. Бэлл оставлял глубокие следы в мягком снегу; остальные шли по его следам; где проходил Бэлл, там могли пройти и другие.

По всем направлениям тянулись, то и дело скрещиваясь, следы медведей и песцов; но в первый день не заметили ни одного из этих зверей. Охотиться на них было бы и опасно, и бесполезно, ибо не следовало обременять сани, и без того сильно нагруженные...»

Вот из рассеянной морозной мглы снова выплывает луна, освещает безбрежную пустыню — плоскую, белую, однообразную. Взгляду буквально не на чем остановиться.

Через много лет подобную картину во всей ее реальности опишет первый покоритель Северного полюса — американец Роберт Пири.

Опять американец! Это огорчило бы капитана Гаттераса.

Выйдя с мыса Колумбия (самой удобной географической точки), Роберт Пири достиг Северного полюса 6 апреля 1909 года. И тоже увидел безмерную пустыню, услышал потрясающую тишину. Но настоящее потрясение (сравнимое разве что с тем, которое испытал капитан Гаттерас, определяя путь, пройденный кораблем Альтамонта) Роберт Пири испытал при своем возвращении в Америку. Оказывается, некий доктор Фредерик Кук уже на весь мир объявил, что именно он первым достиг Северного полюса — 21 апреля 1908 года!

Честолюбие Роберта Пири было уязвлено. Он потребовал тщательной проверки всех дневников, фотографий, наблюдений Фредерика Кука. Он столько сделал для того, чтобы оказаться самым первым человеком, побывавшим на самой высокой северной точке земного шара, и вдруг такое! В последний маршрут к полюсу он даже белых спутников с собой брать не стал, обошелся негром и четырьмя эскимосами.

Негр на Северном полюсе! Каково?

Впрочем, с негром и без слов все понятно, а эскимосы... Они, к счастью, вообще не считаются, так рассуждал Роберт Пири. Ну, в самом деле, каков вклад эскимосов в сокровищницу мировой культуры? Они даже письменности не имеют.

Каждая деталь в полярном романе Жюль Верна полна значения. Научный роман должен походить на прекрасную оперу. Каждая фраза раскалена, каждый шаг героев ассоциируется с трагедией, каждая глава звучит, как отдельная могучая ария. В этом смысле даже меню полярника должно читаться захлеб (меню взято из книги Роберта Пири^[21]. — Г. П.).

«Понедельник. *Завтрак*: каша, бобы, черный хлеб, масло, кофе.

Обед: жареная печенка, макароны с сыром, хлеб, масло, чай.

Вторник. *Завтрак*: овсяная каша, яичница с ветчиной, хлеб, масло, кофе.

Обед: мясные консервы с зеленым горошком, пудинг, чай.

Среда. *Завтрак*: каша, рыба, хлеб, масло, колбаса, кофе.

Обед: жаркое с томатом, хлеб, масло, чай.

Четверг. *Завтрак*: каша, яичница с ветчиной, хлеб, масло, кофе.

Обед: мясные консервы с горошком, пудинг, чай.

Пятница. *Завтрак*: каша, рыба, хлеб, масло, кофе.

Обед: гороховый суп, рыба, пирог с брусникой, чай.

Суббота. *Завтрак*: каша, мясной бульон, хлеб, масло, кофе.

Обед: жаркое с томатом, хлеб, масло, чай.

Воскресенье. *Завтрак*: каша, печенье, хлеб, масло, кофе.

Обед: лососина, фрукты, какао».

Правда, у героев Жюль Верна еды часто вообще не было.

К холоду не привыкают, на это указывали многие исследователи.

К голоду тем более не привыкают, на это, собственно, и указывать не надо.

Детали романа о капитане Гаттерасе почерпнуты из настоящих, реальных отчетов.

Рассеянный солнечный свет, лишаящий окружающее теней... Мертвенные отсветы льдов, пронзительная стужа... Пронзительные порывы ветра, от которых не спасают даже меха...

Другой мир...

Совсем другой...

И обитатели его, эскимосы, ведут себя совсем не так, как белые.

«По-видимому, Марвин был мертв, — писал в своей книге Роберт Пири, — когда к полынье подошли эскимосы. Вытащить из воды тело погибшего было невозможно из-за ненадежности льда. Туземцы прекрасно понимали, что Марвин утонул, но в ребяческой дикой надежде, что он — белый, а значит, все равно вернется, они устроили поблизости свой лагерь и стали ждать. По мере того как время уходило, а начальник не возвращался и почему-то так и лежал в полынье, суеверный страх охватил Кудлукту и Харригана. Чтобы избежать преследований души утопленника, они бросили на лед все личные вещи Марвина, снялись с места и, найдя безопасный проход через полынью, поспешно пошли почти без остановки к далекой суше...»

В романе о капитане Гаттерасе Жюль Верн необыкновенно точен.

Эпизоды, потрясающие читателя, не придуманы. Например, появление непонятного исполинского чудовища среди льдов.

Настоящее мистическое видение!

Но в реальности это оказывается всего лишь пес капитана Гаттераса — дог по кличке Дэк. Матросы, ненавидевшие капитана, бросили Дэка в воду, но он выбрался. Преломление лучей света, как это часто случается в полярных широтах, придало животному преувеличенно огромные размеры (в связи с этим эпизодом стоит вспомнить парадоксальный рассказ Эдгара Аллана По «Сфинкс». — Г. П.).

Жюлю Верну хочется сделать текст притягательным для любого читателя.

Невозможно не привести еще одну страницу из романа (типичную, так скажем).

«Настало 15 января; луна в последней своей четверти ненадолго появилась на небосклоне; солнце, хотя и не поднималось над горизонтом, ежедневно в течение шести часов посылало слабый сумеречный свет, которого было, впрочем, недостаточно, чтобы разглядеть дорогу. По-прежнему приходилось держать путь по компасу. Бэлл шел впереди, за ним — Гаттерас, а в арьергарде — доктор и Симпсон. Они старались идти по прямой линии так, чтобы видеть одного только Гаттераса, но, несмотря на все усилия, путники нередко уклонялись от прямого направления на тридцать и даже на сорок градусов, и тогда вновь приходилось сверяться с компасом.

15 января, в воскресенье, по подсчетам Гаттераса, отряд уже продвинулся миль на сто к югу. Утром занялись починкой одежды и лагерных принадлежностей. Было совершено и краткое богослужение.

Тронулись в путь в полдень; мороз был крепкий, небо ясное; термометр показывал 36 градусов ниже нуля.

Ничто не предвещало перемены погоды.

Вдруг с поверхности снегов стал отделяться густой морозный пар.

Мгла поднималась все выше, застилая все кругом. Достигнув высоты девяноста футов, завеса тумана неподвижно застыла. Путешественники потеряли друг друга из вида. Пар прилипал к одежде и осаждался на меху длинными острыми кристалликами. Путешественники были захвачены

врасплох этим странным феноменом; прежде всего им пришла мысль собраться вместе.

Тотчас раздались крики:

— Эй, Симпсон!

— Бэлл, сюда!

— Клоубони!

— Доктор!

— Капитан, где вы?!

Все четверо, вытянув перед собой руки, разыскивали друг друга в густом тумане, застилавшем все перед глазами. Больше всего путешественников тревожило то обстоятельство, что на их оклики не последовало ответа.

Можно было подумать, что этот пар не пропускает звуков.

Тогда каждому пришло в голову выстрелить из ружья, чтобы подать друг другу сигнал к сбору. Но если звук голоса оказался слишком слабым, то выстрелы, наоборот, были чересчур уж сильны; эхо подхватило их, и долго над снежной равниной гремели раскаты, перекатываясь неясным гулом, направление которого невозможно было определить.

Тогда каждый стал действовать сообразно своему характеру: Гаттерас остановился и, скрестив на груди руки, решил выжидать; Симпсон ограничился тем, что остановил упряжных собак, правда, это удалось ему не без труда. Бэлл направился назад, тщательно нащупывая рукой свои следы. Доктор Клоубони, наталкиваясь на глыбы льда, падал, поднимался, бродил из стороны в сторону, возвращался по своим следам и окончательно сбился с пути. Уже через пять минут он сказал себе: "Однако дело плохо! Уж больно странный климат! Чересчур много сюрпризов! Не знаешь, на что и рассчитывать! А как больно колются эти острые ледяные призмы, черт возьми!"

— Ау! ау! Капитан! — снова крикнул он.

Ответа не последовало. На всякий случай доктор снова зарядил ружье, но даже сквозь толстые перчатки стальной ствол обжег ему руки. В это время доктору Клоубони показалось, что в нескольких шагах от него движется какая-то огромная неясная тень.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Гаттерас! Симпсон! Бэлл! Это вы?

Послышалось глухое рычание. Огромная тень приближалась; уменьшившись в размерах, она приняла более ясные очертания.

Страшная мысль промелькнула в голове доктора: "Медведь!"

Похоже, медведь был огромный. Заблудившись в тумане, он бродил из

стороны в сторону, рискуя наткнуться на путешественников, о присутствии которых даже не подозревал. "Дело осложняется!" — подумал, останавливаясь, доктор. По временам он даже чувствовал у себя на лице дыхание зверя, но через несколько мгновений тот опять исчезал в тумане; порой медведь подходил чуть не вплотную к доктору; он размахивал лапами и своими страшными когтями царапал на нем шубу. Тогда Клоубони снова пятился назад, и движущаяся громада исчезала подобно фантасмагории.

Отступая перед огромным врагом, доктор вдруг заметил, что почва начинает подниматься; цепляясь руками за острые выступы, он вскарабкался на ледяную глыбу, потом на другую и стал палкой ощупывать вокруг себя снег. "Ледяная гора! — сказал он себе. — Если только мне удастся взобраться на ее вершину — я спасен!"

Промолвив это, доктор с поразительным проворством взобрался на высоту почти восьмидесяти футов; он поднял голову над поверхностью застывшего моря тумана, верхние слои которого выделялись на фоне неба.

— Прекрасно! — сказал доктор и, оглянувшись по сторонам, увидел, что его три товарища один за другим вынырнули из пелены тумана.

— Гаттерас!

— Клоубони!

— Бэлл!

— Симпсон!

Все четыре возгласа раздались почти одновременно.

Небо было озарено великолепным сиянием, которое бледными лучами серебрило застывший морозный туман; вершины ледяных гор сверкали как расплавленное серебро. Путешественники находились в кольце тумана около ста футов в поперечнике. Благодаря прозрачности верхних слоев воздуха и сильному морозу слова доносились удивительно отчетливо, и путешественники могли беседовать, стоя на различных утесах. Не получив ответа на выстрелы, каждый из них постарался подняться выше тумана...»

Жюль Верн чувствовал — он на верном пути.

«Мой дорогой Этцель, — писал он издателю. — Вчера получил Ваше письмо вместе с новыми листами корректуры. Я все исправил, следуя Вашим указаниям, и отнес в типографию. Ваши указания, как всегда, очень верны. Теперь я и сам вижу, что заголовок романа не совсем удачен. Может, сделаем вот так — "Англичане на Северном полюсе"? Или даже вот так — "Приключения капитана Гаттераса"? Как Вы находите? Тогда "Англичане на Северном полюсе" могут остаться подзаголовком. Если это нам подходит, ответьте».

Всё в романе необычно.

И герои в нем очень необычны.

Доктор Клоубони, например, отчаянно и постоянно жестикулирует. Он много говорит, он чрезвычайно подвижен. Маленькие живые глазки доктора и его небольшой подвижный рот определены писателем как некие предохранительные клапаны — это сразу запоминается.

«Говорят, что я человек ученый, — экспансивно сообщает доктор Клоубони Ричарду Шандону, помощнику капитана, о причинах своего появления в составе экспедиции. — Но это не совсем так. Я ровно ничего не знаю, а если и сочинил кое-какие книжонки, которые расходятся недурно, то в этом ничуть не виноват. Просто публика у нас слишком снисходительная. Ничего я не знаю, прямо говорю. Живу себе спокойно, тихо, и вдруг, представьте, меня, невежу, приглашают в необыкновенное плавание! То есть дают мне возможность пополнить свои знания в самых разных научных дисциплинах. В медицине, в хирургии, в истории, географии, ботанике, минералогии. В конхиологии, геодезии, химии, физике, механике, гидрографии. Разве я мог от такой возможности отказаться?»

Доктор Клоубони — человек, над которым можно посмеиваться. Но это позитивный, всё понимающий человек. На него всегда можно положиться. В отличие от чудаковатого Жака Паганеля («Дети капитана Гранта») доктор Клоубони по вечной своей рассеянности не заведет спутников в неизвестные края и в отличие от не менее чудаковатого кузена Бенедикта («Пятнадцатилетний капитан») никому не станет в пути обузой. Багаж доктора сугубо функционален. Это книги, термометры и барометры, подзорные трубы, компасы... Впрочем, не будем уподобляться замечательному доктору Клоубони, пусть он сам с глубокой любовью, с глубоким тщанием перечисляет приборы и инструменты, вспоминает знаменитые маршруты, имена известных полярных исследователей.

Он ведь только притворяется простаком.

На деле даже в самый чудовищный мороз он запросто может выточить зажигательное стекло из кристально чистого льда. А понадобится, он замерзшую ртуть превратит в пулю для ружья.

И даже в самые грозные, в самые напряженные часы сурового путешествия доктор Клоубони не теряет способности любоваться

бесконечными чудесами полярного мира.

«От четырех до восьми часов вечера небо слегка окрашивалось на севере.

Потом нежная окраска начинала принимать правильную форму бледно-желтой каймы, которая концами своими как бы падала на ледяные поля. Мало-помалу кайма эта начинала двигаться по направлению магнитного меридиана. Она постепенно покрывалась темноватыми полосами; светлые волны разливались, удлинялись, уменьшались или увеличивались в своем блеске. Взору восхищенного наблюдателя являлись чудесные яркие дуги, тонушие в мягких красных, желтых, зеленых волнах наплывающего цвета. Ослепительное, ни с чем не сравнимое зрелище! Роскошный венец, постепенно принимающий все более бледные, неясные оттенки...»

По предположениям Жюль Верна (такой точки зрения, впрочем, придерживались в те годы многие географы), район Северного полюса мог быть покрыт водами обширного арктического бассейна.

Воображение писателя поработало на славу.

Над тяжелыми, никем до него не виданными водами пролетают стаи бесчисленных птиц. Среди них почему-то оказались пингвины, птицы, как известно, антарктические. (Может, Жюль Верна сбил с толку любимый им «Крузо». «Здесь было несметное множество птиц всевозможных пород, в числе прочих пингвины», — писал Даниель Дефо об острове, расположенном близко к экватору.) В море плавают огромные полярные медузы, резвятся миллионы разнообразных рыб, названия которых не знал даже сам Жюль Верн. Несмотря на некоторые неточности (те же пингвины), роман понравился известному французскому географу Вивьену де Сен-Мартену (1802—1897); он откликнулся на книгу дружеской рецензией. По представлению Вивьена де Сен-Мартена Жюль Верна даже избрали в действительные члены Парижского географического общества. И неважно, что на Северном полюсе, описанном Жюлем Верном, оказался (в отличие от действительности) огромный действующий вулкан. Могло ли такое препятствие остановить Гаттераса? Нет, конечно. «Юнион Джек» должен развеяться на Северном полюсе! И если полюс оказался вдруг занятым огромной огнедышащей горой, просто обмотаемся флагом родины и шагнем в кратер!

Британия превыше всего!

Этцель не позволил Жюлю Верну погубить смелого капитана.

По глубокому убеждению Этцеля, «Журнал воспитания и развлечения» никак не мог популяризировать трагические варианты.

«Но я не вижу для финала другой возможности, — протестовал Жюль Верн в письме от 25 апреля 1864 года. — Какой смысл возвращать Гаттераса в Англию? Его миссия выполнена».

Но издатель настоял.

Капитана Гаттераса доставляют в Англию.

Теперь он доживает дни в скучной лечебнице Стэн-Коттедж близ Ливерпуля.

Точнее, доживает свои дни его тело. Душа капитана навсегда осталась на Северном полюсе. Он не замечает окружающего, он ни с кем не вступает

в беседы и на прогулках всегда идет только в одном направлении — на север! И возвращается — пяясь, не отводя глаз все от той же самой высокой северной точки мира. Многие переводчики пытались адекватно перевести великолепную финальную фразу романа, но лучше всего (на мой взгляд) это сделано в варианте, выполненном в 50-х годах прошлого века (под руководством Г. Еременко).

«Капитан Джон Гаттерас неизменно стремился к северу».

Жаркое лето 1864 года Верны провели в Шантене.

Мэтру Пьеру и его жене удалось, наконец, собрать всех своих детей.

Приехал капитан Поль — опытный морской офицер. И не один, а с мадемуазель Мелье де Монторан, которая согласилась стать его женой. Приехали младшие сестры — Анна, Матильда и Мари, теперь соответственно — мадам Дюкре де Вильнев, мадам Флери и мадам Гийон. К ним присоединились родственники — Аллоты, Тронсоны, Шатобуры. Каждое воскресенье на открытой террасе устраивались танцы. Жюль усаживали за пианино, он играл популярные пьески Берлиоза, Обера, Гуно. Совсем недавно он писал о них в высшей степени презрительно: «Мелодии галантной эпохи Герольда и Обера, гордившихся тем, что они ничего не знают... Берлиоз, глава школы импотентов, чьи музыкальные идеи вылились в завистливые фельетоны... Гуно, умерший после того, как принял постриг в вагнеровской церкви...» В Шантене, к счастью, никто не знал об отвергнутом романе.

Иногда Жюль читал свои стихи.

Когда зимой — бесчисленно, над нами
Летят снежинки, нежно белят крышу,
Я ничего не вижу и не слышу,
Забив камин зажженными дровами...
Мечтатель, улетающий в просторы,
Вытягиваю ноги к полыханью
Огня, и, внемля моему дыханью,
Встают в дыму — моря, проливы, горы...
Вольтеровское кресло. Сумрак нежный.
Поленья тают. Это вечность точит
Моей души безмолвные массивы...
И дух любви — дух светлый, безмятежный...
Дух — нежный, будто дым... Как свет, красивый...
Смирятся в очарованье ночи...^[22]

С огромным интересом следил Жюль Верн за тем, как его друг Надар достраивает в Париже гигантский аэростат, так, кстати, и названный им: «Гигант». Зеваки день и ночь могли любоваться аэростатом на Марсовом поле. Отсюда он совершил свой первый (как оказалось, и последний) вылет. Сильный ветер унес «Гиганта» в Германию, и там он потерпел катастрофу близ Ганновера. Надара и раньше раздражала плохая управляемость воздушных шаров и аэростатов, теперь он окончательно убедился, что ищет не там, где надо.

«Физики и инженеры, — писал Жюль Верн об опытах и размышлениях друга в журнале «Семейный альманах», — давно придумали для полетов в атмосфере все необходимое — газ для наполнения шара, прочную и легкую сетку, чтобы удерживать оболочку, удобный клапан для спуска водорода. Найдены средства для подъема и спуска — балласт и избыточный газ. Но этого мало. Это вчерашний день. Пришла пора строить аппараты тяжелее воздуха. Я видел одну такую действующую модель: изобретатель вместо того, чтобы толкать корзину, толкает с помощью винта сам аэростат, для чего ему придана форма удлиненного цилиндра...»

И далее: «Всем знакомы игрушки, сделанные из лопастей, которым придают быстрое вращательное движение с помощью быстро разматываемой веревки. Такая игрушка взлетает и легко парит в воздухе, пока винт вращается. Теперь представьте себе непрерывно действующую пружину: подобная игрушка будет держаться в воздухе неопределенно долго...»

Сам Надар в опубликованном в газете «Ла пресс» энергичном «Манифесте воздушного управляемого передвижения» провозгласил следующие основные принципы сторонников будущей авиации: «Аэростат родился поплавком и навсегда останется только поплавком. Для того чтобы надежно парить над землей, летательный аппарат должен быть тяжелее воздуха. Человек должен научиться получать опору в самом воздухе, как это делает птица, удельный вес которой всегда больше удельного веса окружающей ее среды. Давно пора отказаться от аэростатов и воздушных шаров! Давно пора перейти к использованию законов динамического полета. Винт! Святой винт! Только винт вознесет нас в небо!»

Придет время, и Жюль Верн реализует размышления Надара в таких

романах, как «Робур-завоеватель» и «Властелин мира». Пока же он внимательно следит за тем, как энтузиасты нарождающейся авиации Постав Понтон д'Амекур (1825— 1888) и Габриель де Лаландель (1812— 1886) работают над проектами первых геликоптеров. Самое удивительное заключалось в том, что оба лидера этого направления не имели никакого специального технического образования и расчеты для них выполняли опытные инженеры. Не случайно со временем Понтон д'Амекур переключился на другие сферы и стал президентом французского Общества нумизматики и археологии, переживавшей тогда свой бум, а Лаландель, офицер морского флота, вошел в историю французской литературы своими многочисленными морскими романами. Свою роль «изобретатели», впрочем, сыграли. В союзе с неутомимым Надаром они основали во Франции Общество сторонников летательных аппаратов тяжелее воздуха.

Жюль Верн без колебаний вошел в число его учредителей.

В апреле 1864 года в журнале «Семейный альманах» Жюль Верн напечатал большую статью «Эдгар По и его произведения». Жюль не часто обращался к чужим литературным работам, но творчество американца чрезвычайно любил. И не зря. У Эдгара Аллана По было чему поучиться.

Вот один из героев По — Огюст Дюпен, аналитик.

И живет он, кстати, в Париже, в предместье Сен-Жермен.

В отличие от большинства людей Огюст Дюпен видит постоянно совершающиеся вокруг нас события совершенно по-своему. В рассказе «Убийство на улице Морг», например, свидетели-иностранцы совершенно убеждены (эта деталь чрезвычайно поражала Жюля Верна) в том, что голос преступника (которого никто не видел, но все слышали) явно не принадлежал их соотечественникам.

«Француз предполагал, что слышал голос испанца и *смог бы разобрать несколько слов, если бы знал испанский язык* (выделено мной. — Г. П.). Голландец утверждал, что наверняка слышал голос француза, однако допрашивали голландца через переводчика, *так как французского он не знал*. Англичанин считал, что до него совершенно точно доносился голос немца, хотя сам *ни слова не знал по-немецки*. Испанец был уверен, что слышал англичанина, но судил об этом исключительно по интонации, поскольку *не обнаружил никаких познаний в английском*. Итальянец был убежден, что слышал русского, но беда в том, что ему *никогда в жизни не приходилось говорить ни с одним русским*. Еще один француз, в отличие от первого, всеми силами клялся, что, несомненно, слышал итальянца, но вынес он это убеждение *исходя из интонаций говорившего*».

Бесподобный прием.

Конечно, его следует помнить.

Или рассказ «Необыкновенные приключения некоего Ганса Пфааля».

«Согласно последним известиям, полученным из Роттердама, — так начинается рассказ, — в этом городе представители научно-философской мысли охвачены сильнейшим волнением. Там произошло нечто столь неожиданное, столь новое, столь несогласное с установившимися взглядами, что в непродолжительном времени, — я в этом не сомневаюсь, — будет взбудоражена вся Европа, естествоиспытатели всполошатся и в среде астрономов и натуралистов начнется смятение, невиданное до сих пор.

Произошло следующее. Такого-то числа и такого-то месяца (я не могу сообщить точной даты) огромная толпа почему-то собралась на Биржевой площади благоустроенного города Роттердама. День был теплый — совсем не по времени года — без малейшего ветерка; и благодушное настроение толпы ничуть не омрачалось оттого, что иногда ее спрыскивал легкий дождичек из огромных белых облаков, в изобилии разбросанных по голубому небосводу. Тем не менее около полудня в толпе почувствовалось легкое, но необычайное беспокойство: десять тысяч языков забормотали разом; спустя мгновение десять тысяч трубок, словно по приказу, вылетели из десяти тысяч ртов и продолжительный, громкий, дикий вопль, который можно сравнить только с ревом Ниагары, раскатился по улицам и окрестностям Роттердама.

Причина этой суматохи вскоре выяснилась. Из-за резко очерченной массы огромного облака медленно выступил и обрисовался на ясной лазури какой-то странный, весьма пестрый, но, по-видимому, плотный предмет такой курьезной формы и из такого замысловатого материала, что толпа крепкоголовых бюргеров, стоявшая внизу, разинув рты, могла только дивиться, ничего не понимая. Что же это такое? Ради всех черт роттердамских, что бы это могло означать? Никто не знал, никто даже вообразить не мог, никто — даже сам бургомистр мингер Супербус ван Ундердук — не обладал ключом к этой тайне; и так как ничего более разумного нельзя было придумать, то в конце концов каждый из бюргеров сунул трубку обратно в угол рта и, не спуская глаз с загадочного явления, выпустил клуб дыма, приостановился, переступил с ноги на ногу, значительно хмыкнул — затем снова переступив с ноги на ногу, хмыкнул, приостановился и выпустил клуб дыма...»

А речь шла всего лишь о воздушном шаре.

Впрочем, сам герой рассказа никаких симпатий не вызывает.

Если говорить честно, этот Ганс Пфааль попросту был безумец и преступник.

Обычный ремесленник, починявший мехи для раздувания огня, он 40 лет занимал небольшой кирпичный дом в конце переулка, именуемого переулком Кислой Капусты, и 40 лет никому не отдавал постоянно копившихся долгов. Сograждане мало его интересовали, он их презирал. «Ибо, говоря откровенно, — признавался он, — народ прямо помешался на политике... Но, как я уже сказал, мы скоро почувствовали, к чему ведут пресловутая свобода, бесконечные речи, радикализм и тому подобные штуки. Людям, которые раньше являлись нашими лучшими клиентами, теперь некогда было думать о нас, грешных. Они только и знали, что читать

о революциях, следить за успехами человеческой мысли и приспособливаться к духу времени...»

Вот Ганс Пфааль и решил бежать из родного Роттердама.

А куда? Да на Луну, конечно! На Луне его ни один кредитор не достанет!

И вот в один распрекрасный день Ганс Пфааль взрывает собственноручно изготовленной бомбой всех своих кредиторов и спокойно отправляется в небо — к чудесной Луне, в корзине воздушного шара.

Жюль Верн восхищался Эдгаром По.

Он сам стремился к подобной убедительности.

«7 апреля. Встал рано и, к своей великой радости, действительно увидел Северный полюс. Не было никакого сомнения, что это именно полюс и он находится прямо подо мной. Но увы! Я поднялся на такую высоту, что ничего не мог рассмотреть в подробностях. В самом деле, если составить профессию моего восхождения на основании чисел, указывавших высоту шара в различные моменты между шестью утра 2 апреля и девятью без двадцати минут утра того же дня (когда высотомер перестал действовать), то в четыре утра 7 апреля шар должен был находиться на высоте не менее чем 7254 мили над поверхностью океана. (С первого взгляда эта цифра может показаться грандиозной, но, по всей вероятности, она гораздо ниже действительной.) Во всяком случае, я видел всю площадь, соответствовавшую большому диаметру земли; все северное полушарие лежало подо мною наподобие карты в ортографической проекции, и линия экватора образовывала линию моего горизонта. Итак, ваши превосходительства без труда поймут, что лежавшие подо мною неизведанные области в пределах полярного круга находились на столь громадном расстоянии и в столь уменьшенном виде, что рассмотреть их подробно было невозможно. Все же мне удалось увидеть кое-что замечательное. К северу от упомянутой линии, которую можно считать крайней границей человеческих открытий в этих областях, расстилось сплошное, или почти сплошное, поле. Поверхность его, будучи вначале плоской, мало-помалу понижалась, принимая заметно вогнутую форму, и завершалась у самого полюса круглой, резко очерченной впадиной. Последняя казалась гораздо темнее остального полушария и была местами совершенно черного цвета. Диаметр впадины соответствовал углу зрения в шестьдесят пять секунд. Больше ничего нельзя было рассмотреть. К двенадцати часам впадина значительно уменьшилась, а в семь пополудни я потерял ее из вида: шар миновал западную окраину льдов и несся по направлению к экватору...»

Много раз перечитывал Жюль Верн и «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима», незаконченную Эдгаром По. Все в этой повести тревожило Жюля, заставляло вдумываться, искать собственных продолжений и вариантов. Лучшей школы и быть не может. Он считал эту книгу самым загадочным мировым произведением.

Повесть подана как записки Артура Гордона Пима.

Значит, он не погиб? Значит, он мог бы довести свой рассказ до разгадки этой ужасной тайны — человеческой фигуры в саване, поднимающейся над Южным полюсом? И что за огромные, мертво-бледные птицы с неизбежным, как рок, криком «текелили!» исчезали вдали? «Продолжит ли кто-нибудь необыкновенные приключения Артура Гордона Пима?» — спрашивал Жюль Верн в своей статье.

Возможно, чувствовал, что заняться такой работой придется именно ему.

Жюль Верн постоянно пополняет свою картотеку.

Среди выписок — многочисленные даты, имена, маршруты.

«Их взгляды и жесты выражали изумление, — рассказывал в «Анналах» безвестный английский путешественник о своей поездке в далекий индийский город Барейои, в котором он случайно попал на глаза веселых молоденьких местных женщин. — Их веселость была вызвана, видимо, цветом моего лица. Они засыпали меня бессмысленными вопросами. Они хотели знать, ношу ли я шляпу, бываю ли когда-нибудь на солнце, всегда ли сижу взаперти или все-таки выхожу на улицу под балдахин. Оливковая кожа представляла приятный контраст с белыми ровными зубами красавиц, что, в общем, характерно для жителей Пенджаба».

Такие эпизоды для писателя стоят многого.

На одном из собраний Географического общества Жюль Верн почти случайно познакомился с известным французским геологом Шарлем Сент-Клером Девилом (1814—1876). Рассказ Девиля о том, как он несколько лет назад спустился на веревках в кратер вулкана Стромболи, поразил писателя. А рассуждения геолога о сложном внутреннем строении Земли навели на новый сюжет. Конечно, серьезный ученый должен быть осторожен в своих выводах, но писателю-то никто не запрещает включать воображение. Даже напротив. Игры воображения приветствуются. Почему не описать некое по-настоящему научное приключение, но так, чтобы смысл его оказался понятен всем? Геология в XIX веке энергично развивалась. Плутонизм... Нептунизм... Всё создано огнем... Всё создано водой... Земля внутри горячая, центр Земли расплавлен... О нет! Земля внутри холодная, ее недра пронизаны многочисленными трещинами... Как известно, на Земле практически не существует мертвых областей. Даже ледяные полярные острова со временем обрастают водорослями. Неутомимые птицы заносят семена растений на вершины гор, рыбы мечут икру в чрезвычайном отдалении от мест своего обитания. Рано или поздно даже в огромные, скрытые под землей пустоты (если, конечно, они существуют) вода могла занести семена растений, споры грибов...

Новый роман начинался с загадки.

В руки профессора минералогии Отто Лиденброка, человека энергичного и чрезвычайно любопытного, попал загадочный манускрипт. «Для немецкого профессора мой гамбургский дядюшка был сравнительно богат, — сообщает читателям племянник профессора юный Аксель. — Дом, со всем его содержимым, был полной собственностью дядюшки. Конечно, к содержимому дома следует отнести и крестницу профессора — Гретхен, семнадцатилетнюю девушку из Фирланде, служанку Марту и меня самого...»

Жюль Верн чрезвычайно увлекается.

Ему хочется убедить издателя в том, что он способен писать так, как этого требует их тревожное, насыщенное событиями и открытиями время. «Спустись в кратер Екуль Снай-федльс, который тень Скартариса ласкает перед июльскими календами, отважный странник, — цитирует он загадочный манускрипт, — и ты достигнешь центра Земли». И подпись: Арне Сакнуссем.

«— Арне Сакнуссем? — переспросил профессора рейкья-викский преподаватель (это когда Лиденброк и его помощник прибыли в Исландию, страну вулканов. — Г. П.). Вы говорите об ученом шестнадцатого столетия, о великом естествоиспытателе, великом алхимике и путешественнике?

— Именно о нем.

— О гордости исландской науки и литературы?

— Звучит более чем справедливо.

— О всемирно известном ученом?

— И с этим я безусловно согласен!

— Отвага которого равнялась его гению?

— Да, да. Именно так. Я вижу, что вы хорошо его знаете». Сохрани Жюль Верн подобную динамику в поздних своих романах, он, несомненно, потеснил бы и Александра Дюма-отца. Профессор минералогии сразу и безоговорочно поверил давным-давно умершему алхимику Арне Сакнуссему. Конечно, глубины Земли густо пронизаны всяческими пустотами. Иначе и быть не может. Известно, что в давние геологические эпохи поверхность нашей планеты была чрезвычайно насыщена легкими активными металлами, такими как натрий и калий. Они воспламенялись, когда атмосферные пары в виде дождя выпадали на Землю. Вода проникала

сквозь трещины, возникающие при разломах земной коры, — начинались чудовищные подземные пожары, они сопровождались мощными взрывами, исполинскими извержениями. Потом всё остывало. Вот профессор Лиденброк и повел своих спутников — трусоватого, но исполнительного племянника Акселя и бесстрашного, невозмутимого, как камень, исландца Ганса по следам давно умершего алхимика.

Вход в подземное царство начинался в жерле вулкана Снеффельс.

Переходы по запутанным подземным галереям, слабо освещенным неверным и тусклым сиянием электричества, которым насыщен был тяжелый воздух пещер. Каждому озеру, каждому ручейку, каждой подземной долине неистовый профессор, конечно, давал название. Это шло от самого Жюль Верна. Всю жизнь он любил так или иначе обозначать увиденные им предметы — статистика и систематика были его страстью.

Спутники профессора Лиденброка с изумлением и ужасом взирали на невиданные загадочные заросли, на гигантских доисторических чудовищ, давно вымерших на поверхности Земли. Под землей путешественники встречали даже человекоподобных гигантов (возможно, наших предков), пасущих на берегах мрачного моря стада огромных, видимо, одомашненных мастодонтов. (Кстати, эту деталь — одомашненные доисторические животные — позже прекрасно использует Артур Конан Дойл в замечательном романе «Затерянный мир».)

«Тут были белые грибы вышиной от тридцати до сорока футов, с шляпками соответствующего диаметра! Они росли здесь тысячами. Ни один луч света не проникал в их густую тень, полный мрак царил под куполами, прижавшимися тесно один к другому, подобно круглым крышам африканских селений...»

А странные физические явления!

«Шар, бело-лазоревого, величиной с десятидюймовую бомбу, медленно перекачивается с одного места на другое, вскакивает на мешок с провизией, снова тихонько соскальзывает, подпрыгивает, чуть не задевает ящик с порохом. О ужас! Мы сейчас взлетим на воздух! Нет, сверкающий диск катится дальше: приближается к Гансу, который от него глаз не отрывает, затем к дядюшке; тот бросается на колени, чтобы увернуться от шара; потом ко мне — мертвенно-бледному и дрожащему от нестерпимого блеска. Шар вертится около моей ноги, он все намагнитил — приборы, инструменты, оружие начинают перемещаться и со звоном ударяются друг о друга; гвозди на моих башмаках плотно пристали к железной пластине, вставленной в дерево...»

А гигантские пальмы! А рощи древовидных папоротников!

Мир, в который попали путешественники, поистине необыкновенен!

«Яркий свет ослепил меня. Глаза, привыкшие к темноте, невольно закрылись! Когда я снова смог их открыть, я был скорее озадачен, чем поражен.

— Море! — вскричал я.

— Да, — ответил дядюшка. — Море Лиденброка, и я надеюсь, что ни один мореплаватель не будет оспаривать у меня честь этого открытия и мое право назвать его моим именем.

Водная гладь простиралась перед нашими взорами, сливаясь с горизонтом.

Сильно изрезанный песчаный берег озера или моря, о который плескались волны, был усеян мелкими раковинами, вместилищами живых организмов первичной формации. Волны разбивались о берег с гулким рокотом, свойственным замкнутым пространствам. Легкая пена на гребнях волн взлетала от дуновения ветерка, и брызги попадали мне в лицо. На этом плоском берегу, в ста туазах от воды, теснились отроги первобытного горного кряжа — огромные скалы, которые, расширяясь, вздымались на неизмеримую высоту. Прорезая берег острыми ребрами, эти скалы выступали далеко в море, о них с ревом разбивались волны. Вдали грозно вздымалась подобная же громада утесов, резко вырисовывавшаяся на туманном фоне горизонта. То был настоящий океан, с причудливыми очертаниями берегов, но берегов пустынных и внушающих ужас своей дикостью. Я мог далеко окинуть взглядом эту морскую ширь, потому что какое-то особенное сияние освещало все окрест до малейшей подробности. То не был солнечный свет, с его ослепительным снопом лучей и великолепным сиянием, и небледный и неверный свет ночного светила, отраженный и призрачный. Нет! Сила этого светоча, его рассеянное холодное сияние, прозрачная белизна, его низкая температура, его яркость, превосходившая яркость лунного света, — все это с несомненностью говорило о его электрическом происхождении. В нем было нечто от северного сияния, от явления космического порядка; свет этот проникал во все уголки пещеры, которая могла бы вместить в себя целый океан.

Свод пещеры, если хотите, каменное небо, как бы затянутое тучами, образовавшимися из водяных паров, грозило через несколько дней обрушиться на скалы проливным дождем. Я полагал, что при столь сильном атмосферическом давлении испарения воды не могло быть, а между тем благодаря еще неизвестной мне физической причине густые тучи собирались в воздухе.

Но пока стояла прекрасная погода.

Электрические волны создавали удивительную игру света, преломляясь в облаках, высоко стоявших в небе. Резкие тени ложились порою на их нижний край, и часто в разрыве облаков вспыхивал луч удивительной яркости. Но все же то не был солнечный луч, ибо от него веяло холодом. Свет этот создавал грустное, в высшей степени меланхолическое впечатление. Вместо небесной тверди с ее созвездиями я чувствовал над головой затянутый тучами гранитный небосвод, давивший на меня всею своею тяжестью, и как ни огромно было это внутриземное пространство, всё же тут было бы тесно даже самому незначительному из спутников нашей планеты.

Мне вспомнилось тогда, что по теории одного английского капитана Земля подобна огромному полому шару, внутри которого газ, под собственным давлением, поддерживает вечный огонь, в то время как два другие светила, Плутон и Прозерпина, вращаются по предначертанию своей орбиты. Был ли он прав?»

В этом необыкновенном, часто смертельно опасном путешествии героям все-таки удалось выжить. Из темных глубин профессора Лиденброка и его спутников выносит на плоту раскаленная лава начавшегося извержения, и они оказываются не где-нибудь, а в кратере того самого вулкана Стромболи, в который когда-то спускался геолог Девиаль.

Очень вовремя, кстати.

Промедли путешественники час-другой, и мы не узнали бы ничего о их чудесных подземных приключениях.

И осталась бы без любимого чудесная Гретхен — крестная профессора Лиденброка.

Но Гретхен дождалась, в отличие от Глэдис — героини уже упомянутого выше романа Артура Конан Дойла.

Пожалуй, есть смысл сравнить финалы этих столь похожих и столь непохожих произведений.

«Дверь гостиной закрылась, — писал Конан Дойл, — как вдруг меня словно что-то подтолкнуло. Повинуясь этому порыву, я вернулся к своему счастливому сопернику (понятно, соперник этот бесчестно воспользовался долгим отсутствием героя и покорило сердце его невесты. — Г.П.), который тотчас бросил тревожный взгляд на электрический звонок.

— Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос...

— Что ж, — неуверенно начал он, — если в границах дозволенного...

— Как вы этого добились? — спросил я. — Отыскивали какой-нибудь клад? Открыли полюс? Были корсаром? Перелетели через Канал? Что вы сделали? Где она, романтика? Как это вам удалось?»

Да нет тут никакой романтики.

Жизнь есть жизнь, особенно для недалеких людей.

Молодой человек работал всего лишь писмоводителем, правда, не в каком-нибудь захудалом бюро, а в известной нотариальной конторе Джонсона и Меривилля — простое, уверенное, перспективное дело.

У Жюль Верна финал романа иной.

«Теперь, когда ты стал героем, — говорит счастливому Акселю его славная Гретхен, — тебе никогда больше не следует покидать меня!»

Жаркое сухое лето 1865 года Онорина и дети снова провели в Шантене.

Жюль Верн на время остался в Париже. Многие часы он проводил в круглом прохладном зале Национальной библиотеки. Устав работать с архивными документами, тянулся к книгам, но читать не мог. Необъяснимая тревога мешала. Встречи с Эстель были невозможны. Тревога, казалось, была растворена в душном парижском воздухе. Только беседы с математиком Анри Гарсе как-то отвлекали Жюля Верна от раздумий.

— Всё преходяще, — в ответ на его неясные жалобы замечал кузен. — Всё проходит быстрее, чем мы думаем. А раз так, не теряй время, предавайся занятиям достойным.

— Математике, например?

— Почему бы и нет? Кузен был прав.

Не зная математики, не определишься в открытом море, не вычислишь своего местоположения в знойной однообразной пустыне, не возведешь своды храма, высотный дом, не пустишь по рельсам мощную паровую машину, в конце концов, не поднимешь в воздух аэростат. Благодаря математике (в широком смысле) жизнь стремительно меняется. Буквально еще вчера символом мирового технического прогресса являлся газовый рожок, а сегодня...

Изобретатель Фултон испытал настоящую подводную лодку...

Пароход «Савана» своим ходом пересек Атлантический океан...

Задействована на практике вычислительная машина Бэббиджа...

Оправдываются немалые затраты на телеграфный аппарат Земеринга...

В Англии между Мидлтоном и Лидсом уверенно ходят паровозы Бленкистона—Муррея с двухцилиндровыми двигателями...

Скоропечатная машина Кенига забрасывает мир газетами...

Изобретатель Шапсель навсегда отменил огниво, изобретя серные спички...

Датский физик Эрстед открыл алюминий...

Смельчаки катаются по улицам Парижа на «беговой машине» Драйса...

Открыта электромагнитная индукция, работают первые гидротурбины.

Английский естествоиспытатель Чарлз Дарвин говорит странные вещи об изменении всех живых существ на Земле. Телеграфный аппарат Морзе позволяет посылать сообщения на большие расстояния. Художник Луи Дагер получил прекрасные фотоизображения на специальных пластинках. Построен и работает синхронный электродвигатель переменного тока. В редакциях и издательствах появились первые пишущие машинки. В типографиях — наборные машины Минье. А еще — индукционная катушка... конвертер... газовый двигатель внутреннего сгорания... самодвижущаяся мина...

В мирное время (кровопролитные войны, потрясавшие Европу и Северную Америку, несколько приутихли) потеряли работу тысячи занятых прежде специалистов. Среди них опытные моряки, саперы, артиллеристы.

Чем им заняться?

К чему приложить руки?

Морякам работу можно найти, саперам тоже.

А вот артиллеристы? Чем занять в мирное время их?

«Пушечный клуб»! Вот идея. Следует создать «Пушечный клуб»!

И пусть этот клуб функционирует не во Франции (это слишком близко), а где-нибудь за океаном — в Америке, скажем, в Балтиморе. Там, в Америке, отставных военных сейчас так много, что уже через месяц новый клуб будет насчитывать тысячи действительных членов и десятки тысяч членов-корреспондентов. Тем более что правила приема в «Пушечный клуб» будут несложны: просто кандидат на вступление изобретает новые или совершенствует уже имеющиеся орудия.

«Легко представить размах американской изобретательности, — писал в новом романе Жюль Верн. — Орудия, совершенствуясь, начали принимать колоссальные размеры, а снаряды стали перелетать через все мыслимые расстояния, нередко разрывая в клочки обычных безобидных прохожих. Все эти изобретения скоро оставили далеко позади скромные по своим размерам европейские орудия. Вот цифры. Прежде, "в доброе старое время" ядро в тридцать шесть фунтов весом могло прострелить на расстоянии трехсот футов лишь тридцать шесть лошадей, поставленных поперек его пути, или шестьдесят восемь человек, если случай их выстраивал в таком порядке. Ах эта младенческая пора артиллерийского искусства! С тех пор снаряды научились летать гораздо дальше. Например, пушка Родмена била на расстояние семи миль, и ее ядро, весом в полтонны, могло "скосить" сразу сто пятьдесят лошадей и триста человек. В недавно созданном "Пушечном клубе" был даже возбужден вопрос — не произвести ли в действительности этот опыт? Но если лошади, может, и согласились бы подвергнуться подобному испытанию, то среди людей, к сожалению, охотников не нашлось...»

«Все эти орудия были чудовищно смертоносны. При каждом выстреле сражавшиеся падали целыми рядами, как колосья под ударами косы. Каким жалким по сравнению с такого рода снарядами показалось бы нам ядро,

сразившее в 1587 году в битве при Кутра сразу двадцать пять человек, или ядро, убившее в 1758 году при Цорндорфе одним выстрелом сорок пехотинцев. Что значили наполеоновские пушки, убийственный огонь которых решил судьбу сражений при Иене и Аустерлице? Все это лишь цветочки! В битве при Геттисберге конический снаряд, выпущенный из нарезной пушки, разом уложил сто семьдесят три южанина, а при переправе через реку Потомак один родменовский снаряд отправил в лучший мир двести пятнадцать южан. Следует также упомянуть об огромной мортире, изобретенной Дж. Т. Мастоном, выдающимся членом и непременным секретарем "Пушечного клуба"; действие этой мортиры оказалось крайне губительным: при ее испытании оказались убитыми триста тридцать семь человек; правда, все они погибли от взрыва самой мортиры...»

Не удивительно, что больше всех переживал именно Дж. Т. Мэстон.

«Как? — постоянно печалился он. — Неужели мы состаримся и умрем, так и не посвятив последние годы своей жизни усовершенствованию мощных огнестрельных орудий? Неужели нам больше не представится случая испытать дальноточность наших пушек и чужие небеса не озарятся огнем наших залпов? Неужели никогда не возникнут международные осложнения, которые позволят Америке срочно объявить войну какой-нибудь заморской державе? Неужели, к примеру (следует помнить, что это говорит американец. — Г.П.), эти нервные французы не потопят ни одного нашего корабля? И неужели строптивые англичане при их несносном характере ни разу больше не нарушат международного права, — ну, скажем, не вздернут по какому-нибудь торжественному случаю трех-четыре наших земляков?»

В артиллерийской науке американцы превзошли европейцев.

«Нельзя сказать, — писал в романе Жюль Верн, — чтобы приемы их стрельбы достигли большего совершенства, но они создали орудия необычайных размеров, бившие на неслыханные ранее расстояния. В искусстве настольного, навесного и ураганного огня, флангового, продольного и тылового обстрела англичане, французы и пруссаки достигли, пожалуй, самого высокого совершенства; но их пушки, гаубицы и мортиры кажутся простыми пистолетами по сравнению с колоссальными орудиями американской артиллерии...»

В «Пушечном клубе» всё подчинено идее.

Председатель сидит в кресле, поставленном на пушечный лафет.

Письменный стол склепан из жесткого листового железа. Круглая чернильница выточена из настоящей гранаты. Скамьи в зале заседаний

поставлены плотными зигзагами — как крепостные валы. Но это все — мелочи, все это всего лишь мелочи. Чтобы мир по-настоящему развивался, нужны большие, нужны великие потрясения. И раз уж не ведется почему-то никаких войн, давайте сами, без всяких войн, с помощью только наших чудесных мощных орудий присоединим к уже имеющимся тридцати шести американским штатам еще один...

Луну!

В космической авантюре «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут» места для мадам Дюшен не нашлось (после «Парижа в XX веке» издатель особенно внимательно редактировал каждую рукопись Жюль Верна. — Г. П.), зато верного друга — неутомимого Надара писатель с удовольствием отправил на Луну под именем Мишеля Ардана.

«Это был человек лет сорока двух, — описывал Ардана Жюль Верн. — Высокого роста, но чуть сутуловатый, подобно кариатидам, поддерживающим городские балконы. Крупная голова была украшена копной огненных волос, и он встряхивал ими порой, как настоящей львиной гривой. Круглое лицо, широкие скулы, оттопыренные щетинистые усы и пучки рыжеватых волос на круглых щеках, близорукие, несколько блуждающие глаза. Нос очерчен смелой линией, а высокий умный лоб изборозжден морщинами, как поле, которое никогда не отдыхало. Короче, малый, которого, говоря языком металлургов, природа скорее выковала, чем отлила...»

Рыжего Надара давно знал весь Париж.

Любимец бульваров... Тициан фотографии...

Надар не только рисовал смелые карикатуры на власти предрежащие, он еще издал несколько солидных альбомов с портретами своих знаменитых современников. «Фотография — замечательное открытие, — писал он. — Теория может быть изучена за час, основы техники за день, но вот чему никого нельзя научить — это чувству света. То, как свет падает на лицо, вы должны уловить сами. Чтобы получить сходство, а не банальный портрет, вы должны вступить в тесный союз с позирующим, почувствовать его мысли, его характер...»

Надар многих удивлял своими талантами.

И в артиллерийский снаряд Жюль Верна попал по праву.

«С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут».

Три смелых человека и две собаки. И никаких шансов вернуться.

Впрочем, смельчаки и не обсуждают такой шанс. Для них важно добраться до далекого земного спутника, а там увидим. Если, дай бог, на Луне окажется атмосфера, похожая на земную, и если там найдутся понимающие разумные обитатели, то можно спутник Земли объявить еще одним американским штатом! Перспектива прекрасная! Так что речь в романе шла уже не о заморских территориях, а о внеземных! А там, смотришь... Отправят на Луну и другие снаряды... (Возможно, именно от этого варианта в будущем отталкивался Герберт Уэллс, описывая марсиан, прилетевших на Землю в таких же полых цилиндрах.)

Математические расчеты для писателя сделал Анри Гарсе.

Из расчетов (в романе они принадлежат неугомонному Дж. Т. Мастоу — непременно секретарю «Пушечного клуба») следовало, что специально построенному артиллерийскому снаряду вполне можно придать ускорение, которое вырвет его из объятий земного притяжения. (Кстати, траектория лунного снаряда была высчитана Анри Гарсе настолько точно, что в XX веке это не раз с восхищением отмечали сотрудники НАСА.)

«Если бы снаряд, — писал Жюль Верн, — все время сохранял первоначальную скорость 12 тысяч ярдов в секунду, он долетел бы до Луны приблизительно в девять часов; но так как скорость снаряда непрерывно убывает, то понадобится 300 тысяч секунд, то есть 82 часа 20 минут, чтобы он достиг точки, в которой притяжение снаряда Землей и притяжение его Луной окажутся равными между собой; начиная с этой точки, снаряд будет падать на Луну в течение 50 тысяч секунд, то есть 13 часов 53 минуты и 20 секунд. Поэтому снаряд следует выпустить ровно за 97 часов 13 минут и 20 секунд до прохождения Луны через намеченную точку ее пути».

Герои Жюль Верна тщательно наблюдали за земным спутником.

Они видели (как позже герои Герберта Уэллса), что во время полнолуния на далеком серебристом диске Луны просматриваются какие-то белесоватые полосы, может быть, туманы ползут в ущельях... Значит, там есть атмосфера... А раз есть атмосфера, то могут быть и обитатели... Вот до них-то мы и доберемся... Если Бог сотворил звезды и планеты, утверждает Дж. Т. Мастоу, то человек создал ядро, бомбу, снаряд. И не

надо споров, что именно лучше использовать для выстрела в сторону Луны — пушку, гаубицу или мортиру «И пушку, потому что пороховая камера у нее будет иметь тот же диаметр, что и канал... И гаубицу, потому что она выпустит бомбу... И, наконец, мортиру, потому что мы установим ее под углом в девяносто градусов и прочно и неподвижно укрепим в земле, — тогда снаряду сообщится вся двигательная сила, которая при взрыве разовьется в пороховой камере...»

Подписка, объявленная в разных странах, принесла «Пушечному клубу» почти четыре миллиона долларов — существенная сумма по тем временам.

Оставалось отлить гигантскую пушку — колумбиаду.

И не где-то, а в штате Флорида! — там, где в XX веке на мысе Канаверал будет построен главный американский космодром.

Смельчаки Мишель Ардан, Импи Барбикен и капитан Николь становятся первыми межпланетными путешественниками. И летят они на Луну не на воздушном шаре, как это ранее практиковалось в литературе, и не на спине какого-нибудь сказочного дракона, а внутри обыкновенного полого алюминиевого снаряда.

И они готовы на всё — даже навсегда остаться на земном спутнике.

Кстати, хотел отправиться на Луну и неперемный секретарь «Пушечного клуба» — Дж. Т. Масто́н, но опытному артиллеристу было отказано.

«Ты не обижайся, — доверительно сказал ему Ардан. — Вместо нормальной руки у тебя железный крюк. Ты хромаешь на обе ноги, весь покрыт шрамами. Короче говоря, ты слишком несовершенен, мой друг, чтобы вдруг явиться на Луну. Представь, что мы, правда, встретим там местных жителей. Ведь, увидев тебя, селениты сразу поймут, что люди тратят свое драгоценное время на то, чтобы калечить себе подобных, отрывать им ноги и руки, вообще истреблять близких. Они сразу поймут, почему на нашей чудесной планете до сих пор не набралось и полтора миллиарда жителей, хотя Земля может прокормить все сто миллиардов. Из-за тебя, дорогой Масто́н, нас попросту вышвырнут за порог».

Три винтовки, три охотничьих ружья, запас разрывных пуль.

Неизвестно ведь, с кем придется столкнуться на нашем далеком спутнике.

Мощный выстрел озаряет Флориду. Земля в ужасе содрогнулась. Полый снаряд из колумбиады выпущен. Неперемный секретарь «Пушечного клуба» и его друзья лихорадочно ищут любую возможность установить связь с отправившимися на Луну путешественниками, но у них ничего не получается...

Роман заканчивается сообщением директора Кембриджской обсерватории Дж. Бельфаста.

«Лонгспик. 12 декабря.

Членам бюро Кембриджской обсерватории.

Снаряд, выпущенный колумбиадой в Стонзхилле, был усмотрен Дж. Бельфастом и Дж. Т. Масто́ном 12 декабря в 8 часов 47 минут вечера в момент вступления Луны в последнюю ее четверть. Снаряд летел мимо Луны, но настолько близко к ней, что попал в сферу притяжения земного

спутника. Соответственно прямолинейное движение превратилось в криволинейное, обладающее необычайно высокой скоростью. В настоящее время снаряд движется вокруг Луны по длинной эллиптической орбите, став ее искусственным спутником. К сожалению, нам пока неизвестно время обращения снаряда вокруг Луны, а также продолжительность его оборота вокруг собственной оси. Нынешнее расстояние его от поверхности Луны можно приблизительно определить в 2833 мили (4500 лье)^[23]. Исходя из этой полученной нами информации, выдвинуты две гипотезы о последующем движении снаряда: либо притяжение Луны возобладает, и тогда пассажиры снаряда достигнут цели своего путешествия; либо, сохраняя ту же орбиту, снаряд превратится в вечного спутника Луны».

Жюль Верн работает.

Он внимательно следит за выходящими во Франции книгами.

Он, например, ошеломлен романом Виктора Гюго «Отверженные».

История несчастного Жана Вальжана, бессмысленно отмотавшего на каторге 19 лет только за то, что, голодая, он украл каравай хлеба, могла тронуть самое холодное сердце. Да, отмечал Жюль Верн, Виктор Гюго умеет вызывать сочувствие к своим героям. И полицейский агент Жавер, и маленькая Ко-зетта, и парижский гамен^[24] Гаврош, и юный Мариус, и Гуин-плен, и Жильят-мореход, и БюгЖаргаль, и многие герои многих его других книг — за каждым стояла своя история.

Впрочем, Жюль Верн верит, что *своя* история стоит и за его капитаном Гаттерасом, и за доктором Фергюссоном, и за профессором Лиденброком.

А разница?

Конечно, она есть.

Виктор Гюго, на взгляд Жюля Верна, слишком часто бывает излишне цветистым и многословным, его бесконечные отступления от основного текста раздражают, афоризмы звучат напыщенно, тем не менее это всегда Гюго! И он *сам* определяет себе меру. Никакой издатель не заставил бы признанного мэтра переписать, скажем, главу о мерзких мародерах, вышедших на поле сражения под Ватерлоо, тогда как Жюлю Верну все еще часто приходится мириться с замечаниями Этцеля...

С сентября по октябрь роман «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут» печатался отдельными фельетонами в «Газете политических и литературных дебатов». Одновременно в «Семейном альманахе» появилась повесть «Нарушители блокады» — о недавней Гражданской войне в США. Казалось бы, ничто не должно мешать душевному равновесию, но, потеряв — навсегда — мадам Дюшен, свою подругу, так много для него значившую, Жюль Верн чувствует себя совершенно опустошенным.

Это читается в его стихах того времени.

Теперь ты — только душа,

Теперь ты — только воспоминание.

Время остановилось, ему некуда течь,

Рты закрыты, слов нет, можно лишь вспоминать и думать...

Время остановилось.
Оно остановилось, а ты уходишь.
Ты уходишь, уходишь, и только твоя улыбка
Растворена в воздухе — восхитительная, насмешливая.
Но как ею вдохновляться, если тебя нет?..
Душа, наполненная болью,
Душа, наполненная яростью, —
Рассеивайся, истаивай, уходи, прячься.
Может, там встретишь кого-то похожего на меня,
Может, там почувствуешь горечь прощанья... [\[25\]](#)

Впрочем, отчаяние тоже — двигатель прогресса.
Люди погибали, но открывали новые пути, считавшиеся раньше непроходимыми; калечились, но создавали новые машины, считавшиеся невозможными; терялись в неизвестности, открывая новые территории. В истории человечества не бывает потерь, оно просто их не замечает. История человечества делается *находками*. История ведь — не переписывание документов. Она — их создание.

Закончив роман «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут», Жюль Верн садится за новый. Отношения с Онориной становятся холоднее. Разумеется, она радуется его успехам, ведь он работает на всю семью — на маленького Мишеля, на дочерей, на нее саму, наконец. Но исчезает взаимное понимание первого года и брак по расчету действительно превращается в брак по расчету, где две стороны пытаются, по крайней мере, не мешать друг другу. Часто Жюль Верн остается ночевать в кабинете. Это удобно со всех точек зрения, тем более что по стенам развешаны географические карты, а суть нового романа является как бы отголоском рассказов, слышанных им в детстве, в Нанте: дети ищут своего отца, потерявшегося где-то в тропических морях.

Как всегда, Жюль Верн набрасывает текст карандашом, потом по карандашным строкам, всегда внимательно просматриваемым и редактируемым лично Этцелем, проходит чернилами, а затем и раз, и два, и три, сколько понадобится, правит текст в гранках.

Матросы с яхты «Дункан» случайно находят в желудке выловленной ими акулы стеклянную бутылку, густо обросшую ракушками. В бутылке — подмокшая записка. Прочитав сохранившиеся обрывки текста (на нескольких языках, кстати), лорд Гленарван, владелец «Дункана», не колеблясь, отправляется в Лондон — в Морское министерство, потому что из найденной записки следует, что несколько лет назад у некоего южного острова (название его неизвестно) в Тихом океане потерпел крушение корабль шотландского капитана Гранта.

Впрочем, лорды Морского министерства не слишком торопятся помочь.

Да, конечно, капитан Грант служил Англии, но в южные моря ушел самовольно, не докладывая об этом Морскому министерству, поскольку решил основать на одном из безымянных островов свободную шотландскую колонию. Как многие представители знатных шотландских семейств, капитан Грант считал Англию поработительницей. «Мечтал ли он, что его колония когда-нибудь, по образцу Соединенных Штатов Америки, добьется независимости? Той независимости, которую неизбежно, рано или поздно, завоюют Индия и Австралия?» Возможно! Своих детей — Роберта и Мэри — капитан оставил на попечении своей старой двоюродной сестры и в 1861 году ушел в плавание.

А судьба — она и есть судьба: сестра умерла, дети остались одни...

«Дети капитана Гранта» — светлый роман. Герои его никогда не оставляют друг друга в опасности. Может быть, в романе не хватает сильных любовных чувств, но это ведь для приключенческого романа необязательно. «Ах, если бы я мог описать пару адюльтеров, — жаловался издателю Жюль Верн. — Я бы тогда и двадцать книг писал бы быстрее, чем сейчас три!»

Но у приключенческих романов свои законы.

«Эдуард, — сказала леди Элен Гленарван своему благородному мужу. — Вы решили начать нашу супружескую жизнь с поистине доброго дела. Вы собрались на яхте повезти меня по всему миру, устроить чудесную увеселительную поездку по разным морям, но прошу вас, подумайте: разве это наше удовольствие может быть сравнимо с величайшим удовольствием вернуть отца бедным детям?»

Таковы все герои этого счастливого романа.

Наверное, собственные беды каким-то образом очищали Жюля Верна.

В романе все — один к одному. Мужественный Джон Мангле, капитан «Дункана», воспитан в доме Гленарванов. Он предан им всей душой, он прям и правдив и всегда говорит вслух то, что думает. Дружеское отношение к юной Мэри быстро перерастает у капитана в нечто большее. А сама Мэри всегда, всегда, действительно всегда готова помочь любому. Даже злодей Айртон (пират Бен Джойс) вызывает у нее сочувствие — ведь когда-то он был добрым христианином и служил ее отцу. О майоре Мак-Наббсе, человеке сдержанном и умном, в романе сказано: «Единственной слабостью его был неумеренный шотландский патриотизм». Даже морской чин майор Мак-Наббс получил в 42-м полку горной гвардии, командный состав которого пополнялся исключительно шотландскими дворянами. Юмор майора прост, иногда черен. Когда Жак Паганель завистливо восклицает: «Как?! Вы обогнули мыс Горн, а меня не было с вами?!» — майор мимоходом бросает ему: «Ну так повесьтесь!»

Жюль Верн всегда симпатизировал шотландцам.

Не удивительно. В родословной матери Жюля Верна прямо указывалось: «Госпожа де Ласе — дочь Роже Аллот де ла Фюи и внучка генерала Жоржа Аллот де ла Фюи... В 1462 году Н. Аллот, шотландец, прибыл во Францию для несения службы в отряде шотландских гвардейцев... За услуги, оказанные королю Людовику XI, возведен в дворянское звание...»

Ну а что касается англичан — у них свои взгляды и странности.

Жак Паганель, весьма знающий натуралист, изумлен результатами

экзамена, которому он подверг мальчика Толине, учившегося в Мельбурнской нормальной школе. Разумеется, все предметы в этой школе вели англичане, поэтому, наслушавшись их, умный мальчик посчитал, что вся Австралия, Новая Зеландия, Тасмания и прилегающие острова принадлежат и всегда принадлежали англичанам.

— А Новая Каледония, Сандвичевы острова и архипелаг Таумоту? — спрашивает мальчика Жак Паганель.

— Они находятся под прямым протекторатом Великобритании, — не раздумывая, отвечает Толине.

— А может, они находятся под протекторатом какой-то другой страны, скажем, Франции? — переспрашивает натуралист.

— Ни в коем случае, — уверяет ученик Мельбурнской нормальной школы. — Вся Южная, и Восточная, и Западная Азия принадлежит Англии. И вся Африка со всеми ее островами. И вся Америка. Всё-всё-всё!

— Но, может, ты забыл еще о некоторых странах, мой мальчик? — насмешливо напоминает Жак Паганель.

— О каких это еще? — искренне удивляется Толине.

— Ну, скажем, о таких, как Испания, Россия, Пруссия, Австрия, Франция.

— Да ну, — знающе отмахивается Толине, — никакие это не страны, а так... английские провинции...

Всё зло в мире — от невежества.

Вот беседуют честный майор Мак-Наббс и добросердечная самаритянка леди Элен.

Рост местных туземцев, знающе указывает майор, от пяти футов четырех дюймов до пяти футов семи дюймов. Цвет кожи темный, но не черный, а вроде старой сажи. У них длинные руки, выпяченные животы, лохматые волосы. Тела густо татуированы, испещрены шрамами от надрезов, сделанных в знак траура при погребальных обрядах. Трудно вообразить человеческие лица, которые так мало отвечали бы общепринятому европейскому идеалу красоты: огромные рты, носы приплюснутые и словно раздавленные, выдающиеся вперед челюсти.

«— ...это, несомненно, обезьяны, только породистые, — замечает майор.

— Но, Мак-Наббс! Это же люди! — восклицает леди Элен. — Зачем вы так говорите? Неужели вы оправдываете тех, кто преследует этих несчастных?

— Люди? Какие люди? — удивляется майор. — Нет, леди Элен, нет! В лучшем случае они — нечто вроде промежуточного звена между человеком

и орангутангом. Сравните профиль орангутанга и местного туземца, и вы убедитесь в их полном и неоспоримом сходстве».

В конце концов, даже добросердечная самаритянка леди Элен начинает сомневаться в том, что указанные существа — люди, что они одарены вечной душой.

«Мой дорогой Мак-Наббс, — неуверенно говорит она. — Надеюсь, вы все-таки понимаете, что австралийцев не стоит считать обезьянами? Они вовсе не обезьяны. Вам, наверное, следует отказаться от своих слов».

Майор улыбается:

— Ну, хорошо, кузина. Я откажусь от своих слов, если вам этого хочется. Но вы меня не убедили. Если австралийцы не обезьяны, то уж их обезьяны — точно австралийцы.

— Как так, майор? Почему вы так думаете?

— А вспомните, что сами чернокожие говорят об орангутангах.

— А что они такого о них говорят? — искренне удивляется леди Элен.

— А то, что обезьяны — это тоже чернокожие, только хитрые. И они, как все чернокожие, прекрасно могут говорить, только вполне сознательно не прибегают к речи. Боятся, что их заставят работать.

В романе «Дети капитана Гранта» под пером Жюль Верна появляется поистине феерическая фигура — некий рассеянный натуралист Жак-Элиасен-Франсуа-Мари Паганель. Ученый секретарь Парижского географического общества, член-корреспондент географических обществ Берлина, Бомбея, Дармштадта, Лейпцига, Лондона, Петербурга, Вены, Нью-Йорка, почетный член Королевского географического и этнографического института Восточной Индии... Этот чисто кабинетный ученый вдруг решил заняться практической географией и собрался в далекую Индию, чтобы подвести итог многим великим путешествиям.

Жак Паганель добр, умен, но чудовищно непрактичен.

Он изучает испанский язык по оригинальной книге Камозенса — португальца (и на португальском языке, кстати). Собравшись в Индию, попадает на борт яхты «Дункан», отправляющейся к берегам Южной Америки. Он постоянно совершает сотни нелепостей, некоторые из которых (в силу чистой случайности) отводят от спутников лорда Гленарвана смертельные опасности. А еще он глубоко уверен в правоте науки — всегда и везде. На слова отчаявшейся леди Элен: «Да поможет нам Бог» — он спокойно отвечает: «Непременно поможет, сударыня... если мы сами себе поможем...»

Таким людям и везет по-особенному. Некая милейшая тридцатилетняя девица (кстати, двоюродная сестра майора Мак-Наббса), особа эксцентричная, но видная, и с неплохим капиталом, без памяти влюбилась в Жака Паганеля. А ученый муж, как это ни странно, по возвращении из путешествия почему-то активно бежит от девицы, которая ему, между прочим, весьма по душе. Тайна Паганеля так и осталась бы его личной тайной, если бы майор Мак-Наббс не поделился своими наблюдениями с лордом Гленарваном, а тот не рассказал бы всё леди Элен, а леди Элен в свою очередь не шепнула бы миссис Мангле... Оказывается, в плену у маорийцев географ был с ног до головы татуирован дикарскими рисунками, даже на груди у него красуется диковинная птица киви...

Казалось бы, в чувственной атмосфере французской литературы XIX века Жюль Верн вполне мог писать смелее.

«Ручка у нее была чуть полновата и, возможно, даже коротковата, но так медлительна в движениях, тепла и округла, с ямочками у основания пальцев, приятно умащена, розова и мягка, аристократична — весьма

чувственная ручка; она так и притягивала его взор, глаз блуждал по каждой из двух линий, очерчивающих запястье, по всем пальчикам поочередно, с любопытством вбирал в себя цвет этой чуть смугловатой, тонкой кожи с пробегающими по ней синеватыми перекрещивающимися тенями мелких вен...» — так Постав Флобер рисовал в «Первом "Воспитании чувств"» некую мадам Рено, в которую влюблен герой повести.

Но Жюлю Верну такие подробности не нужны.

«Лорд Гленарван не забывал, что его жена — дочь известного путешественника. Ему казалось, что Элен, должно быть, унаследовала страсть отца к путешествиям. Был построен "Дункан", яхта, которая должна была перенести лорда и леди Гленарван в самые дивные уголки земного шара, к островам Архипелага, в воды Средиземного моря. Легко представить радость Элен, когда муж передал "Дункан" в ее полное распоряжение. Действительно, есть ли большее блаженство, чем плыть с любимым вдоль прекрасных берегов Греции и переживать медовый месяц у сказочных восточных берегов...» Этого Жюлю Верну достаточно.

У многочисленных читателей «Дети капитана Гранта» вызвали самый настоящий восторг. Тираж романа быстро расхodziлся, а Жюль Верн (с помощью драматурга Деннери) еще и написал по мотивам романа пьесу. Правда, пьеса на сцене не удержалась.

Жюль Верн отнесся к этому спокойно. Он хотел писать романы, этого ему было достаточно. Он испытывал наслаждение, мысленно путешествуя по странам мира, по его самым необжитым и загадочным уголкам. Герои Жюля Верна давали имена всем открытым ими горным хребтам, рекам, озерам, проливам, землям и островам. Это было их великим правом. Да и вообще, утверждал тот же Жак Паганель, «река или гора без имени подобна человеку, лишенному гражданских прав».

Дипломированный юрист Жюль Верн относился к таким вещам серьезно.

Так же серьезно он относился к категорическому требованию издателя давать своим романам счастливые финалы. Тот же роман «Дети капитана Гранта» заканчивался словами: «Возвращение яхты "Дункан" в Шотландию праздновалось как национальное торжество. На какое-то время капитан Грант стал самым популярным человеком во всей Старой Каледонии. Роберт, его сын, стал таким же надежным моряком, как капитан Джон Мангле, и теперь под покровительством лорда Гленарвана надеется все-таки осуществить давний отцовский проект: найти необитаемый остров в южных широтах Тихого океана и основать там шотландскую колонию».

В январе 1866 года Этцель предложил Жюлю Верну дописать начатую известным французским географом Теофилом Лавалле (1804—1866) «Иллюстрированную географию Франции». Смерть оборвала жизнь ученого, предстоящая работа выглядела весьма непростой, но Жюль Верн согласился.

«Свободного времени у меня нет, — писал он отцу, — но я, пожалуй, попробую. Это даст нам с Онориной несколько тысяч франков, необходимых для покупки нового дома, а еще мы с Полем сможем, наконец, совершить давно задуманное путешествие на "Грейт-Истерне"...»

«Работаю я как каторжник, — писал он далее. — Времени мне совершенно не хватает, я выкраиваю его, откуда только могу, но все же параллельно начал еще одну работу. Предварительное название — "Путешествие под волнами океана". План подробно разработан. Уверен, чудесная получится вещь...»

Улица Сен-Мартен...

Бульвар Монмартр...

Перекресток Круа Руж...

Пассаж Сонье...

Бульвар Мажента...

Сменив множество адресов, Жюль Верн осел в тихом парижском пригороде Отейе — на улице Ла-Фонтен, 39. Здесь, в просторном удобном особняке Онорина получила, наконец, возможность устраивать званые обеды для своих многочисленных парижских и даже амьенских знакомых, а у писателя появился отдельный кабинет.

Приходили друзья, старая артистическая компания — музыканты и поэты Шарль Валу, Делиу, Филипп Жиль, Лео Делиб, Виктор Масае, конечно, Аристид Иньяр. Стучали на пианино, декламировали стихи. Приходил загорелый географ Элизе Реклю, которого Онорина недолюбливала за то, что он был убежденным анархистом и таким же убежденным вегетарианцем. Первое ее пугало, второе наполняло тайными подозрениями. Зато Онорине нравился Паскаль Груссе^[26] — молодой, но уже известный публицист. Сохранился портрет, сделанный все тем же вездесущим Надаром. Рядом с голубоглазым бородатым Жюлем Верном, облаченным в добротный (по гонорарам) фрак, стоит молодой человек в недорогих клетчатых панталонах, в оливковом сюртуке...

Летом Жюль Верн вывозил семью в Кротуа.

Маленький Мишель нуждался в свежем воздухе.

К сожалению, отец, как и прежде, не находил времени для сына.

Участившиеся ссоры с Онориной тоже не приносили в жизнь спокойствия.

«Бедная, бедная Онорина, — признавался Жюль Верн своему другу-издателю. — Она не только занимается капризами Мишеля, но еще и переписывает для меня иногда по восемьсот строк в день. Зато, благодаря ей, я все-таки закончу в срок "Географию Франции"...»

И добавлял: «А еще, конечно, исключительно ради отдыха, я начал писать некое "Путешествие под водой". Мне пришла в голову одна прекрасная мысль, мой дорогой Учитель. Я хочу, чтобы таинственный *неизвестный* (капитан Немо. — Г.П.), придуманный мною, вообще не имел никакой связи с человечеством. Море дает этому человеку все — вплоть до одежды и пищи. Выбрав уединение, он ни разу больше не ступал ни на один материк. Он живет в своем корабле, и, уж поверьте мне, корабль этот будет построен понадежнее Ноева ковчега...»

Благодаря поддержке Этцеля Жюль Верн многое уже мог себе позволить.

Например, в марте 1867 года он с Полем отправился в долгожданное, заранее расчисленное ими путешествие в Северную Америку на самом крупном пассажирском судне того времени — английском пароходе «Грейт-Истерн».

Действительно, огромное судно!

Жюль Верн уже видел его — на верфи Депфорта, когда «Грейт-Истерн» только строился. Водоизмещение — 32 тысячи тонн, экипаж — 500 человек, каюты рассчитаны почти на четыре тысячи пассажиров. Выходит собственная газета, в музыкальных салонах проводятся увеселительные концерты. Настоящий плавающий город. Под таким названием Жюль Верн напишет впоследствии целый роман.

Бескрайняя Атлантика... Долгий, но ничуть не скучный переход...

9 апреля «Грейт-Истерн», шлепая плицами колес, вошел в гавань Нью-Йорка...

Перед Жюлем Верном и его братом будто открылось будущее. Их воображению рисовались улицы, набитые многочисленными автомобилями, бегущие по эстакадам поезда. Огромные небоскребы, стекло и сталь, бульвары и скверы, и везде люди, люди, люди. Жюль Верн и Поль побывали в Риме, в Сиракузах, в Пальмире (о, эта страсть американцев к мировой истории!), в Олбани. Невероятно поразил братьев Ниагарский водопад. «Над его испарениями всегда сияет лунная радуга, — писал Жюль Верн. — Пройдя по подвесному мосту, мы оказались на канадском берегу и... вернулись! Искренне сожалею о том, что больше никогда не увижу столь дорогую мне Америку, которую каждый француз может любить как сестру Франции!»

Впечатления от этой головокружительной поездки легли в основу веселого рассказа «Блеф», подзаголовок которого — «Американские нравы» — вполне отвечал содержанию.

Герой рассказа — типичный американец.

Имя у него тоже типичное — Огастес Гопкинс.

Огромная голова, широкие жесты, громкий голос, огненные бакенбарды, сюртук со стоячим воротничком — вот готовый кандидат в члены «Пушечного клуба»! И этот Огастес Гопкинс прекрасно знает, чем

можно поразить сограждан, точнее, как быстрее и ловчее (но вполне легально) очистить их кошельки. Вблизи города Олбани Огастес Гопкинс покупает по дешевке участок в общем-то никчемной земли и с величайшей шумихой, с великой помпой, на которую так падки американцы, начинает широкую рекламную кампанию, вербуя самых опытных, самых умелых, самых-самых что ни на есть рабочих, способных реализовать задуманную им великолепную стройку — Универсальную выставку! — на которой можно будет увидеть всё!

Но стройка не пошла: при выработке каменной породы из котлована рабочие наткнулись на огромные давным-давно окаменевшие кости. Скелет чудища беспримерно велик, он достигает почти 40 метров в длину. После долгих дискуссий ученые, приглашенные Огастесом Гопкинсом, приходят к невероятному выводу: окаменевший скелет принадлежал не какой-то там безымянной вымершей твари, пусть и гигантской, нет, он принадлежал человеку! Правда, уже вымершему, но зато гиганту!

Наш допотопный предок! Вот кого откопали рабочие!

Огастес Гопкинс в полном восторге. Неукротимый патриотизм стопроцентного американца вознагражден. Ведь теперь не Азию и не Африку можно считать колыбелью рода человеческого, а именно Новый Свет! Америка — родина человечества! Допотопному гиганту посвящаются многие труды. Окончательно доказан тот факт, что рай земной находился когда-то не в древнем Междуречье, а на чудесной американской территории, там, где сейчас стоит город Олбани...

Еще до поездки в Америку, получив очередной гонорар от издателя, Жюль Верн приобрел рыбацкий баркас водоизмещением восемь тонн. Он знал, для чего покупает эту морскую посудину. Он переоборудовал его в яхту. Мечта Жюль Верна сбылась. У него, наконец, была настоящая яхта. Он назвал ее «Сен-Мишелем», хотя кто знает, какие еще имена приходили ему на ум... С опытным Полем, со старым приятелем Шарлем Валлю и с двумя опытными матросами — Александром Дюлонгом и Альфредом — Жюль Верн вышел в море.

На собственной яхте!

Было чем гордиться, чему радоваться.

«Шквальный ветер, опасность разбиться о скалы, — не без некоторых преувеличений писал он напуганному этой покупкой издателю. — Дорогой Этцель, мы тут испытали настоящую бурю...»

И 14 августа снова: «Мой дорогой Этцель! "Сен-Мишель" показал себя совершенным судном. У него теперь есть все, кроме Вашего благословения, но, надеюсь, и его получу...»

И еще: «Передайте Вашему сыну, что я получил его письмо. Напрасно он упрекает меня в том, что я не сообщаю ему никаких новостей о своем морском путешествии. Скажите ему, что о таких вещах просто невозможно ни рассказывать, ни написать. Они слишком красивы для этого! Зато рад напомнить, что Жюль (сын Этцеля, будущий его наследник. — *Г. П.*) забыл на "Сен-Мишеле" свой жилет из замечательной фланели марки Н с голубоватой каемкой чуть пониже спины. Вышеуказанный объект ждет своего владельца...»

И заканчивал письмо: «Я вернусь в Париж только 1 октября, мой дорогой Этцель, и, если Вы уже там, то немедленно получите от меня первый том романа о путешествии под водой. Он кажется мне удачным. Ничего такого мы с Вами не проделывали. Возможно, я выгляжу хвастуном, но *уверен* — вещь получается оригинальная...»

«1866 год ознаменовался необычайными происшествиями, память о которых, вероятно, жива по сей день у многих...»

Так начинается роман о приключениях таинственного капитана Немо.

«Слухи об этих необычайных происшествиях возбудили любопытство среди населения континентов и взбудоражили жителей многих портовых городов; но особенно встревожили они моряков. Купцы, судовладельцы, капитаны, шкиперы, военные моряки, даже правительства ряда государств Старого и Нового Света были заинтригованы одним непонятным феноменом. Корабли в тот год нередко встречали в море какой-то длинный, веретенообразный предмет, размерами и быстротой передвижения значительно превосходивший самого большого кита...»

Неизвестное морское чудовище?

Или судно, построенное людьми?

Пьер Аронакс, профессор Парижского музея, от имени которого ведется повествование, убежден, что речь идет, скорее всего, о морском чудовище. Научная и околонуканая литература того времени действительно была полна самых необыкновенных описаний животного мира. Дикобразы, мечущие во врагов свои длинные отравленные иглы... Сказочный единорог — странный зверь с лошадиным туловищем, слоновьими ногами, оленьей головой и скрученным винтообразным рогом во лбу... Русалки, морские змеи, чудовищные спруты... Даже в псалмах можно прочесть: «Это море — великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими. Там плавают корабли, там этот левиафан, которого Ты сотворил играть в нем».

В глубинах океанов вполне могут существовать формы жизни, неизвестные современной науке, считает профессор Пьер Аронакс, приглашенный на борт американского фрегата «Авраам Линкольн», уходящего в погоню за невиданным чудовищем. Вместе с Аронаксом отправляется в опасное плавание опытный гарпунер Нед Ленд. «Когда невежды утверждают, что какие-то зловещие кометы ни с того ни с сего бороздят небо, что в недрах земного шара обитают страшные допотопные животные, это еще куда ни шло, — знаяще говорит он профессору Аронаксу. — Но такому серьезному астроному и геологу, как вы, и такому серьезному китобою, как я, смешны подобные сказки. Я много раз охотился за большими китами, многих из них загарпунил, и как бы ни были на вид

они велики и сильны, ни один никогда не смог ни хвостом, ни бивнями пробить металлическую обшивку судна...»

Так случилось, что профессор Аронакс, его преданный слуга Консель и грубый, всегда недоверчивый гарпунер оказываются пленниками никому не ведомого капитана Немо, управляющего такой же загадочной подводной лодкой «Наутилус».

Капитан Немо — капитан Никто. Так можно перевести его имя.

Загадочный капитан сам указал профессору Аронаксу на то, что давно живет вне человечества — по своим собственным правилам. Ему неинтересно все это так называемое человечество с вечными его проблемами. Он навсегда порвал с обществом. В случае необходимости (и герои скоро сами в этом убедятся) он готов без каких-либо рассуждений пустить ко дну любой корабль вместе с экипажем, под каким бы флагом он ни ходил...

К удивлению Жюль Верна, роман вызвал у Этцеля множество замечаний.

И прежде всего необъяснимая, на его взгляд, агрессивность капитана Немо.

Конечно, Жюль Верн знал, что Этцелю приходилось в свое время править и Бальзака, и Гектора Мало, и даже неподражаемого мэтра Виктора Гюго. В конце концов, успех писателя нередко зависит от правильной политики его издателя, но... Если раньше письма Жюль Верна Этцелю пестрели уважительными, восторженными, даже восхищенными обращениями: «Мой божественный учитель...», «Дорогой мастер...», «О, мэтр, Ваши замечания верны...», «Ваша правка, дорогой Этцель, даже интереснее моих вариантов...», то теперь тон сменился.

«Читая рукопись, — довольно сухо сообщал Жюль Верн издателю, — старайтесь помнить, пожалуйста, что вызов "Наутилусу" брошен был иностранным кораблем, принадлежащим нации, которую капитан Немо от души ненавидит за смерть своих близких и друзей! Провоцирует не капитан Немо, а это его провоцируют. Немо — *поляк*, помните это. Он именно *поляк*, а потопленный корабль — судно *русское*...»

Жюль Верн имел в виду Польское восстание против России.

Совсем недавно, в 1863 году, оно было жестоко подавлено войсками.

Франция, несомненно, сочувствовала Польше, ведь поляки немало помогли ей в годы Наполеоновских войн. Но осторожный Этцель совершенно категорически выступил против такого, на его взгляд, резкого определения национальности капитана Немо и мотивов его поступков. Опытный политик, опытный издатель, — Этцель понимал, что

французскому правительству не время именно сейчас портить отношения с Россией из-за какого-то там романа. К тому же в таком варианте книгу вряд ли переведут в России. А это очень жаль, ведь Россия — один из главных книжных рынков.

Почему, предлагал Этцель, не сделать капитана Немо борцом против работорговцев?

«О нет! — яростно возражал Жюль Верн. — Если уж я не могу внятно объяснить читателям ненависть капитана Немо к человечеству, то лучше вообще умолчу о прошлом героя, о его национальности. Допустить хотя бы на миг, что загадочный капитан ведет такое затворническое существование только из ненависти к рабовладению и очищает моря исключительно от работорговых судов, которых, кстати, уже почти и нет нигде, — очевидная нелепость...»

И далее: «Вы говорите, что, без разбора топя корабли, капитан Немо совершает гнусность! А я Вам на это отвечаю: нет! Вспомните, каким был первоначальный замысел моей книги. Польский аристократ, чьи дочери были изнасилованы, жена зарублена топором, отец умер под кнутом, поляк, чьи друзья гибнут в холодной Сибири, — он понимает, что само существование польской нации под угрозой! И если такой человек не имеет права топить русские фрегаты всюду, где они ему встретятся, значит, возмездие — пустое слово. Я бы в положении капитана Немо топил врагов без всяких угрызений совести. Из уважения к Вам я не упомяну ни кнута, ни Сибири, но повторяю, мне не хочется заниматься политикой...»

Вот тут-то самое время вспомнить о мыслях Робинзона Крузо.

«Пока мы шли, — читаем мы в знаменитом романе, любимом Жюлем Верном до конца жизни, — я имел время поразмыслить о воинственном предприятии, задуманном мною (нападение на каннибалов. — *Г. П.*), и моя решимость начала ослабевать. Не многочисленность неприятеля смущала меня; в борьбе с этими голыми, почти безоружными людьми все шансы на победу были, несомненно, на моей стороне, будь я даже один. Нет, меня терзало другого рода сомнение — сомнение в своей правоте. С какой стати, — спрашивал я себя, — и ради чего я собираюсь обогреть руки человеческой кровью? Какая крайность гонит меня? И кто, наконец, мне дал право убивать людей, не сделавших и не хотевших сделать мне никакого зла? Чем, в самом деле, они провинились передо мной? Их варварские обычаи меня не касаются; это несчастное наследие, перешедшее к ним от предков, проклятие, которым их покарал Господь. Но если Господь их покинул, если в своей премудрости Он рассудил за благо уподобить их скотам, то, во всяком случае, меня Он не уполномочивал быть их судьей, а тем более палачом. И, наконец, за пороки целого народа не подлежат отмщению отдельные люди»^[27].

Так думает человек, который, в общем-то, высокой нравственностью никогда не отличался. Не раздумывая, он мог продать своего друга знакомому капитану, мечтать о множестве подданных, которые слушались бы каждого его слова, наконец, без каких-либо угрызений совести подводящий итоги нападения на дикарей (живых людей, между прочим) вот такими словами:

«Вот точный отчет:

- 3 — убито нашими выстрелами из-за дерева,
- 2 — следующими двумя выстрелами,
- 2 — убито Пятницей в лодке,
- 2 — раненных раньше, прикончено им же,
- 1 — убит им же в лесу,
- 3 — убито испанцем,
- 4 — найдено мертвыми в разных местах (убиты Пятницей или умерли от ран),
- 4 — спаслись в лодке (один из них ранен, если не мертв). Всего — 21».

Конечно, Жюль Верн отстаивал свою точку зрения. Изучив возражения Этцеля, 7 мая 1869 года он писал ему: «Ваше письмо меня сильно беспокоило. Читая рукопись,

Вы, к сожалению, видели явно совсем другого героя, хотя в двух пунктах я, пожалуй, соглашусь с Вами.

1. Следует снять, или, по крайней мере, ослабить чувство отвращения, которое вызывает капитан Немо у читателей после учиненной им расправы над военным кораблем.

2. Ускорить действие после потопления этого агрессивного двухпалубника.

Это я сделаю. Но что касается остального, — достаточно будет атаку капитана оправдать тем, что это он, именно он — оказался жертвой провокации. Капитан Немо топит военный корабль не просто так. Он отвечает на нападение. Никогда мой герой не убивал ради убийства. Капитан Немо — благородная натура, но чувства его часто напрямую зависят от внешних обстоятельств...»

И далее: «Вы пишете: "Отмена рабства — величайший экономический факт нашего времени". Полностью с Вами согласен, но полагаю, что к нашему роману отмена рабства никакого отношения не имеет. Приведенная Вами история Джона Брауна^[28] очень понравилась мне своей четкостью и сжатостью, но, если применить ее к капитану Немо, она сильно снизит значительность образа. Если бы капитан Немо решил просто мстить работорговцам, ему достаточно было бы записаться добровольцем в армию генерала Гранта...»

И еще далее: «Вы говорите, что вторая часть романа резко отличается от первой в том смысле, что герой ее оказывается все более и более агрессивным. Из этого я заключаю, что Вы, к сожалению, недостаточно помните первую часть. Характер моего героя развивается естественным образом. Он все время проявляет великодушие, и лишь силой определенных обстоятельств превращается в грозного судию...»

Итак, судия.

Даже грозный судия.

Робинзон Крузо знал, с кем он борется, — с каннибалами.

Но с кем борется капитан Немо? Почему он так жестоко относится к проявлению любых действий, кажущихся ему враждебными? Невольные пленники капитана не так уж сильно томятся в своей роскошной подводной «тюрьме». Их прекрасно кормят, к их услугам великолепная библиотека. На подводных прогулках они, конечно, подвергаются нападениям акул или гигантских спрутов, но этим нападениям подвергаются и члены экипажа.

Может, враги капитана — море и его обитатели?

Да нет, конечно. Прислушаемся к словам капитана Немо:

«Я люблю море! Море — это все! Оно покрывает собою семь десятых земного шара. Дыхание его чисто, животворно. В его безбрежной пустыне человек не чувствует себя одиноким, ибо вокруг себя он ощущает биение жизни. В лоне морей обитают невиданные, диковинные существа. Море — это вечное движение и любовь, вечная жизнь, как сказал один из ваших поэтов. И в самом деле, господин профессор, водная среда представляет для развития жизни исключительные преимущества. Тут представлены все три царства природы: минералы, растения, животные. (Жюль Верн, конечно, не мог удержаться от очередной лекции. — Г. П.) Животное царство широко представляют четыре группы зоофитов, три класса членистых, пять классов моллюсков, три класса позвоночных, млекопитающих, пресмыкающихся и неисчислимые легионы рыб, отряды животных, которых насчитывают свыше тринадцати тысяч видов, из коих только одна десятая обитает в пресных водах. Море — обширный резервуар природы. Если можно так выразиться, морем началась жизнь земного шара, морем и окончится! Тут высший покой! Море не подвластно деспотам. На поверхности морей они могут еще чинить беззакония, вести войны, убивать себе подобных. Но на глубине тридцати футов под водою они бессильны, тут их могущество кончается! Ах, сударь, оставайтесь тут, живите в лоне морей! Тут, единственно тут, настоящая независимость! Тут нет тиранов! Тут я свободен!»

Увиденное в иллюминаторе «Наутилуса» по тем временам — абсолютная фантастика. И в то же время — реальность. Вполне возможная реальность. Хотя, скажем, открытое море на Южном полюсе явно описано

Жюлем Верном только для того, чтобы герой, подняв черный флаг с золотой буквой «N», мог объявить гордо: «Я, капитан Немо, 21 марта 1868 года дошел до Южного полюса, под девяностым градусом южной широты, и вступил во владение всей этой частью земного шара».

Все-таки «вступил во владение».

Все-таки Мировой океан принадлежит ему, капитану Немо.

Дно океана — величайшая сокровищница. Там растут леса «благородных» кораллов — ценой до 500 франков за килограмм, там хранятся жемчужины самых невероятных размеров, чуть ли не с кокосовый орех. Каждый затонувший корабль — это все новый и новый «взнос» в неистощимую копилку капитана. Словно на обычном земном руднике, матросы в скафандрах разрабатывают залежи золота на дне залива Виго. Казалось бы, почему капитану не примириться с человечеством, если ему все-таки принадлежит большая часть мира?

Но примирение невозможно.

Потому, что капитан Немо — Мститель.

В этом, собственно, и заключается разгадка романа.

Признаемся, несколько разочаровывающая. Начать с любимой идеи Виктора Гюго о том, что каждый человек, независимо от его происхождения и рода занятий, свободен, прежде всего свободен, и всегда должен оставаться свободным! — и закончить таким вот тысячу раз отработанным вариантом Александра Дюма-отца: неистребимой обидой на врагов, желанием отомстить каждому...

Конечно, опытный политик Этцель сразу почувствовал это противоречие.

И сумел убедить Жюля Верна раз и навсегда забыть про Польское восстание.

И упорно подталкивал писателя к более разумному решению поднятой проблемы.

Да, конечно, доказывал Этцель, таинственный капитан до глубины души ненавидит всех людей, но ведь и он сам, и его чудесный корабль — прямой итог культурных и научных достижений человечества. Книги Гомера и Данте, Гумбольдта и Фуко, Ксенофонта и Мишле, Катрфаржа и Агасица, Виктора Гюго и Жорж Санд хранятся в библиотеке «Наутилуса». И только ли книги? «Картины великих мастеров, в одинаковых рамах, отделенные одна от другой щитами с рыцарскими доспехами, украшали стены, обтянутые тканями обоями строгого рисунка. Тут были полотна огромной ценности, которыми я (рассказывает профессор Аронакс. — Г. П.) когда-то любовался в частных картинных галереях Европы и на

художественных выставках. "Мадонна" Рафаэля, "Дева" Леонардо, "Нимфа" Корреджо, "Женщина" Тициана, "Поклонение волхвов" Веронезе, "Успение" Мурильо, "Портрет" Гольбейна, "Монах" Веласкеса, "Мученик" Рибейры, "Ярмарка" Рубенса, жанровые картины Жерара Доу, Метсю, Поля Поттера, Жерико и Прюдона, морские виды Бекюйзена и Верне...»

А еще музыка!

Великие партитуры!

Давно ли в рукописи «Парижа» Жюль Верн издевался над «галантной эпохой Герольда и Обера», над Берлиозом...

Жесткая критика Этцеля, несомненно, принесла свои плоды.

Вебер, Россини, Моцарт, Бетховен, Гайдн, Мейербер, Вагнер... В кают-компании «Наутилуса» звучит только лучшая музыка... Правда, для самого капитана Немо все эти композиторы, какую бы эпоху они ни представляли, все равно всего лишь современники Орфея, не больше.

«Двадцать тысяч лье под водой» можно назвать романом чудесных перечислений.

Жюль Верн, как когда-то в «Пяти неделях на воздушном шаре», дал себе волю.

Он откровенно наслаждается описанием бесчисленных существ, населяющих океанские бездны. Вот он — чудесный мир, еще только открываемый!

Но истории нужны новые люди, а не еще один новый мир!

Ни один из героев Жюль Верна — ни капитан Гаттерас, ни профессор Лиденброк, ни Жак Паганель, ни доктор Клоубони, ни динамичные яйцеголовые артиллеристы балтиморского «Пушечного клуба», да что уж там, и сам капитан Немо — никто из них, *никто* не может претендовать на роль *нового человека*.

Все они — из уходящего мира.

Они действуют *сегодня*, но их жизнь принадлежит только прошлому

Так кто же он — капитан Немо? Сам Жюль Верн подводит нас к пониманию.

«Я вернулся в салон. Створы задвинулись, я услышал шипение воды, наполнявшей резервуары. "Наутилус" стал погружаться по вертикальной линии. Спустя несколько минут подводный корабль остановился на глубине восьмисот тридцати трех метров и лег на дно. Светящийся потолок в салоне погас, окна опять раскрылись, и я сквозь хрусталь стекол увидел море, ярко освещенное лучами прожектора в радиусе полумили.

Я поглядел направо, но увидал лишь массу спокойных вод.

Но с левого борта виднелась на дне моря какая-то большая вздутость,

сразу обратившая на себя мое внимание. Можно было подумать, что это какие-то развалины, окутанные слоем беловатых раковин, как снежным покровом. Внимательно присмотревшись, я понял, что это корабль без мачт, затонувший носом вниз. Это грустное событие, видимо, совершилось давно. Если останки кораблекрушения успели покрыться таким слоем отложений извести, они должны были много лет лежать на дне.

Что это за корабль? Почему "Наутилус" приплыл навестить его могилу? Не вследствие ли кораблекрушения затонуло это судно?

Я не знал, что думать, как вдруг рядом появился капитан Немо.

— Когда-то этот корабль носил имя "Марселец", — сказал капитан. — Он был спущен в тысяча семьсот шестьдесят втором году и нес на себе семьдесят четыре пушки. Тринадцатого августа тысяча семьсот семьдесят восьмого года он смело вступил в бой с "Престоном". Четвертого июля тысяча семьсот семьдесят девятого года он вместе с эскадрой адмирала Эстэ-на способствовал взятию Гренады. Пятого сентября тысяча семьсот восемьдесят первого года он принимал участие в битве графа де Грасса в бухте Чезапик. В тысяча семьсот девяносто четвертом году Французская республика переименовала его. Шестнадцатого апреля того же года он присоединился в Бресте к эскадре Вилларэ-Жуайоза, имевшей назначение охранять транспорт пшеницы, шедший из Америки под командованием адмирала Ван Стабеля. Одиннадцатого и двенадцатого прериаля второго года эта эскадра встретила с английским флотом. Сегодня тринадцатое прериаля, первое июня тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года. Семьдесят четыре года назад на этом месте, на сорок седьмом градусе двадцать четвертой минуте северной широты и семнадцатом градусе двадцать восьмой минуте долготы, корабль вступил в бой с английским флотом. Когда все три его мачты были сбиты и трюм наполнила вода, корабль предпочел потопить себя вместе с тремястами пятьюдесятью шестью своими моряками. Прибыв к корме свой флаг, команда с криком: "Да здравствует республика!" вместе с кораблем исчезла в волнах.

— "Мститель"! — воскликнул я.

— Да, "Мститель"! Какое прекрасное имя, — прошептал капитан Немо и задумчиво скрестил руки на груди...»

Что ж, слово произнесено. Именно Мститель.

Александр Дюма-отец победил в Жюле Верне мэтра Виктора Гюго.

Конечно, капитан Немо — это типичный Мститель. Законченный, классический. Такие люди не могут строить будущее. Они вообще ничего не могут строить. Такие люди навсегда прикованы к своему неповторимому прошлому...

Но чем Мститель — капитан Немо — привлекает наше внимание?

Да хотя бы тем, что интуитивно понимает, что именно может спасти мир.

Красота! — утверждает Жюль Верн. И везде это подчеркивает: красота мира!

Да, невероятная, вечная красота всего живого и неживого, ландшафтов и облаков, далеких и близких морей, островов, ледяных пространств, белых метелей и неистовых тропических ливней, экваториальных джунглей и подводных лесов.

Красота — как символ.

Красота — как вечное действие.

Красота — как смысл человеческого существования.

«Я знаю вас, господин Аронакс, — говорит капитан Немо. — Если не ваши спутники, то, может быть, вы лично не посетуете на случай, связавший наши судьбы. Между моими любимыми книгами вы найдете и свой труд, посвященный изучению морских глубин. Я часто перечитываю вашу книгу. Вы двинули науку океанографии так далеко, как только это возможно для жителя земли. Позвольте уверить вас, господин профессор, что вы не пожалеете о времени, проведенном на борту моего корабля. Вы совершите путешествие в страну чудес! Смена впечатлений взволнует ваше воображение. Вы постоянно будете находиться в восторженном состоянии. Вас изумит увиденное. Жизнь подводного мира непрерывно будет разворачиваться перед вашими глазами, никогда не пресыщая ваш взор! Я готовлюсь предпринять новое подводное путешествие вокруг света — как знать, не последнее ли? Я хочу еще раз окинуть взглядом все, что мною изучено в морских глубинах, не однажды мною исследованных! Вы будете участником моих научных занятий. С нынешнего дня вы вступаете в новую стихию, вы увидите то, что скрыто от людских глаз, — я и мои товарищи не идем в счет, — и наша планета раскроет перед вами свои сокровенные тайны!»

Красота спасет мир, кто бы сомневался!

Но Жюль Верн интуитивно чувствует, что даже капитан Немо — классический Мститель, тщательно написанный им, не может быть единственным хозяином такого огромного прекрасного подводного мира. Описания, которые в прежних романах Жюль Верна казались читателям несколько докучливыми, даже пародийными, в романе о капитане Немо и о бесчисленных подводных чудесах несут в себе чрезвычайно важную функцию — функцию утешения.

«Тут росли губки всех видов, — молчаливо восхищается профессор

Аронакс, — стеблевидные, листовидные, шаровидные, лапчатые. Внешний вид вполне оправдывал их названия — корзинки, бокалы, прялки, львиные лапы, павлиньи хвосты, перчатки Нептуна. Полужидкое студенистое вещество, пропитывающее волокнистую ткань губок, беспрестанно питает каждую отдельную клетку тонкими струйками, несущими жизнь. Получив пищу, клетка сокращается и выталкивает из себя лишнюю воду. Это студенистое вещество исчезает сразу после смерти полипа; разлагаясь, оно выделяет аммиак, и от животного остается только волокнистая ткань, рыжеющая на воздухе и применяющаяся для разных целей в зависимости от степени своей эластичности, водопроницаемости и прочности...»

Не правда ли, такие мантры завораживают?

Маркизские острова... Новая Гвинея... Торресов пролив... Красное море... Атлантика... Мыс Горн... Фолкленды... Влажное устье Амазонки... Багамский пролив... Ньюфаундленд...

Бесконечные волшебные картины.

«Чтобы направлять судно, — открывается перед профессором Аронаксом капитан Немо, — я пользуюсь обыкновенным рулем с широким пером, подвешенным к ахтерштевню. Я так же могу направлять "Наутилус" и в вертикальной плоскости, сверху вниз и снизу вверх, посредством двух наклонных плоскостей, свободно прикрепленных к его бортам. Если плоскости поставлены параллельно килю, судно идет по горизонтали. Если они наклонны, "Наутилус", в зависимости от угла наклона, увлекаемый винтом, либо опускается по диагонали, удлиняемой по моему желанию, либо поднимается...»

Такие лекции восхищают профессора.

Он даже предлагает капитану сотрудничество.

Он готов взять рукописи капитана Немо на хранение — ведь они бесценны, они должны принадлежать всему человечеству. Можно обижаться на людей, но ведь понятно, что мир может принадлежать человеку только как виду. Что для этого требуется? Да самая малость. Надо всего лишь вернуть профессору и его спутникам свободу. Ах, это невозможно? Категорически невозможно? Вы обращаете нас в рабство?

«Называйте это, как хотите», — холодно отвечает капитан.

Какой же после этого он борец за освобождение угнетенных народов? Он негодяй, считает грубый Нед Ленд.

«Задавались ли вы вопросом, на что способна любовь к свободе, помноженная на ненависть к рабству? — негромко спрашивает профессор Аронакс, все еще надеющийся на понимание. — Осознаете ли вы, капитан, какие опасные планы эти чувства могут внушить таким неистовым натурам, как наш канадец?»

Но капитану Немо ни до кого нет дела.

«К предлагаемому роману, — писал Этцель в предисловии к вышедшему отдельным изданием «Капитану Гаттерасу», — скоро с успехом присоединятся новые произведения г. Верна, о которых мы постараемся заблаговременно оповещать читателей. Произведения уже изданные и те, которые будут появляться впредь, по плану, задуманному автором, составят в своей совокупности серию романов, объединенных под общим заглавием "Путешествия в известные и воображаемые миры". Автор поставил своей целью подытожить в этой серии все сведения, добытые современной наукой в области географии, геологии, физики и астрономии, и представить историю всей вселенной в живой и занимательной форме».

В марте 1869 года в «Журнале воспитания и развлечения» появилось объявление и о том, что в ближайшие месяцы Жюль Верн обещает закончить новую книгу — «Путешествие под водой», которая, возможно, станет самой необыкновенной в серии необыкновенных путешествий.

Ожидания читателей подогрели неожиданные события.

В октябре того же 1869 года в «Маленькой газете» отдельными фельетонами начал печататься фантастический роман Аристиды Роже (псевдоним профессора Ж. Рангада) «Необыкновенные приключения ученого Тринитуса». Отдельной книгой роман А. Роже вышел под названием «Путешествие под волнами».

Пришлось ввязываться в спор о приоритетах.

23 октября «Маленькая газета» поместила заметку, в которой Жюль Верн уверял редакцию и читателей в том, что свой роман под очень близким названием — «Путешествие под водой» — он начал писать гораздо раньше, чем началась публикация «Путешествия под волнами».

Впрочем, не это казалось главным.

Тревожно складывалась политическая ситуация.

Франция всеми способами старалась воспрепятствовать объединению Пруссии, Баварии и Саксонии. На этом фоне очень ко времени пришелся выход «Иллюстрированной географии Франции и ее колоний». Жюль Верн гордился этой работой. А законченную рукопись, посвященную приключениям «Наутилуса», он доставил в Париж на «Сен-Мишеле».

В кабинете Этцеля писатель позировал художнику Э. Риу, увековечившему его в образе профессора Аронакса в замечательных

иллюстрациях к роману. А самому капитану Немо художник придал черты известного в те годы полковника Жана Шарраса — неистового республиканца, изгнанного из Франции после государственного переворота 1851 года...

Внимательно следя за происходящим во Франции и в мире, Жюль Верн писал отцу:

«Вот баланс нашей Империи после восемнадцатилетнего царствования: в банке один миллиард, ни торговли, ни промышленности, зато появились военный закон, уводящий нас к времени гуннов и вестготов, всеобщее оскудение нравов и бессмысленные войны в перспективе. — И спрашивал: — Неужели лучшим доводом до сих пор является ружье Шаспо?»^[29]

Сдав рукопись издателю, Жюль Верн незамедлительно приступил к роману «Вокруг Луны». Многие читатели помнили, конечно, что пассажиры артиллерийского снаряда, выпущенного из американской колумбиады, все еще остаются на орбите земного спутника и непрменный секретарь «Пушечного клуба» Дж. Т. Масто́н неотрывно следит за движением снаряда в мощный телескоп.

Жюль Верн долго искал возможность возвращения необыкновенных путешественников на Землю и нашел ее в ошибке, якобы допущенной при расчетах, которые, как всегда, выполнял непрменный секретарь «Пушечного клуба».

Конечно, снаряд не должен упасть на Луну! Ни в коем случае!

Если снаряд окажется на Луне, ни о каком возвращении не будет и речи.

Кстати, одна из собак, взятых с собой межпланетными путешественниками, — по кличке Саттелит, — в полете заболела и сдохла. Труп ее выбросили, и он, в свою очередь, превратился в спутник — теперь уже снаряда. Через много лет, в ноябре 1912 года в далеком и холодном Санкт-Петербурге русская поэтесса Зинаида Гиппиус по-своему вспомнит эпизод, так ярко описанный Жюлем Верном:

Остов разложившейся собаки
Ходит вокруг летящего ядра.
Долго ли терпеть мне эти знаки?
Кончится ли подлая игра?
Все противно в них: соединенье,
И согласный, соразмерный ход,
И собаки тлеющей кручение,
И ядра бессмысленный полет.
Если б мог собачий труп остаться,
Яркопламенным столбом сгореть!
Если б одному ядру умчаться,
Одному свободно умереть!
Но в мирах надзвездных нет событий,
Все летит, летит безвольный ком.
И крепки вневременные нити:

Песий труп вертится за ядром.

Рассчитывая разные варианты возвращения межпланетных путешественников на родную планету, Жюль Верн поначалу обратился за помощью к Бертрону — непременно секретарю Французской академии наук, но тот заниматься подобной ерундистикой не пожелал, — он находил книжки Жюля Верна легковесными.

Пришлось снова обращаться к кузену Анри Гарсе.

Жюль Верн с нескрываемым наслаждением описывает всё происходящее в алюминиевом снаряде, летящем вокруг Луны. Он никогда не забывал про чудесный опыт Робинзона, умевшего ценить любую мелочь. Вспомним, как он описывал в дневнике свои трапезы: «С 14 по 26 августа дожди не прекращались, и я почти не выходил из дому, так как со времени болезни остерегался попадать под дождь, опасаясь простуды. Но пока я сидел в пещере, выжидая хорошей погоды, мои запасы провизии стали подходить к концу, так что два раза я даже рискнул выйти на охоту. В первый раз я подстрелил козу, а во второй, 26-го, поймал огромную черепаху, из которой и устроил себе целый обед. Вообще в то время моя еда распределялась так: на завтрак ветка изюма, на обед кусок козлятины или черепашьего мяса (испеченного на углях, так как, к несчастью, мне не в чем было жарить и варить), на ужин два или три черепашьих яйца...»^[30]

У путешественников Жюля Верна выбор изысканнее:

«Мишель Ардан в качестве француза объявил себя шеф-поваром и главным распорядителем. По этой части ему не было соперников. Газ доставил необходимое тепло, а в ящике с провизией нашлись припасы для первой закуски в межпланетном пространстве.

Сначала были поданы три чашки превосходного бульона, который Мишель приготовил, распустив в горячей воде драгоценные таблетки Либига из лучших сортов говядины. За мясным бульоном последовало несколько ломтиков бифштекса, спрессованных под гидравлическим прессом. Бифштекс был так сочен и нежен, словно он только что вышел из кухни английского кафе. Мишель, отличавшийся чрезвычайным пылким воображением, уверял даже, что бифштекс этот с кровью.

Вслед за мясом появились консервированные овощи — "первой свежести", по уверению Ардана, и, наконец, завтрак завершился превосходным чаем с печеньем, приготовленным по-американски. Этот напиток, признанный друзьями восхитительным, был изготовлен из

листиков первосортного чая, несколько ящиков которого предоставил в распоряжение путешественников российский император. Роскошный пир увенчался бутылкой великолепного бургундского, "случайно" обнаруженной Мишелем в ящике с припасами.

Три друга выпили за союз Земли с ее спутником.

И Солнце, словно не довольствуясь участием в изготовлении этого благодетельного вина, напоенного его лучами и теплом на холмах Бургундии, само захотело присоединиться к компании трех собутыльников. Как раз в эту минуту снаряд вышел из конуса тени, которую отбрасывал земной шар, и лучи дневного светила озарили нижнюю часть снаряда благодаря углу, образуемому орбитами Земли и Луны...»

Если цивилизация селенитов окажется старше нашей, рассуждают, вкушая бургундское, герои Жюль Верна, значит, культура селенитов, их наука, их отношения между племенами и нациями могут оказаться более высокими, более сложными, чем у землян. У селенитов, вполне возможно, давно имеются свои Микеланджело и Рафаэли, Гомеры и Мильтоны, Ламартины и Гюго, но...

«Ты хочешь знать, зачем мы летим к Луне? — спрашивает Мишель Ардан капитана Николя. И отвечает: — Да затем, чтобы именем Соединенных Штатов завладеть ею! Чтобы присоединить к нашему Союзу новый сороковой штат! Чтобы, наконец, колонизовать Луну, обработать ее земли, населить людьми, насадить там чудеса человеческой науки, искусства и техники!»

Жюль Верн наслаждается.

Он свободно владеет научной терминологией.

Он приводит в тексте сложные математические формулы.

Конечно, это утяжеляет монологи героев, но как-то же надо объяснять читателям технические особенности сюжета. Проблему эту в будущем блистательно разрешит только Герберт Уэллс: он вообще откажется от всяких технических объяснений!..

Итак, случайная ошибка, допущенная в расчетах непрямого секретаря «Пушечного клуба» Дж. Т. Мастоно, не позволила снаряду со смелыми путешественниками упасть на Луну. Теперь снаряд плавно огибал ее, чтобы вернуться на Землю.

Но не разобьются ли смелые путешественники при падении?

Мир включен в новые сильные переживания. И вот 12 декабря в 1 час 17 минут пополудни разогревшийся в пути через земную атмосферу алюминиевый снаряд благополучно падает в Тихий океан, неподалеку от американского военного корвета «Сасквегана».

27 градусов 7 минут северной широты.

41 градус 37 минут западной долготы.

«Пушечный клуб» в очередной раз торжествует.

Огромные межпланетные пространства покорены!

Путешествие Мишеля Ардана, Импи Барбикена и капитана Николя закончено!

«Спустя некоторое время после возвращения путешественников, — читаем мы в романе, — во многих газетах появились многочисленные объявления о создании "Национального общества межзвездных сообщений" с капиталом в сто миллионов долларов. Председателем общества избран Барбикен, вице-председателем — капитан Николь, секретарем по административной части — Дж. Т. Мэстон, а директором службы движения — Мишель Ардан. Население Соединенных Штатов отнеслось к новому начинанию "Пушечного клуба" чрезвычайно благосклонно, однако по американским правилам была создана (на случай банкротства) арбитражная комиссия во главе с судьей-комиссаром Гарри Тролоппом и его постоянным помощником — синдиком Фрэнсисом Дайтоном».

Всю осень и зиму 1869 года Жюль Верн работал над романом «Плавающий город».

Разумеется, описанный в романе город — это некое преобразование знаменитого шестимачтового колесного парохода «Грейт-Истерн», на котором Жюль Верн и его брат путешествовали в Америку. В специальных салонах многочисленные богатые танцуют, слушают музыку, в роскошных ресторанах обмениваются новостями. Прекрасное обслуживание, вышколенный экипаж. Но какой-то спад, какой-то нервный надрыв чувствуется в героях романа, какая-то неуместная театральность проглядывает в их улыбках, словах, жестах. Надрыв этот, несомненно, шел от самого автора.

Два года назад юный Фабиан познакомился в Бомбее с прелестной молодой девушкой — мисс Еленой Годжес. Они полюбили друг друга, но у Годжеса-отца были свои взгляды на жизнь: против воли дочери он отдал ее за весьма сомнительного американца Гарри Д्राке. И вот неожиданно все оказываются на одном пароходе. Больше того, Фабиан в таинственной фигуре, в некоем привидении, показывающемся в разных частях парохода, узнает девушку, которую когда-то любил.

«Елена, вероятно, не могла перенести разлуки с любимым человеком и сошла с ума».

Эта фраза несет в себе скрытый, понятный только Жюлю Верну смысл. Прошло уже четыре года со дня смерти мадам Дюшен, но мысли о ней не отпускают писателя. В «Плавающем городе» есть глава, совсем небольшая по объему, но говорящая чрезвычайно о многом. Этцель, со слов самого Жюля Верна знавший о его отношениях с женой нотариуса Шарля Дюшена и тщательно следивший за нравственностью издаваемых им книг, попросту вычеркнул из этой главы несколько строчек.

«Расставшись с доктором, я провел часть дня с Фабианом.

Опершись о борт, мы смотрели на безбрежное море. В воздухе чувствовался острый запах морской воды, волны были покрыты пеной, в которой в виде радуги отражались преломленные лучи солнца. Глубоко внизу работал винт, свирепо разбивая волны своими сверкающими медными ветвями. Бесконечный след корабля, беловатой полосой выделявшийся на поверхности моря, походил на громадную кружевную вуаль, наброшенную на голубой фон. Белокрылые чайки то и дело

проносились над нами.

Фабиан пристально смотрел на волны и молчал.

Что рисовало ему воображение? Может, перед ним промелькнул какой-нибудь милый образ, послав ему прощальный привет? Он был грустнее обыкновенного, но у меня не хватало духу спросить о причине его грусти. Продолжительная разлука поселила между нами какую-то отчужденность, из-за которой он не решался доверить мне свою тайну, а я, в свою очередь, не решался спрашивать.

— Посмотрите, — все же произнес он после долгого молчания. — Посмотрите, как красива полоса, которая остается за нами. Иногда мне кажется, что струйки, бегущие со всех сторон, выводят на ней буквы. Видите? Вот *L*... А вот *E*... Неужели мне это только кажется?.. Нет, нет! Я же ясно вижу эти буквы...

Но что могли означать названные им буквы?

Какое горестное воспоминание они пробуждали в нем?»

Оливер Дюма в одной из своих статей^[31], посвященных творчеству Жюль Верна, привел строки, вычеркнутые рукой Этцеля. За словами «Но что могли означать названные им буквы? Какое горестное воспоминание они пробуждали в нем?» — следовали слова, понятные только автору и его издателю: «Если бы Фабиан был французом, я бы мог воссоздать и объяснить роковое слово... "*Elle*"... "*Она*"... Первое и последнее слово стольких страданий...»

«Если бы Фабиан был французом...»

В начале 1870-х самыми известными персонами Франции становятся инженер Фердинанд Лессепс и автор «Необыкновенных путешествий» писатель Жюль Верн. Фердинанд Лессепс недавно завершил канал, связавший, наконец, Индийский океан с Атлантикой, а Жюль Верн издал роман о загадочном капитане Немо.

Кстати, инженер хорошо понял новизну книг Жюль Верна, их истинное значение.

Пользуясь своим влиянием при дворе, он подал ходатайство о награждении писателя орденом Почетного легиона — высшей наградой Франции.

К несчастью, в июле 1870 года началась Франко-прусская война.

Принято считать, что поводом для этой войны послужил известный дипломатический конфликт между Францией и Пруссией. Под прусским давлением вакантный королевский престол Испании был предложен дальнему родственнику прусского короля — принцу Леопольду Гогенцоллерн-Зигмарингену. Это возмутило Наполеона III, который, кстати, еще 2 декабря 1852 года был провозглашен императором. Франция категорически не желала объединения разрозненных германских государств, а Пруссия, напротив, всё делала для того, чтобы немцы объединились. В результате многих интриг Наполеон III почти добился отказа принца Леопольда от испанского трона, но канцлер Пруссии Отто фон Бисмарк пошел на риск. Он так изменил текст телеграммы, отправленной Наполеону III от имени Вильгельма I, что ее смысл показался французскому императору чрезвычайно оскорбительным...

Жюль Верн еще в мае писал Этцелю, что в Кротуа (где он снимал домик для отдыха и работы) войну полагают делом решенным. Так оно и случилось. 28 июля 1870 года, сразу после объявления войны, император отбыл в действующую армию, возложив регентство на императрицу Евгению.

В Париже только об этом и говорили.

Суэцкий канал и романы Жюль Верна отошли в тень.

Лучшие части маршала Базена были блокированы немцами у Меца.

Армия Мак-Магона двинулась на выручку, но Базен как-то слишком уж скоропалительно сдал город. Узнав, что и сражение при Бомоне окончилось для французов полной неудачей, Жюль Верн писал Этцелю:

«Мы очень обеспокоены тем, что происходит у Вас в Париже. Упорно распространяются слухи, что на улицах воздвигают баррикады. К тому же из разных городов в столицу вызывают пожарных-добровольцев». Впрочем, оптимизма патриотически настроенный Жюль Верн не терял: «Несмотря ни на что, я верю в победу французов на равнинах Шампани!»

К сожалению, вера не всегда помогает.

В августе немцы начали наступление в Эльзасе.

Под Вертом войска маршала Мак-Магона с трудом отбивались от пруссаков. Поражения следовали одно за другим. Шалонский лагерь... Бой у деревни Борни... Сражение у Резонвиля... Сражение у Гравелота... Тревожные вести приходили из столицы Франции... Провозглашена республика... Правительство национальной обороны возглавил генерал Трошю... Большинство министров склонялись к капитуляции, только Л.М. Гамбетта^[32] выступил против. На воздушном шаре (без Надара не обошлось) Гамбетта вылетел из осажденного пруссаками Парижа в город Тур, где активно занялся организацией армии...

Но Гамбетта не успел.

1 сентября произошло то, что принято называть Седанской катастрофой.

Армия генерала фон Мольтке в густом утреннем тумане перешла по понтонным мостам реку Маас. Французы поначалу оборонялись успешно, но в бою у Монсея осколком гранаты ранило маршала Мак-Магона. Командование перешло к генералу Дюкро, по мнению многих, вполне способному переломить ход событий, но недавно прибывший из Алжира честолюбивый и недалекий генерал Вимпфен при поддержке близких ему офицеров взял командование на себя. В итоге, вместо уже намеченного планового отступления на Мезьер, Вимпфен приказал французским войскам прорываться к Мецу...

И вот тут и сыграла роль великолепная немецкая артиллерия.

Крупновские орудия сделали свое дело. К трем часам дня всё было кончено: французы побежали с позиций. Император Наполеон III, находившийся в это время в Седане, приказал выкинуть белый флаг. Известна записка, отправленная им прусскому королю: «Мой дорогой брат! Мне не удалось пасть в бою с моими лучшими солдатами. Отдаю свою шпагу Вам».

Наполеона III интернировали в замке Вильгельмсхёе близ Касселя.

Последние годы жизни он провел с семьей уже в Англии — в замке Чизлхерст близ Лондона. Императрица Евгения почти на полстолетия пережила своего супруга и скончалась в 1920 году. Их единственный сын,

принц Наполеон Эжен Луи, служил офицером английских колониальных войск и погиб в 1879 году на войне с зулусами в Африке.

Приказ о мобилизации настиг Жюль Верна в Нанте.

«Приезд мой, — писал он Этцелю, — доставил отцу большую радость.

Я нашел отца очень изменившимся. Он постарел физически, но ум и сознание у него совсем ясные. Семья, конечно, опечалена событиями, да и обстановка, надо сказать, безрадостная: кое-кто из близких погиб на войне в тех частях, которые активно участвовали в боевых действиях. Теперь в Нанте все до крайности восстановлены против императора. Никому в голову не приходит, что после всего произошедшего он осмелится вернуться в Париж. Ополченцы весьма задиристы и только и думают о том, как бы дать офицерам "в морду". Их, похоже, трудно будет организовать». В конце письма Жюль Верн высказывал предположение, что пруссаки все-таки не пойдут на Париж. «Говорят, их выдвинувшиеся части остановились».

В свои 42 года (непризывной возраст) Жюль Верн был назначен командиром боевого охранного судна «Сен-Мишель»! То есть собственной яхты, реквизированной для нужд правительства! Теперь к писателю обращались официально: «капитан Верн», и под началом его состояли 12 пожилых ветеранов Крымской войны, вооруженных длинными кремневыми ружьями и малого калибра медной пушечкой, «величиной с пуделя», как он с усмешкой сообщал Этцелю.

4 сентября до Кротуа дошли вести о катастрофе под Седаном.

«Что теперь будет с Вами, дорогой Этцель? — беспокоился о своем издателе Жюль Верн. — Ведь нашествие продолжается. Пруссак и идут прямо на Париж. Что теперь предпримет Республика? Здесь у нас к новому правительству относятся с полным одобрением, но вопрос — найдется ли оружие?»

И далее: «Если Париж окажет сопротивление, пруссаки, конечно, сами вынуждены будут просить мира, так как зима овернется против них. К тому же они не могут обстреливать Париж, не взяв хотя бы одного форта, а ходят слухи, что наши форты неприступны. Если не будет измены, пруссаки не возьмут Париж, а провинция готова защищаться изо всех сил. Повсюду организуются отряды Национальной гвардии...»

Патрулируя устье Соммы, Жюль Верн пишет новый роман.

Называется он «Крушение "Ченслера"» — и это одна из самых мрачных вещей писателя. Франция потеряла Эльзас и Лотарингию, эти

чудесные области навсегда отторгнуты. Контрибуция назначена в пять, а не в два (как надеялся Жюль Верн) миллиарда франков. Ощущение огромных потерь, каких-то трагических изменений падало на всю страну.

Вот и написалось «Крушение "Ченслера"».

Роман этот представляет собой дневник некоего Ж.-Р. Казаллона, пассажира указанного судна — трехмачтового, с прямым вооружением, водоизмещением 900 тонн. По тем временам — весьма неплохое судно. 29 сентября 1869 года «Ченслер» вышел из Чарльстона с грузом хлопка. Кроме Казаллона на трехмачтовике плыли господин Летурнер с больным сыном Андре, богатые супруги Кир — американцы, их компаньонка юная мисс Херби, а также инженер из Манчестера Фолстен и торговец Руби. Во время плавания в трюме «Ченслера» начался пожар. Хлопок горит, остановить пожар невозможно, потому что при попытке открыть люк может вспыхнуть весь корабль. К тому же становится известно, что в хлопке уложена (для пущей сохранности) стеклянная бутылка с пикратом калия — чрезвычайно взрывчатого вещества. В довершение ко всему сказанному, капитан «Ченслера» сходит с ума и командование ложится на его помощника Роберта Кертиса.

К счастью, «Ченслер» налетел на рифы небольшого вулканического островка посреди океана. «Да услышит нас Бог», — смиренно произносит господин Летурнер. «А разве Бог у нас на борту?» — пожимает плечами Фолстен. Он будто предчувствует ужасные лишения. Но, в конце концов, пассажиры и экипаж все-таки опять оказываются посреди океана — на сооруженном из обломков «Ченслера» плоту.

Вот тут и начинается главное.

«В осажденном городе можно хотя бы случайно отыскать в развалинах, в канавах, в закоулках какую-нибудь кость, какие-нибудь жалкие отбросы, чтобы хоть на минуту обмануть ужасный, сводящий с ума голод. Но на голых деревянных досках, много раз омытых волнами, не найдешь ничего, — мы обыскали все щели, все уголки, куда ветер мог занести хотя бы крошку».

Этцель призывал автора к сдержанности.

Война, нервы у всех напряжены, — зачем все эти ужасы?

Но Жюль Верн не придумывал никаких ужасов. Он рассказывал о том, что не раз уже происходило в морях. В данном случае он почерпнул факты из документов, касающихся «Медузы» — французского фрегата, который 2 июля 1816 года потерпел крушение у берегов Мавритании с четырьмястами пассажирами на борту. Офицеры и губернатор Сенегала полковник Шмальц бежали с судна на шлюпках, бросив экипаж и пассажиров на произвол

судьбы. В течение двенадцати суток несчастных носило по волнам. Из ста пятидесяти человек в живых остались только пятнадцать. В свое время история «Медузы» наделала столько шума, что морской министр Франции был вынужден уйти в отставку. А подлинную историю несчастных рассказали выжившие на плоту пассажиры — инженер-географ Коррear и помощник судового хирурга Савиньи. Еще большую известность эти трагические события получили после того, как художник Теодор Жерико (1791— 1824) выставил в Париже написанную им картину «Плот "Медузы"» (1819).

Опасения Этцеля можно понять.

Каннибализм — не лучшая тема для воспитательных романов!

Но на этот раз Жюль Верн отстоял трагическую окраску романа.

«Я сознательно довел действие до всего самого ужасного, — писал он Этцелю, — и мне дорога эта развязка: ведь никто ничего подобного еще не описывал. Кроме того, герои романа спаслись. Не все, но спаслись. Я ведь знал о существовании пресноводных течений в открытом море. Несчастные на плоту погибали от жажды, а их окружала пресная вода...»

Немцы все-таки заняли столицу Франции. Бесстрашный Надар с помощью воздушных шаров держал связь с осажденными.

Узнав о смерти кузена Анри Гарсе, долго перед этим болевшего, Жюль Верн ненадолго вырвался в Амьен к семье.

Лучшие дома в городе были заняты пруссаками.

«У нас на постое сразу четверо, — сообщал Жюль Верн отцу. — Они, кажется, довольны. Еще бы, у себя в Пруссии они так не питаются. Они получают много риса, чтобы их крепило, так удобнее. Это тихие, кроткие парни из 65-го линейного полка. Онорина, весьма смыслящая в подобных делах, все отлично организовала».

В ночь с 17 на 18 марта 1871 года армейские артиллеристы, несшие дежурство на Монмартре, отказались отдать свои орудия представителям Правительства национальной обороны. Пошло в ход оружие.

Собственно с этого начались Семьдесят два дня Парижской коммуны.

Правительственные учреждения пали, Тьер^[33] с министрами бежали в Версаль.

Красные фригийские колпаки, развевающиеся знамена. «Да здравствует Коммуна!» На Гревской площади перед зданием Парижской городской думы поставили деревянный помост. Ораторы, срывая голоса, сменяли друг друга. Депутаты с красными шарфами через плечо торжественно принимали у народа власть над Парижем. В этой внезапно разразившейся буре Жюль Верн пропустил декрет о своем награждении орденом Почетного легиона, но в каком-то смысле ему повезло. Орден, дарованный императором, он, скорее всего, не принял бы, но Наполеона III в Париже не было и под декретом стояла подпись императрицы-регентши.

Выстрелы за окнами — не лучшая музыка.

Жюль Верн нервничал. Ему плохо работалось.

Он разуверился в пользе каких бы то ни было революций.

Возможно, он перечитывал в эти дни любимого Эдгара По. В «Гансе Пфаале» задолго до 1871 года Эдгар По писал: «Откровенно говоря, народ прямо помешался на политике. Но мы узнали теперь, к чему ведут пресловутая свобода, бесконечные речи, радикализм и тому подобные штуки. Людям, которые раньше являлись нашими лучшими клиентами, теперь некогда было подумать о нас, грешных...»

Онорина тоже не понимала происходящего.

«Сегодня утром, — писала она Этцелю, — Ваше милое письмо осчастливило нас. Может, оно вернет радость в наш дом. Вам ведь известно, что Жюль вот уже несколько месяцев как загрустил и сильно хандрит. Устает ли он от работы или она ему стала труднее даваться? Не знаю, но как-то он приуныл. И при этом, конечно, изливает на меня всю досаду, которую вызывает в нем эта злая хандра. Я замечаю, что он теперь вообще с трудом садится за работу. Сел, и тотчас вскакивает, жалуется... Что мне делать? Что говорить мужу? Я плачу и прихожу в отчаяние. Когда ему докучает и утомляет наша домашняя жизнь, он просто садится на свой корабль и уплывает в море, большей частью я даже не знаю — куда...»

И добавляла: «Вот вы, дорогой Этцель, изо всех сил стараетесь сделать из Жюля хорошего писателя, вот и я не оставляю надежд сделать из него вполне приличного мужа...»

Типография Этцеля, как и множество других предприятий, сочтенных эксплуататорскими, была закрыта. Вандомскую колонну снесли, на улицах слышалась иностранная речь — в Париж съезжались революционеры из других стран. Поляки — братья Домбровские и братья Околовичи; участники походов Джузеппе Гарибальди — А. Чиприани, Кастиони; русские социалисты — А.В. Корвин-Круковская, Елизавета Дмитриева (Томановская), Петр Лавров; венгры, бельгийцы, немцы. В дискуссиях на площадях и в залах схватывались бланкисты, прудонисты, бакунисты; марксисты обсуждали на улицах возможное будущее.

Вставай, проклятьем заклеяменный,
Голодный, угнетенный люд!
Наш разум — кратер раскаленный,
Потоки лавы мир зальют...

Самым странным образом патетика в этом революционном гимне Эжена Потье мешалась с будничными реалиями.

Время битвы настало —
Все сплотимся на бой.
В Интернационале
Сольется род людской!

Парижская коммуна упразднила постоянную армию, заменив ее частями Национальной гвардии (декрет от 29 марта);

установила максимум жалованья государственным служащим, равный зарплате квалифицированного рабочего (декрет от 1 апреля);

отделила церковь от государства (декрет от 2 апреля).

Была ликвидирована полиция (ее функции возложили на резервные батальоны Национальной гвардии), а для управления Коммуной 29 марта были созданы специальные комиссии:

исполнительная,
военная,
продовольствия,

финансов,
юстиции,
общественной безопасности,
труда и промышленности,
общественных служб,
внешних сношений,
просвещения.

1 мая вместо Исполнительной комиссии начал работать Комитет общественного спасения, наделенный самыми широкими правами. Отменили задолженности граждан по квартплате. Люди могли совершенно безвозмездно забрать свои вещи, заложенные в ломбарде. В интересах трудящихся Комитет общественного спасения возложил уплату военной контрибуции Германии на фактических конкретных виновников войны — бывших депутатов Законодательного корпуса, на сенаторов и министров Второй империи. Были отменены работы в ночных пекарнях, введен рабочий контроль над любым производством. Священникам еще разрешали вести службы, но по вечерам все церкви превращались в своеобразные дома культуры.

Близкий друг Жюль Верна Паскаль Груссе входил теперь в Комиссию внешних сношений. «Гражданин депутат!» «Гражданин прохожий!» «Гражданин полицейский!» «Гражданин лавочник!» Обращение стало привычным. Надо было срочно завязывать отношения с иностранными посольствами. На сделанной Надаром фотографии Паскаль Груссе выглядит чрезмерно утомленным, в уголке рта зажата смятая папироса...

Но, как это ни странно, продолжала работать Французская академия.

Под звучание «Интернационала» обсуждались эффективное лечение холеры, природа электричества, принципы двигателя внутреннего сгорания, новый метод вычисления планетных орбит, состав метеоритного вещества...

Жизнь не останавливалась.

Подписанный 11 мая во Франкфурте-на-Майне мирный договор между Францией и Германией развязал руки версальцам.

Весна являет нам пример
Того, как из зеленой чащи,
Жужжа, летят Пикар и Тьер,
Столь ослепительно блестящи, —

писал молодой и злой поэт Артюр Рембо.

Тьер и Пикар! О, чье перо
Их воспоеет в достойном раже!
Пылает нефть: умри, Коро,
Превзойдены твои пейзажи!

21 мая в столицу вошли войска Тьера.

Жюль Верн незадолго до этого вернулся в Париж.

Разгромленные дома, пустая площадь под колоннами Биржи.

Он еще и еще раз убеждался, что революции не приносят счастья.

Никакой издательской деятельности, пустые театры, закрыты художественные салоны. Придет ли опять время искусства и литературы? Не отвернутся ли теперь люди окончательно от романов, полотен, классической музыки? Неужели снова придется возвращаться на службу, в какую-нибудь биржевую контору?

Непрекращающиеся уличные бои усиливали смятение Жюля Верна.

Он осудил Коммуну. Он не мог ее принять, несмотря на то, что в ней активно были задействованы многие уважаемые им люди, не только Паскаль Груссе. Он тревожился за их судьбу. Коммунары ночами тайком уходили через немецкие позиции в Бельгию, Голландию, Испанию. Перестрелки вспыхивали то на площади Бастилии, то в Бельвиле, то на кладбище Пер-Лашез. На кладбище, кстати, удобно было отстреливаться из-за надгробий; в конце концов, стрельба мертвым не мешает.

28 мая пала последняя баррикада коммунаров на улице Рампоно.

Анархист Элизе Реклю был схвачен версальцами на улице с оружием в

руках. Приговор гласил: пожизненная каторга. К счастью, Французское географическое общество успело возбудить ходатайство о помиловании знаменитого географа. Под этим ходатайством стояли подписи самых известных ученых, в том числе знаменитого Чарлза Дарвина.

Арестованного Паскаля Груссе приговорили к смертной казни, но вдруг передумали: пожизненная каторга ничем не лучше смерти. Все знали, что из Новой Каледонии не возвращаются.

Пожизненная каторга была уготована и Луизе Мишель [\[34\]](#).

«На бастион прискакала группа блестящих офицеров, — позже писала она в своих воспоминаниях о последних днях Коммуны. — Среди них выделялся подтянутый человек с правильными чертами лица. "Я — генерал Галифе! — громко и решительно объявил он арестованным. — Я знаю, граждане коммунары, что вы считаете меня человеком чрезвычайно жестоким и беспощадным, но уверяю вас, я гораздо более жесток и беспощаден, чем вы считаете!"».

На улицах и в тюрьмах шли массовые расстрелы.

В течение недели было убито более тридцати тысяч человек.

Подлецы! Наполняйте вокзалы собой!
Солнце выдохом легких спалило бульвары.
Вот расселся на Западе город святой,
Изводимый подагрой и астмою старой.
Не волнуйтесь! Поджогов прилив и отлив
Обречен, — выступают пожарные помпы.
И забыл тротуар, буржуазно-потлив,
Как играли в пятнашки румяные бомбы.
Уберите развалины! Бельма зрачков
Отражают свечение суток несвежих.
Вот — республика рыжих, давящая боков,
Идиотская биржа щипков и насмешек!
Эти суки уже пожирают бинты.
Объедайтесь, крадите! Победою первой
Обещены улицы. Пейте, коты,
Ваше пиво, пропахшее потом и спермой!
Сифилитики, воры, шуты, короли,
Ваши язвы и ваши отребья не могут
Отравить эти комья парижской земли, —
Смрадный город, как вшей, вас положит под ноготь!
Ты плясал ли когда-нибудь так, мой Париж?
Сколько резаных ран получал, мой Париж?
Ты валялся ль когда-нибудь так, мой Париж?
На парижской своей мостовой, мой Париж?
Декламаторы молний приносят тебе
Рифм шары и зигзаги. Воскресни неистов,
Чтобы слышался в каждой фабричной трубе
Шаг герольдов с сердцами оглохших горнистов!
Так возьми же, о, Родина, слезы котов,
реквизит вдохновения и катастрофы.
Я взываю к тебе! Мой подарок готов.
Принимай эти прыгающие строфы!
Так, Коммуна в развалинах. Мир обнищал.
Льют дожди, и дома покрывает проказа.
На кладбищенских стенах танцует овал —

Укрощенная злоба светильного газа.
А. Рембо

Но Париж действительно возвращался к «нормальной» жизни.

Медленно, но возвращался. Снова открывались магазины, типографии, расцветали художественные салоны, Этцель возобновил издательскую деятельность. Впрочем, новая вещь Жюль Верна «Дядюшка Робинзон» ему не понравилась. Он нашел этот роман несвоевременным.

Нервы Жюль Верна были на пределе. Он твердо решил уехать из Парижа. В эти месяцы он часто вспоминал слова отца о постоянных революциях, которые, конечно, не делают жизнь удобнее. К тому же 3 ноября из Нанта пришло письмо от Онорины: мэтр Пьер Верн тяжело болен. Страна, только что пережившая войну и революцию, не могла похвастать хорошим транспортом — Жюль Верн не успел попрощаться с отцом.

В Нанте писатель окончательно решил оставить Париж.

Удобнее всего было поселиться в Амьене, родном городе Онорины. И город спокойнее, и море рядом. Пакуя бумаги и книги, Жюль Верн наткнулся на снимок Эстель, сделанный когда-то Надаром. Рассматривая фото, он с отчаянием понимал, что неразумно брать его с собой в Амьен. Белокурая красавица, латинский нос, взгляд тревожный. Семейная жизнь и без того разлаживалась. Вдохнув, Жюль Верн вложил снимок в один из томов «Необыкновенных путешествий» и отправил Надару.

Кстати, именно Надар, старый друг, взялся уговорить Онорину.

Как это, не понимала Онорина, оставить Париж? Как это надолго, может, навсегда забыть про Большие бульвары и модные магазины? Как это скучать в Амьене в унылый сезон ветров и дождей и общаться только с родственниками?

Она не сразу приняла тот факт, что Амьен сейчас — лучшее, на что можно рассчитывать. Раздельное проживание с мужем под одной крышей было в те времена явлением достаточно распространенным, но в Париже это не могло долго оставаться незамеченным. А зачем плодить ненужные слухи? Только здравость этой мысли помогла Онорине. К тому же она остро чувствовала, что Париж перестал быть для ее мужа волшебным городом.

Часть третья.

ЗЕЛЕНЫЙ ЛУЧ

(1873-1886)

*Померк багряный свет заката,
Громада тун росла вдали,
Когда воздушные фрегаты
Над самым городом прошли.
Сначала шли они как будто
Причудливые облака,
Но вот поворотили круто —
Вела их властная рука.
Их паруса поникли в штиле,
Не трепетали вымпела.
«Друзья, откуда вы приплыли,
Какая буря принесла?»
И через рупор отвечали
Мне капитаны с высоты:
«Большие волны нас качали
Над этим миром. Верись ты —
Внизу мы видим улиц сети,
И мы беседуем с тобой,
Но в призрачном зеленом свете
Ваш город будто под волной.
Пусть наши речи долетают
В твое открытое окно,
Но карты, карты утверждают,
Что здесь лежит морское дно.
Смотри: матрос, лотлинь распутав,
Бросает лот во мрак страны.
Ну да, над вами триста футов
Горько-соленой глубины».*
Леонид Мартынов

Дом на перекрестке улицы Дюбуа и бульвара Лонгвилль. —
 Венная потребность работы. — Новый договор с Этцелем. —
 «Страна мехов». — Скандал в тихом Кикандоне. —
 Комбинированные сюжеты. — Филеас Фогг и Паспарту. —
 Отзыв Николая Лескова. — Двадцать четыре минуты на
 воздушном шаре. — Настоящая робинзонада. — Ссоры с
 издателем. — Человек из будущего. — Остров Линкольна. —
 Бурная история капитана Немо. — «Волга берет начало у корня
 ольхового дерева в 200 верстах от Ярославля». — Солнечный
 мир: колония на комете. — Знак отверженности. — «Леонардо».
 — Всемирная выставка. — Будущее Амьена глазами писателя
 Жюль Верна. — Тяжелая болезнь Онорины. — Печальный бал. —
 К вопросу о морлоках и кающихся. — «Сен-Мишель III». —
 «Пятнадцатилетний капитан». — Мишель плывет в Индию. —
 «Шестиног Бенедикта». — Снова Паскаль Груссе. — Доктор
 Саразен и профессор Шульце. — Возвращение Мишеля из
 плавания. — «Паровой дом». — Приключения Оливера Синклера и
 Елены Кэмпбелл. — Секс в Фингаловой пещере. — Зеленый луч. —
 Опять ссоры с издателем. — Онорина, Мишель, разочарования.
 — «Фритт-Флакк». — Граф Монте-Кристо в версии Жюль
 Верна. — Путешествие 1884 года. — Пленники «Альбатроса». —
 Сумасшедший племянник. — Сонет к морфию. — «Невидимая
 невеста». — К вопросу о свободе

«Амьен, — писал Жюль Верн старому другу Шарлю Валлю, — настолько близок от Парижа, что можно ощущать блеск столицы и в то же время находиться вдали от невыносимого шума и сутолоки. Да, кроме того, мой замечательный "Сен-Мишель" стоит на якоре рядом!»

Правда, Онорина оторвана от парижских бутиков и салонов, зато, гостеприимная по натуре, она теперь с удовольствием принимает нантских родственников и новых знакомых в просторном доме на углу улицы Шарля Дюбуа и бульвара Лонгвилль. Внизу пять комнат, наверху — три. Рядом с калиткой — медный морской колокол, подарок Поля Верна. Часть двора занимает оранжерея. В библиотеке — много книг, журналы, старые и новые тома «Необыкновенных путешествий». Кабинет — в круглой башенке, возвышающейся над черепичной крышей. Письменный стол, тяжелое вольтеровское уютное кресло, старинное лакированное бюро с выдвигаемыми ящиками — знаменитая картотека.

«Мы постучали в дверь углового дома на тихой амьенской улице, — рассказывал итальянский писатель де Амичис. — Нас провели в уютную гостиную, куда тотчас вошел сам Жюль Верн, протягивая нам обе руки. Если бы мы встретили знаменитого писателя, не зная, кто он такой, то сильно бы удивились. Он похож, скорее, на генерала в отставке или на профессора математики, а может, на начальника департамента. Серьезный, внимательный взгляд, но во взгляде и речи — живость, присущая всем художникам. Держал он себя просто, на всем лежал отпечаток прямоты и чистоты мыслей и чувств. Судя по аккуратной одежде, по обдуманной речи и неторопливым движениям, Жюль Верн, несомненно, принадлежит к людям, которые не любят привлекать к себе внимание. Даже о своих произведениях он старается говорить бесстрастно».

Как и прежде, Жюль Верн вставал в пять утра.

Чашка шоколада и работа. Затем — завтрак и работа.

А затем — прогулка. Сперва по зеленой улице Порт-Пари... Потом по улице Виктора Гюго, с которой открывался прекрасный вид на готику Амьенского собора и на воды спокойной Соммы... Сын ревностного католика, Жюль Верн редко посещал воскресные службы — в провинциальном Амьене это, конечно, заметили. «Будучи бретонцем, — оправдывался писатель, — я по рассудку и по здравому смыслу, а также по семейной традиции все равно христианин и католик». Но в Жюле Верне никогда не было религиозной суровости, а Этцелю он однажды написал так: «Вы, конечно, правы относительно того, что в этом мире наше земное существование является *всем*, но в жизни будущей оно — или *ничто*, или *почти ничто*. Так что в этой связи не так важно, как жил человек, важно, что жил он почтенно, по-христиански, по-католически».

В библиотеке Промышленного общества Жюль Верн внимательно просматривал газеты и журналы. Прежде всего «Ревю бле», «Ревю роз», «Космос», «Ла Натюр», «Л'Астрономи», конечно, бюллетени различных научных и географических обществ. Самое интересное он заносил в специальную записную книжку.

«У меня потребность работы, — не раз признавался Жюль Верн. — Работа — моя главная жизненная функция».

Но с каждым годом работы становилось все больше. «Я изнемогаю, создавая по три книги в год, — писал Жюль Верн своему другу и издателю летом 1871 года. — Я рад, что Вы сами предлагаете изменить условия нашего договора так, чтобы за ту же сумму я мог писать только две книги в год. Это прекрасно. Узнаю Ваше доброе сердце. Но при нынешней ситуации на рынках денег этих (9—10 тысяч франков в год) уже не хватает. Кажется, на меня надвигается нужда. Я невольно задумываюсь, не придется ли мне вернуться к биржевой деятельности?»

Конечно, Жюль Верн преувеличивал, но Этцель намек понял и 25 сентября 1871 года между писателем и издателем был заключен новый договор. Теперь вместо трех томов в год Жюль Верн обязался поставлять издателю всего два, при этом получая уже 12 тысяч франков...

В первые годы амьенской жизни Жюль Верн часто бывал в Париже.

Каждая поездка касалась дел, но Онорина нервничала. Она знала (пусть и не в подробностях) о смерти мадам Дюшен, но ведь Париж опасен... Париж всегда опасен... Популярность мужа... Давние артистические знакомства... Сидящий красавец — с усами, с шкиперской бородой, на Жюля Верна оглядывались... Но писатель действительно почти все время, проведенное в Париже, отдавал работе — обсуждал с Этцелем планы новых романов, консультировался с учеными, изучал географические карты разных эпох, знакомился с отчетами старых и новых экспедиций. Даже в Амьене во время домашних приемов он мог вдруг покинуть гостей и уединиться в кабинете. Он чрезвычайно нуждался в понимающем собеседнике... или собеседнице... С Этцелем ему не всегда получалось выговориться, а Онорину литература мало интересовала. Волнения исследователей, героев и путешественников были ей чужды. Своих детей по следам Роберта и Мэри Грант она бы не пустила...

В романе «Страна мехов» полярную экспедицию организовала компания Гудзонова залива. На глаза Онорине как-то попала реклама, указывавшая на «изобилие пушного зверя и рыбы» в каком-то торговом заведении. Онорина не сразу поняла: какой это *пушной рыбы*? Ну да, пугал ее муж, это так — северная форель обрастает мехом.

Шутка эта попала в роман.

Но быт путешественников Жюль Верн описывал просто.

«За открытой дверью виднелся несуразный письменный стол, а перед ним безобразное зеленое кресло с подновленным сиденьем, из которого торчал конский волос, закручиваясь множеством игривых завитков, как кудряшки на парике самого Клапатрона...»^[36] Конечно, можно было писать и так, подобно бальзаковским картинам из «Сцен парижской жизни», но полярный форт Рейли — это не Париж.

И Жюль Верн описывал обстановку форта совсем по-другому.

«Середину залы занимала громадная печь, наполовину кирпичная, наполовину кафельная; ее большая железная труба, выведенная сквозь потолок, выбрасывала наружу клубы черного дыма. Печь пыхла, гудела и накалялась, поглощая полные лопаты угля, которые, не жалея, подбрасывал специально приставленный к этому делу солдат-истопник. Порою в трубу залетал снаружи порыв ветра. Тогда едкий дым вырывался из топки и расползлся по зале; языки пламени лизали кирпичную кладку, густое облако заволакивало лампы, свет тускнел, и сажа осаждалась на потолочные балки. Острые струйки холодного воздуха пробивались сквозь щели дверей и окон, брусья скрипели, балки стонали...»

И все же в доме было тепло.

Можно было наполнять оловянные стаканчики крепким виски.

Форты, подобные описанному, героям романа «Страна мехов» предстояло ставить по всему северу Канады. Лейтенант Джаспер Гобсон был убежден: России и без того хватает территорий, значит, в недалеком будущем она непременно уступит свои американские владения правительству Соединенных Штатов.

К лейтенанту и его солдатам скоро присоединились известная северная исследовательница Полина Барнет и астроном Томас Блэк, мечтающий увидеть полное затмение солнца. Произойти затмение должно было 18 июля 1860 года, — Жюль Верн любил точность. К сожалению,

Томас Блэк был человеком рассеянным, да и силы воли у него не было никакой. Потерпев неудачу с наблюдениями (не по своей вине), он уединился в своей комнате, и его больше почти не видели.

Новый форт поставлен.

Переговоры с конкурентами завершены.

Правда, земля безымянного перешейка, на котором поставлен форт, выглядит несколько диковато — даже для Крайнего Севера. Никаких валунов, крупных камней, даже гальки нет, только глинистая земля и однообразная бедная растительность. Кочующие эскимосы с непонятной опаской относятся к месту, на котором разбит форт. Только девушку Калюмах ничто не пугает, так сразу и необыкновенно она привязалась к Полине. «Молодая туземка казалась ей если не более развитой, то, во всяком случае, более цивилизованной, чем прочие члены ее семейства, — замечает писатель. — Это особенно бросилось в глаза, когда, закашлявшись, она подносила руку ко рту согласно элементарным правилам учтивости».

Конечно, цивилизованность эскимосов — проблема. Но, скажем так, существуют проблемы и более серьезные.

К лету в форт не приходит всеми ожидаемый отряд поддержки.

А еще раньше происходит сильное землетрясение, и по какой-то причине полностью прекращаются приливы и отливы. Это странно. Этого быть не может. Но это так. Луна появляется каждую ночь, а приливы и отливы нулевые.

Неужели форт за время зимовки каким-то образом переместился?

Появляется солнце, и наблюдения показали, что основанный лейтенантом Джаспером Гобсоном форт действительно находится уже не на 70-й параллели, как полагалось бы, а на 73-й! Это открытие ставит лейтенанта в тупик и радует только солдат, ведь время службы, проведенное ими севернее 70-й параллели, оплачивается по двойным ставкам.

В конце концов Томас Блэк и лейтенант Гобсон приходят к выводу, что форт Рейли был поставлен не на материковой земле, а, видимо, на огромной льдине, занесенной за время ее существования песком и глиной, в которой оказались семена неприхотливых северных растений. Тема ледяных островов — после Жюль Верна — еще не однажды всплывет в книгах самых разных фантастов, в том числе советских; назовем хотя бы «Архипелаг исчезающих островов» Л. Платова и классическую «Землю Санникова» В.А. Обручева.

Волшебные пейзажи.

Мистика полярной ночи.

Метельные пространства, освещаемые только ночным светилом.

«Над северным горизонтом более чем на сто географических градусов раскинулась в небе великолепная радуга северного сияния. Верхушка ее, совпадающая с магнитным меридианом, окрашивалась во всевозможные цвета, среди которых явственно преобладал красный. От этого кое-где созвездия казались залитыми кровью. Из недр свечения исходили такие неожиданно яркие лучи, что некоторые поднимались выше зенита и заставляли бледнеть Луну...»

Но люди продолжали работать. В сущности, они теперь строили классический фаланстер, в котором всем — ради выживания — всё должно было выдаваться поровну. И одежда, и продукты, и табак. Абсолютно всё, кроме... реальной информации. Ведь, скажем, известие о том, что форт оказался на дрейфующей льдине, а не на твердой земле, совсем не обязательно доносить до всех.

Тревожная нотка звенит, бесконечно тянется.

Правда, время от времени ее портит некая театральность.

«— Дорогая моя госпожа, — вскрикнула вдруг эскимоска Калюмах, — я знала, что вы придете мне на помощь! Бог спас меня вашими руками!

— Нет, — вскричала миссис Барнет, указывая на удаляющегося от них огромного полярного медведя, — тебя спас этот благовоспитанный зверь! И если когда-нибудь он вновь к нам вернется, отнесись к нему, как к истинному твоему спасителю».

Конечно, юность, проведенная в парижских театрах и в литературно-художественных салонах, близкое общение с Александром Дюма и его сыном, с друзьями-музыкантами Жаком Оффенбахом, Аристидом Иньяром, Мишелем Карре, с «холостяками» Делиу, Давидом Пифолем, Анри Касперсом, Эрнестом Буланже, Адрианом Талекси и многими другими так легко не забудешь. Жюль Верн все еще держал в глубине памяти волшебные театральные подмостки, он не забыл о страстях благородных героев, не зря время от времени строгий Этцель напоминал ему: самое это плохое дело для писателя — писать на уровне любителей.

На одинокой, оторванной от материка льдине лейтенант Джаспер Гобсон и его верные спутники медленно дрейфуют вдоль северного американского побережья.

Как бы Жюль Верн ни любил Север, невозможно писать о нем, ни разу не повторившись. Из романа о капитане Гаттерасе в «Страну мехов», злобно рыча, перебежали целые стаи огромных белых медведей. Повторялись заново северные сияния... Трещали чудовищные морозы...

Длилась бесконечная полярная ночь... Увлекающийся автор вдруг начинал уверять читателей, что при температуре ниже минус пятидесяти градусов человек вообще немедленно погибает... Но все же главное было схвачено верно.

Жюль Верн прекрасно знал отчеты северных путешественников.

В его картотеке хранились извлечения из трагического дневника русского штурмана Софрона Хитрово, одного из выживших членов экспедиции командора Витуса Беринга. Прочтя эти выписки, можно понять, каков полярный Север на самом деле.

«19 ноября, — писал русский штурман, — я еще оставался на борту с семнадцатью людьми, в большинстве тяжело больными, и с пятью мертвецами. У меня на борту было лишь четыре ведра пресной воды, а шлюпка находилась на берегу. Я дал сигнал бедствия, поднял на вантах грот-мачты красный флаг, а на гафеле вывесил пустой бочонок из-под воды и одновременно дал несколько выстрелов из пушки. Из этих знаков находившиеся на берегу люди могли усмотреть, что я нуждаюсь в пресной воде; однако ветер дул с такой силой от моря к берегу, что они никак не могли на шлюпке выгребсти и добраться до корабля. На наше счастье ночью выпал такой обильный снег, что можно было собрать его с палубы и заменить им пресную воду...»

И далее.

«Я оставался на корабле до 21 ноября, когда с берега, наконец, прибыла лодка.

Меня на руках перенесли в нее, а затем доставили в землянку, где находились остальные больные. Хорошо, что за несколько дней до этого я переселился, ради тепла, в корабельный камбуз, и не раз видел, как многие из наших людей, как только их головы показывались из люка, немедленно умирали, словно мыши, — из чего мне стало ясно, какой опасности подвергаются больные, попадая из духоты на свежий воздух. Памятуя увиденное, при переезде на берег я покрыл свое лицо теплой и плотной шапкой, а другую шапку надел себе на голову. И все же на пути от камбуза до фалрепа трижды терял сознание...»

Мы радуемся, когда герои Жюль Верна добираются, наконец, до Алеутских островов. Конечно, открытые ими полярные мысы, бухты, озера никогда не станут достоянием официальной полярной картографии, тем не менее победа — за отважными путешественниками. Даже растерявшийся было астроном Томас Блэк понимает, что всё еще впереди. «Друзья мои, — говорит он, опять впадая в некоторую, впрочем, здесь, кажется, объяснимую театральность, — меня постигла неудача во время затмения

тысяча восемьсот шестидесятого года, но такое же затмение должно произойти в этих широтах в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году. А посему назначаю вам, сударыня, и вам, мой храбрый лейтенант, новую встречу у берегов Северного Ледовитого океана — ровно через двадцать шесть лет!»

Что ж, Северо-Западный проход тщетно пытались пройти многие знаменитые путешественники. Но первым пошел им Жюль Верн.

По-другому и быть не могло.

Часто в Амьен приезжал Этцель — иногда с сыном Жюлем, твердо вознамерившимся в будущем продолжить удачное отцовское дело. Охотно общался писатель с членами местной Амьенской академии, Промышленного общества, с медлительными провинциальными чиновниками местного муниципалитета.

Эти встречи навели Жюля Верна на сюжет повести «Опыт доктора Окса».

Городок Кикандон (разумеется, выдуманный, не нанесенный ни на какую карту) явно раздражал писателя. Вот, указывал он в повести, вот они — эти неторопливые, всегда уравновешенные кикандонцы. Никаких у них скорых решений, всё у них обдумывается годами и еще медленнее решается. Деятельному ученому доктору Оксу, взявшемуся осветить дома и улицы скучного городка ярко пылающим газом (смесью водорода и кислорода), никто, в общем, не препятствует, потому что — куда торопиться? Все уверены, что и доктор Оке не будет спешить.

Но трубы проведены, газовые рожки подключены к городской сети.

«Почему, — спрашивает улыбающийся автор, — в этот вечер у банкира Коллерта безобидные сиропы, казалось, превратились в шипучие вина, в искристое шампанское, в пылающий пунш? Почему в разгар давно ожидаемого празднества всеми приглашенными овладело вдруг какое-то непостижимое опьянение? Почему привычный плавный менюэт превратился в безумную тарантеллу? Почему музыканты, даже самые флегматичные, ускорили темп и по залам пронесся будто бы электрический ток? Почему танцующие кавалеры вдруг начали откровенно обнимать дам, а иные вообще отважились на немыслимые па во время чудесной пасторали, обычно торжественной и благопристойной?»

Вечер у банкира превратился в настоящую вакханалию.

«Туфли скользили по паркету с небывалой быстротой. Разрумянились обычно бледные лица, глаза сверкали, как угли. А когда разошедшиеся музыканты заиграли вальс из "Фрейшютца", танцующие вообще потеряли головы. Типичный немецкий вальс, всегда исполнявшийся в медленном темпе, превратился в безумный вихрь, в бешеный хоровод, которым, казалось, руководил сам Мефистофель. Этот вихрь проносился по залам, салонам, передним, по лестницам — от подвалов до чердаков обширного дома. Он увлекал молодых людей, девиц, отцов, матерей, лиц всех

возрастов, любого веса, обоего пола, — и толстого банкира Коллерта, и госпожу Коллерт, и советников, и отцов города, и главного судью, и Никлосса, и госпожу Ван-Трикасс, и бургомистра Ван-Трикасса, и самого комиссара Пассофа...»

Понятно, ничем хорошим это закончиться не могло.

Вот и взлетел на воздух завод, вырабатывавший кислород.

Чудесный газ, собственно, и стал причиной внезапной бури, потрясшей основы тихого Кикандона.

В апреле 1873 года Жюль Верн избран в Амьенскую академию.

В «Бюллетене Географического общества» напечатан доклад, который прочел писатель на одном из заседаний общества. Одновременно вышли «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке», написанные еще во время войны, а с 6 ноября в газете «Времена» отдельными фельетонами начал печататься роман «Вокруг света в восемьдесят дней».

Приключения хладнокровного англичанина Филеаса Фогга писатель задумал еще в 1869 году, когда прочел в журнале «Вокруг света» статью географа Вивьена де Сен-Мартена, из которой определенно следовало, что при существующих средствах передвижения путешествие вокруг света вполне можно проделать за 80 дней. К тому же Жюль Верн прекрасно помнил временные парадоксы, описанные Эдгаром Аланом По в рассказе «Три воскресенья на одной неделе».

Вот теперь он и воспользовался всем этим.

Филеас Фогг — член лондонского Реформ-клуба, истинный джентльмен.

Сам по себе этот герой Жюля Верна невероятно, даже поразительно обычен.

«Его никогда не видели ни на бирже, ни в банке, ни в одной из контор Сити. Ни причалы, ни доки Лондона не принимали кораблей, которые принадлежали бы судовладельцу Филеасу Фоггу. Имя Филеаса Фогга не значилось в списках правительственных комитетов. Не знали о нем ни в коллегии адвокатов, ни в корпорациях юристов Темпля, Линкольна или Грея. Никогда не выступал он ни в Канцлерском суде, ни в Суде королевской скамьи, ни в Шахматной палате, ни в Церковном суде. Он не был ни промышленником, ни негоциантом, ни землевладельцем. Он не имел никакого отношения к Британскому королевскому обществу, к Лондонскому институту, к Институту прикладного искусства, к Институту Рассела, к Институту западных литератур, к Институту права, наконец, к Институту наук и искусств, находящемуся под высоким покровительством ее величества королевы Виктории. Не принадлежал он и ни к одному из тех многочисленных обществ, которых нынче так много в столице Англии, — начиная с Музыкального и кончая Энтомологическим.

Он был членом Реформ-клуба, и только».

Правда, упомянутый джентльмен, как всякий добрый англичанин, имел ясное представление о многих отдаленных и малоизвестных пунктах планеты Земля. И наиболее удобный маршрут вокруг земного шара он, конечно, разработал сам.

Из Лондона в Париж, затем Турин, Бриндизи, Суэц, Красное море.

На корабле через Индийский океан, а там Индия, Китай, Япония — Бомбей, Аллахабад, Калькутта, Сингапур, Шанхай, Иокогама.

Затем — Тихий океан и американский материк.

Окленд, Огден, Омаха, Айова-Сити, Чикаго, Нью-Йорк.

И наконец, последний переход через Атлантику, и вот он — Лондон.

А помогает в путешествии почтенному джентльмену верный слуга Паспарту.

«Жан, с вашего позволения, — так представился он Филеасу Фоггу. — Я пролаза, я ловкий человек. Такое у меня прозвище. Оно доказывает, что я способен выпутаться из любого затруднения. Но, — добавил Паспарту, — я человек честный, хотя перепробовал немало профессий. Был бродячим певцом, наездником в цирке, вольтижировал, как Леотар, танцевал на проволоке, как Блонден; затем, чтобы лучше использовать свои способности, сделался преподавателем гимнастики, а в Париже — старшим пожарным. В моем послужном списке числится несколько недурных пожаров, но вот уже пять лет, как я покинул Францию. Меня влечет покой. Узнав в Лондоне, что мистер Филеас Фогг является самым большим домоседом в Соединенном королевстве, я добрался до вас в надежде тоже зажить спокойно...»

Но зажить спокойно не получается.

В Реформ-клубе Филеас Фогг только что заключил пари.

Поставив на кон ни много ни мало 20 тысяч фунтов, он утверждает, что ровно через 80 дней — в субботу 21 декабря 1872 года в 8 часов 45 минут вечера он появится в Реформ-клубе, обогнув весь земной шар! И теперь, к ужасу Паспарту, им надо вместе мчаться куда-то все вперед и вперед, поскольку Земля, оказывается, круглая. Правда, в саквояже расстроенного Паспарту лежат 20 тысяч фунтов стерлингов хозяина — практически единственная гарантия удачного путешествия. Ведь в пути героям всё будет мешать — туманы, болезни, столкновения кораблей, недостроенные железнодорожные линии, недоброжелательные индейские брамины, всяческие беды и всяческие нехорошие люди. Ни уговоры, ни сила тут не помогут. А вот деньги выручат в самой безнадёжной ситуации. (Скуповатый Жюль Верн хорошо знал цену каждому франку.) На них можно купить слона, если нет другого средства передвижения. На них

можно купить винтовой пароход прямо в пути, а если кончится топливо — ломать его надстройки, чтобы не сбавлять ход. На фоне буквально улетающих в трубу тысяч и тысяч фунтов стерлингов мелкие тревоги самого Паспарту кажутся смешными: например, уезжая, он забыл погасить в лондонской квартире Филеаса Фогга газовый рожок. «Я посчитал, что газу теперь сгорит в сутки ровно на два шиллинга, то есть как раз на шесть пенсов больше того, что я получаю в день».

Да, в романе много бутафории, много театра, но ведь Жюль Верн и не обещал классической драмы. Он не Эмиль Золя, он не любит описывать грязь и нищету, несчастных, задавленных бытом людишек, он не Бальзак, чтобы поражать гигантскими замыслами, и он не собирался поражать удивленных читателей изысканным стилем, как, скажем, Гюстав Флобер. Только сочинители, не имеющие воображения, считает он, преподносят бедным читателям свои собственные страдания или жалкие капризы своих любовниц. Он пишет так, как ему нравится. Этцель доволен. До последней страницы читатели переживают за исход поистине необыкновенного путешествия. Тем ужаснее разочарование Филеаса Фогга, когда в назначенный день он прибывает в Лондон, но с опозданием. Всего на пять минут, но с опозданием!

И все же Филеас Фогг выигрывает пари!

Благодаря смене часовых поясов.

Успех романа был столь велик, что по предложению театра «Портсен-Мартен» Жюль Верн и опытный драматург Адольф Деннери создали его инсценировку.

Премьера спектакля прошла 8 ноября 1874 года.

Соавторы не зря провели вместе осень в Антибе: спектакль выдержал более четырехсот представлений подряд. Пусть газета «Парижская жизнь» и писала с иронией: «Дым, шум, настоящий паровоз, настоящий живой слон, настоящие взрывы, декорации, дающие представление о шторме на море, дивный балет, цирковые шутки, театральная сентиментальность...» Ну и что? Зрителям понравилось.

Даже русский писатель Николай Лесков, которого в преклонении перед всем иностранным никак не заподозришь, послал сыну в Россию красочную афишу, написав на ней: «Это такое представление, что глаз не отведешь!»

В сентябре 1873 года немцы вывели из Франции последние части своих оккупационных войск. Контрибуция выплачена. Новый президент Франции Мак-Магон одобрил суд над своим бывшим сослуживцем маршалом Базеном, позорно сдавшим немцам город Мец в самом начале Франко-прусской войны. Этот судебный процесс стал главной темой художественных и литературных салонов столицы, но Жюль Верн теперь наезжал в Париж редко. Практически одновременно он работал сразу над тремя вещами: одну заканчивал, другую вел в черновике, третью разрабатывал.

Оторвать писателя от работы могло только что-то совсем уж неординарное.

Например, полет на воздушном шаре. На самом настоящем воздушном шаре!

18 сентября писатель действительно поднялся над Амьеном в легкой плетеной корзине воздушного шара «Метеор» и описал это свое приключение в «Амьенской газете» (номер от 29—30 сентября). Позже вышла и небольшая брошюра под названием «24 минуты на воздушном шаре». Конечно, это не знаменитый роман о путешествии над Африкой, но внимания указанная брошюра стоила. В ней подробно рассказывалось о том, что объем «Метеора» составлял 900 кубических метров, а его вес (вместе с гондолой и оснасткой) — 270 килограммов, хотя газ при этом, с улыбкой писал Жюль Верн, больше годился, наверное, для освещения улиц, чем для наполнения оболочки.

Подняться в воздух должны были Эжен Годар — воздухоплаватель опытный, совершивший к тому времени множество таких полетов, а с ним — адвокат Деберли, Жюль Верн и лейтенант 14-го полка Мерсон. К сожалению, поднять всех «Метеор» не мог. Тогда лейтенант Мерсон добровольно отказался от полета и вместо него в корзину забрался сын Годара. Ради девятилетнего храбреца воздухоплаватели отказались от двух мешков с балластом, что несколько сняло интригу полета. Ведь если отец берет с собой сына, решили в толпе зевак, значит, он уверен в безопасности полета.

«Мы отчалили в 5 часов 24 минуты, — писал Жюль Верн, — медленно поднимаясь вкось. Ветер относил нас к юго-востоку, небо было чистым. Только далеко на горизонте виднелось несколько грозowych туч. В 5 часов

28 минут мы уже парили на высоте 800 метров по показанию anerоида.

Вид города был поистине великолепен. Лонгвилльская площадь напоминала муравейник с копошащимися на ней красными и черными муравьями — так выглядели люди в военном и штатском платье. Шпиль кафедрального собора, опускаясь все ниже и ниже, отмечал, наподобие стрелки, непрерывность нашего подъема.

Однако мы не ощущали никакого движения, ни горизонтального, ни вертикального. Горизонт все время казался на одной и той же высоте. Мы купались в воздухе, а земля, уходя все ниже, распластывалась под гондолой, словно черная крыша. Мы наслаждались при этом абсолютной тишиной, полнейшим покоем, который нарушался только жалобным скрипом ивовых прутьев, державших нас в воздухе...»

Не правда ли, напоминает уже читанное нами?

«Воздух был чист, ветер умерен, и "Виктория" медленно поднялась почти вертикально на высоту тысяча пятьсот футов. На этой высоте быстрое воздушное течение понесло шар к юго-западу. Какая чудная картина развернулась перед нашими глазами! Весь остров Занзибар был как на ладони. Везде расстилались зеленые поля всевозможных оттенков, кудрявились рощи и леса...»

Это из романа «Пять недель на воздушном шаре».

А теперь сам Жюль Верн в полной мере испытал те же чувства.

«В 5 часов 32 минуты солнце восходит из-за туч, обложивших горизонт на западе, и обогревает оболочку шара. Газ расширяется, и мы достигаем высоты 1200 метров, не выбросив ни одного мешка с балластом. Это максимальная высота, достигнутая нами в течение всего полета.

Вот что открылось нашему взору.

Внизу, под ногами — Сент-Ашель с его чернеющими садами, которые уходят куда-то вдаль, словно рассматриваешь их сквозь большие стекла бинокля. Кафедральный собор кажется сплюснутым, а шпиль его попадает на одну плоскость с домами, находящимися у городской черты. Сомма извивается тонкой светлой лентой, железнодорожные колеи похожи на волосные линии, нанесенные рейсфедером; улицы напоминают спутанные шнурки, сады можно уподобить витрине зеленщика, поля кажутся набором разноцветных образчиков материй, которые в былые времена вывешивали у своих дверей портные, и весь Амьен представляется нагромождением маленьких темных кубиков. Так и кажется, будто на ровное место высыпали коробку с нюрнбергскими игрушками.

Дальше мы видим окрестные деревни — Сен-Фюсьен, Вилье-Бретонно, Ля-Невиль, Бов, Камон, Лонго — все это напоминает лишь груды

камней, разбросанных там и сям для какого-то гигантского сооружения.

Несмотря на то, что нижний отросток аэростата Эжен Годар держит всегда открытым, — ничто не выдает присутствие газа.

Отяжелевший "Метеор" вскоре начинает снижаться. Чтобы затормозить спуск, выбрасываем балласт. Кроме того, опорожняем мешок, набитый рекламными объявлениями. Тысячи листков, реющих по ветру, указывают на большую быстроту воздушных струй в нижних слоях атмосферы.

Перед нами — Лонго, но деревню отделяет от нас множество болотистых впадин.

— Неужели мы приземлимся на болото? — спросил я Эжена Годара.

— Нет, — ответил он, — если у нас даже не останется балласта, я выброшу рюкзак. Мы должны во что бы то ни стало миновать это болото.

Мы спускаемся все ниже. В 5 часов 43 минуты, когда мы находимся уже в 500 метрах от земли, нас настигает пронзительный ветер. Мы пролетаем над заводской трубой и заглядываем в жерло. Тень воздушного шара, словно мираж, перебегает от одного болотца к другому; люди, походившие на муравьев, заметно подросли, они снуют по всем дорогам. Между железнодорожными линиями, близ разъезда, я замечаю удобный лужок.

— Попадем? — спрашиваю я.

— Нет. Мы перелетим через железную дорогу и поселок, что находится за ней, — отвечает Эжен Годар.

Усиливается ветер. Мы замечаем это по колышущимся деревьям. Невиль уже позади. Теперь перед нами равнина. Эжен Годар сбрасывает гайдроп, канат длиной 150 метров, а затем и якорь. В 5 часов 47 минут якорь цепляется за землю. Прибегают любопытные, хватают гайдроп, и мы приземляемся без малейшего толчка. Шар опускается, словно мощная большая птица, а не как дичь с подбитым крылом...»^[37]

В январе 1874 года Жюль Верна избрали директором Амьенской академии наук, литературы и искусства. Он принял это с удовольствием и даже прочел перед членами академии рассказ «Блеф», написанный по мотивам путешествия в США.

В это же время его избрали и в местный муниципалитет. Правда, злые языки (а такие всегда найдутся) разносили слухи о том, что Жюлю Верну все это нравится только потому, что он предпочитает проводить время где угодно, только не в семье. Французы — люди закрытые, но всего не утаишь. Слухи, к сожалению, во многом отвечали действительности. Постоянные ссоры с Онориной, наглые выходки подрастающего сына, обиды падчериц...

Только работа и спасала.

«Мой дорогой Этцель, — писал Жюль Верн 2 февраля 1873 года. — Наконец я целиком посвятил себя "Робинзону", или, лучше сказать, "Таинственному острову". Я теперь провожу много времени с профессорами химии и на химических фабриках, где мои одежды покрываются пятнами, за которые Вам еще предъявлю счет — поскольку "Таинственный остров" будет химическим романом. Я, как могу, поддерживаю интерес, связанный с присутствием на острове капитана Немо. Можно сказать, я готовлю читателей к неожиданной развязке, играю с ними, как с красивой женщиной, когда ее хотят подготовить... сами знаете, — к чему...»

Таинственный остров? Очередная робинзонада?

Этцель, конечно, опять попытался перестраховаться.

Убежденный республиканец, он считал, что в стране, только что проигравшей большую войну и пережившей не менее кровавую революцию, накопилось слишком много серьезных проблем, так что совсем необязательно отвлекать внимание граждан на пустяки. Разве не уводят романы о таинственных островах от серьезных жизненных размышлений?

Впрочем, идея объединить в единую трилогию популярные романы «Дети капитана Гранта», «Двадцать тысяч лье под водой» и только еще дописываемый «Таинственный остров» показалась издателю плодотворной.

История создания романа «Таинственный остров», несомненно, лучшего у Жюль Верна, — типичный пример вечного противостояния Творца и Редактора.

23 сентября 1873 года на длинный список замечаний, можно сказать, даже непомерно длинный и резкий, Жюль Верн впервые ответил таким же длинным и резким письмом.

«Дорогой Этцель! — писал он. — Отвечать на все Ваши замечания — это заняло бы у меня слишком много времени. Вот на следующей неделе буду в Париже, там мы и поговорим, сколько понадобится. Однако уже сейчас не хочу скрывать от Вас тот огорчительный факт, что если я учту все Ваши замечания и, тем более, внесу их в книгу, то навсегда, даже еще не закончив ее, я свою книгу возненавижу... Я сейчас примерно на середине третьего тома, и мне нужно твердо понимать, что и как писать дальше... К слову, все, что вы наговорили о пирате Айртоне, который якобы совершенно неправомерно становится на необитаемом острове дикарем, — чепуха. Может, ни один психиатр не согласится с моей трактовкой этого образа, но я знаю, что я прав... И считаю, что книга получается несколько не хуже других... Ваша критика для меня — как ведро холодной воды. Если честно, сейчас она мне только мешает...»

В свою очередь раздражается Этцель.

Он не привык к сопротивлению прежде так легко управляемого автора.

Вполне возможно, что до него, наконец, дошло, что Жюль Верн, автор «Таинственного острова», — это уже не тот молодой человек, которому можно было вернуть рукопись вообще без всяких споров.

«Мой дорогой Верн, — пытается смягчить тон издатель. — Я вернулся домой и еще раз очень внимательно просмотрел начальные пятнадцать страниц верстки первого тома "Таинственного острова"... Конечно, они значительно улучшены Вами... С моими комментариями и вставками книга определенно выглядит лучше. Мы с Вами еще добьемся того, что превратим уголь в алмаз. Я чувствую, что полезен Вам, что помогаю Вам, укрепляю Вашу фантазию. Поэтому отбросим обиды...»

Но обиды множатся, и в письме от 11 октября 1873 года Этцель не выдерживает.

«Мой дорогой Верн, — раздраженно пишет он, — я узнал, что на этот раз Вы отправили выправленную Вами верстку прямо в типографию, *минуя*

меня. Это неправильно... Я непременно хочу видеть, как именно Вы справились с моими редакторскими замечаниями... Я хочу определенно знать, что именно Вы приняли из моих замечаний, а что — отвергли. Поэтому в дальнейшем верстку соблаговолите показывать мне...»

И двумя днями позже: «Мой дорогой Верн! Я прошу у Вас гранки еще до типографии не для того, чтобы заново их редактировать, а для того, чтобы знать, какие именно мои замечания Вами приняты. Раз и навсегда выкиньте из головы мысль о том, что страсть к редакторству толкает меня только к чрезмерностям. Читай я меньше, я бы только сберег свои глаза и время...»

И сухая подпись: «Ваш Ж. Этцель».

Но, конечно, это не разрыв.

О разрыве речь не идет.

Жюль Верн прекрасно понимает, что при сохраняющихся темпах и объемах своей работы без помощи Этцеля он ни одно произведение не сможет довести до уровня. Часто рукописи его шероховаты, грубы, в них нет изящества, свободной игры. Слишком торопливо приходится писать, это не вдумчивые отступления мэтра Виктора Гюго. В конце концов, «Необыкновенные путешествия» столь же созданы Этцелем, как и Жюлем Верном. Объем редактирования иногда настолько велик, что Этцеля вполне можно считать полноправным соавтором. Он не просто правил фразы, абзацы, страницы, он менял течение сюжета, случалось, по-своему трактовал поступки героев.

Да, конечно, излишний морализм... коммерческий подход... политическое оглядывание...

Но обойтись друг без друга они уже не могли.

Нескончаемые ссоры принесли пользу.

Впервые в книге Жюль Верна появился герой.

Настоящий герой. Которому хочется подражать. Который восхищает.

Герой из еще неясного, но всегда прекрасного и тревожащего воображение будущего. В самом деле, не Филеаса же Фогга, джентльмена, считать человеком будущего, не упертых полусумасшедших членов «Пушечного клуба», не капитана Гаттераса, достигающего своей цели ценой поистине ужасных жертв, и даже не капитана Немо, ведомого по жизни только чувством мести. Жюль Верн нашел героя, который четко знает, что именно ему надо. Героя, который строит жизненные планы, соотнося их с интересами окружающих его людей. Героя, который всегда рад поделиться своими личными находками и достижениями с любым, кто ведет образ жизни, подобный его собственному.

Вспомним, о чем мечтал на необитаемом острове Робинзон Крузо.

«Прежде всего, я объявил плененному мною дикарю, что его имя будет "Пятница", так как в этот день недели я спас ему жизнь. Затем я научил его произносить слово "господин" и дал понять, что это мое имя...

Теперь мой остров был заселен, и я считал, что у меня изобилие подданных...

Часто я не мог удержаться от улыбки при мысли о том, как я похож на короля.

Во-первых, мой остров был неотъемлемой моей собственностью, и, таким образом, мне принадлежало несомненное право господства. Во-вторых, мой народ был весь в моей власти; я был неограниченным владыкой и законодателем. Все мои подданные были обязаны мне жизнью, и каждый из них, в свою очередь, готов был, если бы это понадобилось, умереть за меня. Замечательно так же, что все трое были разных вероисповеданий: Пятница был протестант, его отец — язычник, испанец — католик. Я допускал в своих владениях полную свободу совести. Но это — между прочим...»

Да и с прощенными бунтовщиками все было просто.

«После здоровой порки они стали весьма порядочными и смирными людьми».

В общем, можно не продолжать. Такие мысли инженеру Сайресу Смиту просто не могли прийти в голову. Времена изменились. В

республиканской стране литература должна была утверждать новый подход к действительности. Робинзон Крузо, не раздумывая, продал мальчика Ксури, не раз спасавшего ему жизнь, за 80 серебряных восьмериков, а если и чувствовал иногда что-то похожее на угрызения совести, то так, мимоходом: «Мы нуждались в рабочих руках, и тут мне стало ясно, как неразумно я поступил, расставшись с мальчиком Ксури». Друзья м-плантаторам Робинзон часто рассказывал о своих поездках к берегам Гвинеи, о том, как там ведется торговля с тамошними неграми. «И как легко там за безделицу — за какие-нибудь бусы, игрушки, ножи, ножницы, топоры, стекляшки — приобрести не только золотой песок и слоновую кость, но даже в большом количестве негров-невольников для работы в Бразилии».

Новый герой Жюль Верна не похож на героя Даниеля Дефо.

Новый герой Жюль Верна не похож на мстителей Александра Дюма-отца.

Инженер Сайрес Смит — вот имя героя. А спутники инженера, оказавшиеся вместе с ним на необитаемом острове, — это прообраз не рабовладельческой колонии, а поистине будущего общества — дружного, не боящегося никаких трудностей, эффективно и быстро решающего любые проблемы. Это прообраз общества, в котором ни цвет кожи, ни уровень образования, ни свобода совести (между прочим) не могут помешать его развитию. Журналист Гедеон Спилет, верный слуга инженера негр, носящий невероятное имя Навуходоносор, никогда не унывающий матрос Пенкроф и, наконец, сын его друга — пятнадцатилетний Герберт Браун, — американцы, северяне, бывшие пленники южан, они бежали на воздушном шаре (а на чем же еще?) из оплота конфедератов Ричмонда.

К сожалению, штормовой ветер унес воздушный шар далеко в океан.

Так американцы оказались вне общества. И вот тут-то выясняется, что для *инженера* Сайреса Смита вообще не существует проблем. Меньше всего он надеется, как Робинзон, на то, что штормом вынесет на берег очередной разбитый корабль с уцелевшими на нем припасами. Он учит своих спутников с достоинством переносить лишения и строить жизнь самим, своими руками, ни на кого не полагаясь. Вот почему, начав с холодных, продуваемых всеми ветрами каменных Трущоб, колонисты острова Линкольна заканчивают великолепным Гранитным дворцом.

Жюль Верн с наслаждением (как и Дефо, впрочем) выписывает каждую деталь.

«В этот вечер колонисты, собравшиеся в центральной комнате, поужинали как следует. Наб приготовил суп из агути, а еще окорок дикой

свиньи, приправленный благовонными травами, и вареные клубни травянистого растения, которое в тропическом поясе разрастается в густой кустарник. Клубни, превосходные на вкус и очень питательные, напоминали продукт, который распространен в Англии под названием портландское саго. До некоторой степени он мог заменить хлеб, которого пока еще не хватало обитателям острова...»

Прямо идиллическая картина.

Но — соответствует действительности.

Обитатели острова Линкольна (так называли американцы свое пристанище) без чьей-либо помощи добыли огонь, смастерили мощные луки и стрелы для охоты. Не имея никаких специальных инструментов, они построили плавильную печь, кузнечные мехи, лодки, приручили диких муфлонов, изготовили взрывчатку для прокладки нового русла подземной реки, приспособили лифт для подъема в Гранитный дворец, наконец, электрический телеграф связал их пещеру с коралем. «Вымышленные герои Даниеля Дефо и Виса, все эти Селькирки и Рейналы, — сказал в одном интервью Жюль Верн, — никогда не попадали в столь ужасное положение. Все необходимое они обычно находили на своем разбитом корабле — и зерно, и домашних животных, и инструменты, и ружья, и запасы пороха и пуль. Они не оказывались безоружными перед лицом природы. Но у наших путников ничего такого не было».

И тогда они *сами* создали всё необходимое.

Потому что инженер Сайрес Смит — человек из будущего.

Он прагматичен и умен, он многое знает. Он окружен людьми, не склонными к унынию. Если моряк Пенкроф о чем-то скучает, то разве что о табаке. Но и это желание сбудется, потому что колонисты — все за всех, каждый за каждого. Сайрес Смит, может быть, первый и единственный герой Жюль Верна, которого действительно можно назвать *героем*. Не с большой буквы, не мифическим, не легендарным, а просто героем. Все остальные — просто мстители. Им, конечно, не помешает пара-другая верных рабов, неважно, какого вероисповедания. В отличие от них инженер Сайрес Смит любит и умеет *создавать*. Он глубоко убежден, что истинный прогресс — это прежде всего наши знания и наше умение распоряжаться ими. Он не разрушает, он строит. При этом, считает он, разумнее всего быть готовым к самому худшему. А все хорошее пусть окажется приятной неожиданностью.

Да, колонисты острова Линкольна всё делают сами, но если уж море (по желанию капитана Немо) выносит на берег некий ящик, то Жюль Верн с нескрываемым наслаждением (повторимся, как в свое время и Даниель

Дефо) берется за опись содержимого.

«При каждой новой находке Пенкроф кричал "ура", Герберт хлопал в ладоши, а Наб пускался в пляс. Тут были книги, которые могли свести Герберта с ума от радости, и кухонная утварь, которую Наб охотно покрыв бы поцелуями. Тут были инструменты, оружие, приборы, одежда...» Конечно, Жюль Верн не может удержаться и по устоявшейся привычке приводит весь список:

Инструменты:

3 ножа с несколькими лезвиями,
2 топора для рубки дров,
2 топора плотничьих,
3 рубанка, 2 тесла,
1 топор обоюдоострый, 6 стамесок,
2 подпилка,
3 молотка, 3 бурава,
2 сверла,
10 мешков винтов и гвоздей,
3 ручные пилы,
2 коробки иголок.

Приборы:

1 секстант,
1 бинокль,
1 подзорная труба,
1 готовальня карманная, 1 компас,
1 термометр Фаренгейта, 1 барометр металлический,
1 коробка с фотографическим аппаратом и набором принадлежностей
— пластинок, химикалий и т. д.

Одежда:

2 дюжины рубашек из особой ткани, похожей на шерсть, но, видимо, растительного происхождения,

3 дюжины чулок из такой же ткани.

Оружие:

2 ружья кремневых,
2 пистонных ружья,
2 карабина центрального боя,
2 капсюльных ружья,
4 ножа охотничьих, 12 коробок пистонов.

Посуда:

1 котел железный,

6 медных луженых кастрюль,
3 железных блюда,
10 алюминиевых приборов,
2 чайника,
1 маленькая переносная плита, 6 столовых ножей.

Книги:

1 Библия (Ветхий и Новый Завет),
1 географический атлас,
1 естественно-исторический словарь в шести томах,
1 словарь полинезийских наречий,
3 стопы писчей бумаги,
2 чистые конторские книги.

Колонисты своими руками возводят бревенчатый забор коралля, маскируют зелеными растениями внешние стены Гранитного дворца, охотно занимаются охотой и рыболовством, ставят плотину для мельницы.

«Ветряная мельница и украсит пейзаж», — простодушно утверждает Пенкроф.

Океан, теплое нежное дыхание земли. «Поднимаясь по внутренним стенкам вулканического кратера, инженер и Герберт заметили, что его отверстие над ними начинает расширяться. Участок неба, раньше ограниченный ровными краями конуса, стал значительно шире. С каждым шагом в поле зрения попадали все новые и новые звезды. В зените блистал чистым светом Антарес, а подле него бета Центавра. Затем, по мере расширения кратера, появилось созвездие Рыб, Южный Треугольник и, наконец, блистающий Южный Крест...»

Жюль Верн увидел все это из тихого провинциального Амьена.

«Было около восьми часов, когда Сайрес Смит и Герберт достигли верхнего гребня горы. Была ли неведомая земля окружена морем или примыкала с запада к какому-нибудь материку? Полоса облаков резко подчеркивала темноту, и взор никак не мог определить, сливается ли море с небом. Но вот на горизонте появилось бледное пятно света. Это был тонкий серп луны, уже готовый закатиться. Но света на этот раз оказалось достаточно, чтобы четко обрисовать линию горизонта.

Сайрес Смит огорченно сжал руку Герберта:

"Остров!"».

Что ж, колонисты ко всему готовы.

Они свободны, у них нет ни короля, ни главнокомандующего, ни покорных рабов, ни ропщущих подданных. После жаркого дня они любят отдохнуть под навесом из ползучих растений, которые собственноручно вырастил Наб. Они беседуют о текущих делах, строят планы, часто вспоминают родину. Как там развивается война между северянами и южанами? Кончилась ли она? Сдался ли, наконец, осажденный Ричмонд, из которого они бежали, генералу Гранту?

Спокойная жизнь, однако, не удастся.

С досадной периодичностью происходят странные события, объяснить которые обычными причинами трудно. В теле убитого пекари Пенкроф находит... дробинку, что, кстати, производит на колонистов не меньший эффект, чем след босой ноги, впервые обнаруженный на острове Робинзоном... У постели умирающего от лихорадки Герберта самым загадочным образом появляется пакетик с настоящим хинином... Захвативших Гранитный дворец вздорных и глупых обезьян кто-то силой изгоняет изнутри... Чуть ли не под ноги Набу море выносит бутылку с подмокшей запиской, из которой колонисты узнают, что на соседнем острове Табор живет некий потерпевший кораблекрушение человек...

Но человек ли?

«Взъерошенные волосы; густая борода, спускающаяся на грудь; почти обнаженное тело, прикрытое лишь тряпкой, обмотанной вокруг пояса; огромные страшные глаза; длиннейшие ногти; лицо цвета красного дерева; ступни, жесткие, будто покрытые рогом, — таков был облик жалкого создания, которое нужно было, однако, называть человеком. Право, можно было спросить себя: есть ли еще душа в этом теле? Или в нем живет только дикий инстинкт животного?»

Этцель не случайно возмущился этой пародией на человека.

Конечно, несчастного Айртона, бывшего пирата, колонисты спасают и возвращают ему человеческий облик, но при возвращении на свой остров сами теряют курс в ночном беспокойном море. И тогда на острове Линкольна вспыхивает спасительный сигнальный огонь...

Что за таинственные силы помогают колонистам?

На протяжении многих-многих страниц это остается тайной.

И только когда просыпается грозный вулкан, когда ужасные подземные

толчки начинают сотрясать остров, приходит по телеграфу, сооруженному все тем же неутомимым инженером Сайресом Смитом, странное приглашение: *следуйте по новому проводу*.

Следуя по невесть откуда взявшемуся новому проводу, колонисты попадают в подземный грот, ярко освещенный электрическими прожекторами. Здесь имеется затопленный выход в море, и здесь нашел последний приют «Наутилус» — подводный корабль капитана Немо.

Загадки разъясняются, романы объединяются в трилогию.

Умирая, капитан Немо открывается, наконец, инженеру Сайресу Смит.

Только ему он и мог открыться, потому что перед ним действительно стоит Созидатель. И он, этот Созидатель — инженер Сайрес Смит никого не преследует и никому не мстит.

«С десяти до тридцати лет, — узнаем мы из трагической исповеди капитана Немо, — индийский принц Даккар, одаренный блестящими способностями, выдающимся умом и благородной душой, поглощал всевозможные знания. Он многое успел узнать — как в науках, так и в литературе, и в искусствах. Он объехал всю Европу. Богатство и происхождение делали его желанным гостем для всех, но принц Даккар жестоко ненавидел Англию, и эта его ненависть была тем сильнее, что многое в Англии восхищало его. Он стал художником, ученым, дипломатом. Поверхностный наблюдатель мог бы принять его за одного из тех блестящих "граждан мира", которые хотят все знать, но не желают действовать, но это было не так...»

Принц Даккар возвращается в родной Бандельканд.

Там он женится на благородной индуске и растит детей.

Но в захваченной врагами стране спокойной жизни быть не может. И когда в 1857 году в Индии вспыхивает восстание сипаев, принц Даккар — в рядах борцов за свободу. В двадцати сражениях он получил множество ран, за голову принца англичане назначали высокую цену, но предателей не нашлось. Правда, отец и мать, жена и дети принца были жестоко убиты. Вот тогда-то он собрал свои огромные богатства и с двумя десятками самых верных товарищей уединился на необитаемом острове в Тихом океане. Там по его указаниям был построен необыкновенный подводный корабль, который называли «Наутилусом», а себе принц взял имя капитана Немо.

Капитан Никто. Он не хотел никакой известности.

Протестуя против всеобщего бесправия, бывший принц Даккар порвал все связи с человечеством. Он посчитал виновными всех. Тяжкие

страдания, которые одних делают Освободителями и Борцами, сделали принца Даккара Мстителем. Этот странный перекося замечают не все читатели, но он есть, и Этцель первым его почувствовал. Наше право наказывать, пусть даже и виновных, — кто нам его дает? Даже Робинзон Крузо, человек совершенно иной морали, задумывался над мерой своего вторжения в жизнь других людей.

С такой точки зрения таинственный польский подводник, борющийся с русскими кораблями, выглядит предпочтительнее индуса, борющегося сразу против всего человечества. Как это ни печально, но капитан Немо ничего не дает миру, он целиком замкнут на своих страданиях. Умирая, он даже «Наутилус» — чудо науки и техники — хочет забрать с собой. Он уверен, что вообще ничего не должен неблагодарному человечеству. «Прав ли я был или ошибался?» — вопрос остается открытым. По крайней мере, инженер Сайрес Смит не спешит дать на него ответ, хотя, в общем, мы догадываемся, каким он будет.

«Наутилус» затоплен.

Извержение вулкана уничтожает остров.

Но несчастных колонистов спасает паровая яхта «Дункан», которой теперь командует выросший сын капитана Гранта — Роберт.

Благодаря Этцелю хеппи-энд в романах Жюль Верна обязателен.

«Две недели спустя колонисты высадились в Америке.

Большая часть состояния, заключавшегося в шкатулке, которую капитан Немо завещал обитателям острова Линкольна, была истрачена на покупку обширного участка земли в штате Айова. Самую крупную жемчужину из этого сокровища преподнесли жене лорда Гленарвана в подарок от бывших колонистов, возвращенных на родину "Дунканом".

В своем хозяйстве Сайрес Смит и его товарищи предложили работу, то есть довольство и счастье, всем тем, кого они думали поселить на острове Линкольна. На этом участке земли возникла колония, названная именем острова, погибшего в волнах Тихого океана. Там были река Благодарности, гора, которую называли горой Франклина, маленькое озеро — озеро Гранта — и леса, названные лесами Дальнего Запада. Получился как бы остров посреди материка.

Под умелым руководством инженера и его товарищей колония процветала. Все обитатели острова Линкольна, без исключения, находились в этой колонии: они поклялись никогда не расставаться. Наб не покинул своего хозяина, Айртон всегда был готов пожертвовать собой, Пенкроф стал больше земледельцем, чем моряком, Герберт закончил курс наук под руководством инженера, а Гедеон Спилет даже основал газету

"Ньюлинкольнский вестник" — самый осведомленный печатный орган на земном шаре.

Сайреса Смита и его друзей несколько раз навещали лорд Гленарван и его жена, капитан Джон Мангле со своей женой — сестрой Роберта Гранта, сам Роберт Грант, майор Мак-Наббс и все те, кто имел отношение к истории капитана Гранта и капитана Немо.

Все были счастливы в новой колонии и жили так же дружно, как прежде. Но никогда не забывали они острова, который принял их, одиноких и бедных, и четыре года удовлетворял все их нужды, острова, от которого осталась только гранитная скала, омываемая волнами Тихого океана, — могила того, кто был капитаном Немо».

Пройдет не так уж много времени, и инженер Сайрес Смит и его единомышленники во всем мире построят технологическое общество, вооружат своих современников ракетами и орудиями, мощными авианосцами и «Наутилусами», сотрут с географических карт последние белые пятна, отправят космические корабли на Луну, развешат над планетой искусственные спутники. Инженер Сайрес Смит не будет комплексовать от неуверенности, как многие другие герои Жюль Верна, он не потратит свою жизнь на бесцельное мщенье, не растратит ее на поиски невероятных, но, в сущности, никому не нужных сокровищ, нет, он просто возьмется за переустройство мира. Нет нужных инструментов — сделаем! Не хватает специалистов — научим! Отсутствуют великие идеи — выдвинем! Ведь даже упрямый капитан Немо признался однажды: «Миру нужны новые люди, а не новые континенты!» Для инженера Сайреса Смита это не открытие, он сам — человек будущего. Именно такие люди отныне должны были населять книги Жюль Верна!

К сожалению, по разным причинам этого не случилось.

Вот и остаются в памяти читателей неистовый Робур-завоеватель, столь же сумасшедший изобретатель Рок, самые разные революционеры и утописты, все, как один, — Мстители. Совершенно справедливо XX век от них отмахнулся.

А Сайрес Смит и в XXI — с нами.

В 1875 году (еще в процессе написания «Таинственного острова») Жюль Верн задумал «настоящий русский» роман. Он и название ему придумал подходящее: «Михаил Строгов. Курьер царя», и первую главу назвал соответственно: «Бал в Большом Кремлевском дворце».

Роскошные, ярко освещенные залы переполнены танцующими парами. Вальсы, мазурки, польки без перерыва исполняются двумя военными оркестрами. Туалеты дам украшены драгоценностями, мундиры военных и гражданских сановников — орденами. Во всем — чрезмерность, чрезмерность, чрезмерность, поистине настоящая русская чрезмерность.

В письме Этцелю писатель, правда, признавался, что новый роман получается больше татарский и сибирский, чем собственно русский. События, происходившие в азиатской России, старался объяснить он издателю, всегда внушали европейцам тревогу. Еще более серьезные опасения вызывали они у русского царя. Наконец недовольные притеснениями царских чиновников кочевники Туркестанского ханства подняли восстание, постепенно охватившее всю Сибирь.

«Новое татарское нашествие? А почему нет? Имею же я право на писательский вымысел, — писал Жюль Верн недовольному таким поворотом сюжета издателю. — Почему известное нашествие татар на Нижний Новгород нужно считать более правдоподобным, чем описанное мной — на Иркутск?»

Полковник Иван Огарев, человек неукротимого характера и беспредельного честолюбия, однажды был предан военному суду, разжалован и сослан в Сибирь. Но разве такого удержишь? Конечно, он сбежал от стражи и возглавил многочисленные «туземные полчища» Бухары и Коканда, горя одной целью — освободить Сибирь от русского рабства.

Полковник умеет говорить с туземцами.

В свою очередь, туземцам нравится неистовость полковника.

«Это был бухарский конный отряд, — не жалел красок Жюль Верн. — Кафтаны опоясаны ремнями, сапоги желтой кожи с загнутыми носками, высокие бараньи шапки. Каждый вооружен кривой саблей, кинжалом и ружьем, привязанным к луке седла. Кони татарской породы были невелики, зато чрезвычайно выносливы...»

Вот и мчится в Иркутск специальный курьер царя Михаил Строгов с

предписанием — немедленно принять меры. Высокий рост... Мощная фигура... Открытый взгляд... Красивые синие глаза... На груди — Георгиевский крест... При этом Михаил Строгов — настоящий сибирский уроженец и превосходно знает эти края. «Когда Михаилу было только четырнадцать лет, он собственноручно убил медведя и, содрав с него шкуру, принес домой».

Меня лошадей, царский курьер стремительно скачет через Владимир и Нижний Новгород, переплывает Волгу и Каму, минует хмурые Уральские горы, затем перебирается на лодках и паромах через Tobol и Иртыш, Томь и Енисей и выходит, наконец, к Байкалу.

«Озеро Байкал, — привычно сообщает Жюль Верн читателю, — лежит на тысячу семьсот футов выше уровня моря. Длина его около девятисот, ширина — около ста верст. Глубина до сих пор неизвестна. Основываясь на рассказах местных моряков, госпожа Бурбулон в своих записках передает нам, что Байкал любит, когда его называют морем. Если его называют озером, он непременно раздражается бурями. Но не бывало пока так, чтобы кто-нибудь из русских утонул в нем...»

И далее: «Байкал дает начало одной только реке Ангаре, протекающей мимо города Иркутска и впадающей затем в реку Енисей немного выше города Енисейска. Горы, опоясывающие его, составляют часть громадной горной системы Алтая...»

Типичный бедкер. И приключения соответствующие.

Сибирские волки быстро почуяли легкую добычу и атаковали людей.

«Женщины и дети собрались посредине парома, а мужчины, вооруженные кто шестом, кто ножом, кто просто дубиной, встали по краям, чтобы не подпускать близко зверей. Ни одного человеческого крика не было слышно, только злобный вой оглашал воздух. Михаил Строгое взял кривой нож и, растянувшись на краю плота, бил волков куда попало. Журналисты не отставали от него. Защита велась храбро и неутомимо. Но главное, — все совершалось в глубоком молчании, несмотря на то, что многие из мужчин были серьезно ранены».

К сожалению, волки всё прибывали и прибывали.

Они бежали к парома «целыми сотнями».

«Сведения эти я почерпнул не в старинных книгах, — оправдывался Жюль Верн перед издателем, — а у Рюсселя Килланга, совершившего свое путешествие по России в 1860 году».

Все же думается, что подобные сведения писатель черпал не столько у Рюсселя Килланга, сколько у Александра Дюма-отца, любившего уснащать свои описания невероятными выдумками.

«В русскую тройку сажают трех-четырех охотников с двустволками, — писал Александр Дюма-отец о своих приключениях в России. — Тройка — это любой экипаж (дрожки, кибитка, коляска или тарантас), запряженный тремя лошадьми; название идет от упряжки, а не от его формы. Из этих трех лошадей коренная всегда должна идти рысью, те же, что справа и слева от нее, — галопом. Коренная идет рысью, нагнув голову, и зовется снегоедом, а боковые идут галопом, отвернув головы, одна — направо, другая — налево, оттого их называют бешеными. Таким образом, тройка несется, закусив удила, и смотрится настоящим раскрытым веером. Правит ею кучер, в котором все уверены, хотя вряд ли в мире сыщется кучер, на которого можно положиться. Позади веревкой или цепью, чтобы прочнее, привязывают подсвинка. Веревка или цепь должны быть в длину не менее десятка метров. Поросянок нежит в экипаже до леса, при въезде в который решено начать охоту. Там его ссаживают, и кучер пускает коней вскачь, и они несутся, коренная — рысью, боковые — галопом. Подсвинок, мало приспособленный к подобному способу передвижения, испускает жалобные вопли, переходящие скоро в непрерывные стенания. На эти стенания наостряет свой нос первый же волк и бросается в погоню за свиньей, за ним — два, затем три волка, и десять, и пятьдесят волков. Они грызутся из-за поросенка, бьются за право приблизиться к нему, стараясь достать его, одни — когтями, другие — клыками. Стенания бедного животного переходят в отчаянный визг. Он будоражит волков в самых отдаленных лесных глубинах. В конце концов, сбегаются волки со всей округи, и тройка оказывается преследуемой этим волчьим полчищем. Вот почему важно иметь хорошего кучера»^[38].

Ссылка на Килланга не могла успокоить Этцеля.

Но, с другой стороны, не на Флетчера же ссылаться. И не на Николая Варкоча. И не на отчеты ганзейского посольства, отправленного в XVII веке в Нижний Новгород. И не на отчеты А. Роде и других подобных ему путешественников и посланников, когда-то побывавших в России. Дж. Флетчер, например, утверждал, что «Волга берет начало у корня ольхового дерева в 200 верстах от Ярославля», а Роде описывал огромную злобную щуку, обитавшую в одном безымянном русском озере. Щука беспощадно пожирала всех людей и животных, рискнувших приблизиться к берегу, пока ее, наконец, не поймали на маленький якорь, к которому был привязан теленок...

Впрочем, Этцеля больше беспокоил *царский* курьер.

«Досадно, — негодовал на его опасения Жюль Верн, — что наша цензура цепляется ко всем моим определениям. Вот Тургенев знает Россию

гораздо лучше всех этих господ, но не усмотрел в романе ничего предосудительного».

С Тургеневым Жюль Верн был знаком, они не раз встречались в Париже.

Действительно, Иван Сергеевич не сделал никаких особенных замечаний по прочитанному роману, разве что указал на некоторую наивность придуманного Жюлем Верном «туркестанского» восстания. Узнав об этом, осторожный Этцель показал рукопись еще и русскому послу в Париже — князю Орлову, но тот от рукописи попросту отмахнулся. Подумаешь, волки! Главное, чтобы государственный преступник был наказан, а дикое восстание усмирено.

Романы «Вокруг света в восемьдесят дней», «Таинственный остров» и «Михаил Строгов» невероятно укрепили популярность писателя. Александр Дюма-сын даже выставил кандидатуру Жюль Верна в академию. Впрочем, сам Жюль Верн в успех начатого дела не поверил, ему не хотелось терять время на хлопоты, как он считал, «унизительные и бесперспективные». «Сорок бессмертных», писал он Этцелю, и пальцем не шевельнут, чтобы ввести его в свой узкий круг. Они даже «своего» Эмиля Золя регулярно проваливают. «А мои книги академики считают приключенческими, а это уже — знак отверженности». И не играет тут никакой роли то, что известный французский критик Мариус Топен только что включил очерк о Жюле Верне в книгу «Современные знаменитости», а в Лондоне появилась хвалебная статья Роберта Льюиса Стивенсона и многие романы давно переведены в Англии, в Испании, в России...

Впрочем, были и радостные события.

Весной 1876 года Жюль Верн приобрел новую яхту. Она была оснащена паровой машиной, но могла ходить и под парусами.

Жюль Верн назвал яхту «Сен-Мишель II». Он был уверен, что совершит на ней множество прекрасных путешествий. Правда, радость писателя омрачило известие из Парижа: 8 июня в замке Ногана скончалась знаменитая писательница Жорж Санд. Она всегда относилась к произведениям Жюль Верна доброжелательно. Писателю передали слова одного из крестьян замка, который принес на могилу Жорж Санд красивый венок. «Этот венок — от крестьян, — сказал он. — Я возлагаю его на могилу именно от лица крестьян, а не от лица бедных. По ее милости у нас бедных не было».

В начале 1877 года в «Журнале воспитания и развлечения» начал печататься роман Жюль Верна «Гектор Сервадак. Путешествие и приключения в околосолнечном мире».

Неизвестная астрономам комета, по касательной зацепив Землю, вырвала из нее весьма приличный кусок и унесла в пространство, — с большей частью Средиземного моря, с низкими алжирскими берегами, с несколькими островами, с Гибралтарской скалой. Некоторое количество русских, испанцев, французов, маленькая итальянская девочка, наконец, несколько английских офицеров — новая планета оказалась не очень-то населенной.

Впрочем, на национальных чувствах героев это не сказалось.

Когда английский майор Энейдж Финч Мэрфи высокомерно переспрашивает французского капитана Гектора Сервадака: «Вы сказали — Алжир? А-а-а... Французская колония, если не ошибаюсь?..» — тот вкладывает в ответ не меньше язвительности: «Французская! Исконно французская!» И не без удовольствия сообщает, что, кажется, исчез с лица земли остров Мальта. «Едва ли возможно такое исчезновение», — холодно не верит капитану майор. «Это почему же?» — «Мальта — английский остров».

Этим всё сказано.

Эпоха колониальных владений.

С непоколебимым упорством майор Энейдж Финч Мэрфи и сэр Джон Темпл Олифент ждут инструкций и приказов из британского Морского министерства. Не важно, что самой Британии уже нет. Защищать вверенные ему территории — на этом стоял и будет стоять любой представитель королевы Виктории. Когда капрал Пим, учитывая, что день отныне длится всего шесть часов, спрашивает майора: а будет ли теперь положено рядовым, как раньше, получать пищу четыре раза в день или же следует ограничиться двумя разами? — бригадир отрезает: «Стихийные явления, капрал, бессильны перед воинским уставом! Вы и ваши солдаты будете получать пищу четыре раза в день, каждые полтора часа. Англия достаточно богата, чтобы приспособиться к любым законам вселенной!»

Невольным отводом для всех этих резких межнациональных страстей является прижимистый и скрытный торговец Исаак Хаккабут — истинный Гобсек, пытающийся выгадать везде, даже здесь, на новой планете.

Колонисты Галлии (так новую планету назвал полусумасшедший ученый Пальмирен Розетт) все время натываются на жадность и недоверие профессионального торговца. Из-за безмена, на котором Хаккабут намеренно сместил указатель веса, совершает роковую ошибку в своих расчетах Пальмирен Розетт. Из-за него, Хаккабута, постоянно возникают какие-то перепалки. Вообще всё на Галлии идет кувырком. Небо постоянно обложено тучами, солнце восходит на западе, вода закипает при шестидесяти пяти градусах.

Самое время объявить себя генерал-губернатором Алжира!

Решительный французский капитан Гектор Сервадак так и поступает.

Поразительно, как много будут черпать у Жюль Верна писатели XX века.

Из невероятных подземных приключений профессора Лиденброка вырастут впоследствии романы В.А. Обручева «Плутония» (1915) и «Затерянный мир» (1912) Артура Конан Дойла. Мы здесь называем самые известные. «Страна мехов» вызовет к жизни «Архипелаг исчезающих островов» (1949) Л. Платова и «Землю Санникова» (1922) того же В.А. Обручева. От «Гектора Сервадака» отпочкуются «Отравленный пояс» (1913) Конан Дойла, «В дни кометы» (1906) Герберта Уэллса, «Атавия Проксима» (1956) Лазаря Лагина. Вспомним и «Союз пяти» (1924) Алексея Толстого. «На юго-западе, над океаном, из-под низу туч, идущих грядями, начал разливаться кроваво-красный неземной свет, это хвостом вперед из эфирной ночи всходила комета Биелы...»

Роман о бравом французском капитане написан в сдержанной манере. Никаких скучных и подробных описаний формы носа, походки, цвета глаз, здоровых и нездоровых привычек.

Напротив, всё ясно и коротко.

«Годовой доход: 1200 франков ренты...

Срок службы: 14 лет 3 месяца и 5 дней...

Служба и боевые походы: училище Сен-Сир — 2 года...

Военно-инженерное училище — 2 года...

87-й линейный полк — 2 года...

3-й стрелковый полк — 2 года...

Служба в Алжире — 7 лет...

Поход в Судан...

Поход в Японию...

Награжден орденом Почетного легиона...»

Британский майор Мэрфи, утвердившийся на Гибралтарской скале, так объясняет сложившуюся ситуацию настырному французу: «Вы находитесь на земле, принадлежащей Англии по праву завоевания и являющейся ее фактическим владением с тысяча семьсот четвертого года, по праву, узаконенному Утрехтским договором. Конечно, Франция и Испания в тысяча семьсот двадцать седьмом, в тысяча семьсот семьдесят девятом и в тысяча семьсот восемьдесят втором годах пытались это оспаривать, но безуспешно. Как ни мал остров, он навсегда такая же часть Британии, как Трафальгарская площадь».

Надо отдать должное Жюлю Верну: он прекрасно популяризирует свои идеи.

«— А теперь, — произнес бригадир, — пора произвести торжественный салют согласно уставу.

— Согласно уставу, — повторил майор.

На зов офицеров явился капрал Пим с еще не обсохшими от утреннего бренди губами.

— Капрал Пим, — начал бригадир, — сегодня у нас восемнадцатое февраля, если придерживаться доброго британского летоисчисления, а его должны придерживаться все истинные англичане.

— Так точно, ваша честь, — ответил капрал.

— Сегодня, стало быть, юбилей королевского дома. Капрал вытянулся

и отдал честь.

— Капрал Пим, — продолжал бригадир, — приказываю произвести пушечный салют, дав двадцать один выстрел.

— Слушаюсь, ваша честь.

— Да вот еще что, капрал, — добавил бригадир. — Присмотрите по возможности, чтобы ни у кого из канониров не оторвало руку!

— По возможности, ваша честь, — ответил капрал, не желая брать на себя больше, чем положено.

Из множества орудий, которые прежде защищали форт, осталась только одна двухсотсемидесятимиллиметровая пушка, заряжавшаяся с дула. Это была огромная машина, и, хотя обычно салют производили из пушек меньшего калибра, на сей раз пришлось пустить в ход именно орудие, представлявшее, собственно, всю артиллерию острова. Отдав распоряжение орудийной прислуге, капрал Пим отправился в блиндированный редут с косой бойницей, где стояла пушка. Сюда поднесли порох в количестве, потребном для двадцати одного выстрела. Само собой разумеется, стрелять должны были холостыми зарядами.

На церемонию явились бригадир Мэрфи и майор Олифент в парадной форме и в шляпах с плюмажем. Пушку зарядили по всем правилам, предписываемым "Руководством для артиллериста", и загредел праздничный салют. После каждого выстрела капрал Пим, как ему было приказано, проверял, закрыт ли запал в пушке, чтобы она не выстрелила раньше времени и не обратила руку канонира в метательный снаряд, как нередко случается на парадах. Правда, на сей раз обошлось без происшествий.

Нужно, однако, заметить, что сейчас при уменьшившейся плотности воздуха выделившиеся из пушечного жерла газы вызвали более слабое сотрясение, чем шесть недель тому назад, отчего и выстрел прогремел не столь оглушительно, как обычно. Офицеры остались недовольны. Скалистые ущелья больше не откликались многозвучным эхом, превращая сухой треск выстрела в раскаты грома. Не слышно было того мощного гула, который прежде в неразрезанном воздухе разносился далеко кругом. Разумеется, самолюбие английских офицеров, готовившихся достойным образом отметить юбилей королевского дома, было несколько уязвлено.

Один за другим раздались двадцать выстрелов.

Когда канонир хотел зарядить пушку в двадцать первый раз, бригадир Мэрфи жестом остановил его.

— Возьмите-ка боевой снаряд, — сказал он. — Любопытно посмотреть, какова будет сейчас дальноточность.

— Это будет испытанием орудия, — подхватил майор. — Вы поняли, капрал?

— Слушаюсь, ваша честь, — ответил капрал Пим.

Солдат подкатил на тачке снаряд весом не менее 200 фунтов, обладающий дальностью полета около двух лье. Наблюдая в подзорную трубу за полетом такого ядра, можно было легко проследить место его падения в море и сделать приблизительный расчет дальноточности огромного орудия в новых условиях.

Пушку зарядили, установили ствол под углом в сорок два градуса, чтобы увеличить траекторию полета ядра, майор скомандовал, и раздался выстрел.

— Святой Георгий! — вскричал бригадир.

— Святой Георгий! — воскликнул майор.

Оба возгласа прозвучали одновременно. Оба офицера застыли, разинув рты и не веря своим глазам. Проследить полет снаряда, на который сила притяжения теперь влияла гораздо меньше, чем на земной поверхности, оказалось невозможным. Даже через подзорную трубу нельзя было установить место падения снаряда.

Значит, он явно перелетел линию горизонта.

— Свыше трех лье! — сказал бригадир».

А комета Галлия продолжает нестись по орбите вокруг Земли.

Еще лет пять назад Жюль Верн, наверное, увлекся бы красочными описаниями планет Солнечной системы, в этом он и самого Камиля Фламариона^[39] заткнул бы за пояс, но сейчас в «межпланетном» романе его занимает не столько сама комета, сколько ее невольные обитатели.

Да, Галлия невелика, население ограничено.

Но каждый жил и продолжает жить своими давно сложившимися представлениями.

От Бен-Зуфа, беспечного ординарца французского капитана (родившегося, кстати, в Париже и обожающего Монмартр), только и слышно: «Эти подлые бедуины!» А любимая песенка Бен-Зуфа — походная:

На заре блещут штыки —
Оставляем мы квартиры.
Эй, вперед, вперед, зефиры,
Африканские стрелки!

У русских матросов желание одно: всегда следовать за своим барином.

Испанцы только и думают, как бы дороже загнать свой клочок земли англичанам.

А французы молодцы. Они пекутся об одном: как можно больше расширить сферу своего влияния.

Несколько материков или два крошечных островка, пять миллиардов населения или 36 человек — это не имеет значения, невольные граждане Галлии борются за свое. Они, к сожалению, не единое человечество, о котором так будет тосковать Уэллс, они всего лишь обломки человечества. Только Исаак Хаккабут не ломает над происходящим голову. Он родился в Кёльне, значит, не столько даже еврей, сколько пруссак (а пруссакам Жюль Верн до конца жизни не доверял). Да и за что вообще уважать пруссака? Он по определению — лжец, трус, скряга, он способен на любую подлость. В принципе, колонисты Галлии могли бы и не платить за товары подлого Хаккабута, а просто отобрать их, но ведь они... не пруссаки!

Добавим к сказанному, что феноменально эгоистичный ученый

Пальмирен Розетт (кстати, бывший учитель Гектора Сервадака в Сен-Сирском военном училище) однозначно считает Галлию своей личной собственностью.

«Здесь хорошо, — говорит он Гектору Сервадаку. — Здесь так хорошо, что, если бы это зависело от меня, Галлия никогда бы не вернулась к Земле».

Но по спиральной орбите комета вновь приближается к Земле.

«Родная планета была теперь обращена к Галлии тем полушарием, на котором находится европейский материк. В ярком свете утра легко было узнать очертания каждой страны. Вот Англия, похожая на леди, шествующая к востоку в платье со смятыми складками и с затейливой прической из островов и островков... Вот Скандинавский полуостров, будто лев, яростно бросающийся на Европу из своих белых ледяных просторов... Вот Россия — огромный полярный медведь, опирающийся огромной мощной левой лапой на Турцию, а правой — на Кавказ... Вот музыкальная Австрия, свернувшаяся в клубок... Вот Испания, развевающаяся, как боевой флаг, с Португалией вместо древка... И Турция — точно сердитый петух, цепляющаяся одной ногой за азиатский берег, а другой удушающая несчастную униженную Грецию... И Италия — изящный сапожок, жонглирующий Сицилией, Сардинией и Корсикой... Наконец, Пруссия — чудовищный топор, нагло и глубоко всаженный в германскую империю и частично задевший Францию своим лезвием...»

На одном из заседаний Амьенской академии Жюль Верн прочел собравшимся свою давнюю (1851) юношескую комедию в стихах — «Леонардо да Винчи».

Замечательный художник пишет портрет.

Он передает чудесный румянец сидящей перед ним красавицы.

Он передает всю прелесть ее взгляда, поворот головы, обнаженную шею, тонкие пальцы позирующей красавицы. Леонардо до глубины души восхищен юной моделью, и она им, несомненно, увлечена. Она уже бросает горящие взгляды... улыбка ее полна значения...

И Леонардо взволнован.

Он уже готов ответить, но...

Он замечает браслет Моны Лизы!

Какая необычная чеканка! Какой чудесный узор!

Леонардо мгновенно обо всем забывает. Он не смотрит на глаза и губы красавицы, он пишет ее необычный браслет, но в зал неожиданно входит незнакомец. У него ужасное, изуродованное шрамами лицо, он всем внушает отвращение.

Но для истинного художника всё прекрасно.

И Леонардо переключается на этого незнакомца.

Вот идеальный Иуда для задуманной им «Тайной вечера»...

В 1874 году появились первые большие обзоры творчества Жюль Верна.

Л. Дюбуа — во французском журнале «Ревю де Бретань» и Г. Хоннекер — в немецком журнале «Наше время».

Но обзоры эти практически не были замечены во всеобщей суете готовящейся к открытию Всемирной выставки.

Открылась Парижская выставка 1 мая 1878 года.

Все Марсово поле — от Йенского моста до Военной школы — было занято выставочными киосками, а на противоположном берегу Сены поднялся дворец Трокадеро. Высокие арки, башни в нормандском стиле, чудесный белый песчаник, красный кирпич. Фасад Дворца промышленности украсили 22 «статуи власти» — аллегорические скульптуры, представлявшие 22 страны, которые Франция официально признала странами, оказывающими значительное влияние на развитие обстановки во всем мире. Правда, отсутствовала статуя Германии. А Индия была представлена как часть Британской империи. Это никого, кроме немцев и индусов, не смущало.

Гидравлические насосы неустанно перекачивали воду из Сены во все концы экспозиции; та же вода приводила в действие лифты башен дворца Трокадеро и вставала волшебными фонтанами над большим бассейном.

Рядом с Йенским мостом протянулись залы Морского павильона, машиностроительной фирмы «Крезю», испанской мануфактуры, павильоны Монако, Китая, Японии, египетский и персидский киоски, многочисленные рестораны. В гигантском аквариуме резвились живые акулы и осьминоги — мир капитана Немо. Открытие выставки украсил торжественный парад — Франция хотела показать всем европейским соседям свою быстрорастущую военную мощь. Маршал Мак-Магон, президент страны, стоял по стойке смирно все время, пока исполнялся специально написанный для этого случая марш Шарля Гуно «Да здравствует Франция». Правда, на церемонии открытия не прозвучало обязательное обращение к верующим. Это до глубины души ужаснуло Онорину, но нисколько не тронуло Жюль Верна. Он считал себя верующим католиком, но предпочитал говорить и слышать о науке. Не обращая внимания на зевак, писатель бродил по залам, посвященным новейшей технике. Изучал телефон Александра Белла (1847—1922), удивительный алюминиевый

моноплан дю Тампля (1823—1890) с паровой машиной и тянущим воздушным винтом, многочисленные изобретения Томаса Эдисона (1847—1931). Кстати, фонограф Эдисона, о котором парижские газеты в те дни писали, что из-за него мировая опера скоро лишится смысла, а теноры — работы, странным образом определит в будущем сюжет романа «Замок в Карпатах»...

Пишущие машинки...

Швейные машинки «Зингер»...

Печатающий метеорограф Теорелля...

Машина, выпускающая 10 тысяч папирос в день...

Огромный привязной аэростат Жиффара...

Паровой молот весом 80 тонн...

Резиновые шины для фур...

А в главном павильоне выставки под высоким куполом на почти невидимой проволоке медленно раскачивался громадный глобус — маятник Фуко. (Онорину, впрочем, больше привлекли роскошная коллекция бриллиантов принца Уэльского и драгоценности французской короны.)

В честь открытия Всемирной Парижской выставки площадь Оперы и прилегающие к ней бульвары были залиты «русским светом» — электрическими дуговыми лампочками Павла Яблочкова (1847—1894). Одна часть русского павильона была устроена как крестьянская изба с крошечными оконцами, другая — как просторный губернский дом, третья — как Кремль с его узкими и высокими окнами. Волшебную византийскую сказку осовременивали многочисленные экспонаты с нижнетагильских заводов купца П. Демидова (1839—1885), Иркутского графитового завода И. Алибера (1820—1905), заводов Гужона (1852—1918). Русский изобретатель Н.Н. Бенардос (1842—1905) прямо в выставочном зале с удовольствием демонстрировал посетителям новый способ соединения разных металлов с помощью электрической дуги. Золотую медаль получила знаменитая водка П. Смирнова. Были выставлены скульптуры М. Антокольского (1843—1902), картины И. Крамского (1837-1887), И. Репина (1844-1930), В. Перова (1833-1882), И. Шишкина (1832-1898), А. Саврасова (1830-1897), А. Боголюбова (1824-1896), И. Айвазовского (1817-1900), А. Куинджи (1841-1910)...

Амьен нравился Жюлю Верну.

Зеленые парки... Набережная... Библиотека...

Конечно, Онорина предпочла бы Париж, но ей Амьен тоже нравился.

Она родилась здесь. Она здесь выросла. И теперь, вернувшись, нашла удовольствие, в некоторой степени заменявшее ей парижские развлечения: она поражала родственников, друзей и знакомых хорошо продуманными приемами и знаменитым мужем. Отношения их были далеки от совершенства, но внешнюю пристойность им все-таки удавалось соблюдать.

В стенах Амьенской академии Жюль Верн прочел очередную свою фантастическую работу «Идеальный город. Амьен в 2000 г. н. э.». (В 1875 году очерк появился в «Амьенской газете», а потом и в Париже — в издательстве Жене.)

Опять XX век...

Далекий, недостижимый...

«Дамы и господа! — начал выступление Жюль Верн. — Сегодня 12 декабря 1875 года позвольте мне пренебречь моими обязанностями директора Амьенской академии и заменить традиционную речь об окружающем нас мире рассказом о совершенно необыкновенном приключении, случившемся со мной...»

Шутка Жюлю Верну удалась.

Слушали писателя, затаив дыхание.

«У меня стародавняя привычка вставать на рассвете. Но по какой-то непонятной причине на этот раз я проснулся очень поздно. Солнце уже было в зените, стояла чудесная погода.

Я широко открыл окна. Бульвар был заполнен гуляющими, как в воскресный день, хотя я отлично помнил, что сегодня среда. Я быстро оделся, позавтракал и вышел на улицу...»

К изумлению писателя, знакомый город за одну ночь разительно изменился.

Исчезли старые каменные дома, выросли совершенно новые кварталы, обрамленные прекрасными тенистыми садами и бульварами. Конечно, массивный железнодорожный мост остался на месте, но к нему теперь вели не привычные козьи тропки, как прежде, а широкое шоссе, вымощенное плитками из порфира. Всматриваясь в прохожих, Жюль Верн не увидел

знакомых лиц, но ему понравились роскошные кафе, заполненные веселой, празднично разодетой публикой. Пили кофе, просматривали газеты, слушали музыку.

О эта музыка! «И в этой области все изменилось. Никакого музыкального ритма, никакого темпа! Ни мелодии, ни гармонии! Какая-то звуковая алгебра! Триумф диссонансов! Звуки, подобные тем, какие производят оркестранты до того, как прозвучат три удара дирижерской палочки! Но слушатели аплодировали с таким энтузиазмом, словно приветствовали ловких гимнастов.

— Не иначе как это музыка будущего! — невольно воскликнул я. — Неужели я нахожусь за пределами настоящего?

Об этом нельзя было не подумать, так как, подойдя к афише, на которой были перечислены программные вещи, я прочел поистине потрясающее заглавие: "№ 1. Размышление в миноре о квадрате гипотенузы"».

Вот они — технические достижения Эдисона!

Странная звуковая алгебра одновременно транслировалась не только на новый Амьен, но и на весь мир — на Лондон, Санкт-Петербург, Вену, Рим, Берлин, Пекин, Токио. «Невольно подумаешь, что такое возможно только для обитателей Клермонского сумасшедшего дома. Но маэстро Пиановский, чей концерт я услышал, действительно играл в этот час в Париже — в чудесном зале Герца, а бесчисленные провода соединяли его гениальный инструмент с такими же электрическими инструментами других далеких городов мира».

Амьен будущего!

Никаких тупиков, никакой тесноты.

Всё в городе изменилось. Даже отношение врачей к своей профессии.

«Наши пациенты платят нам только тогда, когда они здоровы, а если заболевают, мы не получаем ни одного су. Поэтому мы нисколько не заинтересованы в том, чтобы пациенты болели...»^[40]

А вот лицей — в нем обучается четыре тысячи человек.

Никакой зубрежки! К черту латынь и древнегреческий! К черту старое образование! Глубокие научные и технические знания, вот что следует давать современным молодым людям! Управлять электрическим трамваем сложнее, чем фыркающей лошадью, влекущей фиакр, это все понимают. Управлять мощными центробежными насосами, подъемниками, сельскохозяйственными машинами — сложнее, чем трамваями. Так что пора понять: будущее — это всегда усложнение.

К счастью, давно миновало время, когда 16 франков, отданные за сочинения Шекспира, пусть и «хорошо переплетенные, в издании Шарпантье», серьезно подрывали бюджет пишущего молодого человека. Этцель сдержал все свои обещания: гонорары, выплачиваемые им, изменили жизнь писателя.

Однажды Жюль Верн объявил о костюмированном бале.

Конечно, Амьен был заинтригован, а сам Жюль Верн не без некоторого смущения так объяснял ситуацию Этцелю: «Раз уж живешь с провинциалами, приходится подлаживаться под их нрав. Я хотел доставить жене огромное удовольствие...»^[41]

Увы, удовольствия не получилось.

«Семьсот приглашений разослано, триста пятьдесят принято».

Гремела музыка, взлетали над садом великолепные фейерверки. Гости целыми толпами появлялись в саду в удивительных костюмах моряков, пиратов, принцесс, дикарей, рудокопов, воздухоплателей, генералов, сенегальских стрелков, но та, которой бал этот был посвящен, участия в празднике не принимала.

Она лежала в спальне, прислушивалась к музыке и не могла подняться.

«Увы, — огорченно писал Жюль Верн Этцелю. — Онорина так неожиданно заболела. Я просто в отчаянии. Сами понимаете, что-либо отменять было поздно, а устроить такого рода бал в Амьене еще раз... нет, увольте... это невысказано! И это очень жаль. Вы же знаете, я занимаю в Амьене нейтральное положение, потому мне и удалось собрать у себя поистине блестящее общество; ни одному политическому или промышленному деятелю такое бы не удалось. Денег потрачена тьма. Гости приехали даже из соседних городов, даже из Парижа...»

Сюзанна Лефевр, дочь Онорины, выступила в роли хозяйки.

«Так разбиваются сердца, — огорченно сообщал Жюль Верн Этцелю. И в который раз объяснял: — Я ведь и дал этот бал по той причине, чтобы моя жена и ее дети могли иметь в городе высокое положение, которого они заслуживают. Ну, все-таки теперь их выход в свет состоялся. Хотя, наверное, понимаете, что я сам лично эти четыре тысячи франков потратил бы иначе, скажем, на путешествие...»

К сожалению, Онорина чувствовала себя все хуже.

Кровотечение, открывшееся у нее, врачи никак не могли остановить.

Пришлось прибегнуть к переливанию крови — операции рискованной, даже героической по тем временам. Оплатил операцию, как ни странно, Жорж Лефевр — муж Сюзанны. Он же написал Этцелю: «Теперь мы, наконец, надеемся... Бедный муж (это он о Жюле Верне. — Г. П.) находится в ужасном состоянии. Ему не хватило сил написать Вам, и он поручил эту нелегкую миссию мне...»

«Онорина чувствует себя очень плохо, — все-таки написал Этцелю и Жюль Верн. — Для нас ее состояние безнадежно, хотя врачи говорят, что надежда остается. Огромная потеря крови привела Онорину на грань опаснейшей анемии. Переливание крови вроде бы удалось, но на всякий случай ее соборовали...»

И деловая приписка: «Мой брат завтра возвращается в Париж. Он доставит Вам рукопись второго тома "Солнечного мира" (роман «Гектор Сервадак». — Г. П.). В нем осталось поправить стиль...»

К счастью, Онорина выздоровела.

Решено было на время перевезти ее в Нант — к родителям Жюля Верна.

Дома, к сожалению, в эти дни постоянно сохранялась нервная обстановка. Капризы Мишеля стали поистине невыносимыми. «В последнее время он как с цепи сорвался, — писал Этцелю Жюль Верн. — Влипает в некрасивые истории, устраивает отвратительные скандалы, без разбора занимает и тратит деньги. Моего сына обуяла какая-то дьявольская гордыня. Он не уважает никого. Он глух к любым замечаниям. Наверное, я вынужден буду пойти на крайние меры...»

Крайние меры действительно были приняты.

По совету господина Бланшара, директора исправительной колонии в Метре, отчаявшийся писатель на целых восемь месяцев отправил сына в указанное заведение...

Но работу Жюль Верн не прекращал ни на один день.

«Если мистер Джемс Старр соблаговолит явиться на рудники Эберфойла, то ему будет сделано сообщение, которое не может его не заинтересовать» — такой загадочной запиской начинался роман «Черная Индия».

Эберфойл — это старая, чрезвычайно разветвленная система подземных штолен, штреков, вертикальных и горизонтальных ходов. Когда-то здесь работали сотни, многие сотни шахтеров. Именно Эберфойл — «Черная Индия» — позволял местному населению жить безбедно. Но запасы каменного угля со временем истощились, и теперь инженер Джемс Старр должен выяснить, действительно ли «Черную Индию» следует закрыть навсегда. Оппоненты у него есть. Например, опытный горняк, мастер Симон Форд, помогающий инженеру, убежден, что шахта может еще приносить доход.

Герои спускаются под землю. И вот здесь их ждут всяческие сюрпризы.

То под ногами появляется записка-предупреждение: «Инженеру Джемсу Старру незачем беспокоиться»... То с невидимого свода вдруг без всяких причин рушится огромный камень... То кто-то замуровывает цементом трещины, из которых сочится рудничный газ — лучший показатель того, что далеко не все пласты еще выработаны... А в критический момент рядом с умирающими от жажды Старром и Фордом загадочным образом оказывается фляжка с чистой водой... Если это дело рук неуловимого загадочного духа шахты, о котором тайком перешептываются местные горняки, то действует этот загадочный дух крайне противоречиво: с одной стороны, активно мешает исследователям, с другой стороны, спасает их.

Впрочем, ничего удивительного, — ведь дух оказывается человеком.

Пусть одичавшим, пусть полубезумным, но человеком. В бесконечных подземных блужданиях несчастного сопровождают ужасная гарфанг (белая полярная сова. — Г.П.) и девушка-сирота, которую этот безумец когда-то спас и вырастил в своем подземном мире.

«Ничего удивительного, — рассуждает инженер. — В таких огромных шахтах может укрыться население целого графства. И кто знает, не найдет ли бедный класс Соединенного королевства убежище именно в копиях

Эберфойла или в копиях Кардиффа и Ньюкасла, когда запасы угля везде будут исчерпаны?»

В невольном противопоставлении миров надземного и подземного скрыт особый смысл. Несколько позже («Машина времени», 1895) это не ускользнет от внимательного взгляда англичанина Герберта Уэллса.

«В течение геологических эпох, — привычно рассуждает Жюль Верн, — когда земной шар находился еще в стадии образования, его окружала густая атмосфера, насыщенная водяными парами и пропитанная углекислотой. Постепенно пары конденсировались в проливные дожди, низвергавшиеся, словно их выбрасывали миллиарды бутылок сельтерской воды. Эта вода, насыщенная углекислотой, изливалась потоками на вязкую, еще не отвердевшую, подверженную быстрым или медленным деформациям почву, полужидкое состояние которой поддерживалось как жаром солнца, так и жаром внутренней массы...»

А вот Герберт Уэллс увидит все это совсем иначе.

Для него мрачный подземный мир меньше всего будет казаться хранилищем тех или иных полезных ископаемых. Уэллс посмотрит на мрачный подземный мир как на еще одно, не такое уж приятное, но вполне приемлемое место обитания людей будущего. В знаменитой повести «Машина времени» он решительно разделит людей на жителей подземных глубин и жителей подсолнечного мира.

«Конечно, — писал Уэллс, — раньше жители Верхнего Мира — эloi — были привилегированным классом, а морлоки — всего лишь их рабочими-слугами, но это давным-давно ушло в прошлое. Обе разновидности людей постепенно перешли к совершенно новым отношениям. Эloi все еще владели поверхностью земли, но морлоки, переселившиеся под землю и жившие там в продолжение бесчисленных поколений, в конце концов, потеряли всякую способность выносить дневной свет. Морлоки по-прежнему делали для эloев одежду и заботились о их повседневных нуждах. Они делали это так же бессознательно, как конь бьет о землю копытом или охотник радуется убитой дичи. Старые, давно исчезнувшие отношения все еще накладывали печать на человеческий организм, но неумолимая Немезида уже неслышно приближалась к изнеженным счастливым. Много веков назад, за тысячи и тысячи поколений, человек лишил своих ближних счастья и солнечного света, и теперь эти ближние стали совершенно неузнаваемыми! Думая о морлоках, прекрасные эloi вновь познали страх...»

Жюлю Верну это и в голову не приходило.

А если бы и пришло, Этцель не допустил бы подобного толкования.

Уэллс с его четким аналитическим умом всегда начинал там, где Жюль Верн заканчивал. Да, можно послать снаряд на Луну и мечтать о будущей человеческой колонии в этом новом американском штате, но можно дожидаться и чего-то гораздо более невероятного, например высадки марсиан на Хорселлской пустоши. Можно еще и еще раз написать о сумасшедшем изобретателе или о сумасшедшем горняке, но все это останется лишь давно привычным текстом. Возникающие в воображении смутные, часто тревожные картины будущего, конечно, волновали Жюля Верна, но слишком часто направление его мыслей определял Этцель.

«Воспитывать — играя». Уэллсу этот тезис бы не понравился.

«Воспитывать — пугая». Этот тезис Уэллсу был, конечно, понятнее.

Да и какие, собственно, игры, если мир уже давно стоит на краю гибели?

Герберт Уэллс без колебаний описывал страхи прекрасных нежных элоев, занимавших свое особое место в ужасной, но, в сущности, такой будничной пищевой цепи. Чудесных, вкусных, нежных элоев, счастливо прозябавших на Земле. И тут же показывал морлоков — маленьких, умных, изобретательных каннибалов, продолжавших свое интеллектуальное развитие глубоко под землей.

Другие планеты? Да никаких проблем! Мы их колонизируем, привнесем в их развитие здоровый дух истинной цивилизации — так размышляют упертые артиллеристы Жюля Верна. А вот загадочным марсианам Уэллса, высадившимся на Хорселлской пустоши, просто нравится человеческая кровь. Они не за чудесами науки и техники в Лондон явились.

В отличие от Уэллса Жюль Верн зависел от издателя.

Когда в руки рабовладельцев попадает команда Дика Сэнда, пятнадцатилетнего капитана, Жюль Верн сразу включает давно выработанную им с Этцелем квоту на зло: в самых жестоких передерягах погибает только старая негритянка Нэн — она вроде бы действительно выработала свой ресурс, ее не жалко. А вот герои утопии Уэллса «Люди как боги» всегда готовы уничтожить любой, без каких-либо исключений, признанный вредным для человечества вид животных, растений или насекомых, они всегда готовы обратить созданное ими сверхоружие против своих собственных предков. Даже гнусные пираты Жюля Верна вызывают у читателей некоторое сочувствие, даже ужасную белую полярную сову (гарфанг) с факелом в клюве он описывает так, что ее можно пожалеть, а вот Герберт Уэллс без колебаний показывает нам несчастного Гриффина, гениального человека-невидимку, исключительно как врага общества...

В «Черной Индии» Жюль Верн описал одинокого шахтера, подрывающего огнем своего факела скапливающийся в шахтах рудничный газ. Таких специалистов называли тогда «кающимися». Какой необыкновенный образ! «Кающиеся» к тому же носили темную рясу вроде монашеской — она позволяла им уберечься от случайных ожогов. И ужасная гарфанг при «кающемся» была неслучайной деталью. Сжав в мощном клюве огненный факел, она поднималась под кровлю, до трещин которой никак не могла дотянуться рука человека. Под беспощадным пером Уэллса фигура «кающегося» могла обрести колоссальное символическое значение, а вот у Жюля Верна, как всегда, дело закончилось счастливым концом. Сам «кающийся» гибнет (квота на зло выработана), а чудесная девушка Нель, спасенная инженером, впервые видит звезды...

Разрываясь между работой и неблагополучием в семье, весной 1878 года Жюль Верн приобрел новую яхту.

«Сен-Мишель II» был продан. Зато теперь у причала стоял «Сен-Мишель III».

Великолепные обводы, металлический корпус, водонепроницаемые переборки, двухцилиндровая компаунд-машина, салон облицован красным деревом, спальня под светлый дуб.

«Какое безумие! — признавался Жюль Верн издателю. — Скупость моя наказана. 55 тысяч франков! Правда, — не преминул он добавить, — на этот раз я только половину выложил наличными, остальные — через год. Какие необыкновенные плавания у меня в перспективе! Средиземное море, Балтика, моря северные и южные! Новые впечатления, новые идеи! Будьте уверены, я окуплю свою безумную покупку...»

И многозначительная приписка: «Должен признать, что это — *Ваш* подарок. Если бы не предложенное Вами продолжение "Великих путешественников", я бы не решился на такие траты...»

В 1878 году Жюлю Верну исполнилось 50 лет. Мир на его глазах менялся. И менялся чрезвычайно быстро. В январе 1879 года новым президентом Франции стал республиканец Жюль Гриви. Впрочем, быть республиканцем — это не значит быть идеалистом. Бордоский договор официально установил протекторат Франции над Тунисом. Тремя годами позже Франция основала в Африке новую колонию под романтическим названием Южные горы. Собственно, это была Гвинея, те самые края, над которыми когда-то пролетел воздушный шар «Виктория» доктора Фергюссона. В августе 1883 года французы принудили вьетнамского короля подписать договор, фактически превративший эту страну в их протекторат. Ревнивое китайское правительство выслало в захваченные французами провинции свои войска. Война угрожала превратиться в бесконечную, но французский фрегат «Триумфант» из эскадры адмирала Курбе уничтожил на рейде Фучжоу (река Минь) всю китайскую эскадру — 11 боевых судов и 12 крупных джонок, а в октябре 1884 года французский десант высадился на острове Тайвань и успешно атаковал порт Цзилун. Понятно, что китайская тема не могла остаться незамеченной.

Вот и были написаны «Треволнения одного китайца в Китае».

Одновременно с «Треволнениями» Жюль Верн начал работать над «Пятнадцатилетним капитаном».

Писать роман он начал на борту своей новой яхты.

Первый испытательный переход он совершил в Брест.

Скверная погода нисколько не испортила настроение веселой компании, собравшейся на борту. Опытный моряк Поль Верн, его сын Морис, Жюль Этцель-младший и Рауль Дюваль — амьенский приятель Жюля Верна, все они любили море.

К сожалению, на борту не было Мишеля, сына писателя.

Но «Пятнадцатилетний капитан» писался для Мишеля. Жюль Верн очень тяжело переживал происходящее в своем доме. Он пытался построить идеальную модель молодого человека, ему близкого. Если не удалось этого в жизни, должно получиться в романе.

«Имя Дик, уменьшительное от Ричарда, — читаем мы, — было дано мальчику-подкидышу в честь сострадательного прохожего, который подобрал его и доставил в воспитательный дом. Фамилия Сэнд осталась напоминанием о том месте, где был найден мальчик, — песчаная коса Сэнди-Гук в устье реки Гудзон, у входа в Нью-Йоркский порт. В мальчике сразу чувствовался англосакс, хотя он был темноволос и с огненным взглядом голубых глаз. Трудная работа моряка подготовила его к житейским битвам. Часто цитируют слова незаконченного стиха Вергилия: "Audaces fortuna juvat..." ("Смелым судьба помогает..."), но цитируют, как правило, неточно. На самом деле поэт сказал: "Audentes fortuna juv at..." ("Дерзающим судьба помогает..."). Именно дерзающим, а не просто смелым улыбается судьба. Смелый может действовать необдуманно, а вот дерзающий сначала хорошенько подумает, а уже потом начнет действовать...»

К сожалению, Дик Сэнд — это не Мишель Верн (1892—1980).

Юный Мишель ничем не походил на своего знаменитого отца.

Он разговаривал шумно, жестикулировал бурно. В семье с детства потакали всем его капризам. Он мог при гостях сбросить салатницу со стола, разбить дорогую вазу, если ему что-то не нравилось. Названные сестры не любили Мишеля за наглость и вранье. Онорина была в ужасе от вульгарных привычек Мишеля, почерпнутых неизвестно от кого. Пансионат в Абвиле всеми силами старался отделаться от своего ученика

— он там только и был занят тем, что врал, дрался, сколачивал дурные компании.

Конечно, Жюль Верн сам был виноват во многом. Он должен был понимать, как нелегко расти детям известных отцов, достаточно вспомнить печальную историю младшей дочери мэтра Виктора Гюго — Адели, которая так же чуть ли не с детства вела беспорядочный образ жизни и в итоге оказалась в доме умалишенных.

«Невыносимое тщеславие Мишеля остается для меня неразрешимой загадкой, — в отчаянии писал Жюль Верн своему другу-издателю. — Он вообще не интересуется ничем полезным и здоровым. Я с ужасом наблюдаю у сына признаки преждевременной извращенности...»

Опытный моряк Поль предложил отправить Мишеля в Индию.

На корабле, сказал он, не покапризничаешь, там быстро вправят мозги.

У Дика Сэнда, пятнадцатилетнего капитана, детство ведь тоже складывалось непросто. «Его воспитывали за счет общественной благотворительности. Сначала поместили в приют для подкидышей, каких много в Америке. В четыре года стали учить чтению, письму и счету в одной из тех школ штата Нью-Йорка, что содержатся на пожертвования великодушных благотворителей. Но уже в восемь лет Дика пристроили юнгой на судно, совершавшее рейсы в южные страны; к морю у мальчика было врожденное влечение...»

Жюль Верн принял совет брата.

Когда-то он сам мечтал убежать в Индию, чтобы стать морским волком, — неужели такое далекое и нелегкое путешествие не исправит строптивца?

Но Мишель не проявлял никакого видимого желания повидать мир. Ничего он не хотел, кроме самых вульгарных и примитивных развлечений. Впрочем, и противиться отцу не стал. Возможно, ему самому уже надоели пьяная амьенская жизнь, бурные и непристойные похождения с местными артистками. На вопрос обрадованного отца, что бы он хотел получать от него в дороге, Мишель, не моргнув, заявил с подозрительным смирением: «Твои книги».

Судно вышло из Нанта 4 февраля.

Конечно, Мишель питается за столом капитана.

У него своя каюта, его везде встречают как сына великого человека.

На острове Маврикий местный плантатор закатывает в честь Мишеля банкет на 200 персон. В Калькутте Мишель изумляет индусов, сойдя на берег в черном сюртуке и высоком черном цилиндре. При этом с совершенно непонятной и изощренной жестокостью Мишель посылает с дороги отцу подробные письма о своих проделках. И это еще полбеды. Читая книги отца, он не забывает их комментировать. Твое восхищение морями и океанами сильно преувеличено, пишет он отцу. Все эти твои красивые фразы о волшебстве морей и океанов — полнейшая чепуха. Ужас бездн, величие водных пространств, большие таинственные глубины — пустые фразы. «Я занимаюсь серфингом, и мне в голову не приходит любоваться твоим хваленым морем. Спокойное, оно меня раздражает, а бурное — пугает. Никакого волшебства! Вода она и есть вода, тем более соленая...»

А вот юный Дик Сэнд искренне радуется путешествию на борту «Пилигрима».

В Окленде на борт китобойного судна поднялись жена судовладельца — миссис Уэлдон с маленьким сыном Джеком и негритянкой кормилицей Нан, а с ними кузен Бенедикт — еще один жюль-верновский чудак, помешанный на различных насекомых.

«С жестяной коробкой на боку, с сеткой в руке, с большой лупой, висевшей на груди, кузен Бенедикт обычно рыскал по лесным чащам, забирался в самую высокую траву в поисках прямокрылых, сетчатокрылых и прочих "крылых", рискуя при этом попасть на ядовитый зуб какой-нибудь змее...»

Мрачный кок «Пилигрима» по имени Негоро ни с того ни с сего проявил вдруг необычный интерес к снятым с гибнущего судна неграм — Тому, Остину, Бату, Актеону, Геркулесу и к их собаке Динго. Собака, кажется, тоже узнала кока...

Конечно, прочитав рукопись, Этцель незамедлительно завел свою мантру.

Пусть жертвы описанного Жюлем Верном кораблекрушения окажутся несчастными рабами... Пусть их найдут прикованными цепями... Пусть в

душном трюме они умирают от голода и жажды... Пусть с несчастного корабля сбегут даже крысы...

Но Жюль Верн и в этот раз не уступил.

Он полагал, что с рабовладельцами давно покончено.

Как это покончено? — возражал Этцель. Ни одна страна мира не может, к сожалению, заблокировать все океаны и моря, чтобы спасти черных рабов, насильно вывозимых из Анголы и Мозамбика!

Если это и так, отбивается Жюль Верн, то ненадолго.

Ладно, уступает Этцель, не желая ссориться с писателем, но тогда пусть этот ваш дерзкий мальчик будет похож на Гавроша (роман Виктора Гюго «Отверженные» пользовался в те годы невероятной популярностью. — Г. П.). Но Жюль Верн и с этим не согласился. Парижский гамен — это лентяй, хулиган, бездельник, а вот настоящий американский мальчишка... «Дик Сэнд может стать капитаном!»

Конечно, за словами Жюля Верна пряталась неизбывная тоска писателя по сыну, тайная, уже даже не высказываемая вслух надежда на то, что путешествие в Индию пойдет Мишелю на пользу...

Охотясь на кита, погибает весь экипаж «Пилигрима».

И тогда, наконец, приходит час пятнадцатилетнего Дика Сэнда.

«Он ведь не какой-нибудь там бездельник, он сумеет стать капитаном».

И, скорее всего, юный Дик Сэнд довел бы «Пилигрим» до берегов Южной Америки, если бы не подлый черный кок Негоро. Это он подложил железный брусок под компас, предварительно разбив все запасные. В итоге вместо долгожданной Южной Америки команда Дика Сэнда оказывается в Африке.

Странно, но кузен Бенедикт не проявляет профессиональной прозорливости. Некоторые (африканские) растения вроде сбивают его с толку, но кок Негоро убеждает его, что такие в изобилии водятся и в Южной Америке.

«Но почему отсутствуют каучуковые деревья? — изумляется кузен Бенедикт. — Ведь *Ficus prinoidea*, *Castillia elastica*, *Cecropia peltata*, *Cillophora utilis*, *Cameraria latifolia* и в особенности *Siphonia elastica* растут во всех южноамериканских лесах!»

Нет ответа.

Впрочем, скоро становится понятно, что невольные путешественники оказались все-таки именно в Западной Африке, причем в самом страшном ее месте, в центре работорговли. «Нет, Гэррис, случайной была только наша с тобой встреча: твои торговые дела привели тебя как раз в то место побережья, где потерпел крушение "Пилигрим", — со смехом рассказывал черный кок своему давнему приятелю, работорговцу. — Перемена же курса судна и его появление у берегов Анголы — дело моих рук! Твой "юный друг" — сущий младенец в мореходстве: он умел определять место своего корабля в открытом море только при посредстве лага и компаса. И вот в один прекрасный день лаг пошел ко дну. А в другую не менее прекрасную ночь я подложил под нактоуз железный брусок и тем отклонил стрелку компаса. "Пилигрим", подхваченный сильной бурей, сбился с курса... Дик Сэнд не мог понять, почему так затянулся наш переход. Впрочем, на его месте стал бы в тупик самый опытный моряк. Мальчик и не подозревал, что мы обогнули мыс Горн, но я, Гэррис, я видел его в тумане. Вскоре после этого я убрал железный брусок, и стрелка компаса приняла нормальное положение. Судно, гонимое сильнейшим ураганом, стремглав понеслось на северо-восток и разбилось у африканского берега, как раз в

тех местах, куда я хотел попасть».

Кстати, Жюль Верн заранее предупредил своего человеколюбивого издателя: «В Африке, дорогой Этцель, у меня кое-кто погибнет». Правда, как мы уже говорили, погибла там только черная кормилица Нан. Остальные положительные герои выбрались из ада живыми.

Все же Этцель считал некоторые описания слишком жестокими.

Например, описание рынка рабов. Оно и правда до сих пор впечатляет.

«Иные мужчины заплели косы и уложили их на макушке высоким шиньоном; другие поделили волосы на тоненькие косички, свисавшие с головы, как крысиные хвостики, а на макушку водрузили пышный султан из красных перьев; третьи соорудили из волос изогнутые рога и, обильно умастив их жиром, обмазали для прочности красной глиной, словно суриком, растертым на масле, — и все эти прически из собственных и фальшивых волос были украшены множеством железных и костяных шпилек и палочек; некоторые франты, не довольствуясь этими украшениями, унизали свои курчавые волосы разноцветными стеклянными бусинками и в середину сложного пестрого узора заткнули еще и нож для татуировки...» Мрачное очарование безудержного насилия невольно захватывает читателя, особенно когда он узнает, что самого пятнадцатилетнего капитана продать в рабство невозможно. Как бы ни были жестоки и жадны местные и пришлые торговцы, они понимают, что создавать такой прецедент чрезвычайно опасно. Как ни глупы, как ни тупы эти проклятые черные, увидев такое, они сразу поймут, что и белыми господами вполне можно торговать!

Смелый и находчивый пятнадцатилетний капитан Дик Сэнд спасает свою команду, а подлого черного кока — предателя Негоро насмерть загрызает пес Динго.

Справедливость восторжествовала. Разочарованным остался только кузен Бенедикт.

Вернувшись в Сан-Франциско, энтомолог закрылся в своем кабинете. Он дрожит от нетерпения. Он предвкушает научный триумф. Его работа будет посвящена необыкновенному пауку, открытому лично им и заранее им названному «шестиног Бенедикта» — «Hexapodes Benedictus».

О! Настоящий шестиногий паук!

Никогда прежде мировая наука шестиногих пауков не знала!

К сожалению, эпохальному открытию не суждено было состояться.

Вооружившись очками и лупой (в Африке он всего этого не имел — лупа разбилась, очки были растоптаны работоторговцами. — Г. П.), кузен Бенедикт с горечью обнаруживает, что привез домой самого обыкновенного паука. Так уж случилось, что, отлавливая насекомое, неловкий негр Геркулес нечаянно оторвал ему две ножки...

У романа «Пятьсот миллионов бегумы» — своя история. Рукопись, полученная по почте Этцелем в 1877 или 1878 году, принадлежала старому знакомому Жюль Верна по Парижу — Паскалю Груссе. Бедствующий республиканец надеялся на гонорар.

К сожалению, художественный уровень рукописи «Наследство Ланжеволя» не вдохновлял. Но вот идеи...

Жюль Верн и его издатель были патриотами.

Отторжение от Франции Эльзаса и Лотарингии до глубины души возмущало автора «Необыкновенных путешествий». Географические карты в его представлении должны были выглядеть совсем не так, как после войны. Прочтя присланную ему рукопись, Жюль Верн написал Этцелю: «Романа фактически не существует. В нем начисто отсутствует действие, борьба, интрига ослаблена и не может захватить читателя. Никогда в жизни я не читал ничего более бесформенного: в тот самый момент, когда у читателя может появиться интерес, действие застывает. Собственно, весь интерес заключается в борьбе между пушкой и торпедой. И что же? Пушка так и не стреляет, торпеда так и остается невыпущенной...»

Но писатель увидел возможность выправить рукопись.

«Нужно усилить контраст между стальным милитаристским городом и светлым городом истинной будущей цивилизации...»

И далее: «Даже не знаю, что сказать о заводе Круппа, ибо речь, несомненно, идет о нем. Завод, столь ревниво оберегаемый от посторонних взглядов! — герой же проникает туда, всего лишь переодевшись, а обратно выходит вообще с помощью самого обычного напильника! Смех, да и только...»

За время, проведенное на каторге в Новой Каледонии, а затем в изгнании, бывший активный участник Парижской коммуны несколько подрастерял свои республиканские идеалы. С каторги Паскаль Груссе сумел бежать, в Лондоне перебивался журналистикой, печатаясь под самыми разными псевдонимами — Филипп Дариль, Андре Лори, Тибюрс Морай, доктор Блазиус, Леопольд Вирей. Известность Паскалю Груссе принесла книга «Политические заключенные в Новой Каледонии» (1874).

«Вы еще услышите о нем!» — сказал Жюлю Верну Этцель.

И опять не ошибся. Со временем Паскаль Груссе прославился как автор многочисленных приключенческих романов, изданных под

псевдонимом Андре Лори — «Наследник Робинзона», «Атлантида», «Капитан Трафальгар», «Изгнанники Земли», «Лазурный гигант», «От Нью-Йорка до Бреста за семь часов»...

Но это впоследствии.

Пока же он просто продал Этцелю рукопись.

Ее же Этцель передал для работы Жюлю Верну. Он был уверен в его патриотизме.

«Профессор Шульце слышал о проекте соперника — построить светлый, зеленый, чисто французский город и создать в нем условия, которые способствовали бы развитию самых лучших человеческих качеств, но затея неугомонного доктора Саразена казалась ему нелепой. Он заранее предсказывал ее провал, потому что, по его мнению, затея эта в корне противоречила законам эволюции, жестоким, но справедливым законам, беспощадно и объективно обрекающим латинскую расу на полное подчинение саксонской, а в дальнейшем — на полное исчезновение. Долг истинного саксонца, приверженного идее мирового порядка, считал профессор, всеми силами помешать высказанной французом безумной затее. Именно он, профессор Шульце, доктор химических наук, приват-доцент Йенского университета, известный своими многочисленными трудами о различии рас, — трудами, в которых он убедительно доказывал, что германская раса избрана в скором времени поглотить все другие, — именно он призван уничтожить глупых пигмеев, осмелившихся бунтовать против самой природы...»

Впрочем, указанная проблема в программе профессора Шульце занимала не самое главное место. Он думал не просто об уничтожении латинской расы, он думал о быстром и эффективном истреблении *вообще всех народов*, которые не захотят слиться с германцами.

Жюль Верн считал немцев слишком агрессивными.

Так, кстати, позже к ним относился и островитянин Герберт Уэллс.

Тем проще показалась Жюлю Верну задача рассказать об истинном мире света — французском утопическом городе и о чудовищном мрачном мире тьмы — немецкой военной крепости.

«Доктору Саразену исполнилось пятьдесят. Ясные живые глаза на тонко очерченном лице серьезно и в то же время приветливо смотрели на окружающее из-за очков в стальной оправе».

Это не прежние многостраничные описания походки, одежды, речи героев.

А вот появляется некий Уильям-Генрих Шарп-младший с сообщением о неожиданно свалившемся на доктора Саразена наследстве:

«Церемониймейстер распахнул дверь и пропустил в комнату весьма странного субъекта, которого доктор с первого взгляда мысленно окрестил "мертвой головой". Это был еще не старый человек с маленькими серыми,

пронизывающими насквозь глазками, с тонкими, словно высохшими губами, которые, раздвигаясь, обнажали ряд длинных белых зубов; впалые щеки, обтянутые пергаментной кожей, и землисто-серый цвет лица придавали ему сходство с египетской мумией...»

Что ж, наследство Ланжеволя, баронета Британской империи, попало в хорошие руки (французские). Первая мысль доктора Саразена (конечно, мысль самого Жюль Верна): а не отдать ли эти огромные деньги милой, родной Франции — на уплату контрибуции за проигранную войну?

Впрочем, следовало учитывать то обстоятельство, что вторая часть наследства попала в плохие руки (немецкие).

Профессору Шульце лет сорок. У него бледно-голубые холодные глаза, они лишены прекрасной французской живости и у любого непредвзятого человека сразу вызывают откровенно неприятное чувство (как вообще все немецкое). Даже крепкие зубы профессора наводят на одну мысль: рвать и кусать. И он постоянно озабочен вопросом: «Да почему же все эти проклятые французы не обнаруживают явственных признаков вырождения?»

На купленной в Северной Америке земле доктор Саразен, наследник миллионов индийской княжны (бегумы), строит идеальный город — Франсевилль.

«Мы сделаем гражданами Франсевилля всех честных людей. У нас найдут убежище все те, кого чужестранцы-победители (читайте: те же немцы. — Г. П.) обрекли на уход из родных мест. Мы пригнем изгнанников, построим прекрасные школы, в которых молодежь получит представление о самых высоких принципах моральной, умственной и физической культуры. И очень скоро это обеспечит нам здоровое, сильное и цветущее поколение».

Невозможно не привести еще одну цитату. В ней размышления самого Жюль Верна, несомненно, выстраданные, хорошо обдуманные. В конце концов, в ней мечта о городе, в котором он сам хотел бы жить.

«Комитет не считал нужным навязывать проект однотипной постройки домов. Наоборот, он стремился к тому, чтобы в архитектуре города не проявлялось обычное томительное и однообразное безвкушие. Вот правила, которым должны были следовать архитекторы и строители:

1. Каждому дому отводится участок земли, на котором надлежит насадить деревья, разбить цветники и газоны.

2. Ни один дом не должен иметь больше двух этажей, чтобы не лишать света и воздуха соседние постройки.

3. Фасад каждого дома должен отстоять на расстоянии не менее десяти метров от улицы. Этот промежуток должен быть занят цветником или газоном, отделенным от проезжей части улицы оградой в половину человеческого роста.

4. Стены домов — только из патентованного трубчатого полого кирпича.

5. Крыши надлежит строить четырехскатные и обносить их, во избежание несчастных случаев, балюстрадами; они заливаются асфальтом и обеспечиваются водостоками.

6. Все дома ставятся на высокий фундамент, образующий под нижним этажом открытый сводчатый подвал, который способствует циркуляции воздуха и в то же время служит местом хранения продуктов. Сточные и водопроводные трубы должны проходить вокруг центральной опоры так, чтобы всегда можно было проверить их состояние, а в случае пожара —

обеспечить подачу воды. Подвал сообщается с кухней и хозяйственными помещениями особой лестницей, дабы ни зрение, ни обоняние обитателей дома не страдали от кухонной стряпни.

7. Кухня, хозяйственные помещения и помещение для прислуги должны быть расположены, против обыкновения, в верхнем этаже, там они сообщаются с крышей-террасой, которая используется для хозяйственных надобностей. Каждый дом снабжается специальной подъемной машиной, способной поднимать тяжести. За пользование такой подъемной машиной, так же как за освещение и водопровод, с жителей взимается умеренная плата.

8. В планировке комнат и внутренней отделке дома строителям предоставляется полная свобода. Но все вредные элементы, в первую очередь такие очаги инфекций, как ковры и обои, — категорически изгоняются из обихода. Нет смысла прятать под тяжелой, впитывающей пыль материей чудесный художественный мозаичный паркет, а стены, выложенные цветными изразцами, должны радовать взор богатством красок наподобие жилищ Помпеи. Такие стены легко протирать и мыть.

9. Спальные комнаты не должны сообщаться ни с туалетом, ни с ванной. В спальне человек проводит треть жизни — поэтому спальня должна быть просторной, обставлять ее следует просто. Стулья, металлическая кровать, легкий тюфяк, набитый мягкой шерстью, — никаких пуховиков, перин, стеганых одеял.

10. В каждой комнате должен быть камин, приспособленный для топки дровами или углем. Трубы камина выводятся в специальные подземные дымоходы. Там дым освобождается от частиц угля и выпускается на высоте тридцати пяти метров в атмосферу...»

Что же касается немецкого профессора Шульце, то, урвав, иначе не скажешь, часть огромного наследства, он строит на некотором расстоянии от Франсевилля свой город — Штальштадт. Конечно, тоже идеальный. Город высоких военных технологий, железной дисциплины. В секретных арсеналах копят невиданные снаряды, «способные охватить пожаром и смертью целый город, объять его со всех сторон бушующим неугасимым огнем», а в самом сердце «стального города», на вершине циклопической башни Быка, профессор Шульце водружает чудовищную пушку, всегда направленную в сторону Франсевилля...

Но главным героем романа является все же не Саразен и не Шульце.

Они — антиподы. Они — полюса. А главный герой романа — это молодой француз, ловкий инженер-эльзасец (то есть человек с земель, захваченных проклятыми пруссаками) по имени Марсель Брукман. Он ловко и бесстрашно проникает в мрачные кварталы Стального города. Марсель — опытный человек. Он участник войны 1870—1871 годов — сражался в Париже в дни его осады, был ранен под Шампиньи, получил нашивку за битву под Бузенвалем. В разговоре с профессором Шульце, состоявшемся, понятно, не по желанию эльзасца, Марсель категоричен. «Не верю я в возможность завоевания немцами всего мира!» — бросает он в лицо герру Шульце. От возмущения бывшему профессору Йенского университета даже показалось, что он ослышался. «Вы не верите в то, что немцы завоюют мир? Может, соблаговолите изложить причины такого неверия?»

Марсель с удовольствием объясняет.

Причина такого неверия, на его взгляд, совсем простая.

Завоевать весь мир агрессивные немцы не смогут хотя бы по той причине, что французская артиллерия все равно обгонит немецкую — по мощности и дальноточности. «У меня на родине, сударь, в этом никто не сомневается. А если говорить откровенно, того же мнения придерживаются и наиболее дальновидные люди Англии».

А немцы что?

Немцы — жалкие подражатели.

Нет у них никакой особенной изобретательской жилки.

К сожалению, работать Жюлю Верну становится все труднее.

Дело не только в ухудшающемся здоровье, это само собой; дело в семейной жизни.

«Сейчас нам известно, — писал Оливер Дюма в статье «"Буря за бурей": улица Шарля Дюбуа»^[42], — что, сняв в 1882 году дом по улице Шарля Дюбуа, писатель оставил за собой и прежнее свое жилье. По крайней мере, почту он продолжал получать по адресу: бульвар Лонгвилль, 44. Зная скуповатость Жюля Верна, можно быть уверенным, что без веских оснований он не стал бы содержать дополнительное дорогостоящее жилье. Видимо, так было удобно — и для него, и для Онорины. Они жили теперь в одном доме, но порознь; к тому же Жюль Верн мог контролировать переписку и, прежде всего, свои денежные дела».

В той же статье Оливер Дюма указывал на многозначительное предисловие Шарля-Ноэля Мартена к роману Жюля Верна «Упрямец Керабан» («Rencontre», 1970), в котором отмечены места, явно отражавшие состояние самого писателя.

Ван-Миттен, один из героев романа, восклицает:

«— О, мадам Ван-Миттен, конечно, честная дама! Мне совершенно не в чем ее упрекнуть — ни как женщину, ни как спутницу моей жизни. Но вам признаюсь... Мадам Ван-Миттен и я... Да, да!.. Мы в данный момент разъехались!

— Разъехались! По взаимному согласию?

— Да, по взаимному согласию!

— Насовсем?

— Насовсем!

— Но что послужило причиной?!

— На протяжении нескольких лет наша жизнь с мадам Ван-Миттен была просто невыносима, — откровенно объяснил Ван-Миттен. — Бесконечные ужасные ссоры по любому поводу. Буквально по любому, даже по самому ничтожному. Поскольку в глубине души я человек мягкий, я старался во всем уступать, но, в конце концов, не выдержал. Сами знаете, десятью женщинами управлять легче, чем одной».

В июле из Индии вернулся Мишель. Физически он окреп, но окрепли и его пороки. «Я в полном отчаянии, — писал Жюль Верн Этцелю. — Эти его бессмысленные долги, эти его кощунственные бесчеловечные теории, это добывание денег любыми способами! Мишель живет в атмосфере откровенного цинизма, в котором я иногда угадываю нотку истинного безумия. Ах, мой добрый друг, я несчастен».

Плавание в дальние края несколько не исправило Мишеля.

Вернувшись, он страстно влюбился в молодую актрису амьенского муниципального театра — Терезу Дюгазон.

«Вчера мне пришлось встретиться с сыном в присутствии главного комиссара полиции, — в отчаянии писал Жюль Верн Этцелю. — Из-за этой самой Дюгазон Мишель опять наделал больших долгов, а теперь еще требует от меня предоставления ему юридической дееспособности. Видите ли, он собирается жениться. Я сказал Мишелю следующее: сначала надо поступить на службу, потом дожить до совершеннолетия, а там уже видно будет. Хотя, боюсь, к тому времени — доживи я до такого — на смену одному его безумию придет другое. Но на данный момент Мишель, кажется, действительно влюблен. Он даже собирается следовать за труппой, когда театр выедет на гастроли. Только тюрьма могла бы воспрепятствовать этому, но Вы, мой дорогой друг, знаете, что я уже прибегал к такому неверному средству...»

Конечно, Мишель и в этот раз поступил по-своему.

«Неделю назад он уехал и сейчас находится в Гавре, где эта его Дюгазон играет в театре. После того как она стала его любовницей, Мишель сделал оглашение о предстоящем браке...»

Мишель упрямо следует за любовницей по городам Франции (как в будущем будут следовать за певицей Стиллой героини романа Жюль Верна «Замок в Карпатах») и, в конце концов, женится на ней. Загнанный в угол отец назначает молодым месячный пансион в тысячу франков.

Очень, очень неплохое содержание, но... Мишель снова влюблен!

Теперь он совершает прогулки на прекрасной верховой лошади под окнами молодой парижской пианистки Жанны Ребуль. Ей только шестнадцать, но Мишель увозит ее из Парижа. Конечно, родители не верят в любовь Мишеля к их юной дочери. Они готовы обвинить его в изнасиловании. Мать Жанны специально приехала в Амьен к знаменитому

писателю обсудить создавшееся положение. Жюль Верн встретил расстроенную даму весьма нелюбезно. Да и как иначе? — ведь совсем недавно у него побывала обиженная Мишелем Тереза Дюгазон...

Всё у Мишеля совершалось стремительно. Он ничего не желал ждать. Он всего хотел сразу. Добившись развода от Терезы, он незамедлительно женился на Жанне.

И вот тут начались чудеса, других слов не найдешь.

Юная парижанка оказалась особой весьма практичной и думающей.

Она родила Мишелю двух сыновей. Она, оказывается, умела считать деньги и всегда находила им правильное применение. Узнав об интересе мужа к литературе, она не стала препятствовать его веселым встречам с друзьями-литераторами в клубе «Ша нуар». Будучи прекрасной пианисткой, всерьез заинтересовала мужа музыкой. Совсем как отец в прежние времена, Мишель сам попробовал писать, и даже написал вполне приличную оперу, которую исполнил со сцены профессиональный симфонический оркестр.

Удивленный Жюль Верн приехал знакомиться с внуками и... подружился с Жанной!

Вместо трех дней Жюль Верн прожил в доме Мишеля целый месяц. А когда у Жанны и Мишеля появился третий сын, приехала навестить внуков и Онорина...

Одного только не осилил Мишель, даже с помощью умницы-жены: все деловые замыслы его, как правило, терпели крушение. Он увлекся молодым, только-только нарождающимся кино, даже снял, как мы уже отмечали, несколько фильмов по романам отца («Пятьсот миллионов бегумы», «Двадцать тысяч лье под водой», «Судьба Жана Морена», «Черная Индия», «Южная звезда»), но фильмы эти не снискали успеха. Он занимался журналистикой, банковским делом, торговал велосипедами и калориферами, спекулировал акциями, но во всем терпел крах. Спасая сына от суда, Жюль Верн не раз терял большие деньги.

«Будущее меня пугает, — писал он брату. — Из-за проделок Мишеля я потерял почти двести тысяч франков. А ведь надо содержать трех его мальчиков и думать о их образовании...»

В 1880 году в «Журнале воспитания и развлечения» появился роман «Паровой дом».

Возможно, мысль об Индии была навеяна недавним путешествием Мишеля. Природа огромной южной страны необыкновенна, приключения героев в диких местах могут оказаться невероятными. Вот только на чем передвигаться путешественникам в джунглях? На чем-то вроде мощного паровоза, только движущегося не по рельсам?

Вот и возник в воображении Жюль Верна некий мощный механический слон с прицепом, и сразу начали тесно переплетаться судьбы одного из предводителей восстания сипаев Нана-сахиба («Две тысячи фунтов в награду тому, кто доставит Нана-сахиба живым или мертвым») и волевого английского полковника Мунро, подавлявшего восстание. Кстати, жена и дети полковника были жестоко убиты как раз по приказанию Нана-сахиба. Правда, и полковник отметил: королева Рани, верная спутница Нана-сахиба, пала от его руки...

Паровой слон (две пагоды на колесах) движется по джунглям.

Полковник Мунро мечтает найти, изловить Нана-сахиба, отомстить ему за погибших жену и детей. То есть Жюль Верн описывает очередного Мстителя. В долгих вечерних разговорах с друзьями полковник Мунро пытается понять причины восстания.

«Английское правительство, — читаем мы, — ввело в туземную армию карабин системы Энфильда, требующий смазывания патронов жиром. Однажды в не очень прекрасный день по Индии распространился слух о том, что жир — коровий, а может даже свиной. А ведь патроны доставлялись в туземную армию, в которой одни солдаты принадлежали к мусульманской религии, другие — к индуистской. И как правительство ни силилось всех уверить, что жир названных выше животных не входит в смазку патронов, успокоить сипаев не удалось...

Двадцать четвертого февраля в Берампуре 34-й полк отказался от раздаваемых патронов. В середине марта убили одного из полковых адъютантов, и полк, разобщенный после казни убийц, разнес по соседним провинциям дрожжи брожения. В Мируте, лежащем севернее Дели, 10 мая полки 3-й, 11-й и 20-й подняли знамя бунта, убили своих полковников, разграбили город и бросились на столицу. Там к ним присоединился раджа Дели — потомок Тимура. В лагере Ланкау убили коменданта-бригадира,

его адъютанта и нескольких офицеров. А в первых числах июня началось избиение европейского населения в Бхопале, — избиение беспримерно жестокое, в котором мучили и женщин, и детей, укрывавшихся в форте. Затем последовала резня в Аллахабаде, в Гвалиоре, в Канпуре, где были замучены сотни детей и женщин — среди них и леди Мунро; жертвы были лишены жизни после ужасных пыток, совершенных по личному распоряжению Нана-сахиба, и по окончании кровавой потехи брошены в колодец...»

Этцель категорически потребовал снять самые жестокие эпизоды романа.

«Если Вы считаете, что публике наскучили то ли жанр, то ли сам автор, — ответил издателю раздраженный его требованиями Жюль Верн, — я не стану спорить. Вы прекрасно знаете мое истинное мнение об авторах нынешних приключенческих романов... Вот пусть и попробуют написать лучше...»

Слава Жюль Верна росла.

В Амьен зачастили журналисты.

«Как я работаю? Да ничего необычного.

Начинаю с того, что выбираю из картотеки все выписки, относящиеся к разрабатываемой теме. Сортирую их, изучаю и обрабатываю применительно к будущему роману. Затем делаю предварительные наброски, составляю план по главам. Черновик пишу только карандашом, оставляя широкие поля — полстраницы — для будущих поправок и дополнений. Дорабатывая рукопись, обвожу карандашный текст чернилами, но все равно это еще не роман, а только некий каркас его. В таком виде рукопись поступает в типографию. В первой корректуре правлю чуть ли не каждое предложение, иногда заново переписываю целые главы. Так что окончательный текст получается только после пятой, седьмой, а то и девятой корректуры...

Благодаря ежедневной работе за письменным столом — с пяти утра до полудня, мне удастся много лет подряд писать по две, а то и по три книги в год. Чтобы ничто меня не отвлекало от работы, я переселился из шумного Парижа в спокойный Амьен. Спросите моих друзей, и они подтвердят, что даже званием местного муниципального советника я горжусь не меньше, чем литературной известностью, и счастлив, что могу приносить городу посильную пользу...»

В 1881 году Жюль Верн в компании с друзьями и братом решил пройти на «Сен-Мишеле III» до самого Санкт-Петербурга, но помешали сезонные штормы. Зато он, наконец, уговорил Поля описать самые примечательные моменты путешествия в специальных заметках. В итоге они появились в нантском альманахе «Бретонский союз», а затем Жюль Верн поставил сочинение Поля в очередной том «Необыкновенных путешествий». Роман «Жангада» недобирал необходимого объема, вот рукопись Поля и пригодилась.

«Жангада», к сожалению, ничего к достижениям писателя не прибавила.

Опять игра с неким зашифрованным документом, случайно попавшим в руки откровенного негодяя — капитана Торреса, охотника за рабами.

Очередная криптограмма насторожила Этцеля.

Не многовато ли криптограмм? Читатели от них устали.

Но писатель отбивался как мог: «Главный интерес "Жангады" — как раз в бесконечных попытках расшифровать загадочный документ. Вспомните, в новелле "Золотой жук" всего тридцать страниц, причем десять из них заполнены цифрами. Эдгар По прекрасно понимал, что весь интерес — в разгадке...»

Замысел романа «Школа Робинзонов» Этцель тоже подверг разному.

Где содержание? Где новые идеи? Где философия? Что получают из романа читатели?

«Философский подход, — возражал Жюль Верн, — только утяжелит роман. Я задумал "Школу Робинзонов" исключительно как веселую и забавную шутку. Философия в приключениях. Я просто брал всякие ходячие факты из "Робинзона Крузо", "Швейцарского Робинзона", из "Двенадцатилетнего Робинзона" и прочих робинзонад, чтобы все, что раньше в этих книгах подавалось всерьез, превратить в веселую мистификацию...»

В июле 1882 года вышло в свет, может, не самое заметное, но чрезвычайно романтическое произведение Жюль Верна «Зеленый луч». В связи с его публикацией критики немало попортили крови писателю, но роман этот Жюль Верн любил. Он был частью его жизни, поскольку в основу легли давние путешествия писателя в любимую им Шотландию.

Художник Оливер Синклер и его подруга Елена Кэмпбелл влюблены в море.

О море, море! Оливер Синклер глубоко убежден, что написать море под силу только величайшему мастеру. А может, даже и величайшему мастеру совершить такое не под силу, ведь море не имеет постоянного цвета, оно как огромное зеркало всегда отражает в себе небо — то серое, то голубое, то облачное. Как уловить все его нежнейшие оттенки? Как увидеть, понять основной цвет? Может, обратиться к зелени, к чистому изумруду? Но море бывает и бледным, и ярким, и почти неслышимым, и яростным. Оно бывает величественным и коварным. Иногда солнечный луч — последний, закатный — может окраситься над морем в необыкновенный зеленый цвет. А по древней шотландской легенде, тот, кому выпадет счастье увидеть зеленый луч, навсегда получит волшебный дар свободно читать в чужих сердцах...

Рядом с Оливером и Еленой в виде некоего духовного противовеса постоянно находится еще один необычный герой — некий Аристобулус Урсиклос, тоже из Шотландии, из Демфриза.

«Этому джентльмену было от роду двадцать восемь лет; он никогда не знал молодости, и, по всей вероятности, ему не суждено было знать и старости: он точно родился в том возрасте, в котором должен был оставаться всю жизнь. Наружность его была ни хороша, ни дурна, лицо не имело в себе решительно ничего привлекательного или выдающегося, за исключением, может, только носа, который был так короток, что казался снятым и приставленным с другого лица. Волосы этого странного господина были слишком белокуры, и из тех ста тридцати тысяч волос, которые, по последним статистическим данным, должны украшать каждую отдельную человеческую голову, у него осталось не более шестидесяти тысяч, считая и жиденькую бороденку; глаза его были совершенно бесцветными и безжизненными — одним словом, если бы человек этот был создан обезьяной, то он был бы самым красивым экземпляром этой породы

животных и, может быть, одного его только недоставало последователям Дарвина для подтверждения его теории».

Добавим, что Аристобулус Урсиклос не глуп.

К тому же далеко не беден и происходит из хорошей семьи.

Чем не пара Елене Кэмпбелл? Чем он для нее так уж нехорош?

Нуда, зануден. Нуда, бывает скучным. С видом невыносимо высокомерного педанта может часами давать длиннейшие объяснения всему, что попадаетеся ему на глаза.

Но ведь и Елена Кэмпбелл не подарок.

Ей бы ясно и просто ответить своим весьма экзальтированным дядям — братцам Сэму и Сибу, озабоченным ее будущим: «Мне выйти замуж за мистера Аристобулуса Урсиклоса? Да нет! Никогда!» Но она ничего такого определенного не говорит.

Она внимательно присматривается.

«Выйти замуж за Урсиклоса? Да ни за что!»

Но на всякий случай добавляет: «Ну, может, пока... не увижу зеленый луч!»

Братья в принципе не против, пусть ищет свой волшебный зеленый луч. Тем более что мисс Кэмпбелл совершенно безразлично, куда для этого надо ехать. Увидит ли она зеленый луч в Ирландии, во Франции, в Шотландии или в Испании, — какая для братьев разница? Вот они и отправляют доставляющую им хлопоты племянницу в морское путешествие. Но не одну, конечно, а в компании с Аристобулусом Урсиклосом и художником Оливером Синклером.

Эдинбург, Глазго, Клайд, Дамбартон, Гринок, Арран, Кинтайр, залив Файн, Обан, остров Сейл, остров Иона, остров Стаффа, снова Обан, Делмели, Глазго...

Такие путешествия просветляют душу.

В таких путешествиях сложно оставаться бесстрастным.

Конечно, Елена и Оливер нежно и страстно полюбили друг друга.

Ведь они не где-нибудь, а в Шотландии. А Шотландия сама по себе — удача. Нигде человек не чувствует себя так легко, так свободно, как в благословенной Богом Шотландии. Где бы путешественники ни находились, мисс Кэмпбелл каждый день ходит любоваться закатом в надежде, что солнце в последнюю минуту бросит на нее, наконец, свой волшебный зеленый луч. А Оливер Синклер берет с собой мольберт и делает наброски живописных местечек...

«Так прошло 26, 27, 28 и 29 августа, и никто не соскучился, несмотря на то, что погода все время была пасмурная. Мисс Кэмпбелл была очень

счастлива тем, что могла покинуть весь этот суетный и любопытный люд, толпящийся в приморских городах; она могла здесь гулять в домашнем платье, без шляпы, и этим давать Оливеру Синклеру возможность любоваться своей хорошенькой белокурой головкой, повязанной широкой голубой лентой. И Оливер Синклер действительно любовался ею, вполне отдавая себе отчет в том глубоком впечатлении, которое она неизменно производит на него. Художник и мисс Кэмпбелл часто просиживали целые часы после захода солнца на какой-нибудь высокой прибрежной скале, любуясь первыми часами спускавшейся на землю ночи...»

Ах, зеленый луч!

Ах, пещера Фингала!

С приключением в пещере Фингала связана история одного невинного литературного обмана.

Добропорядочность Этцеля, его желание десять раз причесать текст, ведь книга в будущем попадет в руки незрелых молодых людей, не раз вызывали протест в душе бывшего парижского прожигателя жизни. Жюль Верн не всегда мог высказать свой протест, не всегда мог доказать свою правоту, поэтому шел на всяческие ухищрения. Так он скрыл присутствие Эстель в романах «Париж в XX веке», «Плавающий город», «Замок в Карпатах», так он поступил и в романе «Зеленый луч».

Историю обмана подробно раскрыл Оливер Дюма в статье «Эллен, Нелл, Лоране и Елена, сестры Эстель».

«Елена, — писал Оливер Дюма о героине «Зеленого луча», — настоящая шотландка, одна из этих благородных дочерей Туле, с голубыми глазами и белокурыми волосами. Она едва не погибает от волн прилива, яростно заполняющих грот Фингала. Только любовь художника спасает девушку от морских волн, как сам Жюль Верн, наверное, хотел бы спасти свою несчастную Эстель, бросившуюся в середине зимы в темные холодные воды Сены...»

«Оливье Синклер — гораздо более француз, чем шотландец, — читаем мы дальше. — Это двойник Жюля Верна. Он и говорит как Жюль Верн (или как капитан Немо, что в общем одно и то же): "Да! Океан — это бесконечность! Бесконечность, которую не видят, но которую чувствуют! Океан — это пространство, все отражающее в себе!.." В романе "Зеленый луч" сначала Елена спасает своего избранника от гибели, помогая ему выбраться из пролива Корриврекана, в котором постоянно бушуют приливные течения и водовороты, а в гроте Фингала они меняются местами...

В XXI главе ("Буря в гроте Фингала") все слова, выбранные Жюлем

Верном, имеют двойной смысл, они полны скрытого эротического значения, они указывают на ощущения, которые Верн, несомненно, знал в объятиях Эстель.

"Вы пришли, чтобы меня спасти, — говорит Елена. — Раз вы уже здесь, я ничего больше не боюсь".

И тогда, после "более мощной волны" Оливье "обхватил молодую девушку своими руками, как добычу, которую море хотело у него отнять..."».

Далее Оливер Дюма цитирует строки романа, в которых художник откровенно «чувствует руки девушки, вцепившиеся ему в поясицу...». И то, как художник «прикрывает всем телом девушку... борется, выгибаясь, чтобы упереться ногами в выступы базальта...».

Оливер Дюма подробно воспроизводит сцену в холодном, наполовину затопленном гроте, в котором в течение ночи «Оливер Синклер "был СТИСНУТ" вместе с девушкой в наиболее глубокой части пещеры... Он чувствовал, что она ЗАСТЫЛА. Он хотел ее СОГРЕТЬ, он хотел передать ей все ТЕПЛО, которое в нем оставалось... Он поддерживал мисс Кэмпбелл, он ПРИКРЫВАЛ ее от УДАРОВ моря... Он боролся, ВЫГИБАЯСЬ, чтобы упереться в выступы базальта... Наконец мисс Кэмпбелл, ИЗНУРЕННАЯ, была охвачена СЛАБОСТЬЮ... "Оливер... Оливер..." — прошептала она, СНИКАЯ в его объятиях... ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛНА захлестнула ее целиком...».

Сексуальность выделенных слов ускользнула от цензуры Этцеля.

«Использованные Жюлем Верном слова достаточно откровенно передают наслаждение, испытанное Еленой, но издатель этого не заметил, хотя в письме замечал, что "Зеленый луч" — "это прекрасное литературное произведение, очень простое, очень нежное и утонченное, которое ждет успех, прежде всего, со стороны отдельных ценителей, чем всей массы читателей". Единственное, на что указал Этцель автору: у Оливера и Елены в глубине грота все-таки было достаточно места, чтобы "не принимать описанных Вами смехотворных поз".

Довольный слепотой издателя Жюль Верн ответил, что принимает все его замечания.

"Они совершенно справедливы"»^[43].

Как-то, уже по возвращении домой, гуляя со своими любимыми родными дядями, влюбленные встретили на берегу отвергнутого Еленой несчастного, но, как всегда, самоуверенного Аристобулуса Урсиклоса. Выслушав взволнованные слова Сэма и Сиба о том, как они счастливы, как они плачут и смеются от радости за судьбу своей племянницы, Аристобулус Урсиклос высокомерно заявляет: «Ну, господа! Как же это так? Как это можно плакать и смеяться по одному и тому же поводу? Ведь что такое улыбка? Это всего лишь непроизвольное движение, свойственное мускулам лица, движение, в котором акт дыхания почти не участвует. А слезы — простая жидкость, смягчающая глазное яблоко...»

Роман с настоящим счастливым концом.

Вот только зеленого луча влюбленные не увидели.

«Зато мы узнали и увидели кое-что получше, — утешает Елена любимого. — Мы узнали и увидели счастье, которое, по словам легенды, может дать только зеленый луч. Так что, дорогой мой, будем довольствоваться тем, что мы получили, и предоставим поиски зеленого луча тем, кто счастья своего еще не нашел...»

ЗЕЛЕНЬКИЙ ЛУЧ

Золотой светясь оправой
С синим морем наравне,
Дремлет город белоглавый,
Отраженный в глубине.
Он сложился из скопленья
Белой облачной гряды
Там, где солнце на мгновенье
Полыхает из воды.
Я отправлюсь в путь-дорогу,
В эти дальние края,
К белоглавному чертогу
Отыщу дорогу я.
Я открою все ворота
Этих облачных высот,
Заходящим оком кто-то
Луч зеленый мне метнет.
Луч, подобный изумруду,
Золотого счастья ключ —
Я его еще добуду,
Мой зеленый слабый луч.
Но бледнеют бастионы,
Башни падают вдали,
Угасает луч зеленый,
Отдаленный от земли.
Только тот, кто духом молод,
Телом жаден и могуч,
В белоглавый прянет город
И зеленый схватит луч!
Н. Заболоцкий

Дом на улице Шарля Дюбуа окружен небольшим садом.

Иногда Жюль Верн прогуливается по саду со спаниелем серой масти по кличке Фоллет. Жители Амьена перешептываются, видя между деревьев седого человека с красивой бородой. О его жизни ходят разные слухи. Этот человек знаменит. О нем много пишут.

В серии «Современные знаменитости» — Жюль Кларети: «Сила писателя Жюля Верна в том, что он заставляет верить и детей и взрослых, ученых и писателей в реальность своих самых увлекательных фантазий...»

В «Иллюстрированной газете» — Жорж Бастар: «Жюль Верн всегда говорит: я хочу писать так, чтобы старший брат мог, не краснея, прочесть своим детям отрывок из любой моей книги...»

В популярной книге «Силуэты парижан» — Олимпия Одуар: «Земля для Жюля Верна — то же самое, что небо для Камиля Фламариона. Взглядом титана он объемлет весь земной шар...»

Да, слава писателя растет, но рука слабеет.

В 1883 году в «Журнале воспитания и развлечения» опубликован роман «Упрямец Керабан». К сожалению, это не кругосветка в 80 дней, не открытие Северо-Западного прохода, не спуск в чудовищные подземные полости, заселенные доисторическими животными, не полет на Луну и не обживание обломка Земли, вырванного необыкновенной кометой. Нет, на этот раз феноменально упрямый турок по имени Керабан просто не желает платить пошлину за проезд через Босфор, на берегах которого родился и вырос. Упрямый турок обещал угостить обедом своего старого друга Ван-Миттена и не желает отменять обед, хотя Ван-Миттен ждет его в Скутари, на другой стороне пролива. И теперь из европейской части города в азиатскую упрямец Керабан собирается добираться вокруг всего Черного моря...

Этцеля не сильно порадовал предложенный Жюлем Верном сюжет.

Ну да, красавица Амазия получит огромную сумму, завещанную ей покойной тетей, если выйдет замуж до шестнадцати лет. Ну да, читатели заинтригованы, ведь срок уже подступил и Ахмет, красивый племянник упрямого турка, горит желанием осчастливить девушку... Но не мало ли этого?

Не порадовал Этцеля и «Архипелаг в огне».

О Греции тогда говорили много, имена греческих героев были на слуху.

Этцель очень хотел получить от Жюль Верна увлекательный роман именно об освободительной борьбе греков. Истинный республиканец, он ждал широкого, насыщенного историческими фактами полотна, но Жюль Верн упрямо, как турок Керабан, заявил: «Этот мой роман — о благородном д'Альбаре и честной Хаджине. Эта девушка жертвует огромным богатством, которое ее отец добыл нечестным путем. А что касается идей и политики, то мое повествование просто связано с войной Греции за независимость».

Конечно, Этцель и не ожидал того, что по роману Жюль Верна в будущем станут изучать историю освободительной борьбы греков. Но Жюль Верн о героях-греках даже не вспомнил. Он написал типичный приключенческий роман о маниотах, заселявших в те годы извилистые мысы, берега заливов и многочисленные мелкие островки Южной Греции. Полуварвары, по определению самого Жюль Верна, маниоты всегда дорожили личной свободой. Покорить их не удалось ни турецким янычарам, ни греческим жандармам. Они без разбору грабили все проходившие мимо их берегов суда, независимо от флагов, развевавшихся на мачтах. Николай Старкос, главный герой романа, любил свой край, знал все его скалы и отмели, его отца замучили турецкие янычары, мать страстно жаждала отмщения, но сын сбежал из дому и... занялся пиратством.

А чем еще заняться в столь диких краях?

«Трудно найти более пустынную и унылую местность, чем побережье мыса Матапан до последней бухты залива. Здесь нет ни апельсиновых, ни лимонных рощ, здесь не произрастают ни шиповник, ни олеандр, ни аргонидский жасмин, здесь не встретишь ни толокнянки, ни смоковницы, ни тутовых деревьев — словом, никакой пышной растительности, которая придает прелесть многим областям Греции. Здесь не увидишь ни златоцвета, ни платана, ни гранатового дерева на фоне темной стены кипарисов и кедров. Повсюду голые обожженные солнцем скалы вулканической формации, готовые при первом подземном толчке низвергнуться в воды залива. Словно колючий чертополох торчат по

берегам кактусы, похожие на маленьких облезлых ежей. Чахлые кривые кустарники, пересохшая трава не в силах прокормить даже коз, столь умеренных и нетребовательных в еде...»

А еще на этих бесприютных берегах кипит торговля рабами!

«В те времена в Аркассе имелся "батистан" — невольничий рынок, подобный тем, какие встречаются теперь только в некоторых городах берберийского побережья. Аркассский батистан вмещал около сотни невольников — мужчин, женщин и детей, захваченных во время последних турецких набегов на Пелопоннес. Невольники беспорядочно толпились на открытом дворе под лучами палящего солнца, и их изодранные одежды, скорбные позы, лица, исполненные отчаяния, много говорили о том, что им пришлось выстрадать. Обездоленные, утолявшие голод скудной и скверной пищей, а жажду — грязной водой, они держались семьями, но лишь до тех пор, пока прихоть покупателя безжалостно не отрывала жен от мужей, детей от родителей. Они способны были вызвать самое глубокое сострадание у всех, кроме приставленных к ним стражей — жестоких "баши", не знавших никакой жалости. И все же надежда на освобождение не покидала пленников. Если, приобретая их, покупатели совершали выгодную сделку, то не менее выгодную сделку они могли совершить и — возвратив рабам свободу, разумеется, за крупный выкуп...»

Этцель обеспокоенно следил за падением интереса к книгам Жюль Верна.

Теперь писатель часто повторялся. Многие сюжеты, предлагаемые им, казались вымученными. Тем не менее в январе 1883 года Этцель перезаключил договор еще на 20 лет. Он понимал, что Жюль Верн все равно остается популярным, к тому же надеялся на новый задуманный им роман («Матиас Шандор»), герой которого должен был стать, по уверениям писателя, настоящим графом Монте-Кристо его «Необыкновенных путешествий».

Испытывая творческие затруднения, Жюль Верн придумывает новый прием.

Надо комбинировать! Надо постоянно комбинировать! Надо уже известные сюжеты использовать в новых сочетаниях. «То ли меня толкает к этому инстинкт драматурга, то ли желание вновь и вновь захватить публику, — пишет Жюль Верн Этцелю. — Сейчас я чрезвычайно увлечен своим "Монте-Кристо", но Вы сами понимаете, что интриговать избалованных читателей на протяжении трех томов теми средствами, какие у нас имеются, сложно...»

В мае 1867 года в городе Триесте бродяги Саркани и Зироне случайно поймали почтового голубя с зашифрованной запиской. Опять криптограмма! Этцель, наверное, поморщился, дойдя до этого места. С помощью бродяги Саркани, вошедшего в доверие к графу Матиасу Шандору, полиция устанавливает, что предназначалась зашифрованная записка другому графу — Ладиславу Затмару, в квартире которого частенько встречались два очень подозрительных венгра: профессор Иштван Батори и граф Матиас Шандор. «Все готово, — гласила расшифрованная в полиции записка. — Ждем распоряжений из Триеста. Получив сигнал, все поднимутся за независимость Венгрии».

С 1699 года Венгрия присоединена к Австрии. По условиям Карловицкого договора образовавшееся при слиянии государство Австро-Венгрия объявлено вечным и неделимым.

Такое в истории, конечно, уже не раз случалось, но графа Матиаса Шандора это не утешает.

Заговор! Самый настоящий заговор!

К несчастью для графа, верх одерживают предатели.

Заговорщики попадают в руки врагов, их заключают в неприступную крепость, из которой им все-таки с трудом удастся бежать.

Страницы, посвященные побегу, несомненно, лучшие в романе.

Через 15 лет в тех же самых местах появляется некий загадочный доктор по имени Антекирт. Об этом докторе по берегам Средиземного моря ходят самые невероятные слухи. Может, он пират... А может, король какого-то африканского государства... А может, опасный политический изгнанник... Никто ничего толком не знает, но обитатели Малой Азии и Восточной Африки обожают своего доктора. Он очень богат — владеет яхтами и другими большими судами. Он знает врачевание, как никто другой. «Клиентура моя рассеяна по всему побережью, — объясняет он своему помощнику. — Если, скажем, больной вызовет меня в Танжер или на Болеарские острова, когда я буду находиться в Суэце, я все равно отправлюсь к больному. То, что врач делает в большом городе, переезжая из квартала в квартал, я делаю на пространстве от Гибралтара до Архипелага, от Адриатики до Лионского залива, от Ионического моря до бухты залива Габес...» Скоро читателям становится понятно, что загадочный доктор Антекирт — это на самом деле не кто иной, как давно исчезнувший с глаз людских граф Матиас Шандор.

И он занят, конечно, мщением!

Мечта, сжигающая его сердце, — жестоко наказать тех, кто сорвал восстание, кто предал и убил многих его друзей, лишил его самого любви и богатства. Доктор не столь хладнокровен, как настоящий граф Монте-Кристо, но столь же упорен в достижении цели. С каждой страницы романа доносится до нас голос Александра Дюма-отца.

«— Вы знали профессора Иштвана Батори?

— Знал, сударыня, и чту всех, кто носит его имя.

— Вы из той же страны, что и он?

— Я ниоткуда, сударыня.

— Кто же вы в таком случае?

— Мертвец, еще не погребенный...»

Этцель, прочтя первый вариант, сделал лишь одно замечание: пусть граф Матиас Шандор будет не просто мстителем, это, пожалуй, мелко для нынешних времен. Пусть граф Матиас Шандор окажется борцом за свободу Венгрии!

В свое время герои Александра Дюма-отца решали проблемы с помощью крепких рук, ловкого ума и больших денег, теперь героям Жюль Верна помогают необыкновенные обстоятельства и необыкновенные машины. Граф Матиас Шандор владеет огромным богатством, — взамен

того, которым когда-то владел и которое подло растратили предатели. Когда-то сбежав из австрийской крепости, он укрылся в Смирне, где, собственно, и стал весьма искусным врачом. Однажды в Хомсе, в Северной Сирии, бывший граф Матиас Шандор, теперь доктор Антекирт, излечил от тяжелой болезни человека по имени Фаз-Рат, который занимал чрезвычайно высокое положение в Османской империи. Вот этот-то человек и оставил графу состояние, позволившее ему строить современные суда и даже приобрести уединенный остров, так им и названный — Антекирт.

Покупка острова позволяет Жюлю Верну снова и снова возвращаться к любимым морским пейзажам, которыми он не раз любовался во время плаваний на «Сен-Мишеле III». Адриатическое море, Рагуза, бухта Катаро, Кастель, Ризано, остров Мальта, Сицилия, Гибралтар, Большой Сирт, Тунисский залив... Если граф Монте-Кристо полагался исключительно на себя, то граф Матиас Шандор полагается на свои стальные кораблестроительные заводы, работающие на электрических двигателях.

«Длиною в сорок один метр и водоизмещением в семьдесят тонн, без мачт и труб, с простой платформой снаружи и металлической рубкой с чечевицеобразными иллюминаторами, предназначенными для рулевого, кораблестроительный мог герметически закрываться и многие часы плыть, не сбиваясь с курса и не тратя времени на борьбу с волнами. Благодаря неслыханной скорости своих судов доктору Антекирту не раз удавалось покрывать огромные расстояния в поразительно короткий срок, и доктор молниеносно переносился от берегов Триполитании к самым глухим островкам Архипелага...»

Неукротимая вера в чудо.

Добавим, в *техническое* чудо.

Жюлю Верну достаточно было бросить читателям намек, вот, дескать, какие у доктора Антекирта поразительные электрические аккумуляторы, и — всё, этого оказывалось достаточно. Электрический аккумулятор! Волшебное сочетание терминов убеждало. Впрочем, заодно с новейшими техническими достижениями доктор Антекирт пользовался и модным в те времена гипнозом: он, например, надежно усыпил Петера Батори — сына своего погибшего друга, чтобы потом незаметно вернуть к жизни; то же самое, но с прямо противоположной целью, он совершил и с предателем Зироне.

В итоге справедливость торжествует: коварный банкир Си-лас Торонталь, доносчики Саркани, Карпена и все их прислужники наказаны, а друзьям героя воздается за страдания.

От сочинений Александра Дюма-отца сочинения Жюль Верна отличаются тем, что по укоренившейся привычке писатель вдруг даже в самые напряженные эпизоды романа пытается внедрить некие полезные сведения.

«В самом деле, — прерывается вдруг действие, — разве не сенуситами совершены самые зверские убийства, зарегистрированные за последние двадцать лет на Африканском континенте? Погибли Берман в Канеме (1863 год), Ван Декен и его спутники на реке Джуба (1865 год), мадемуазель Алексина Тине и ее родные в Уади Абеджухе (1865 год), Дурно-Дюперре и Жубер близ колодца Ин-Азхар (1874 год), преподобные отцы Польмье, Бушар и Миноре за Ин-Калахом (1876 год); были убиты севернее Азджера преподобные отцы Ришар, Мора и Пуплар — члены миссии, направлявшиеся в оазис Гадамес, а на пути в Уарглу — полковник Флаттере, капитаны Масон и Дианус, доктор Гияр, инженеры Беранже и Рош...»

В мае 1884 года Жюль Верн отправился в новое большое плавание.

На этот раз его сопровождали брат Поль, старый приятель Годфруа, сын издателя — Жюль Этцель, а также Мишель. Онорина тоже приняла участие в путешествии, но дожидалась мужа в Алжире. Она плохо переносила качку, зато вполне была утешена тем, как их встречали в чужих портах. Правда, Лиссабон она пропустила и не присутствовала на торжественной встрече с членами Географического общества в Оране.

Взяв на борт Онорину, Жюль Верн повел «Сен-Мишель III» к берегам Мальты.

На подходе к острову они попали в сильнейший шторм, зато потом были — Ла-Валетта, Сицилия (Жюль Верн поднялся к кратеру Этны), Неаполь, Чивитавеккья, Рим, Флоренция. В Венеции писателя удостоили факельного шествия, проведенного прямо перед отелем, в котором он остановился...

«Бедекеры Жюля Верна», как иногда презрительно отзывались о его романах, никогда не бывали придуманными. Если уж он писал о Кадисе, то линия описанных берегов вполне соответствовала реальной, а если восхищался белизной Алжира, то она тоже была увидена им самим.

К середине 1880-х годов относится роман, написанный Жюлем Верном в соавторстве, — «Найденыш с погибшей "Цинтии"».

История мальчика, выросшего в семье норвежского рыбака, заинтересовала Этцеля.

Рукопись ему опять принес Паскаль Груссе. Несомненно, он рос, как писатель, но Этцель отказался публиковать слишком сырое произведение. Правда, речь в нем шла о полярных странах, поэтому Этцель сумел уговорить Жюля Верна поработать в соавторстве. Найденыш в романе Паскаля Груссе изначально был французом, просто его принимали за ирландца. Конечно, Жюль Верн нашел способ оживить действие: пусть этот приемыш, о происхождении которого никто ничего толком не знает, станет моряком и попадет в высокие северные широты.

В итоге мы получили историю Эрика Герсебома, которого еще мальчиком выкрали у его родителей. Подобные истории были в моде в XIX веке, а тут еще полярное путешествие!

Шхуна «Аляска» (стальной таран, электрические прожекторы, взрывчатка для разрушения ледяных полей, топки, в которых вместо угля использовался моржовый и тюлений жир) проделала в одну навигацию кругосветный рейс в арктических водах России и Америки, хотя Эрик Герсебом, в общем, попал на борт шхуны случайно. Человек, который якобы мог рассказать Герсебому о его давным-давно потерянных родителях, находился будто бы на «Веге» — судне пропавшего во льдах полярного исследователя Нильса Норденшельда (1832-1901).

Западное побережье Норвегии...

Берген... Нью-Йорк... Ливерпуль... Балтика...

Проливы Зунд, Каттегат, Скагеррак, Па-де-Кале... Бискайский залив, Атлантика... Залив Святого Лаврентия, Баффинов залив, пролив Банка... А там Ледовитый океан — с мысом Глясе, заливом Коцебу, Чукоткой, Колючинской губой, Большим Ляховским островом... После выхода «Найденыша» опять пошли упорные слухи о том, что знаменитый Жюль Верн — вовсе не кабинетный писатель, а путешественник, скрывающий под псевдонимом свое настоящее имя.

На самом деле на такой вопрос о себе Жюль Верн ответил еще в романе «Дети капитана Гранта». «Вы, очевидно, уже проезжали по этим местам?» — спрашивает лорд Гленарван, глядя, как уверенно Жак Паганель

ведет потерявшийся отряд по бездорожью Патагонии. И Жак Паганель кивает: «Конечно, проезжал. И не раз!»

«На муле?» — уточняет дотошный лорд.

«Нет, сидя в кресле».

День рождения — 8 февраля 1885 года — Жюль Верн отметил еще одним балом.

Писатель оделся трактирщиком, Онорина — трактирщицей. Казалось, вернулись давние, прекрасные времена. Гостей встречали веселые афиши, сочиненные хозяином дома. Плясали в саду американцы в цилиндрах, шотландцы с волынками, черные как уголь негры, арабы в бурнусах. Гости вырядились, как могли, а Онорина дала, наконец, волю своим кулинарным талантам.

Через неделю после проведенного им бала Жюль Верн прочел в Амьенской академии рассказ «Фритт-Флакк». Довольно странный рассказ, особенно на фоне прошедших празднеств. Некий врач гораздо больше интересуется гонорарами, чем здоровьем пациентов. На очередной вызов он вообще отказывается идти. Во-первых, плохая погода; во-вторых, он знает, что пациенту нечем платить. Но вызов повторяется. Над деревушкой и в лесу разражается настоящая буря, трещат сломанные ветром сучья. Узнав, что мать больного готова продать дом, чтобы оплатить его услуги, врач все-таки идет по вызову. Хлещет ливень, падают деревья, но наконец впереди доктор видит освещенное окно.

Он входит в дом.

Он наклоняется над кроватью.

И вдруг видит в постели... самого себя!

И тщетно он пытается помочь несчастному.

Он опоздал. Поздно. Врач «умирает у себя на руках».

Рассказ «Фритт-Флакк» составил компанию фантастическому роману Жюль Верна «Робур-завоеватель»: в октябре 1886 года они вышли под одной обложкой в очередном томе «Необыкновенных путешествий».

Воздушный океан всегда интересовал писателя.

В океане, скажем так, водном — всегда много чудесных отвлекающих моментов, а вот в пустынном прекрасном небе до сих пор живут только птицы и... люди. И там человеку противостоит только сам человек, прежде всего его собственные, ничем не усмиренные желания.

С некоторых пор в разных странах люди слышат с небес торжественную музыку, возможно, гимн, — но американский или английский, понять трудно.

А может, это музыка сфер? Может, это ангелы воздают хвалу Господу?

Возникшую проблему обсуждают на очередном заседании американского Уэлдонского общества его ученые члены. Кто-то высказывает и такое, вполне немислимое предположение: а вдруг мы имеем дело с какой-то еще неизвестной нам искусственной машиной?

Высказанное предположение особенно уязвляет дядюшку Прудента — председателя общества. Правильно! — поддерживает дядюшку Прудента его секретарь Фил Эванс. — Любому здравомыслящему человеку известно, что аппараты тяжелее воздуха летать не могут.

Тогда на трибуну поднимается незнакомец.

«Граждане Соединенных Штатов Америки, — обращается он к насторожившемуся ученому обществу — Я инженер. Меня зовут Робур. Мне сорок лет, хотя на вид не дать и тридцати. У меня завидное здоровье, могучее телосложение, богатырская мускулатура и великолепный желудок, которому мог бы позавидовать даже страус».

Вызывающее вступление, хотя явно справедливое.

«Какого животного напомнила бы голова незнакомца стороннику теории сродства зоологических видов? — спрашивает далее Жюль Верн. И отвечает: — Конечно, голову быка, но освещенную разумом. Вьющиеся волосы с металлическим отливом походили на ворох железных стружек. Ни усов, ни бакенбардов, только бородка, подстриженная на американский лад и не скрывавшая челюстей, мышцы которых свидетельствовали об огромной силе. Кто-то подсчитал, что давление челюстей обыкновенного крокодила достигает четырехсот атмосфер, в то время как давление

челюстей крупной охотничьей собаки не превышает и сотни. Выведена даже и такая курьезная формула: каждому килограмму живого веса собаки соответствует восемь килограммов ее "челюстной силы", а каждому килограмму живого веса крокодила — двенадцать килограммов. Так вот, килограмму живого веса вышеназванного Робура должно было соответствовать не меньше десяти. Следовательно, он занимал среднее положение между собакой и крокодилом...»

Не удивительно, что Этцель не всегда принимал юмор писателя.

«Да, — говорит инженер Робур, — вы все ошибаетесь. Будущее принадлежит исключительно летательным аппаратам тяжелее воздуха. Именно воздух для них — достаточно надежная опора. Если придать столбу упругой материи восходящее движение со скоростью сорок пять метров в секунду, то человек сможет свободно удерживаться на верхнем конце такого воздушного столба при условии, что площадь подошв его башмаков составит не менее одной восьмой квадратного метра. А если скорость этого воздушного потока увеличится до девяноста метров в секунду, человек сможет ступать по воздуху босиком. Заставляя массу воздуха двигаться под действием лопастей винта, можно добиться того же результата».

Таков новый герой Жюль Верна.

Ведет он себя ужасно. Просто по-хамски.

Правда и ученые мужи не отличаются легким характером.

«Вышвырнуть этого наглеца с трибуны! — раздаются требовательные крики. — Пусть убедится, как могут летать предметы тяжелее воздуха!»

Кое-кто даже требует линчевать неизвестного наглеца прямо на месте.

Но страдает не Робур, а председатель и секретарь Уэлдонского ученого общества.

Обоих похищают вместе с трусливым слугой дядюшки Прудента — Фриколлином, негром из Южной Каролины. Все трое (как когда-то профессор Аронакс со своим слугой Конселем и гарпунером Недом Лендом) попадают на борт некоего чудесного корабля, на этот раз летающего.

Поразительный корабль!

Не вертолет, не воздушный шар, но летает!

И не просто летает. По воле капитана он может менять курс!

Казалось бы, вот оно чистое и окончательное доказательство победы аппаратов тяжелее воздуха над любыми воздушными шарами и аэростатами, но, к сожалению, способ доказательств, выбранный инженером Робуром, чрезвычайно уязвил свободолюбивых председателя и

секретаря.

Они возмущены. Они требуют вернуть им свободу.

А чудесный воздушный фрегат Робура скользит среди облаков.

Перегнувшись через борт, невольные пассажиры «Альбатроса» разглядывают проплывающие под ними причудливые извивы рек, холмистые равнины, озера, моря, города. Вот прекрасный повод совершить еще одно необыкновенное путешествие вокруг земного шара — услышать свисток паровоза,двигающегося к Парижу, увидеть белые паруса кораблей, пересекающих океаны. Через Пенсильванию, над рекой Святого Лаврентия — к озеру Онтарио, к Ниагарскому водопаду. Когда еще можно будет посмотреть на все это с высоты птичьего полета? Когда еще можно будет проплыть неторопливо над величественным Тихим океаном, над Алеутскими островами, над заснеженной вершиной Фудзиямы, над желтыми лессовыми равнинами Китая. А там и Эверест, и Гера, и Каспийское море. Долгий волшебный ряд, нежная географическая мелодия. Астрахань, Москва, Санкт-Петербург, Стокгольм, Христиания, Париж, Рим, Тимбукту, даже Южный полюс. Как когда-то профессору Аронаксу и его спутникам представилась невероятная возможность обогнуть планету в глубинах Мирового океана, так теперь дядюшка Прудент и его спутники получают возможность проплыть над всеми океанами планеты, над ее необозримой сушей. Правда, обида пассажиров окрашивает для них весь мир в серые цвета полного неприятия. Да и как иначе? Инженер Робур откровенно презрительно относится к своим пленникам. Он даже приказывает запереть трусливого Фриколина в каюте, как в карцере, чтобы не слышать его причитаний. А когда это не помогает, велит искупать несчастного в океане, опустив его вниз с борта на тросе.

«По какому праву творится такое беззаконие?»

«По праву сильного, конечно!»

«Инженер Робур не имел ни малейшего желания вести свой летательный аппарат над чудесными долинами Индостана. Пересечь Гималаи, чтобы показать, каким великолепным средством воздушного сообщения он обладает, убедить даже тех, кто не хотел поддаваться убеждениям, — вот, собственно, все, чего он добивался. Однако значит ли это, что "Альбатрос" был совершенством, если даже допустить, что в нашем мире можно достигнуть совершенства?

Предоставим судить об этом самому читателю.

Во всяком случае, если в глубине души дядюшка Прудент и его коллега и восхищались замечательным аппаратом для воздушных сообщений, то они и виду не подавали. Прежде всего, они искали случая бежать. Их даже не занимали изумительные картины природы, проносившиеся перед глазами, когда "Альбатрос" пролетал над живописными рубежами Пенджаба.

У подножия Гималаев растянулась целая полоса болотистых мест, над которыми поднимаются вредоносные испарения — область Тераи, где распространена особая местная форма лихорадки. Но это нисколько не тревожило экипаж воздушного корабля, ибо не могло нанести ущерб здоровью людей. "Альбатрос" не спеша направлялся к выступу, который образует Индия на границе с Туркестаном и Китаем. Ранним утром 29 июня перед пассажирами воздушного корабля появилась неповторимая в своей прелести долина Кашмира.

Да, поистине неповторимо это длинное ущелье, образуемое Большими и Малыми Гималаями! Изборозженное сотнями небольших отрогов, которые, отходя от гигантского горного массива и постепенно снижаясь, тянутся вплоть до бассейна Гидаспа, оно орошается водами этой прихотливо бегущей реки, на берегах которой столкнулись армии Пора и Александра в те времена, когда Греция и Индия сошлись в жестокой схватке в самом сердце Азии. Она все так же течет и в наши дни, эта река Гидасп, тогда как два огромных города, основанные великим Македонцем в память об одержанной им победе, бесследно исчезли, так что невозможно даже обнаружить место, где они некогда красовались.

В то утро "Альбатрос" пролетал над Сринагаром.

Дядюшка Прудент и его спутники увидели внизу прекрасный город, раскинувшийся по обоим берегам реки. Натянутые, точно струны,

деревянные мосты. Охотничьи домики с резными балконами. Аллеи, обсаженные стройными тополями, многочисленные каналы, дворцы, храмы, беседки, мечети. Немного поодаль виднелась крепость Гари-Парвата, воздвигнутая на вершине холма, подобно самому грозному из парижских укреплений, воздвигнутому на вершине Мон-Валерьен.

— Будь мы в Европе, — заметил Фил Эванс, — этот город можно было бы принять за Венецию.

— Будь мы в Европе, — подхватил дядюшка Прудент, — мы быстро сумели бы отыскать путь в Америку!»

Последние слова всё определяют.

Однажды, взорвав воздушный фрегат, пленники бегут.

Ни на секунду не останавливает их мысль о том, что, возможно, они уничтожают уникальное, чрезвычайно полезное для человечества изобретение.

Впрочем, когда в следующем году председатель и секретарь Уэлдонского общества благословляют полет аэростата «Вперед», управляемого прославленным американским воздухоплавателем Гарри У. Тиндеромом, случается непредвиденное: высоко в воздухе появляется все увеличивающаяся черная точка.

Это вернулся воздушный фрегат инженера Робура.

Как ни маневрируй, уйти от такого воздушного корабля невозможно.

В короткой стычке с аэростатом аппарат тяжелее воздуха окончательно утверждает свою победу. И снова звучащий с небес мощный голос Робура полон холодного презрения.

«Граждане Соединенных Штатов, мои опыты завершены, — сообщает он пораженным и испуганным землянам. — И я так теперь полагаю, что ничего на свете не следует делать раньше времени. Это относится и к прогрессу: успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов. Надо идти путем постепенного развития, а не путем бурных переворотов. Словом, всему — свой срок! Отдай я сегодня вам свое изобретение, это никому не пошло бы на пользу. Народы мира еще не созрели для единения. Поэтому я навсегда покидаю вас и секрет своего изобретения уношу с собой. Но пройдет время, пройдет какое-то время, и люди научатся не употреблять великие изобретения себе во вред. Вот тогда вы получите в подарок мой великолепный воздушный корабль! А пока прощайте, граждане Соединенных Штатов, прощайте!..»

1886 год начался прекрасно.

Путешествие на «Сен-Мишеле III».

Праздничный бал. Новые тома «Необыкновенных путешествий».

Вроде бы более или менее налаживающиеся отношения с Онориной и падчерицами.

Но из-за новых долгов Мишеля, грозивших ему судом, Жюль Верн вынужден был расстаться с любимой яхтой, причем с приличным убытком, что для скуповатой натуры писателя было вдвойне тяжело: купил за 55 тысяч франков, а продал за 23. Мишель после этого вроде бы уgomонился.

Довольно часто навещал старшего брата Поль с сыновьями.

Сыновей у Поля было трое — Гастон, Морис и Марсель (еще дочь Мари).

«Морис с Марселем, — вспоминал Жан Жюль-Верн, внук писателя^[45], — были типичными представителями золотой молодежи и доставляли отцу не меньше хлопот, чем Мишель Жюлю. В противоположность Морису и Марселю, трудолюбивый Гастон, получив блестящий диплом, служил чиновником в Госсовете, затем поступил на службу в Министерство иностранных дел. На Гастона возлагали большие надежды и отец, и дядя. Жюль Верн вообще чрезвычайно привязался к племяннику, серьезный характер которого был прямой противоположностью легкомыслию его братьев и неуравновешенному нраву собственного сына...»

Но разум племянника вдруг помутился.

В понедельник 9 марта, когда писатель возвращался домой, перед ним вдруг появился Гастон с револьвером в руке. Он был чрезвычайно взволнован. Он что-то беспрестанно выкрикивал. Он просил дядю защитить его от каких-то невидимых, преследующих его врагов, даже указывал на них пальцами. Напрасно Жюль Верн пытался убедить племянника, что рядом с ним никого нет. С криком: «Даже вы не хотите защитить меня!» — Гастон дважды выстрелил из револьвера.

Первая пуля попала в калитку, вторая — раздробила Жюлю сустав над левой ступней.

Прохожие, услышав выстрелы, схватили безумца. Робер Годфруа, друг Жюля Верна, тут же отправил сообщение Этцелю-сыну. Но Жюля в Париже не оказалось, он уехал к больному отцу в Монако. Симон (доверенное лицо издателя) незамедлительно телеграфировал Этцелю-

старшему: «Сегодня, в половине шестого вечера Гастон Верн, охваченный безумием, выпустил две пули в своего дядю».

В книге Жана Жюль-Верна приводится письмо Поля его свояку Леону Гийону.

Поль писал: «Какое ужасное несчастье! Я только что вернулся из Амьена, где видел бедного Гастона, которого поместили в клинику. Мой дорогой ребенок совершенно не осознает того, что он наделал. Он твердит, что хотел только привлечь внимание к своему дяде, чтобы помочь ему, наконец, стать членом Академии. Прокурор Республики и те врачи, которых я видел, заявляют, что Гастон абсолютно невменяем, и его, видимо, поместят в санаторий (в психбольницу)...»

В этой психбольнице Гастон оставался более пятидесяти лет.

Умер он только в 1940 году, совсем в другом веке, в возрасте более восьмидесяти лет.

В наше время пулю из ноги Жюль Верна извлекли бы без всяких проблем, но в те годы медицина была еще крайне несовершенна. Несмотря на действия пяти докторов (четверо из Амьена — Буссави, Деноэль, Пелеве и Фроман, и Верней — из Парижа), рана загноилась. Жюль Верн испытывал огромные мучения. Казалось бы, ничто уже не могло их усилить. Но судьба нанесла писателю новый сокрушительный удар.

17 марта в Монако умер Пьер Жюль Этцель.

Конечно, Жюль Этцель-младший, в руки которого перешло издательство, уже не мог быть для Верна такой надежной опорой, какой был для писателя его отец. Это понимали и тот и другой. Потрясенный, мучающийся от раны Жюль Верн написал Этцелю: «Я глубоко страдаю от того, что в последние минуты меня не было рядом с Вашим благородным отцом, которого я считал и считаю и своим отцом, и я не смог проводить его в последний путь вместе с Вами! Мадам Верн и я, мы проливаем слезы по нашему верному другу...»

«Я уже 24 дня прикован к постели, и у меня просто не осталось никаких сил», — жаловался в октябре Жюль Верн Этцелю-младшему. Только морфий более или менее снимал ужасную боль. Прикованный к постели, Жюль Верн вспоминал детство, и сочинял, сочинял, сочинял стихи. Тетрадь с этими стихами сохранилась до наших дней. В основном это вариации на тему спасительного морфия и множество триолетов, посвященных лечившим его докторам.

Доктору Деноэлю:

У него такой веселый характер,
что не добавишь к этому ни единого слова.
Он такой энергичный, такой хороший,
и всегда такой веселый,
что если он, правда, начнет вас лечить,
то вы умрете от смеха...

Доктору Пелеве («медленно встающему»):

О энергичный, энергичный доктор Пелеве!
Пусть вас не обманывает его имя,
ведь он так быстро приезжает по любому вызову,
он так быстр, так энергичен,
что пусть вас не обманывает
его имя...

Доктору Фроману:

Чем занимается доктор Фроман?
Да тем, что запирает в специальной лечебнице
всех сумасшедших, обнаруженных в департаменте!
Возможно, доктор Фроман
еще больше бы преуспел,
если бы вместо обычных сумасшедших
запирал в лечебнице мудрецов...

Что же касается морфия, то Жюль Верн прославлял его исключительно в сонетах.

О доктор! Воспользуйся, наконец, крыльями Меркурия,
неси поскорее свой драгоценный бальзам!
Ты же видишь: пора делать новый укол,
пора, наконец, поднять меня с этой постели.
Спасибо, доктор, спасибо! Что за беда, если лечение
никак не заканчивается. У нас есть этот спасительный бальзам,
такой спасительный, что Эпикур
должен был изобрести его исключительно для богов.
О, как циркулирует, как обжигает меня горче блаженство!
О, какая нежная благодать овладевает телом!
О, как я тону в бездонном спокойствии!
Ах доктор! Пронзи меня поскорее своей волшебной иглой!
Тысячу, тысячу, тысячу раз благословляю тебя, святой Морфий,
—
безмятежность, созданная богами^[46].

«Я вступил в самую черную полосу моей жизни, — жаловался Жюль Верн одному из друзей. — Конечно, я стараюсь принимать происходящее философски, но будущее выглядит таким темным и страшным. Только упорная работа немного уберегает от все новых и новых бед и разочарований...»

К сожалению, работа тоже не всегда уберегает.

29 мая 1886 года в доме Жюля Верна произошло еще одно событие.

На имя писателя пришло письмо. Некая Мари Дюшен сообщала Жюлю Верну о своем близком бракосочетании. К сожалению, почту в тот день разбирал Мишель, женский почерк сразу привлек его внимание. Мишель вскрыл конверт и бросился к матери. «Вот, смотри! Смотри! И вы еще корили меня! — Мишель откровенно торжествовал. — Оказывается, у меня есть сестра!»

Конечно, Онорина слышала в свое время об отношениях мужа и мадам Дюшен, но когда это было... Конечно, ходили слухи и о других любовных похождениях мужа... Но на фоне безрадостных событий 1886 года появление из прошлого «невидимой» ранее дочери Жюля Верна буквально потрясло ее.

Из работ Оливера Дюма^[47] мы сейчас знаем, что Мари Дюшен о ее настоящем отце рассказала тетя, у которой она воспитывалась — мадам Шатийон. Отцу Мари написала в связи со скорым ее браком с Люсьеном Берже — молодым деловым книготорговцем. Поскольку свадьба была назначена на 12 июня, Мари чрезвычайно важно было получить разрешение фактического отца, поскольку до совершеннолетия ей еще не хватало двадцати дней. Господин Анри Шатийон, опекун Мари, вынужден был собрать семейный совет. Присутствовали Анри Дюшен — брат Мари; Луи Анри Дюшен — ее дядя; Жан Батист Милом — друг семьи; Эдмон Дюшен — другой брат; Клэр Фирмэн Куланкур — еще один дядя и Антуан Депьер — кузен. В итоге все вопросы были благополучно разрешены, и бракосочетание Мари Дюшен с Люсьеном Берже состоялось, как и было ранее назначено, 12 июня 1886 года в Суассоне. Свидетелями со стороны жениха выступили Шарль Берже — его дядя и Норбер Берже — кузен; свидетелями со стороны Мари — Антуан Депьер и мэтр Артюр Делорм — нотариус, друг семьи.

Не было рядом только родителей.

А 15 февраля 1887 года в Нанте умерла Софи Верн.

Жюль Верн не смог поехать даже на похороны матери.

К его болезненной хромоте теперь добавились постоянные головокружения, боли в желудке, проблемы, связанные с диабетом. Печатающийся в «Журнале воспитания и развлечения» роман «Лотерейный билет № 9672» утешить Жюля Верна уже не мог. Слишком много потерь, слишком много боли. Тем не менее он продолжал работать над романом «Север против Юга», о котором упоминал в последнем письме Этцелю-старшему. Герои романа, кстати, чисто приключенческого, проходят, как всегда, через множество испытаний. Одних похищают, другие попадают под массированные обстрелы, третьих приговаривают к смерти южане...

«Седьмого февраля 1862 года вниз по Сент-Джонсу шел пароход "Шанон"».

Многие романы Жюля Верна начинались с подобных фраз. Они стали как бы его стилевым знаком.

«В четыре часа пополудни "Шанон" должен был причалить у местечка Пиколата, обслужив попутно пристани и некоторые форты графств Сент-Джонс и Патнам. Несколькими милями ниже по течению, за Пиколатой, пароход попадал уже в графство Дьювал, граничащее с графством Нассау...»

Паруса поставлены, машины работают. Читатель с первых страниц входит в конфликт, возникший между Джемсом Бербанком — владельцем немалого числа невольников, человеком при этом приличным и воспитанным, и Тексаром, конечно, негодяем. При этом оба они голосуют за рабство, поскольку считают, что отмени сейчас рабство — вся экономика Соединенных Штатов рухнет. По крайней мере на юге. В жарких влажных краях дешевая рабочая сила всегда чрезвычайно нужна — чудесный белый хлопок могут выращивать только черные. Кроме того, так издавна повелось, что самый распоследний белый пьяница и негодяй всегда стоит на ступеньку выше самого законопослушного и богобоязненного дядюшки Тома.

Красота американской природы только подчеркивает напряженность.

«Над лесами с пронзительным клекотом, напоминавшим звук надтреснутой трубы, на широко распростертых крыльях парили белоголовые орлы, кружили кровожадные грифы, огромные выпи — с

острыми, как штык, клювами. У реки, среди камышей и зарослей бамбука мелькали пурпурные фламинго, белели ибисы, словно слетевшие с какого-нибудь древнего мрачного египетского памятника; бродили по болоту огромные пеликаны, вились мириады морских ласточек. Были здесь и ракоеды с зелеными хохолками. И кулики с пурпурным оперением в беловатых крапинках и коричневым пухом. Были жакамары, золотистые зимородки, целый мирок гагар, морских курочек, диких уток из породы свистунов, чирков, зуйков, не говоря уже о буревестниках, водорезах, морских воронах, чайках-фаэтонах, которых порыв ветра может унести до самой середины реки, где водится их любимая добыча — летучие рыбы. На лугах во множестве водились бекасы, морские и болотные кулики, султанки с пестрым оперением. Будто на летающей палитре смешались вместе все цвета — красный, синий, белый, зеленый и желтый. Там и тут куропатки, красноногие голуби с белыми головками...

Хватит, пожалуй. Пропустим часть этой торжественной мантры.

«Таковы были представители животного царства в великолепном поместье Кэмдлес-Бей. К ним, конечно, приходится причислить и негров, закабаленных на плантации. Да и как не причислить негров к скоту, если их всегда можно купить или продать...»

Вот, собственно, и всё. Сверхзадача романа определена.

Дальше будут похищения, будут штурм поместья Кэмдлес-Бей, тайное бегство героев через подземный ход, всяческая перепутаница с братьями-близнецами, гадания о том, в каком именно стане служат сыновья тех или иных героев. Но, в общем, исход противостояния заранее понятен. Морской бой на Хэмптонском рейде только подводит черту.

«Утром 9 марта "Виргиния" собиралась уже атаковать "Миннесоту", один из двух федералистских фрегатов, как вдруг появилось какое-то новое судно, по выражению конфедератов, очень похожее на "ящик из-под сыра". Но это был не ящик из-под сыра, а броненосец "Монитор", посланный для разрушения батарей на Потомаке. Прибыв к устью реки, лейтенант Уорден услышал пальбу на Хэмптон-Роде и сразу поспешил к месту сражения. Став чуть ли не в десяти метрах друг от друга, грозные боевые корабли вели в течение четырех часов жестокую артиллерийскую перестрелку. Наконец "Виргиния", получив пробоину ниже ватерлинии, обратилась в бегство.

"Монитор" одержал чистую победу...»

Называясь роман «Последняя невольница» (как того хотел Жюль Верн), это несколько не изменило бы его тональности. В романе, к сожалению, отсутствует мягкая человечность «Хижины дяди Тома», в 1852 году выпущенной в свет Гарриет Бичер-Стоу (1811—1896). Как ни

сентиментален ее роман, там живые люди общаются с живыми людьми, их боль и радость связаны, а природу они если и замечают, то изредка, мельком, как это и бывает в жизни. Кроткая верность дяди Тома, возможно, выглядела бы анекдотичной, если бы не подтверждалась всегдашней готовностью этого истинного невольника отдать жизнь за хозяина. Дядя Том страдает, он живет, — тогда как герои романа «Север против Юга» всего лишь решают литературную задачу.

Правда, на суде негодяй Тексар бросает в лицо благородному Джемсу Бербанку: «А чего же ты сам не отпустишь на свободу своих негров-рабов, если так держишься за идеи аболиционистов?»

Джемс Бербанк отвечает: «Отпущу!»

И тут же объявляет своих рабов свободными.

Даже управляющий Джемса Бербанка несколько смущен:

«Как? Негры — и вдруг свободные? Негры — и вдруг сами себе господа? Да что же это такое! Это попрание всех человеческих законов!»

Но управляющий оказался прав только в одном: такое решительное и скорое освобождение рабов причинило благородному Джемсу Бербанку ужасные убытки. Возникают волнения, поскольку решение Джемса Бербанка не всем по сердцу Хижины и дома его поместья разграблены и сожжены, от мастерских и лесопилен остались груды дымящихся развалин. Вместо складов, под крышами которых хранились готовые доски и бревна, вместо фабрик с новейшими хлопкоочистительными машинами, гидравлическими прессами и машинами для обработки сахарного тростника — везде только груды закопченного кирпича...

Зато невольники свободны.

Для Жюля Верна это — не пустые слова.

Часть четвертая.

АМЬЕНСКИЙ ЗАТВОРНИК

(1887-1905)

*Когда корабль не приходит в определенный порт
ни в назначенный срок, ни позже,
директор Компании произносит: «Черт!»,
Адмиралтейство: «Боже!»
Оба неправы. Но откуда им знать о том,
что приключилось.
Ведь не допросишь чайку, ни акулу с ее набитым ртом,
не направишь овчарку по следу.
И какие вообще следы в океане? Все это суший бред.
Еще одно торжество воды в состязании с сушей.
В океане все происходит вдруг.
Но потом еще долго волна теребит скитальцев:
доски, обломки мачты и спасательный круг;
все — без отпечатка пальцев.
И потом наступает осень, за ней — зима.
Сильно дует сирокко.*

*Лучшего адвоката молчаливые волны могут свести с ума красотой
заката.*

*И становится ясно, что нечего вопрошать
ни посредством горла, ни с помощью радиозонда
синюю рябь, продолжающую улучшать
линию горизонта.*

*Что-то мелькает в газетах, толкующих так и сяк
факты, которых, собственно, кот наплакал.*

*Женщина в чем-то коричневом хватается за косяк
и оседает на пол.*

Горизонт улучшается. В воздухе соль и йод.

Вдалеке на волне покачивается какой-то безымянный предмет.

И колокол глухо бьет в помещении Ллойда.

Иосиф Бродский^[48]

«Два года каникул». — Расчеты горного инженера Бадуро. — Мир вверх дном. — Любовь артиллериста. — Приключения акробатов и обезьяны за полярным кругом. — Любовь небесная и любовь земная. — Воспоминания о «золотом веке». — Долгий путь в Пекин. — Кавалер ордена Почетного легиона. — Литературные обиды. — Мишель. — Снова Мишель. — Сорт орехов, которые нравятся неграм. — Стандарт-Айленд. — Музыкальные концерты на стальном острове. — Статья Мэри А. Бэллок. — «Бедный Пим... Нельзя забывать о бедном Пиме...» — Магнитная скала на Южном полюсе. — Спор сумасшедших: Эжен Тюрпен и Тома Рок. — Статья Герберта Уэллса. — «Завещание чудака». — Дело Дрейфуса. — Споры с Мишелем. — Фурьерист Кауджер. — Суета сует и всяческая суета. — Деревня говорящих обезьян. — Окончательное решение Робура-завоевателя. — Страсти по золотому болиду. — История человеческой цивилизации. — Драма в Лифляндии. — Смерть Жюля Верна. — Посмертные романы. — Мишель: Последний Мститель

Африканские работорговцы переловлены (не все, к сожалению), Гражданская война в США закончилась (правда, большой вопрос: заканчиваются ли вообще гражданские войны?), отношения с пруссаками несколько смягчились, каждый день в жизнь вторгаются необыкновенные (иногда пугающие) новинки науки и техники...

Но стоит ли строить иллюзии? Пока жив человек, будет томить его это темное доисторическое желание — иметь рабов или самому оставаться рабом.

Роман Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» тоже ведь вызвал неоднозначную реакцию. Ну да, рабство губит душу. Но ведь как по-разному могут относиться к этому явлению разные по характеру люди! Мистер Шелби — гуманно. Собственно, он продает дядю Тома только потому, что должен заплатить долги, как когда-то Робинзон продал мальчика Ксу-ри. Либеральный мистер Сен-Клер освобождает дядю Тома потому, что так хотела его умирающая дочь Евангелина. А вот жестокий плантатор Легри, не задумываясь, приказывает запереть дядю Тома до смерти, чтобы другим впредь было неповадно думать о свободе...

Когда Жюль Верн писал «Последнюю невольницу», в окончательном варианте превратившуюся в роман «Север против Юга», он явно осознавал эту психологическую (на генном уровне) сложность. Тексар (один из героев романа), например, вполне идейный южанин и вполне убежденный сторонник рабства. Но при этом он еще и человек, вполне способный на какие-то душевные движения. Правда, чтобы выразить эти душевные движения, нужны силы, а Жюль Верн устал...

Он болезненно воспринимает падающий интерес читателей к его книгам.

Чтобы понять, чего же хотят сегодняшние читатели, Жюль Верн, по предложению Этцеля-младшего, согласился на нелегкую поездку в Антверпен и Льеж, где читал отрывки из своих романов.

Вполне успешно, и всё же, всё же...

Развивающаяся фотография, молодой кинематограф, агрессивная, во все сующая свой нос журналистика позволяли теперь обывателю (массовому читателю) гораздо быстрее и эффективнее, чем с помощью чтения, знакомиться с самыми отдаленными уголками планеты, а развитие железнодорожного и морского сообщения помогало без опасности для

здоровья совершать самые сложные путешествия...

8 февраля 1888 года Жюль Верну исполнилось 60 лет.

В Амьенской академии он давно свой человек, но дома — сложно.

С Онориной разговоры не получались, падчерицы к его книгам интереса не проявляли, общение с дочерью («невидимой невестой») было категорически исключено.

Очередной роман «Семья без имени», посвященный истории Канады, был принят без интереса.

В «Журнале воспитания и развлечения» Этцель-младший напечатал «Два года каникул». Критики не то что не писали о нем — они попросту роман не заметили.

Да и то...

«Итак, напрасно было идти на восток отыскивать спасение. Бриан был прав. Этот мнимый материк был окружен со всех сторон водой... Это был остров, и вот почему Франсуа Бо-дуэн не мог отсюда выбраться.

Общие начертания острова были довольно точно воспроизведены.

Расстояние, конечно, было определено не по тригонометрическим измерениям, а по времени, которое нужно было, чтобы его пройти; но ошибки были не очень большие.

Бодуэн исследовал весь остров, так как он нанес на карту все подробности, и, наверно, листовенную беседку и плотину через речку он сделал сам.

Вот какой вид имел остров по чертежу Франсуа Бодуэна.

Он был продолговатый и походил на огромную бабочку с распушенными крыльями. Он суживался в центральной части между *Sloughi-Bay* и другой бухтой, на востоке; на юге была третья, более открытая бухта, в середине громадных лесов находилось большое озеро, длиной в восемнадцать миль и шириной в пять — вот почему мальчишки, придя к озеру с запада, не увидели противоположного берега. Вот почему с первого раза они приняли его за море! Много рек вытекало из этого озера, и одна из них, протекая мимо пещеры, впадала в *Sloughi-Bay*.

Единственной возвышенностью этой местности были скалы, шедшие наискось от мыса к правому берегу реки. Северная часть острова обозначалась на карте бесплодной и песчаной, а за рекой шли болота, оканчивавшиеся к югу острым мысом. На северо-востоке и юго-востоке шли дюны, придававшие этой части берега совсем другой вид, нежели

берег *Sloughi-Bay*.

Если принимать во внимание начерченную внизу карты шкалу, остров должен был иметь в длину пятьдесят миль с севера на юг и в ширину двадцать пять с востока на запад. Принимая во внимание все неправильности его очертания, озеро имело пятьдесят миль в окружности.

Нельзя было точно определить, к какой группе Полинезийских островов принадлежал этот остров.

По всей вероятности, мальчикам придется остаться здесь надолго...»

У всех робинзонад, так считал Этцель, есть один существенный недостаток.

Любой Робинзон стремится лишь к одной цели — *вернуться* в общество. А целью человека вообще должна быть жизнь в обществе.

Другими словами — *развитие* общества.

В мае Жюль Верн вновь избрали членом амьенского муниципалитета.

Никаких пламенных выступлений, никаких резких высказываний, но знаменитый писатель всегда считался приверженцем левых. Интерес к тому, что происходит не только в Амьене, не только во Франции, подвигнул его вернуться к почти уже забытым артиллеристам.

Война в США закончилась, и балтиморский «Пушечный клуб» захирел.

«Неужели никогда больше не возникнут такие международные осложнения, которые позволят нам объявить войну хоть какой-нибудь заморской державе?» — жаловался секретарь клуба Дж. Т. Мэстон, человек с заплаткой на черепе и с металлическим крючком вместо правой кисти.

И дружно кивают, поддерживая озабоченность своего неперменного секретаря, Импи Барбикен — председатель клуба, славный капитан Николь, Том Хэнтер на деревянной ноге, непоседливый Билсби, решительный полковник Блумсбери и все-все остальные. У каждого чего-то не хватает — руки, ноги, пальцев, ребер, ума, но они и теперь, по прошествии многих лет со дня выстрела в сторону Луны, остаются горячими, отчаянными авантюристами, готовыми кинуться в любое, самое необыкновенное приключение.

И они кинулись!

«К сведению всех обитателей земного шара!

Обширные области вокруг Северного полюса, находящиеся за восемьдесят четвертым градусом северной широты, до сих пор никем не эксплуатируются всего только по одной причине: *они пока никем не открыты...*»

Замечательное заявление. Оно дает возможность еще и еще раз напомнить читателям о том, когда и до какой широты поднимались отважные полярные исследователи — Парри, Маркам, Локвуд, Брэнард. Дальше их действительно никто не ходил, так что территории вокруг Северного полюса и впрямь можно считать ничейными.

А раз так, то почему не продать пустующие территории с аукциона?

«В Балтиморе, — сообщают газеты, — образовано общество под названием "Арктическая промышленная компания". Официально это общество представляет интересы Соединенных Штатов Америки и предполагает, в соответствии с законно составленным актом, приобрести в полную собственность всю арктическую недвижимость — с ее материками, островами, морями, озерами, реками, ручьями и потоками любого рода, независимо от того, покрыты они вечным льдом или в летнее время освобождаются от ледяного покрова».

После долгой подготовки аукцион состоялся.

И проданы были, наконец, необозримые ледяные пространства — той же «Арктической промышленной компании», возглавляемой Импи Барбикиеном и его коллегами-артиллеристами.

Зачем им понадобились необитаемые земли?

Ответ прост. Энергии! Энергии! И еще раз — энергии!

Цивилизация, избрав технологический путь, постоянно нуждается в энергии.

Нет сомнений, что в земных пластах высоких северных широт таятся невероятные залежи самых высококачественных каменных углей. (Надо помнить, что XIX век — это эпоха паровых машин, двигатель внутреннего сгорания и электрические моторы только еще создавались.) Недоступность арктических пространств? Это не проблема. «Если человек не может подойти к полюсу, полюс сам к нему подойдет», — утверждает председатель «Пушечного клуба». Что для этого надо? Да просто изменить наклон земной оси. Как только земная ось встанет перпендикулярно

эклиптике, климат на нашей планете кардинально изменится. Навсегда исчезнут изнурительные смены времен года — иссушающая жара, ледяные вихри, снегопады, тропические дожди. Северные просторы сбросят с себя льды, как старую надоевшую шубу.

Но возможно ли проделать такое?

По просьбе Жюль Верна горный инженер Бадуро, очень неплохой математик, проделал все необходимые расчеты. И вовсе не только из дружеских чувств: писатель выкупил у него все эти расчеты за две с половиной тысячи франков. Денег, конечно, жаль, зато Жюль Верн напечатал статью отдельным приложением к своему роману, а самого инженера вывел в романе «Вверх дном» под именем Алкида Пьердэ. Именно этот придирчивый француз обнаружит ошибку в вычислениях неперменного секретаря «Пушечного клуба».

Чтобы изменить наклон земной оси, понадобится гигантская пушка.

Ну, это тоже не проблема. Благодаря заводам Круппа все армии мира давно перевооружились. Надо лишь втайне от всех пробурить цилиндрическую галерею в чудовищной толще африканской горы Килиманджаро. Из этого «ствола» и будет выброшен в южном направлении снаряд весом в 180 тысяч тонн — тогда мощная сила отдачи изменит наклон земной оси.

Жюль Верн на своем коньке.

Он точно указывает линию, по которой пройдет новый нулевой меридиан.

От Северного полюса (нового, разумеется) — через Дублин, Париж, Палермо. Затем по заливу Большой Сирт — у берегов Триполитании. Далее через Обеид в Дарфуре, горную цепь Килиманджаро, через Мадагаскар и остров Кергелен. И, наконец, через Южный полюс (тоже, понятно, новый). Дальше острова Кука... Британская Колумбия... территория Новой Англии...

А новый экватор так же точно пройдет теперь через гору Килиманджаро (главную точку отсчета), через Индийский океан, Гоа, Чикакол, Мангалу в королевстве Сиам, Кешо в Тонкине, через Гонконг. Новый экватор пересечет Кордильеры по территории Аргентины, превратит остров Святой Елены в тропики, и все такое прочее.

Не навредит ли это жителям нашей Земли?

Навредит!

И еще как!

Правда, выстрел чудовищного орудия будет направлен в сторону юга, значит, больше всего пострадают страны в основном малонаселенные,

дикие. От потери каннибалов, скажем, мировая цивилизация не много потеряет. А если в результате чудовищной отдачи Атлантический океан все-таки катастрофически обмелеет, то между Америкой и Европой там и сям выступят обширные новые территории, которые Соединенные Штаты, Англия, Франция, Испания, Италия и Португалия могут при желании присоединить к своим владениям. Надо помнить при этом, что через некоторое время города, расположенные в прибрежной полосе той же Западной Европы и Америки, сами окажутся на горных высотах в области разреженного воздуха; этой участи подвергнутся Нью-Йорк, Филадельфия, Чарлстон, Лиссабон, Мадрид, Париж, Лондон, Эдинбург...

Вот вам новый кардинальный раздел мира, не потребовавший ни флота, ни армии, ни боевых воздушных шаров.

Океанские воды затопят большую часть азиатской России, Индию, Китай, Японию, Аляску. Уральские горы будут торчать из-под воды, но не высоко. А вот Санкт-Петербург, Калькутта, Бангкок, Сайгон, Пекин, Токио полностью исчезнут под слоем морской воды. Пора, пора русским, индусам, сиамцам, китайцам, японцам, корейцам подумать о срочном переселении!

В романе «Вверх дном» опять множество столь любимых писателем перечислений.

Нельзя удержаться от соблазна (в конце концов, мы говорим о стиле писателя) перечислить хотя бы те газеты, которые, плюнув на грядущую катастрофу, старались заработать все новые и новые деньги, выбрасывая на рынок свои бешеные, свои поистине безумные тиражи.

Это «Новости». Это «Новое время». Это «Кронштадтский вестник», «Московская газета», «Русское дело», «Гражданин», «Хандельсблат», «Фатерланд», «Новая Баденская крестьянская газета», «Магдебургская газета», «Нойе фрайе прессе», «Берлинер тагеблат», «Экстраблат», «Почта», «Народная газета», «Биржевой курьер», «Сибирская газета», «Газетт де ля круа», «Газетт де Восс», «Германия», «Коррео», «Иберия», «Тан», «Фигаро», «Энтрасижан», «Юниверс», «Жюстис», «Републик Франсез», «Оторитэ», «Пресс», «Матэн», «Девятнадцатый век», «Либерте», «Иллюстрасион», «Мир в картинах», «Ревю де Монд», «Трибуна», «Оссерваторе романо», «Эссерсито Романо», «Фанфулла», «Реформа», «Эфимерис», «Кубинский курьер», «Аллахабадский колонист», «Эдинбургское обозрение», «Шотландец» и т. д. и т. д.

Давайте «Шотландцем» и закончим, хотя список Жюль Верна раза в три длиннее.

Согласитесь, даже в этих чудовищных перечислениях живет своя

поэзия — перед нами будто поворачивается земной шар...

Кстати, в события романа «Вверх дном» вторгается любовь.

Впрочем, любовь эта, скажем так, необычна, даже экстравагантна.

«К величайшему моему сожалению, миссис Скорбит, — утверждает в личной беседе Дж. Т. Мастон, бессменный секретарь "Пушечного клуба", — у женщины от природы такое строение мозга, что ей никогда не стать Архимедом или тем более Ньютоном».

Он утверждает это, не спуская с миссис Скорбит влюбленного взгляда.

«По-вашему получается, мистер Мастон, — отвечает ему таким же влюбленным взглядом миссис Эванджелина Скорбит, вложившая, кстати, весьма немалые деньги в новый проект артиллеристов, — ни одна женщина, увидев падающее яблоко, не могла бы открыть закон всемирного тяготения?»

«Да, это так. Это именно так, — кивает непременный секретарь. — Увидев падающее яблоко, милая миссис Скорбит, любая женщина попросту подобрала бы его и съела, по примеру нашей прародительницы Евы. С тех пор как на земле живут люди, не рождалось еще ни одной женщины, которая сумела бы, пусть частично, сравниться с такими гигантами ума, как Аристотель, Евклид, Кеплер и Лаплас».

Эванджелина Скорбит загадочно улыбается:

«Разве только прошлое определяет наше будущее?»

В «Журнале воспитания и развлечения» в 1890 году был напечатан роман «Цезарь Каскабель» — история бродячих акробатов, решивших добраться из Сакраменто до Нормандии (вспомним упрямого турка Керабана) своим ходом, не тратя ни цента на слишком дорогие билеты на поезд или корабль.

Сумасшедших идей всегда высказывается много, вот только за их исполнение берутся не все.

Семейство Цезаря Каскабеля взялось.

Всего-то там — пересечь Аляску, Берингов пролив, Сибирь да Россию.

Тут главное не расстояние. Тут главное — окупится ли все-таки переход? Полюбят ли чудеса цирка эскимосы и чукчи, якуты да юкагиры? Поймут ли они прелесть циркового искусства?

Сьерра-Невада...

Полуостров Юкон...

В Беринговом проливе фургон бродячих акробатов застрял среди торосов...

Дальше — больше. Вечные льды увлекают отважную семью к Ляховским островам.

А там уже и устье Лены, Оленек, Хатанга, Енисей, Обь. Семья Каскабелей — Цезарь, Корнелия, Жан и Александр — невероятно упорна. Вот только обезьянка, делящая с ними все радости и тяготы этого пути, постепенно теряет бодрость и со смиренным ужасом поглядывает на нескончаемые белые снега. Хорошо, к бродячей труппе, благодаря обаянию Кайеты, тоже циркачки, присоединяется русский граф Сергей Наркин.

Почему граф? Да потому, наверное, что русский.

Северные сияния... Обезьяна, тоскующая среди вечных льдов...

Нет-нет, «Цезарь Каскабель» не прибавил Жюлю Верну популярности...

Приезжал из Парижа Мишель, садился в кресло. С Мишелем можно было беседовать о сюжетах. Оригинальных сюжетов в мировой литературе не так уж много, трудно придумать новый. У Мишеля воображение работало интересно, отец прислушивался, начинал смотреть на сюжет по-новому. В конце концов, если трудно придумать что-то новое, надо научиться комбинировать уже известное.

Таким вот «комбинированным» романом оказалась книга Жюль Верна «Миссис Браникан». При внимательном чтении явственно ощущается ее внутренний разнобой, чувствуются отзвуки каких-то давным-давно уже написанных (в том числе самим Жюлем Верном) книг...

Завязка проста: любящая женщина отправляется на поиски потерявшегося в дальних морях мужа. Заранее можно сказать, что испытаний на долю верной миссис Браникан выпадет неисчислимо много. Но так же уверенно можно предположить, что верная миссис Браникан все эти испытания преодолееет.

Ах эти вечные страдания «соломенных» вдов!

Трехмачтовая шхуна «Франклин» ушла из Сан-Диего (США) в Калькутту.

Где-то там, в южных морях, эта шхуна и пропала. Только иногда до миссис Браникан неясные слухи о том, что ее несчастного мужа якобы видели то в Тиморском море, то у побережья Гоа, то где-то в южной части Аравийского моря. (Работая над романом, Жюль Верн, несомненно, не раз вспоминал общительную и разговорчивую госпожу Самбен — вдову нантского капитана дальнего плавания, действительно пропавшего где-то у берегов Индии.) Когда в Сан-Диего пришел корабль с очередным случайным вестником, спешащая миссис Браникан вместе с маленьким ребенком выпала из шлюпки в море — после случайного столкновения с буксиром. Ребенок погиб (правда, подсознание читателя не хочет мириться с этим), а несчастная мать потеряла рассудок. В такой ситуации, конечно, найдется человек, который без зазрения совести начнет извлекать пользу из случившегося...

Впрочем, Этцель-старший не зря приучал писателя к счастливым

финалам.

Со временем выясняется, что мир не так уж и плох: и неизлечимые болезни излечиваются, добро побеждает зло, верные жены находят своих мужей, где бы они ни терялись. «Я вообще издал бы закон против романов с несчастливым окончанием, — писал в «Автобиографии» Чарлз Дарвин, можно сказать, объективный читатель. — Никакой роман на мой вкус не подходит под категорию первоклассного, если в нем нет хоть одного лица, внушающего безусловную любовь, а если это к тому же хорошенькая женщина, то и того лучше»^[49].

Годом раньше Жюль Верн напечатал в «Трудах Амьенской академии» фантастический рассказ «В XXIX веке. Один день из жизни американского журналиста в 2889 году».

И написал сказку — «Семья Ратон».

К сожалению, нездоровье все сильнее сказывается. И все чаще издатель напоминает: «Ищите новое, мэтр!» Этцель в общем прав. Современная публика давно избалована романами с продолжениями. Такие романы можно читать с любого места, а это, согласитесь, чрезвычайно удобно. «Учитесь конкурировать с молодыми, мэтр!»

«Труд для меня — источник единственного и подлинного счастья, — не раз повторял журналистам писатель. — Стоит мне закончить очередную книгу, как я чувствую себя несчастным. И не нахожу покоя до тех пор, пока не начну следующую.

Праздность для меня — пытка».

О романе «Замок в Карпатах» стоит поговорить.

«Это романтическая быль, — сразу предупреждает автор, — хотя кому-то описанные события могут показаться маловероятными. Но таков уж наш XIX век. То, что сегодня кажется загадочным и сложным, — завтра станет простым и понятным благодаря достижениям науки».

Молодость Жюль Верна прошла в парижских театрах.

Превосходный пианист и поэт, он сам написал множество стихов, либретто к опереттам и операм, водевилей, позже — пьес. Конечно, на романе лежит отблеск юности, в нем отсветы любви к Эстель. Свет ее освещает страницы романа. Потому, наверное, герои его не ищут потерявшихся в Мировом океане капитанов, не поднимаются в стратосферу на воздушных шарах, полярные медведи им не перебегают дорогу, и ужасные землетрясения не разрушают дома...

«В те годы в театре Сан-Карло выступала певица, чей изумительный голос и драматический талант приводили в восхищение истинных ценителей бельканто. Стилла (даже имя ее близко по звучанию к имени Эстель. — Г. П.) пела только на итальянской сцене и исполняла только итальянскую музыку. Театры "Кариньян" в Турине, "Ла Скала" в Милане, "Фениче" в Венеции, "Альфиери" во Флоренции, "Аполло" в Риме и "Сан-Карло" в Неаполе наперебой приглашали ее. Триумфы примадонны не оставляли места для сожалений, что она не появляется на сценах других стран Европы. Стилле исполнилось двадцать пять, красота ее была совершенна: золотистые волосы, глубокие черные глаза, в которых таинственными огоньками отражались огни рампы; правильные черты лица и нежный румянец, фигура, точно изваянная Праксителем. И сверх всего — высший артистизм...»

Когда-то Жюль Верн уже описывал эту героиню.

«Люси была восхитительна, сама свежесть, как едва раскрывшийся бутон, являющий взору образ чистого, хрупкого. Ее длинные светлые локоны свободно, по моде дня падали на плечи; ее глаза бездонной голубизны, полные наивности взгляд, кокетливый носик с маленькими прозрачными ноздрями, слегка увлажненный росой рот, чуть небрежная грация шеи, нежные, гибкие руки, элегантные линии талии — все это очаровывало юношу, от восторга он потерял дар речи. Девушка была живой поэзией, он воспринимал ее больше чувствами, ощущениями, нежели

зрением, она скорее запечатлелась в его сердце, чем в глазах...»

Это из романа «Париж в XX веке» (не напечатанного при жизни Жюль Верна). Так он описывал — под именем Люси, «белокурой красавицы» — мадам Дюшен. А в романе «Замок в Карпатах» вновь вернулся к ней, теперь под именем Стиллы.

У неординарной героини и поклонники неординарные.

Прежде всего, это барон Рудольф фон Гортц — человек мрачный, нелюдимый.

«В каком бы городе ни выступала Стилла, в театре неизменно появлялся высокий мужчина в длинном темном пальто и широкополой шляпе, низко надвинутой на лоб. Таинственный незнакомец скрывался в забранной решеткой ложе, которую заранее специально заказывал для себя. Он сидел там, неподвижный и молчаливый, но как только заканчивалась финальная ария Стиллы, исчезал. Пение других певцов его не интересовало».

Личного знакомства с певицей барон фон Гортц не ищет.

Как истинный поклонник, он просто следует за ее концертами из города в город (как Мишель Верн следовал по городам Франции за концертами актрисы Терезы Дюгазон).

«Лет тридцати двух на вид, — так выглядит другой герой романа граф Франц де Телек, — высокий, черноглазый красавец, с правильными чертами лица, темно-каштановыми волосами и коротко подстриженной бородкой, с чуть грустным, но гордым выражением лица...»

Барон и граф.

Один жаждет души.

Другой жаждет тела.

Как это ни парадоксально, но мрачный барон фон Гортц и впрямь живет исключительно ради волшебного голоса Стиллы. Да пусть она выходит замуж, это ее личное дело, пусть она делает все, что угодно, лишь бы как можно дольше не покидала сцену. Барон ни одного укоряющего слова не сказал бы графу, если бы тот стал мужем певицы, — пусть только она не оставляет сцену! Но граф де Телек по-своему смотрит на происходящее в мире. Он собирается жениться на Силле, собирается отнять ее у поклонников. К величайшему горю барона фон Гортца, певица отвечает графу взаимностью. Договоренность о свадьбе достигнута, и Стилла дает прощальный концерт. Никогда ее голос еще не был столь проникновенным и нежным. Но, исполняя заключительную сцену из оперы «Орландо» — («Innamorata, mio cuore tremane Voglio morire...»), — певица падает замертво...

Проходят годы. Печальный граф де Телек путешествует по Европе.

Кстати, род графов де Телеков — один из древнейших в Румынии. Он «значился среди самых именитых родов страны еще до того, как в начале XVI века Румыния (Трансильвания. — Г. П.) обрела независимость. Его представители были среди главных участников важнейших политических событий, вошедших в отечественную историю».

Жюль Верн любил такие справки.

Но читателю интересен сюжет, поэтому однажды в глухой карпатской деревушке граф де Телек видит мрачный замок, расположенный на склоне такой же мрачной горы. Станные вещи, видимо, происходят в замке. То слышится завывание штормовой сирены, то вспыхивает, вонзаясь в небо, широкий и яркий луч света.

«— Кстати, господа, вы ведь еще не сказали мне, кому принадлежит замок?

— Древнему роду, происходящему из здешних мест, семейству баронов фон Гортцев.

— Семейству фон Гортцев? — изумился Франц де Телек. -Да.

— И барон Рудольф из этой семьи?

— Да, это так, граф».

Ведомый воспоминаниями граф проникает в замок.

Он не знает, зачем ему это. Может, удастся поговорить с мрачным бароном о своей великой, но уже потерянной любви. Он об этом не думает. Просто минует темные арки, поднимается по загадочным лестницам. «И тут на площадке появилась какая-то неясная тень. Это была женщина с распущенными волосами, в длинных белых одеждах; она стояла, вытянув руки вперед. Не в таком ли белом платье, вспомнил граф, выходила Стилла в финальной сцене "Орландо"?»

«*Nel giardino de'mille fiori, Andiamo, mio cuore...*» Да, граф узнает голос... Но это, к сожалению, только голос... Это всего лишь волшебный голос Силлы, записанный на валик фонографа, не так давно изобретенного Эдисоном. Вот она, любовь второй половины XIX века — земная и небесная. Вот он, новый путь, найденный Жюлем Верном, путь, который так охотно разрабатывал в будущем Герберт Уэллс, и разве только он? Этим, в сущности, занималась вся мировая литература XX века. Нелюдимый барон жаждет света и музыки — для всех! А граф де Телек,

человек открытый и светлый, мечтает упрятать великую певицу в своем поместье. *Для себя!*

Да, герой мрачный, темный, загадочный, изначально не соотносимый ни с добром, ни с прочими человеческими добродетелями, страстно мечтает сохранить только голос гениальной певицы. Только голос, но — для всех! А герой, изначально светлый, склонный к добру, ведомый вечными страстями, так же страстно мечтает о том, чтобы отнять этот голос у человечества.

Для себя!

Но человек не вечен.

А голос — можно сохранить.

И барон добивается своего — с помощью некоего Орфаника.

Орфаник — это странный субъект, всегда размахивающий руками, разговаривающий сам с собой. Непризнанный ученый, честолюбивый изобретатель, всю жизнь гонявшийся за химерами. Таланты его, наконец, нашли достойное применение на службе у Рудольфа фон Гортца. «В те годы только-только было открыто электричество, по праву названное "душой Вселенной"». И вот Орфаник довел применение электричества до совершенства. Построенный им прибор помогал слышать на любом расстоянии — два человека, разделенные тысячами миль, могли беседовать так, будто сидели друг против друга. В итоге барон уединился со своим помощником в своем старинном карпатском замке и проводил там долгие часы, слушая божественный голос Стиллы, записанный прибором Орфаника. И он не только слушал Стиллу, он видел ее: точно живая, стояла певица перед его глазами, потому что еще в Неаполе барон заказал портрет певицы. Она была изображена в полный рост в белом платье Анжелики из «Орландо», с роскошными длинными распущенными волосами. При помощи зеркал, наклоненных под точно рассчитанными углами, и мощного источника света, освещавшего портрет, «живое» изображение Стиллы возникало во всем блеске ее истинной красоты.

«Nel giardino de'mille fiori, Andiamo, mio cuore...» Кто знает, что происходит в душе усталого писателя, когда он вспоминает давно прошедшее? Почему, выглянув из окна, он сегодня слышит любимый, пусть и утраченный голос или трель соловья, а завтра не видит и не слышит ничего, кроме фауны и флоры?..

Жюль Верн охотно читал появляющиеся во Франции переводы русских писателей.

«Мне приснился совершенно неожиданный для меня сон, — подчеркнул он для себя карандашом строки в переводе романа «Подросток». — В Дрездене, в галерее, есть картина Клода Лоррена, по каталогу — "Асиз и Галатея"; я же называл ее всегда "Золотым веком"... Эта-то картина мне и приснилась, но не как картина, а как будто какая-то быль... уголок греческого Архипелага, причем и время как бы перешло за три тысячи лет назад; голубые, ласковые волны, острова и скалы, цветущее побережье, волшебная панорама вдали, заходящее зовущее солнце... О, тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные; луга и рощи наполнялись их песнями и веселыми криками; великий избыток непочатых сил уходил в любовь и в простодушную радость. Солнце обливало их теплом и светом, радуясь на своих прекрасных детей... Чудный сон, высокое заблуждение человечества! Золотой век — мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы...»

И далее: «Был уже полный вечер; в окно моей маленькой комнаты сквозь зелень стоявших на окне цветов прорывался пук косых лучей и обливал меня светом... Это заходящее солнце первого дня европейского человечества, которое я видел во сне моем, обратилось для меня тотчас... в заходящее солнце последнего дня европейского человечества!...»

Последние дни европейского человечества...

В декабре 1892 года вышел в свет новый роман Жюль Верна — «Клодиус Бомбарнак», записки французского репортера, путешествующего по Великой Трансазиатской магистрали.

Жюль Верн опять писал о России, которая чрезвычайно его привлекала, но о которой он, к сожалению, знал меньше, чем о Северо-Западном проходе или Северном полюсе, потому что о полярных странах существовали отчеты серьезных исследователей, а о России ему больше всего запомнились рассказы Александра Дюма-отца.

«Между тем, — читаем мы откровения героя-рассказчика, — я постарался записать самыми разнообразными сведениями — и географическими, и этнографическими — относительно Закавказской области.

Стоило ли мне в таком случае узнавать, что меховая шапка, какую обычно носят горцы и казаки, называется "папахой", что стянутую в талии верхнюю одежду с пришитыми на груди гнездами для патронов одни называют "черкеской", а другие "бешметом"! К чему мне теперь знать, что грузины и армяне надевают островерхие шапки в виде сахарной головы, что купцы носят "тулупы" — нечто вроде шубы из бараньей шкуры, а курды или персы щеголяют в "бурках" — шерстяных накидках.

А "тассакрави" — головной убор прелестных грузинок, состоящий из тонкой ленты, шерстяной вуали и кисеи, который им так к лицу! А их яркие платья с широкими прорезями на рукавах; их "шальвары", опоясанные у талии; летние одежды из белой бумажной ткани, а особенно зимние — из бархата, отороченные мехом и украшенные серебряными позументами и, наконец, "чадра", закрывающая голову до глаз. Все это я старательно занес в свою записную книжку, но к чему мне теперь рассказывать о грузинских модах?

И все же, хочется вам сообщить, что в национальные оркестры входят "зурны" — нечто вроде пронзительных флейт "саламурн", напоминающих писклявые кларнеты, мандолины с медными струнами, по которым водят пером, "чианури", своеобразные скрипки, которые во время игры держат вертикально между колен, и, наконец, "димплипито" — род цимбал, грохочущих, словно град по оконным стеклам.

Примите также к сведению, что "шашка" — не что иное, как сабля, висящая на перевязи, расшитой серебром и украшенной металлическими

инкрустациями; что "кинжал" или "канджнар" — нож, который носят на поясе, и что вооружение кавказского солдата дополняется еще длинным ружьем с узорчатой чеканкой на стволе из дамасской стали.

Могу еще вам сказать, что "тарантас" — это дорожная повозка на пяти деревянных рессорах, расположенных между широко расставленными небольшими колесами, что запрягают в нее тройку лошадей, а правит ими "ямщик", сидящий впереди на козлах. Когда же приходится брать у "смотрителя" — то есть начальника почтовой станции на Кавказских дорогах — четвертую лошадь, то к ямщику присоединяют еще одного возницу — "форейтора".

Так знайте же, что верста равна одному километру шестидесяти семи метрам, что кроме оседлых народностей в Закавказье есть и кочевые: калмыки — их насчитывается пятнадцать тысяч, киргизы мусульманского вероисповедания — восемь тысяч, кундровские татары — тысяча сто человек, сартовские татары — сто двенадцать человек, ногайцы — восемь тысяч пятьсот и, наконец, туркмены — около четырех тысяч!..»

Такова жизнь России — по Жюль Верну.

Завоевание русскими Туркестана шло полным ходом.

Вот Клодиус Бомбарнак и отправился на Великую Трансзиатскую магистраль, которая должна была дотянуться аж до Пекина.

Шесть тысяч километров!

России всегда были присущи масштабы.

Приключений в пути хватало, тем более что в Москве в поезде появился необычный пассажир по имени Фарускнар. Имя это звучит как персидское, но на самом деле Фарускнар был из коренных монголов (речь ведь о России) и являлся директором правления новой дороги. Чуть позже выяснилось, что в том же движущемся на восток поезде (перевозящем, кстати, китайскую императорскую казну) в специально упакованном ящике прячется «заяц», которого друзья (в целях экономии) тайно, по багажному тарифу отправили в Пекин...

О романе «Клодиус Бомбарнак» писали, как о попытке показать давнее соперничество Англии и России в Азии, но, скажем прямо, такая попытка получилась гораздо убедительнее у Редьярда Киплинга, позже написавшего знаменитый роман «Ким». Там героям сочувствуешь, там герои — живые в живом. Там плотная жаркая ночь, там запах горячих лепешек, добрый лама, ищущий потерянную реку, старинная пушка в Лахоре, там задыхаешься от атмосферы невероятных и в то же время самых обыкновенных чудес, густо насыщающих жизнь Азии. Но в 1890-х годах «Ким» еще не написан — и читателям приходится разглядывать Россию из окна жюль-верновского

вагона (романа), а приключения происходят не с дерзким мальчиком, постепенно превращающимся в опытного британского агента, а с легкомысленным французом, постоянно ожидающим чего-то невероятного.

И невероятное происходит. Бутафорский монгольский бандит Ки Цзан бесчинствует в непреклонно движущемся поезде среди столь же многочисленных бутафорских противников.

Комедия, да.

Но не комедия нравов.

Скорее, географическая комедия.

Не случайно кто-то из критиков сравнивал этот роман Жюль Верна с известным путеводителем «Гид бле» («Голубой гид»). К сожалению, это не похвала. В конце концов, у художественной литературы свои цели, и она ни при каких обстоятельствах не должна превращаться в путеводитель...

В 1892 году Жюль Верн был удостоен ордена Почетного легиона.

Конечно, это не означало, что его скоро пригласят в число «сорока бессмертных» или что он примет самое активное участие в знаменитых «обедах пяти», — но награждение знаменитого писателя стало заметным событием и самому Жюлю Верну доставило удовольствие.

Идея «обедов пяти» принадлежала Постанову Флоберу.

С середины 1863 года почти ежемесячно собирались в хорошем парижском ресторане Постанов Флобер, Эмиль Золя, Альфонс Доде, Эдмон Гонкур и Иван Тургенев.

«Хорошая кухня, — весело жаловался Золя, — мой главный недостаток. Когда на столе нет ничего вкусного, я чувствую себя несчастным».

Впрочем, толк в кухне знали все пятеро. Сыры, окорока, зеленые супы, лапландские олени языки, рыба по-провансальски, цесарка с трюфелями, а кроме этого, у каждого были свои собственные пристрастия. Флобер обожал руанскую утку, Гонкур — варенье из имбиря, Золя — морских ежей и устриц, Тургенев — икру. С семи вечера и часто до глубокой ночи эти гиганты откровенно говорили о литературе и о литературных делах, не беспокоясь о том, что какая-то случайно оброненная фраза окажется в бульварных газетах.

Для Жюля Верна «обеда пяти» были предметом зависти.

Он вообще в эти годы чувствовал себя весьма и весьма обиженным. «Во французской литературе я не в счет», — заметил он как-то, имея в виду тот несомненный факт, что критика обходит его книги.

«Ни симпатии Бодлера и Теофиля Готье, ни дифирамбы Кларети и Жоржа Бастара, — вспоминал внук писателя, — не в состоянии были победить равнодушия остальных, объяснявшегося самим жанром творчества Жюля Верна. Как отмечал Ш. Раймон, если "Верн безраздельно царит в покоренном им царстве, романистом в собственном смысле этого слова его, тем не менее, не назовешь, ибо любовь, основа всех романов, блистательно отсутствует в большинстве его произведений. Женщина в них почти всегда отодвинута на второй план... у его героев нет времени на нежные излияния лукавому божеству..."»^[50].

А Кларети писал в заключение своего эссе о творчестве Жюля Верна:

«Я знаю, что среди людей весьма тонких, искушенных в анализе

человеческого существа принято говорить о нем: рассказчик! — Но рассказчик, который сумел пленить и увлечь целое поколение, это — Личность, уж поверьте мне».

Но кто такой Кларети перед Эмилем Золя?

«Жюль Верн? Это же, простите, невозможно читать!»

Жюль Верн внимательно следил за своими современниками.

Эмиль Золя начинал с типичных романов-фельетонов («Марсельские тайны»), но огромной известности добился двадцатитомной серией «Ругон-Маккары».

«Естественная и социальная история одного семейства в эпоху Второй империи» — так обозначил он свою серию. Жюль Верн не принял ни «научности» — подробнейшего исследования многочисленных ветвей Ругон-Маккаров, ни самих героев Золя, которые исследовали мир, не удаляясь от грязных своих жилищ и не желая ничего слышать о горе Килиманджаро или Тасмановом море. «Прочитал "Западню" Золя, — писал Жюль Верн Этцелю в 1877 году. — Это гнусно, тяжело, ужасающе, отвратительно, тошнотворно... и изумительно». И позднее ему же: «"Разгром" — скучный роман, никогда не стану его перечитывать, хотя другие перечитывал не раз. Что бы там ни говорил Золя, это все пустое, да и потом скучно. Мое мнение таково: Шатриану и двадцати строчек достаточно, чтобы оставить неизгладимое впечатление, а другому и двадцати страниц мало...»

На известном портрете Эдуара Мане Эмиль Золя выглядит усталым.

Чернобородый, усатый, остролицый. Стол завален бумагами. На стене — модные японские акварели. Эмиль Золя сделал чрезвычайно много для утверждения импрессионистов, только-только тогда начавших завоевывать художественные салоны, — но это было далеко от Жюля Верна.

Да, Шарль Бодлер и Теофиль Готье не раз выказывали интерес к географическим романам Жюля Верна, но — не больше. Даже они, как правило, отмечали все тот же, как тогда считалось, главный минус его романов — почти полное отсутствие каких-либо любовных интриг.

Сам Жюль Верн в феврале 1895 года в интервью «Журналу странностей» так объяснил свое отношение к любовным интригам: «Любовь — это всепоглощающая страсть, оставляющая в сердце мужчины совсем мало места, а моим героям необходимы все их душевные свойства, вся их энергия. Пребывание на борту корабля молоденькой, да еще и очаровательной женщины, конечно, помешало бы героям реализовать их гигантские проекты...»

Когда все вишни мы доели,
Она насупилась в углу. —
Я предпочла бы карамели.
Как надоел мне твой Сен-Клу!
Еще бы — жажда! Пару ягод
Как тут не съесть? Но погляди:
Я, верно, не отмою за год
Ни рта, ни пальцев! Уходи!
Под колотушки и угрозы
я слушал эту дребедень.
Июнь! Июнь! Лучи и розы!
Поет лазурь, и молкнет тень.
Прелестную смиряя буку,
сквозь град попреков и острот,
я ей обтер цветами — руку,
и поцелуем — алый рот!
В. Гюго

Впрочем, литераторы часто беспощадны друг к другу.

«Нет ничего несноснее, — писал Жюль Ренар, — чем портреты героев у Теофиля Готье. Лицо выписывается черта за чертой, со всеми деталями и загромождающими мелочами. Для мысли вообще не остается места. В этом ошибка большого писателя, ошибка, которой всерьез должна остерегаться современная школа. Сегодня нужно описывать двумя-тремя точными словами, а не забавляться разглядыванием образа в микроскоп».

От книг Поля Бурже на Жюля Ренара несло пошлым парфюмом.

Жорж Санд он без всякого пиетета называл «бретонской коровой от литературы».

Ну, разве что Оноре де Бальзак, с его точки зрения, имел право писать плохо...

Что уж тут Жюль Верн?

Да, конечно, Верн не пошел путем мэтра Виктора Гюго, да, он сбился на запутанные тропы Александра Дюма-отца, но все же он создал свой мир!

Несомненно, *свой!*

Не случайно он откровенно недоумевал: да почему же это так, почему же это о нем чаще всего пишут именно как о писателе для детей?

И жаловался Этцелю-младшему: «Меня по-прежнему удручает, что во всех наших газетах печатаются заметки, в которых постоянно подчеркивается детский аспект моих книг...»

Утешения все же были.

В списке из двадцати изданий, которые следовало при соответствующем случае прихватить с собой на необитаемый остров (вариант критика Капюса), фигурировали «Кандид» Вольтера, «Брак поневоле» Мольера, «Робинзон Крузо», томики Бомарше, Флобера, «Очерки современной истории» Мишле, «Екклесиаст», стихи Мюссе, басни Лафонтена, «Происхождение видов» Дарвина и... томик Жюль Верна!

Жюль Верн работал в муниципальных комиссиях, председательствовал в городских литературных конкурсах, терпеливо отсиживал вечера в прохладных залах Амьенской академии. Сохранилась фотография писателя, сделанная в саду на улице Шарля Дюбуа. Расплывшийся, можно так сказать, даже тучный буржуа в черном котелке, в черном костюме, зато в ослепительно белом жилете. Аккуратная седая борода, седые усы. Левая рука на бедре. Писатель сидит в раскладном кресле и в позе его — привычная, какая-то даже обыденная усталость.

Известно, что в тот год (1895) он чувствовал себя неважно.

Мучили головокружения, колики в желудке, постоянная слабость.

Но каждое утро, ровно в пять часов, непреклонно, как капитан Гаттерас, Жюль Верн вставал и садился за письменный стол.

«В наше время следует писать по шедевр в год, чтобы публика тебя не забыла».

Ах, если бы не все эти бессмысленные семейные раздоры! Когда в Амьен неожиданно приехал Мишель с семьей, падчерицы писателя отказались с ним общаться.

«В течение месяца у нас гостил Мишель, — жаловался Жюль Верн брату. — Жена Мишеля прекрасно воспитана, дети тоже, но Лефевры не пожелали с ними видаться и потянули за собой всех наших неверных друзей. Из настоящих остались только Лабе да Понсары. И заметь, что мы никому не навязывали нашу молодую чету, ты знаешь мои взгляды на этот счет. Если Лефевры и все прочие полагают, что выполнили свой долг, отказавшись общаться с Мишелем, то мы с Онориной, напротив, уверены, что не забыли выполнить свой. У Мишеля заболел ребенок, Жанне и ему нужно было переменить обстановку, вот ребенка и привезли к нам. Те, у кого есть ум и доброе сердце, это поняли, а дураков — к черту!»

К сожалению, Мишель опять не может найти дела.

Он привык полагаться на отца: ведь случись что, отец поддержит.

Все это мешает Жюлю Верну. Он даже пишет роман «под Диккенса» — «Малыш».

Трехлетний ребенок попеременно попадает то в руки злобной нищей старухи, то оказывается в доме ветреной актрисы. В девять лет бедного Малыша выгоняют из дома ирландского фермера, и он пешком добирается до Нью-Маркета. Там на улице он однажды находит бумажник и, будучи

ребенком добрым и неиспорченным, отдает его владельцу. Поведение Малыша оценено, конечно. Добродетель всегда будет оценена. Малыш начинает собственное дело. Торговля газетами, расписаниями поездов, почтовыми открытками, модный магазин, наконец, большой парусник, перевозающий морские грузы...

Но Мишель подобные аллегории не ценил.

Он был твердо уверен, что главное в жизни — деньги.

А мир меняется.

Мир постоянно меняется.

Это видно по шляпкам дам, по цвету фраков.

Это видно по стихам. По отношению людей к искусству.

Ноет раненая нога, глаза видят хуже, резкими судорогами сводит правую руку. Но еще Жюль Ренар говорил: «Все-таки ремесло писателя единственное, при котором можно, не вызывая насмешек, не зарабатывать денег». Это странно накладывалось на новости, приходящие со всех уголков мира. В марте 1894 года Франция и Германия завершили раздел Камеруна. Значит, надо как-то отразить это в книгах; читатели обычно хватают те издания, в которых можно найти ответы на сегодняшние вопросы, а не на вечные. Мадагаскар объявлен колонией Франции. 24 июня 1894 года на выставке в Лионе убит президент Франции Мари Франсуа Сади Карно. Итальянский анархист Санте Казерио ударил Карно ножом, это ужасно. Президент Карно был популярен, его похоронили в Пантеоне.

Сотни мелких и крупных скандалов, драм, трагедий и комедий ежедневно, ежечасно вспыхивают в правительстве, в обществе, в литературных и научных кругах. Сам темп жизни изменился.

На фоне всех этих событий в «Журнале воспитания и развлечения» в 1894 году печатается роман Жюль Верна «Удивительные приключения дядюшки Антифера».

«Двадцать четыре градуса пятьдесят девять минут северной широты» — такая записка на пергаменте (к сожалению, без указания долготы) многие годы хранилась у некоего дядюшки Антифера, не давая ему покоя. Выложив на стол географическую карту, он чуть ли не каждый вечер пытался понять, где может располагаться загадочный островок, на котором закопаны богатства, судя по всему, не уступающие богатствам аббата Фариа, так прекрасно описанные Александром Дюма-отцом.

«Здесь мы переберемся через Африку... — негромко, про себя, шепчет дядюшка Антифер. — Перешагнем Красное море... Пересечем Аравию... Поклонимся имаму Маската, перепрыгнув Индию... Коснемся нижней части Китая, минуем Сандвичевы острова... Потом Мексиканский залив, Атлантика, Канары... Поднимаемся по парижскому меридиану и вот уже Сан-Мало... Кругосветное путешествие по двадцать четвертой параллели проделано...»

Давным-давно, в сентябре 1831 года, Камильк-паша зарыл на неизвестном островке, находящемся «неизвестно где», три бочонка с золотом, алмазами и драгоценными камнями — на сумму не меньшую чем 100 тысяч франков. На вид Камильк-паше было лет пятьдесят. Высокий рост, массивная голова, густые с проседью волосы, борода, опускающаяся на грудь, искрящиеся глаза, гордое и вместе с тем печальное, вернее, разочарованное выражение лица, благородство осанки — всё говорило о знатном происхождении. И костюм Камильк-паши тоже отличался своеобразием: широкий коричневый бурнус с рукавами, расшитыми тесьмой, отороченной разноцветными блестками. Ну и, конечно, зеленоватая феска с черной кисточкой.

Не менее экзотичен банкир Замбуко. Он худощав и сутул. У него быстрые холодные глаза с бегающим взглядом, пергаментный цвет кожи, жидкие седые волосы, напоминающие ермолку, наклеенную прямо на череп.

Седые волосы, напоминающие ермолку, наклеенную прямо на череп, — это запоминается.

Но дальше... Дальше начинаются откровенно скучные описания.

«Вот только земля Бретани не стоит земли Лоанго! Здесь достаточно пошевелить немного почву, чтобы получить превосходный урожай таких растений, как *manfrigo*, или просо, чей колос иногда весит целый килограмм; *holcus* — злак, не требующий никакого ухода; *luso*, из которого пекут хлеб; маис, приносящий по три урожая в год. Наконец, рис, картофель, маниок, *tamba* — род пастернака, *insanguis*, табак, сахарный тростник, виноград, привезенный с Канарских островов. Фиги, бананы, апельсины, называемые *tambrochas*, лимоны, гранаты, *cudes* — плоды в виде еловой шишки, содержащие питательное вещество, мучнистое и сочное, *neubanzams* — сорт орехов, которые очень нравятся неграм...»

Впрочем, «сорт орехов, которые очень нравятся неграм», — тоже запоминается.

Зато диалоги — безумно длинные.

«Капитан спустился на палубу.

Незнакомец тотчас обратился к нему:

— Так, значит...

— Да, ваша светлость...

— Показалась земля?

— По крайней мере — островок.

— На каком расстоянии?

— Приблизительно в шести милях к западу.

— И карта ничего не показывает на этом участке?

— Ничего.

— Ты уверен в этом?

— Уверен.

— Значит, это неизвестный остров?

— По-видимому, так.

— Неужели это возможно?

— Да, ваша светлость, если островок недавнего происхождения.

— Недавнего? — Да.

— Как это может быть?

— Мне показалось, что остров окутан серными парами. Вулканические силы здесь довольно активны и нередко проявляются в виде подводных толчков, изменяющих рельеф морского дна.

— Ах, капитан, если б это действительно было так! Мне сейчас только это и нужно, чтобы какая-нибудь скала внезапно поднялась из моря! Ведь остров, никем пока не нанесенный на карты, не принадлежит никому?

— Только тому, кто первый успеет его занять.

— Тогда первым буду я».

Подобными диалогами заполнены десятки страниц.

Собственно, нельзя упрекнуть писателей того времени в таких вот длиннотах. Все они по договорам должны были сдавать своим издателям рукописи определенного объема, и сроки сдачи, как правило, были жесткие. Вот и приходилось изобретать телеграфный стиль.

Ничего не найдет дядюшка Антифер.

Камильк-паша зарыл сокровища на вулканическом островке.

Таких мелких, даже крошечных, островков много. Кто знает, какой из них — единственно нужный. Может, островок Джулии. Может, островок Фердинанда или Огам. Или Грейам. Или Нерита. Названий сотни, поскольку такие вулканические островки постоянно появляются на поверхности моря, будто специально для того, чтобы через некоторое время исчезнуть...

Островок, который был нужен дядюшке Антиферу, погрузился в морские пучины еще в декабре 1831 года. Конечно, когда-нибудь подземные силы вновь поднимут его вулканические породы над водой и тогда какому-нибудь счастливчику достанутся, наконец, сокровища, которые он, может, и не искал...

«...суета сует, — всё суета.

...Род уходит, и род приходит...

Восходит солнце, и заходит солнце, и на место свое поспешает, чтобы там опять взойти; бежит на юг и кружит на север, кружит, кружит на бегу своим ветер, и на круги свои возвращается ветер; бегут все реки в море, — а море не переполнится... Что было, то и будет, и что творилось, то и будет твориться...

И всё это — тщета. И всё — ловля ветра»^[52].

Весной 1894 года Жюль Верн начал работу над романом «Плавучий остров».

Гигантский корабль, искусственный стальной остров Стандарт-Айленд, составленный из блоков-понтонных и оборудованный чрезвычайно мощными электрическими двигателями и гребными винтами, медленно движется по тропическим районам Тихого океана.

«Как ты считаешь, — спрашивал Жюль Верн брата, — можно ли такой остров вести по океану без руля, с помощью только гребных винтов по левому и правому борту, приводимых в движение динамо-машинами в миллионы лошадиных сил? Можно ли при достаточно медленном плавании заменить руль винтами?»

А в сентябре сообщал: «Дружище Поль! Посылаю тебе первый том своего "Плавучего острова" в корректурных листах. Жюль Этцель приезжает ко мне в Амьен каждые две недели, чтобы поговорить о литературных делах, так вот, прочитав рукопись, он сказал: "Это необыкновенно оригинальная вещь. На этот раз, мэтр, вы проявили удивительную смелость мысли. Вы превзошли самого себя". Теперь ты суди, насколько справедлива такая оценка...»

И просил: «Исправь, пожалуйста, гидрографические ошибки, если таковые обнаружишь. А если найдешь ошибки в водоизмещении острова, его тоннаже, лошадиных силах, то укажи правильные числа».

Совершенно случайно на стальной остров попадают французские музыканты.

Прекрасный парижский квартет — скрипки первая и вторая, альт и виолончель.

Остров не зависит ни от одного государства, считается, что он свободен от любых властей, от любых идеологий, тем не менее герои романа сразу попадают в атмосферу явственной несвободы. Это чувство испытывали многие герои Жюль Верна — от невольных пленников капитана Немо до таких же захваченных Робуром-завоевателем пассажиров «Альбатроса».

Музыканты чувствуют себя ущемленными.

Несмотря на обещанные гонорары, несмотря на то, что их поместили в действительно первоклассном отеле, они недовольны. Ведь из Сан-Франциско они спешили в Сан-Диего, а не в какой-то там неизвестный им Стандарт-Айленд.

Странный город. Он по-американски правильно распланирован.

Широкие проспекты и улицы пересекаются в нем под прямыми углами, образуя нечто вроде огромной плавающей шахматной доски. Дома-дворцы и строгие деловые кварталы расположены в зеленых зонах. Многочисленные газоны покрыты травой, такой яркой и свежей, какая бывает разве что только в английских садах. «Все засажено всевозможными растениями умеренного и жаркого поясов. Эта особенность являет поразительный контраст с природой американского Запада...»

Мы вновь попадаем на давно протоптанный Жюлем Верном путь объяснений.

«Все здесь строилось из легких и в то же время прочных материалов. Для построек применялся преимущественно алюминий, нержавеющей металл, в семь раз более легкий, чем железо. Этот металл будущего, как назвал его Сент-Клер Девиль, отвечает всем потребностям строительства. Он сочетается с искусственным камнем — цементными блоками, которые плотно примыкают друг к другу. Применяются также полые стеклянные кирпичи, которые выдувают, как бутылки, придавая им нужную форму, а затем скрепляют друг с другом тонким слоем известкового раствора. Из этих прозрачных кирпичей, если понадобится, можно выстроить идеальный стеклянный дом. Но охотнее всего здесь используют

металлические каркасы, подобно тому, как это теперь практикуется в судостроении...»

Компания, строившая плавучий город, позаботилась о том, чтобы удовлетворить жителей его — исключительно миллиардеров — буквально всем.

«В казино имеются читальни и залы для игр; но рулетка, баккара, покер и другие азартные игры на острове строжайше запрещены... Имеются курительные комнаты, в которых функционирует специальный аппарат, вырабатывающий теплый табачный дым. Этот дым, очищенный от никотина, подается в апартаменты через особый дымопровод. Достаточно взять в рот янтарный наконечник, и счетчик сам запишет ежедневные расходы...»

На стенах музеев (их два) знаменитые полотна.

Здесь — Рафаэль, Леонардо, Джорджоне, Корреджо, Доминикино, Мурильо, Рембрандт, Рубенс, Франц Гальс, Гольбейн. Здесь многие современники Жюль Верна — Фрагонар, Энгр, Делакруа, Милле, Руссо, Жюль Депре, Тернер, Коро, Бретон, Бине. Возможно, там находился даже портрет Эмиля Золя, написанный Эдуаром Мане... Впрочем, вряд ли... Жюль Верн бы этого не допустил... Несмотря на то, что левобортная сторона плавучего острова (отсюда и два музея) менее склонна к искусству, все миллиардеры действуют сообща, когда возникает вопрос о приобретении какого-либо мирового шедевра. И не обязательно потому, что теперь он будет принадлежать исключительно им — хозяевам острова. Нет, просто многие из постоянных обитателей Стандарт-Айленда любят бывать на самых известных аукционах, с которых так приятно провожать знаменитых и богатых частных коллекционеров Старого и Нового Света посрамленными...

Библиотеки, читальные залы, книги-фонографы.

Нажимай кнопку и слушай, к примеру, «Федру» Расина — в исполнении Легуве...

Выходят специальные иллюстрированные газеты: «Старборд-хроникл» — для обитателей правого борта и «Нью-геральд» — для обитателей левого. Хроника происшествий, свежие морские новости, отчеты о состоянии мирового финансового рынка, ежедневные данные о широте и долготе, ежедневные постановления Совета именитых граждан. Издаются даже бульварные листки, посвященные светским новостям, причем пищу подобные издания дают не только умам, но и желудкам. Да-да! Печатаются такие листки на вполне съедобной бумаге вкусной шоколадной краской. После прочтения — съесть! У некоторых листков —

свойства вяжущие, у других — послабляющие. Ну а что касается новостей международной политики, то они в Стандарт-Айленде всегда самые свежие, благодаря постоянной телефонной связи с бухтой Магдалены, где сходятся кабели, погруженные в воды Тихого океана.

Конечно, обитатели Стандарт-Айленда слушают музыку.

Можно представить, с каким тщанием Жюль Верн составлял программу для концерта своих парижских музыкантов.

Первый квартет Мендельсона ми-бемоль, соч. 12.

Второй квартет Гайдна фа мажор, соч. 16.

Десятый квартет Бетховена ми-бемоль, соч. 74.

Пятый квартет Моцарта ля мажор, соч. 10.

Отличный вкус, всегда есть что послушать. Но...

«...вдруг появляется завод с металлическими трубами над низкими крышами матового стекла. Трубы на железных устоях похожи на трубы плывущего океанского парохода "Грейт-Истерн", для вращения мощных винтов которого требуется не меньше ста тысяч лошадиных сил, с той лишь разницей, что вместо черных клубов дыма из этих труб вылетают только легкие струйки, никакой гарью не засоряющие атмосферу. Завод занимает площадь в десять тысяч квадратных ярдов, то есть около гектара. Это первое промышленное предприятие, которое члены квартета видят с начала экскурсии, проходящей под руководством Калистуса Мэнбара.

— А это что за предприятие? — спрашивает Пэншина.

— Завод с выпаривательными аппаратами, работающий на нефти, — отвечает американец, и острый взгляд его грозит, кажется, пробить стекла пенсне.

— А что на нем производится, на вашем заводе?

— Электрическая энергия, которая расходуется по всему городу, парку, загородной местности и дает острову двигательную силу и свет. Одновременно завод питает энергией наши телеграфы, телеавтографы, телефоны, звонки, кухонные печи, все прочие машины, осветительную аппаратуру, лампы дуговые и лампы накаливания, алюминиевые луны, подводные кабели...

— Подводные кабели? — с живостью переспрашивает Фрасколен.

— Да! Которые связывают город с различными пунктами на американском побережье...

— Неужели для этого нужно было строить такой огромный завод?

— При нашем-то расходе электрической энергии, а также энергии умственной! — отвечает Калистус Мэнбар. — Поверьте, господа, нам понадобилось неисчислимое количество и той и другой энергии, чтобы

основать этот бесподобный, единственный в мире город.

И опять слышно глухое ворчанье гигантского завода, мощный звук выпускаемых паров, гул машин, ощущается легкое колебание почвы, свидетельствующее о том, что здесь действуют механические силы, превосходящие всё, что до настоящего времени могла породить современная индустрия...»

Такие вот описания, в будущем многие тысячи раз повторенные слепыми подражателями Жюль Верна, и привели в результате к появлению так называемой «фантастики ближнего прицела». Описать мощную машину, новый вид теплового аппарата, механические приставки к уже известным изобретениям — для многих «фантастов» это стало просто возможностью выжить в определенном, достаточно мутном слое литературы. Они как-то не заметили того, что даже в «Плавучем острове» главная проблема заключалась не в машинах, а в том, что никто и ничто не может объединить кланы миллиардеров левого и правого бортов.

«Все более обостряющееся соперничество Танкердонов и Коверли внушает все более серьезные опасения, — читаем мы. — Дойдет ли дело в один прекрасный день до схватки между двумя партиями? Не угрожают ли Стандарт-Айленду смуты, мятежи, революции? Хватит ли у губернатора Сайреса Бикерстафа твердости, чтобы сохранить мир между Капулетти и Монтекки плавучего острова?..»

Конечно, угрожают.

Судьба Стандарт-Айленда плачевна.

«Построить такой огромный искусственный остров, остров, свободно плавающий по всем морям и океанам, не значит ли это перейти границы, определенные человеческому гению? Дозволено ли человеку, который все еще не властен над ветрами и течениями, так необдуманно посягать на права Творца?»

В 1895 году лондонский «Журнал странностей» напечатал статью журналистки Мэри А. Бэллок «Жюль Верн у себя дома».

«Многие думают, что все мои произведения — чистейшая импровизация, — рассказал журналистке Жюль Верн. — Какой вздор! Я не приступаю к работе, пока не проясню для себя финал будущего романа. В голове всегда держу не менее полудюжины возможных схем и очень большое значение придаю именно развязке. Сами понимаете, если читатель задолго до финала может угадать, чем все кончится, такую книгу не стоит и писать...»

Мэри А. Бэллок была одной из немногих, кто увидел знаменитую картотеку.

Пускать чужих людей в кабинет писатель очень не любил. Но английской журналистке было позволено подняться по узкой винтовой лестнице, а потом пройти по неширокому коридору, стены которого были увешаны географическими картами. Книжные шкафы занимали все четыре стены кабинета, и в одном из них Мэри А. Бэллок увидела аккуратные дубовые ящички. В определенном порядке в них размещались карточки определенного формата. Все они распределялись строго по темам, а когда таких карточек собиралось много, писатель вкладывал их в специальные бумажные обертки. Получалось что-то вроде множества небольших тетрадок.

Кстати, в кабинете Жюля Верна журналистка увидела не только научные книги.

Среди изданий, посвященных гидрографии, геологии, ботанике, зоологии, политике, биологии, астрономии, истории и, понятно, географии, Мэри А. Бэллок увидела и прекрасно изданные томики Гомера, Монтеня, Вергилия, Шекспира, Мольера, Купера, Вальтера Скотта. На то, что это не просто коллекция, указывали потертые переплеты...

К сожалению, работать становилось все труднее.

Жюль Верн практически не видит левым глазом — катаракта.

Друзей не осталось. «Сен-Мишель III» продан. Мучает постоянное ощущение неблагополучия, связанное и с состоянием книжного рынка, и с домашними проблемами, и со здоровьем. А работать надо, ведь договор действует. Посылая Этцелю-сыну корректурные листы «Плавучего острова», Жюль Верн жаловался: «Я совершенно измучился, придумывая роман на будущее. На 1895 год у меня запланирован "Плавучий остров", на 1896-й — "Драма в Лифляндии", а дальше...»

А дальше — «Великолепное Ориноко», роман, в котором Жюль Верн опять повторяется. У него уже не хватает сил отойти от сюжетных стереотипов, от чудаковатых героев, занудно произносящих длинные лекции. И молодой человек Жан де Кермор явился в роман, несомненно, из уже написанных Жюлем Верном книг. И с сержантом Марсалем, выдающим себя за его родного дядю, Жан де Кермор отправляется, конечно, на поиски полковника де Кермора — своего отца, 14 лет назад загадочно пропавшего в Венесуэле...

Волшебная река...

Флора и фауна...

Бандиты...

Что дальше?

А дальше — вспышка.

Жюль Верн вспомнил о незаконченном романе Эдгара Аллана По.

«Приключения Артура Гордона Пима» долгие годы мучили Жюль Верна. На французский язык этот роман блистательно перевел Шарль Бодлер. Не раз Жюль Верн мысленно перебирал события, имена, вспоминал загадочного героя, спрятавшегося в трюме шхуны «Дельфин».

Но от судьбы не спрячешься.

Мятеж, жестокая бойня, кораблекрушение.

Этцель-старший в свое время категорически восставал против ужасов «Ченслера», вообще против каждого перебора, но его сын был человеком другого поколения, он, напротив, приветствовал подобные тексты — времена действительно изменились.

Далеко на юге (в Антарктике) невольные путешественники открывают странный остров под названием Тсалал, населенный чернокожими. «Текелили!» — печально кричат над морем странные птицы. «Текелили!» — кричат перепуганные дикари, выловив из-за борта странное белое животное. Так же печально кричит пленный островитянин, когда мистер Пим при нем вытаскивает из кармана белый платок.

Роман Эдгара По заканчивался так:

«Март, восьмого дня. Мимо нас проплыло белое животное, чье чучело вызвало такой переполох среди дикарей. Я мог поймать его, но на меня напала какая-то непонятная лень. Руку в воде держать нельзя — такой она стала горячей.

Март, девятого дня. Тонкая белая пыль в огромном количестве осыпает нас сверху. Клубы пара на южном горизонте чудовищно вздыбились и приобрели более или менее отчетливую форму. Не знаю, с чем сравнить их. Может, с гигантским водопадом, бесшумно низвергающимся с какого-то утеса, бесконечно уходящего в немыслимую высоту. Весь южный горизонт застлан этой необозримой белой пеленой. Оттуда не доносится ни звука.

Март, двадцать первого дня. Над нами нависает страшный мрак, но вдруг из молочно-белых глубин океана поднялось яркое сияние и распространилось вдоль бортов лодки. Нас засыпает мелким дождем из белой пыли, которая, однако, тает, едва коснувшись воды. Верхняя часть

пелены пропадает в туманной вышине. Теперь мы приближаемся к ней с чудовищной скоростью. Временами пелена эта ненадолго разрывается, и тогда из зияющих разрывов, за которыми все время теснятся какие-то мимолетные смутные образы, вырываются бесшумные струи воздуха, вздымая по пути огромные мощные сверкающие валы.

Март, двадцать второго дня. Тьма сгустилась настолько, что мы различаем друг друга только благодаря отражаемому водой свечению белой пелены, вздымающейся перед нами. Из этой пелены несутся огромные мертвенно-белые птицы и с неизбежным, как рок, криком "текелили!" исчезают вдали. Мы мчимся прямо в обволакивающую мир белизну, перед нами разверзается бездна, будто приглашая нас в свои объятия. И в этот момент нам преграждает путь поднявшаяся из моря высокая, гораздо выше любого обитателя нашей планеты, человеческая фигура в саване.

И кожа ее белее белого».

Что хотел сказать этими видениями Эдгар Аллан По?

Известно, что сам он определял «Приключения Артура Гордона Пима» двумя вполне пренебрежительными словами: «Преглупая книга».

Но Жюль Верн с юности был зачарован этим мрачным романом.

Повествование ведется от имени героя, размышлял он, значит, Артур Гордон Пим все-таки не погиб в своем суровом путешествии. Значит, он спасся или сумел каким-то образом передать весть остальным людям. На Северном полюсе Жюль Верн уже побывал — там неистовый капитан Гаттерас открыл свободное ото льдов море и огнедышащий вулкан. А что можно открыть на юге?

Джиорлинг, герой «Ледяного сфинкса», отправляется на остров Тристан-да-Кунья — пассажиром шхуны «Гальбран», которой командует капитан Лен Гай — имя для читателей Эдгара По хорошо знакомое. Лен Гай уверен, что кто-то из экипажа потерявшейся в Антарктике шхуны «Джейн» может быть жив. И действительно, на проплывающей мимо льдине матросы однажды замечают тело человека. Из записной книжки мертвеца становится известно, что пятеро матросов и капитан Вильям Гай (капитан шхуны «Джейн») действительно живы и долгих 11 лет ждут помощи на одном из уединенных островов.

Теперь Джиорлингу понятно, что Лен Гай — родной брат потерявшегося капитана, и шхуна «Гальбран» идет на поиск пропавших. На Фолклендах Лен Гай пополняет экипаж, грузит свою шхуну водой, топливом и продовольствием.

Наконец судно выходит в опасный, возможно, последний путь.

И вот ведь странность: чем ближе Южный полюс, тем выше температура заборной воды... И только бы это...

«В ночь с 19 на 20 декабря, — читаем мы, — во всяком случае, в тот период суток, который принято считать ночью, мне приснился странный и тревожный сон. Да, конечно, это был сон! Однако я расскажу о нем подробнее, ибо он свидетельствует о том, какие навязчивые идеи переполняли тогда мою голову.

Растянувшись на койке, я обычно плотно закутывался в одеяла, чтобы согреться. Как правило, я засыпал уже в девять часов и спокойно спал до пяти утра. Итак, я спал... Внезапно часа в два ночи меня разбудил какой-то безостановочный жалобный шепот. Я открыл глаза — или мне только

приснилось, что я очнулся?..

Иллюминатор каюты был плотно затворен, стояла полная темнота.

Шепот не утихал, я напряг слух, и мне почудилось, что какой-то незнакомый мне голос тихонько повторяет одни и те же слова:

— Пим... Пим... Бедный Пим...

Никто не мог пробраться ко мне в каюту, дверь была заперта.

— Пим... — не унимался голос. — Нельзя... Нельзя забывать о бедном Пиме...

На этот раз я отчетливо разобрал эти слова, словно произнесенные над самым моим ухом. Что значила эта мольба, почему она адресовалась именно мне? Нельзя забывать Артура Пима? Но разве он не умер, возвратившись в Соединенные Штаты, — внезапной смертью, о которой остается только сожалеть и об обстоятельствах которой не знал никто на свете? Мне показалось, что меня покидает рассудок, и я разом проснулся, чувствуя, что мне только что приснился удивительно яркий сон, похожий на действительность...

Я рывком покинул койку и выглянул в иллюминатор. На корме не было ни души, не считая Ханта у штурвала, не спускавшего глаз с нактоуза...»

«Пим... Бедный Пим... Не забывайте бедного Пима...»

Остров Тсалал поразил моряков своим ужасным видом.

Всё на этом острове было выжжено, закопчено, землю от внутреннего жара вспучило, порвало трещинами. Только кости, голые человеческие кости, разбросанные здесь и там, напоминали о былых обитателях.

На пути к Южному полюсу шхуна гибнет, наскочив на айсберг.

Экипаж высаживается на льдину. Теперь ее несет по таинственному проливу, разделившему Антарктический континент на две скалистые части. И, как раньше бедному Пиму, теперь уже Джиорлингу тоже видится на горизонте загадочная белая завеса. Сквозь нее прорываются солнечные лучи, ревет исполинский водопад. А потом впереди медленно вырастает чудовищная глыба в виде сфинкса.

«Глыба представляла собой колоссальный магнит. Именно под его воздействием все железное, что было на шлюпке, вырвалось из бортов и понеслось к берегу, словно выпущенное из катапульты! Он же притянул к себе весь металл с "Барракуды". Нашу лодку постигла бы та же участь, не будь она построена только из дерева.

Быть может, эти явления были связаны с близостью магнитного полюса?

Мысль об этом пришла в наши головы сразу же, но после некоторого размышления была отброшена. Ведь в точке, где перекрещиваются

магнитные меридианы, всего лишь встает вертикально магнитная стрелка, притягиваемая с одинаковой силой противоположными точками земного шара. Явление это, уже наблюдавшееся в Арктике, должно было с точностью повториться в Антарктике.

Здесь же мы находились в зоне притяжения сильнейшего магнита.

На наших глазах творилось то, что раньше мы сочли бы сказкой. Ведь никто прежде не хотел признавать, что корабль, оказавшись в зоне притяжения магнита, под воздействием которого рвется металл, в одно мгновение погружается в бездну

Однако это — чистая правда!

Вот как можно, по-моему, объяснить это явление: под воздействием постоянных ветров в полярных районах скапливаются облака и туманы, в которых содержится огромное количество электричества, не расходуемое целиком во время гроз. Этим объясняется его накапливание у полюсов, где оно проникает в землю. По этой же причине возникают и полярные сияния, полыхающие над горизонтом, особенно в полярную ночь, да так, что особенно яркие из них видны и в умеренных зонах. Высказывается предположение — пока еще, правда, не подтвержденное практикой, — что в момент сильнейшего положительного разряда в арктических районах аналогичный разряд, но с противоположным знаком происходит и на противоположной стороне земного шара — в Антарктике.

Эти непрерывные магнитные токи, бушующие у полюсов, от которых приходит в неистовство магнитная стрелка, обладают колоссальной силой, и если в зоне их воздействия оказывается крупная масса металла, то она немедленно превращается в мощный магнит.

Объем сфинкса, возвышавшегося на берегу, составлял несколько тысяч кубических метров... Что же требовалось, чтобы превратить его в индукционный магнит? Всего лишь металлическая жила, проникающая бесчисленными витками в глубины земли и соприкасающаяся с основанием глыбы...»

Железные предметы срываются с места.

Тревога моряков становится беспредельной.

«Джэм Уэст напомнил нам, что неразумно затягивать остановку на Земле Сфинкса — ибо такое имя будет отныне навечно закреплено за этим берегом. Время дорого, и задержка всего на несколько дней могла привести к зимовке у порога вечных льдов.

Повинуясь команде возвращаться к лодке, мы опять услышали крик метиса — те же три слова, от которых, казалось, разрывалось его сердце:

— Там... Там...

Обогнув правую лапу чудовища, мы увидели Дирка Петерса; он стоял на коленях и протягивал руки к телу, вернее, скелету, обтянутому кожей, сохранившейся благодаря морозам. Белая борода мертвеца спускалась почти до пояса, а ногти на руках и ногах доросли до невероятной длины... Из-за спины мертвеца высовывался изъеденный ржавчиной ствол ружья, державшегося на ремне с медной пряжкой. Он-то и удерживал труп на высоте двух сажень от земли.

— Пим, мой бедный Пим!.. — повторял Дирк Петере душераздирающим голосом.

Он попытался было приподняться с колен, чтобы припасть губами к останкам своего бедного Пима. Однако ноги его подкосились, рыдание застряло в горле, сердце сжала судорога, и он рухнул навзничь, испустив дух.

Так вот где оказалась лодка Артура Пима после их разлуки!

Он, подобно нам, оставил позади Южный полюс и оказался в поле притяжения монстра. Его лодка уплыла на север, увлекаемая течением, он же, не успев избавиться от ружья, болтавшегося у него за спиной, оказался пригвожден к склону глыбы...

С тех пор верный метис покоится на Земле Сфинкса, рядом с Артуром Гордоном Пимом, невероятные приключения которого были пересказаны великим американским поэтом, сделавшись от этого еще более невероятными...»

На глазах Жюль Верна появилась и рухнула Вторая республика.

Он пережил Вторую империю, когда Луи Наполеон Бонапарт стал императором.

С низложением Наполеона III была провозглашена Третья республика. Франция как феникс возрождалась из пепла. Французский Индокитай... Протекторат над Тунисом... Захват Лаоса... Давно прошли годы, когда в дореволюционном еще Париже Жюль Верн и его приятели забавлялись музыкой и разговорами на «обедах одиннадцати холостяков». Тогда у всех у них было огромное преимущество — возраст.

А в семьдесят с лишним лет? Какие иллюзии сохраняет человек в этом возрасте?

В 1896 году вышел в свет очередной роман Жюль Верна — «Флаг родины».

Иллюстрации Леона Беннета, как всегда, были превосходны, но вот герой...

Да, это уже не уверенный в своей правоте воздухоплаватель Фергюссон, не увлеченный исследователь подземного мира доктор Лиденброк, не упертый полярный открыватель капитан Гаттерас, не капитан Немо и уж точно не инженер Сайрес Смит. Герой романа — француз. Достаточно озлобленный. Зовут его Тома Рок, ему 45 лет, и кроме как сумасшедшим его не назовешь. Впрочем, тот же самый Тома Рок становится вполне разумным, проницательным, глубоко логичным человеком, стоит ему обратиться к научным занятиям.

За сумасшедшим изобретателем идет настоящая охота.

Тома Рока похищают прямо из специальной клиники — вместе со служителем Гэйдон. На самом деле Гэйдон — тайный французский агент инженер Симон Харт, прислуживавший Тома Року в лечебнице в надежде, что тот рано или поздно в приступе буйства выболтает скрывааемый им секрет.

Логика романа проста. Поскольку Тома Рок — француз, значит, изобретение должно принадлежать Франции. За свой *фульгуратор* — невиданное, страшное взрывчатое вещество — сумасшедший гений требует деньги, неподъемные ни для одного государства. Сперва ему отказывают скуповатые французы. Потом прижимистые немцы. Потом прагматичные англичане. Потом — еще более прагматичные американцы. Зато пират Керр

Каррадже (возможно, албанец) добивается успеха. Он обещает Тома Року требуемые им огромные деньги (обещать — не отдавать) и даже предоставляет укрытие — остров Бэк-Кап, куда изобретателя доставляют на яхте «Эбба».

То, чего ни один дипломат, ни один торговец, ни один правительственный чиновник не смог добиться ни силой, ни хитростью, ни уговорами, пират Керр Каррадже, действующий под именем графа д'Артигаса, получил, ловко играя на главной душевной струнке изобретателя.

«Что же это за струнка?»

«Откровенная жажда мести».

«Кому же Тома Рок хочет мстить?»

«Всем, кого считает своими врагами».

Это значит: всем, кто многие годы лишал его веры в свои силы. Всем, кто отказывал ему, прогонял, заставлял прятаться, переезжать из страны в страну. Патриотизм угас в душе гения. У Тома Рока осталась одна только мысль, одно страстное желание: отомстить обидчикам — людям, отказавшим ему в признании. Отомстить даже не людям, а отомстить всему человечеству! Правительства в Европе и в Америке явно совершили непростительную оплошность, не пожелав дать изобретателю настоящую цену за фульгуратор. Это взрывчатое вещество не идет ни в какое сравнение со всем тем, что уже известно в этой области. Оно даже не требует никакого специального аппарата для метания.

Итак, новый герой Жюль Верна вновь мстит человечеству.

Тень Александра Дюма-отца снова и снова возникает за плечом писателя.

«По какому праву меня похитили?»

«Разумеется, по праву сильнейшего!»

Не так далеко уже время, когда молодой Герберт Уэллс предложит совершенно новую формулу человеческих отношений: «Наша истинная национальность — человечество», но герои Жюль Верна пока не готовы принять ее.

Жюль Верн написал свой роман после детального знакомства с судебным делом французского химика Эжена Тюрпена (1849-1927).

Химик Тюрпен открыл мелинит — взрывчатое вещество, во много раз более сильное, чем порох. Одновременно он запатентовал и взрыватели к нему, даже удачно продал их французскому военному ведомству.

Казалось бы, чего еще?

Но в 1889 году химик вступает в не санкционированные правительством переговоры с английской фирмой «Армстронг». В итоге действия слишком деловитого ученого были приравнены к измене родине и Тюрпена привлекли к суду вместе с артиллерийским инженером Трипоне. Доказывая свою невиновность, Тюрпен издал брошюру «Как продали мелинит» и случайно (видимо, все-таки случайно) обмолвился в ней о неких секретных деталях дела, за что угодил, наконец, в тюрьму.

Но тюрьма таких людей не меняет. Химик и в камере придумывал самодвижущиеся снаряды, способные с неслыханной точностью поражать любую цель, а выйдя на свободу, опять обратился к военному ведомству.

Но теперь французы ему совсем уже не доверяли.

Роман Жюля Верна чрезвычайно возмутил Эжена Тюрпена.

Химик усмотрел в образе героя оскорбительные намеки в свой адрес, к тому же фульгуратор уж очень напоминал изобретенный им мелинит. Разумеется, химик подал в суд. И, конечно, Жюль Верн и его издателя оправдали.

За отсутствием улик.

Приезд в Париж на суд с Тюрпеном оказался для Жюль Верна последним.

Эйфелева башня уже привычно высилась над Сеной. Ажурные фермы ее не разобрали на металлолом, как было обещано при начале строительства, да и парижане уже приняли новый символ города. И все же многое, очень многое изменилось, прежде всего в человеческих отношениях, и от героев Жюль Верна ждали всем понятных поступков. Ненавидеть, мстить всему человечеству — это уже как-то не звучало. Ну чем виноваты испанцы или португальцы, французы или итальянцы, если англичане обидели индийского принца Даккара?.. Пейзажи далеких стран, экзотические острова, жестокие пираты, выдающие себя за графов, и графы, занимающиеся пиратством... Подземные укрытия, подводные тайники, всемогущее электричество (радио еще отсутствовало), чудовищной силы взрывчатка... Вулканы, начинающие извергаться только в самый нужный момент...

Да, все это интересно, но сильно отдает архаикой.

Энергии! Энергии! Мир нуждается прежде всего в энергии.

Кроме энергии мир нуждается в новых, более состоятельных идеях.

«Тома Рок, неужели вы посмеете открыть огонь по флагу вашей родины?»

Подразумевалось, видимо, что безумный изобретатель расчувствуется, всплакнет, но у Тома Рока давно нет родины, она его отвергла. У него нет никакого флага — это все пустой разговор...

Но вот на горизонте появляется корабль.

Он растет, он медленно увеличивается на глазах.

Это французский крейсер. На борту — барабанный бой, трубят звонкие горны и вот взлетает на нок сине-бело-красный флаг родины.

Мы ждем трагической развязки, достойной времени. Мы ждем крушения сердец, крушения всего мира, как подсказывает нам логика мстителя. Но странно... Горны звучат всё громче, всё пронзительнее, и Тома Рок, мститель, вдруг, к нашему удивлению, закрывает глаза руками...

«Я считаю роман, — сказал Герберт Уэллс в одном из интервью 1911 года, в 1914 году переделанном в статью «Современный роман»^[53], — поистине значительным и необходимым явлением в сложной системе беспокойных исканий, которая зовется современной цивилизацией. Но мне известно, разумеется, что существует теория, признающая за романом одно-единственное назначение — развлекать читателя. Вопреки очевидным фактам, этот взгляд господствовал в период деятельности всех великих писателей, которых мы теперь называем писателями Викторианской эпохи, он живет и поныне.

Пожалуй, возникновением своим теория эта обязана скорее читателям, нежели читательницам. Ее можно назвать теорией Усталого Гиганта...

Да, читателя обычно представляют как человека, обремененного многими заботами, изнемогающего от тяжких трудов. С десяти до четырех этот Усталый Гигант не выходил из конторы, разве что часа на два в клуб — перекусить или же сыграть в гольф, а может быть, провел весь день в парламенте — заседал и голосовал в палате общин; удил рыбу, участвовал в жарких спорах по поводу какой-то статьи закона, писал проповедь или занимался еще чем-то столь же серьезным и важным — ведь жизнь человека обеспеченного состоит из тысячи подобных дел...

Но вот, наконец, пришли желанные минуты отдыха, и Усталый Гигант берется за книгу. Не исключено, что он в дурном настроении — его обыграли в гольф, или леска запуталась в корягах, или падают самые надежные акции, или днем, когда он выступал в суде, судья, страдающий болезнью желудка, был с ним крайне резок. Ему хочется забыть обо всех жизненных невзгодах. Он ждет, чтобы его подбодрили и утешили, он ищет в книге развлечения — в первую очередь развлечения. Ему не нужны ни мысли, ни факты, ни тем более проблемы. Он жаждет унести мечтой в призрачный мир, где героем будет он сам и где перед ним предстанут красочные, светлые и радостные видения: всадники и скакуны, наряды из кружев, принцессы, которых спасают, получая в награду любовь. Он хочет, чтобы ему нарисовали забавные трущобы и веселых нищих, чудаков-рыболовов и скрашивающие нашу жизнь благие порывы. Ему нужна романтика, но без присущих ей опасностей, и юмор, но без тени иронии, и он считает, что прямой долг писателя — поставлять ему подобное чтиво, этакую сладкую водицу...»

К сожалению, слова Уэллса относятся к очень многим книгам.

Жюль Верну казалось, что он все еще разговаривает с понимающими его современниками. Но его книги попадали теперь в руки тех, кто родился не в 1828 году, как он сам, и даже не тех, кто родился в 1837 году; теперь его книги попадали в руки тех, кто появился на свет в 1868, 1878 годах и т. д. Кто они? Что их интересует? Почему «Необыкновенным путешествиям» они предпочитают теперь сочинения Анатоля Франса (1844-1924), Мопассана (1850-1893), Октава Мирбо (1848—1917), наконец, этого неукротимого невоспитанного Золя, упорно разыскивающего ни на кого не похожих художников?

Свободный, весь в дыму, туманами одетый,
Я, небо рушивший, как стены, где б нашлись
Все эти лакомства, к которым льнут поэты, —
Лишайник солнечный, лазоревая слизь...
Я, содрогавшийся, когда в болотной топи
Ревела свадьба бегемотов, сея страх, —
Скиталец вечный, я тоскую о Европе,
О парапетах ее древних и камнях.
Архипелаги звезд я видел, видел земли,
Чей небосвод открыт пред тем, кто вдаль уплыл...
Не в этих ли ночах бездонных, тихо дремля,
Ты укрываешься, Расцвет грядущих сил?
Но слишком много слез я пролил! Скорбны зори,
Свет солнца всюду слеп, везде страшна луна.
Пусть мой взорвется киль! Пусть погружусь я в море!
Любовью терпкою душа моя пьяна.
Коль мне нужна вода Европы, то не волны
Ее морей нужны, а лужа, где весной,
Присев на корточки, ребенок, грусти полный,
Пускает в плаванье кораблик хрупкий свой.
Я больше не могу, о воды океана,
Вслед за торговыми судами плыть опять,
Со спесью вымпелов встречаться постоянно
Иль мимо каторжных баркасов проплывать.
А. Рембо

В начале 1897 года Верн жалуется брату: «Теперь я почти не двигаюсь, дорогой Поль, стал таким же домоседом, как раньше был легок на подъем. Возраст, недомогание, заботы — все это приковывает меня к дому. Ах дружище Поль! Хорошее было время, когда мы с тобой плавали по морям...»

Да, время неумолимо, но Поль еще увидел томик «Ледяного сфинкса».

Это была для него последняя книга брата — 27 августа 1897 года Поль скончался.

На этот раз Жюль Верн почувствовал себя действительно невероятно, невыразимо одиноким. «Я с грустью вижу, — вспоминал внук писателя, — старого человека, обремененного годами и болезнями. Вот я (мне нет еще четырех) на перроне вокзала Монсури вместе с моими родными. Вижу мою матушку: на ней платье из фуляра, синее в горошек; она держит меня за руку, а дед очень беспокоен — подталкивает нас к нашему купе, чтобы не прозевать отход поезда. Создатель Филеаса Фогга всегда боялся опоздать на поезд... В 1898 году, — продолжал внук, — я довольно долго жил у него в Амьене на улице Шарля Дюбуа и даже ходил в соседнюю школу Дед с маленькой собачкой Фоллет часто гулял в своем скромном саду — там, на Пасху, я искал яйца, будто бы упавшие с неба! Дед всегда прощал мне мои мелкие прегрешения и очень радовался, когда ему удавалось сходить со мной в цирк...»^[55]

За обедом писатель теперь садился на специальный низенький стул — так, чтобы тарелка находилась почти у его лица. Онорину всегда обижало абсолютное равнодушие мужа к ее превосходным блюдам, но это не было капризом. Это был диабет, к сожалению. Писатель съедал всё, что перед ним ставили.

В романе «Кораблекрушение "Джонатана"» Жюль Верн сам рассказал об этом постоянном, ужасном, ничем не утолимом, вечно мучающем голоде.

«Блэкер, этот славный парень, страдал ненасытным аппетитом. Такое болезненное состояние называется в медицине булимией. При распределении продуктов Блэкер, как и все остальные, получил свою долю, но пайка, рассчитанного на четыре месяца, из-за невероятной прожорливости Блэкера, хватило только на два. И тогда начались прежние (если не гораздо более сильные) муки голода...»

Весной 1898 года в Амьене побывал журналист Адольф Бриссон, автор серии популярных биографических книг — «Интимные портреты». Жюль Верн был нездоров, но принял журналиста. Когда разговор зашел о лучших его романах, писатель оживился и вдруг с улыбкой заметил, что на мысль о романе «Двадцать тысяч лье под водой» его в свое время навела Жорж Санд. «Вы удивитесь, но именно ей я обязан одним из самых больших моих успехов».

Бриссон действительно удивился.

Такие разные имена, такие разные подходы к литературе!

Но Жорж Санд и вправду, прочтя романы Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре» и «Путешествие к центру Земли», в свое время написала ему:

«Ваши великолепные произведения вывели меня из состояния глубокой апатии и заставили испытать истинное волнение. Огорчена тем только, что слишком быстро их проглотила... Но надеюсь, мой дорогой друг, что скоро Вы увлечете нас в таинственные глубины моря и заставите Ваших героев путешествовать в подводных лодках, усовершенствовать которые Вам помогут Ваши знания и Ваше воображение... Когда роман "Англичане на Северном полюсе" («Путешествие и приключения капитана Гаттераса». — Г. П.) выйдет отдельной книгой, прошу Вас не забыть прислать книгу... У Вас восхитительный талант и сердце, способное еще больше этот талант возвысить... Тысячу и тысячу раз благодарю Вас за те приятные минуты, которые Вы помогли мне испытать среди моих горестей...»

Писатель ценил мнение Жорж Санд и долгие годы бережно хранил ее письмо в ящике рабочего бюро.

Несмотря на нездоровье, Жюль Верн не изменял привычкам.

Как всегда, вставал в пять утра, работал. В 12 часов — прогулка.

Выходил на улицу в темной шляпе, в темном костюме (взглянул бы сейчас он на себя из далекой юности, когда они с Аристидом Иньяром, насвистывая арии из веселых опереток, посмеивались именно над такими вот гуляющими по парижским бульварам мрачными типами). Прихрамывая, тяжело опираясь на крепкую палку, Жюль Верн шел по бульжной мостовой, почти не глядя по сторонам (левое веко опущено), глубоко погруженный в свои мысли.

Впрочем, юмора он не терял.

23 апреля 1898 года он писал из Кротуа своему издателю:

«Мой дорогой Этцель, Вы должны меня поносить, обвинять в неблагодарности, легкомыслии, вороватости, использовать против меня все эти многочисленные и плохо звучащие эпитеты французского языка, обзывать недалеким идиотом и т. д. Вы должны испытывать приливы страшного гнева, заходиться от ярости, все на пути крушить, разбивать, распекать Розали, делать ужасные сцены, отдавать себя в руки дьявола! И все почему? Да все потому, что утром во время отъезда, после того как я Вас обнял, Вы обронили свой галстук... Признаюсь, мой дорогой друг, я чуть не лопнул от смеха, когда его нашел. Что Вы должны были подумать, не обнаружив его на себе? Это почти так же забавно, как если бы я стибрил Ваши кальсоны...»

И еще о юморе Жюля Верна.

В 1899 году в «Журнале воспитания и развлечения» был напечатан роман «Завещание чудака». Тоже, кстати, «комбинированный».

Гиппербаум, американский миллионер, профессиональный чудака и член клуба чудаков, завещал свое весьма немалое состояние тому, кто выиграет партию в «гусек» — игру в то время весьма распространенную. Правда, «доской» для игры на этот раз должна была стать вся территория Америки, а «клетками» — отдельные штаты. Их тогда было сорок девять. После метания костей игрок отправлялся в тот штат, на территорию которого падала брошенная им кость. Выигрывал тот, кто быстрее всех проходил все штаты страны, без исключения.

«Перечитываю эту книгу, — признавался Жюль Верн, — и сам удивляюсь, как мне удалось так живо и занимательно познакомить юных

читателей с географией Соединенных Штатов».

Живо и интересно.

Несомненно, правильные слова.

«И вот тогда-то репортеру "Трибюн", — читаем мы в романе, — представился случай послать в свою газету не только одну из самых неожиданных и интересных заметок, но также сообщить о странном открытии, сделанном им в области зоологических исследований Скалистых гор.

Около пяти часов дня, когда поезд медленно поднимался по крутому горному склону, в самый разгар страшной грозы Гарри Кембэл стоял на площадке вагона, — остальные пассажиры не решались покинуть свои скамейки. Внезапно он увидел на дороге великолепнейшего медведя из породы черно-бурых гризли. Он шел на задних лапах вдоль железнодорожного пути, перепуганный, очевидно, борьбой стихий, которая всегда производит такое сильное впечатление на зверей. Неожиданно этот представитель стопоходящих, ослепленный яркой молнией, поднял свою правую лапу, поднес ее ко лбу и поспешно перекрестился.

"Медведь, который осеняет себя крестным знамением! — вскричал Гарри Кембэл. — Но это невозможно! Я, наверное, плохо его разглядел!"

Нет, он все разглядел хорошо. При ослепляющем блеске молнии мохнатый гризли, проявляя все признаки сильного страха, действительно несколько раз осенил себя широким крестным знамением.

К сожалению, поезд пошел быстрее, и медведь остался позади.

Тогда репортер записал в своей книжке: "Гризли, представитель новой породы стопоходящих... Крестится во время грозы... Назвать его, рассказывая о фауне Скалистых гор, — *урсус кристианус, медведь-христианин...*"».

Из большого дома на улице Шарля Дюбуа Жюль Верн с Онориной снова перебрались на бульвар Лонгвилль, 44.

«Онорине исполнилось семьдесят лет, — вспоминал внук писателя. — Время светских развлечений давно миновало. Она без сожалений рассталась с чересчур просторным домом, отапливать который становилось трудно, и охотно вернулась туда, откуда уезжала с такой радостью, а муж ее с удовольствием вернулся к рабочему столу в своей монашеской келье...

Писатель все больше замыкается в себе, его жизнь строго регламентирована: встав на рассвете, а иногда и раньше, он тут же принимается за работу; около одиннадцати часов он выходит, передвигаясь крайне осторожно, ибо у него не только плохо с ногами, но и сильно ухудшилось зрение. После скромного обеда Жюль Верн курит небольшую сигару, усевшись в кресло спиной к свету, чтобы не раздражать глаза, на которые падает тень от козырька фуражки, и молча размышляет; затем, прихрамывая, идет в читальный зал Промышленного общества, где листает журналы, потом в ратушу. После недолгой прогулки по бульвару Лонгвилль он возвращается домой. Легкий ужин предшествует нескольким часам отдыха, а если сон заставляет себя ждать, писатель решает или придумывает кроссворды, за всю жизнь их набралось более четырех тысяч...

Иногда писателя навещают друзья, как всегда, он со всеми приветлив. Если его интересует какой-то вопрос, он обретает былую живость и все свое остроумие. Но более всего поражают его простота и пренебрежение к респектабельности: если он вдруг устанет на улице, то, не задумываясь, присядет на ступеньках какого-нибудь дома.

В повседневной жизни Жюль Верн неразговорчив, любит тишину, избегает ненужных пересудов, словно опасается, как бы они не нарушили его душевного равновесия, вмешивается лишь для того, чтобы подать спокойный разумный совет, но не выносит бесполезных споров; если же таковые возникают и чье-то прямо противоположное его собственному мнению свидетельствует о том, что нездоровый дух Эдгара По бродит вокруг, он не настаивает. Старому человеку и в самом деле внушает ужас все, что может вызвать ссору; слишком много страданий причинили ему семейные раздоры. По собственному опыту он знает, что следует опасаться предвзятых идей, что к любому вопросу можно подойти с разных сторон. В

общем, человек он мирный, а главное, умиротворяюще действует на окружающих»[\[56\]](#).

Роман «Тайна Вильгельма Шторица» в первом варианте назывался «Невидимая невеста». После смерти Жюль Верна родственники надолго закрыли архив писателя, не желая предавать огласке некоторые моменты его личной жизни, поэтому произведение, в котором, несомненно, отразилась история незаконнорожденной дочери Жюль Верна, появилось в печати только в 1910 году.

Марк, художник-портретист, находясь в Рагзе (Южная Венгрия), влюбился в дочь доктора Родериха — Миру.

Все, что знает о невесте Марка его брат инженер Анри Видаль, приглашенный на свадьбу, это то, что несколько месяцев назад предложение красавице сделал еще один человек — некий нелюдимый и мрачный Вильгельм Шториц, сын знаменитого химика Отто Шторица, ученого умершего, но не забытого.

К сожалению, начав рассказ, Жюль Верн никак не может сойти с давно наезженной им колеи. Может, читатель и не хотел бы знать всяких там экономических и географических подробностей, но Жюль Верн настаивает.

«В Венгрии собственность еще недостаточно разделена. Сохранились значительные пережитки крепостного права. Нередко можно встретить владения в сто квадратных километров, которые их собственники даже не способны обрабатывать целиком. А на долю мелких земледельцев приходится меньше трети всех сельскохозяйственных угодий. Такое положение вещей, наносящее урон этой чудесной стране, постепенно изменится, хотя бы в силу безупречной логики, которой обладает будущее. Кстати, — добавляет Жюль Верн, — венгерский крестьянин совсем не чужд прогрессу. Самой природой ему даны добрая воля, мужество, сообразительность. Может, венгерский крестьянин немного самоуверен, но уж точно не больше, чем прусский. И между ними только одно различие: мадьяр считает, что он всегда может всему научиться, а пруссак думает, что он уже от рождения все на свете знает...»

Анри Видаль приезжает в городок Рагзу накануне годовщины смерти знаменитого химика. При жизни Отто Шториц считался кем-то вроде колдуна. Живи он на два века раньше, его, чего доброго, посадили бы в тюрьму, а то и сожгли на площади.

А вот мадемуазель Родерих оказалась юной девушкой — с очаровательной головкой, обрамленной тонкими светлыми волосами, ну,

прямо мадонна Франца Ван Меера, приветливая, жизнерадостная, с прекрасными темными глазами, излучающими ум. У нее теплый цвет лица, свойственный мадьярам, чистые линии рта, розовые губы, приоткрывающие ослепительно белые зубы...

Но странные события происходят в Рагзе.

Какая-то невидимая сила затевает драку на рыночной площади.

А на кладбище вдруг раздается неведомый злобный голос: «Мадемуазель Родерих никогда не выйдет замуж за пришлого француза!»

В церкви все тот же голос ни с того ни с сего начинает распевать «Песню ненависти» Георга Гервега (1817—1875) — а это уже прямой вызов мадьярскому патриотизму, намеренное оскорбление!

Подозрения падают на Вильгельма Шторица, отвергнутого претендента на руку Миры. Отец невесты и его друзья с разрешения префекта полиции идут в дом, где проживает сейчас Вильгельм и где при жизни проживал Отто Шториц.

«Дом огромен, мрачен, обставлен старинной мебелью. Остальные комнаты нижнего этажа также подверглись обыску. Одна из них, гостиная, была обставлена мебелью старинной работы с немецкой обивкой, полинялой и потертой. На каминной доске стояли старые некрасивые часы, все в пыли. Они давно уже не ходили. В одном из простенков, напротив окна, висел в овальной раме большой портрет: "Отто Шториц".

Капитан Аралан не мог отвести глаз от холста.

В этой заброшенной старой гостиной знаменитый ученый представлялся каким-то фантастическим существом. Могучая голова с густыми волосами, похожими на седую львиную гриву, громадная борода, непомерно огромный лоб с горящими, как угли, глазами, как будто вздрагивающие губы. Портрет казался живым. Казалось, Отто Шториц вот-вот выскочит из рамы и крикнет замогильным голосом: "Что вы здесь делаете? Какая дерзость с вашей стороны — нарушать мой покой!"».

А в рабочем кабинете — полный бедлам.

Деревянные полки загромождены многочисленными трудами по математике, химии, физике, биологии. Свалены в кучу инструменты, странные механизмы, стеклянные банки, портативная плита, набор батареек, катушка Румкорфа, электрический горн системы Муассана, который доводит температуру до четырех-пяти тысяч градусов, несколько реторт и перегонных аппаратов, даже небольшой ацетиленовый газгольдер. Там же — груды бумаг, канцелярские принадлежности, несколько томов сочинений самого Отто Шторица. Один из томов почему-то раскрыт на главе, в которой рассказывается о рентгеновских лучах. Префект случайно

роняет на пол стеклянную склянку голубоватого цвета, и мгновенно вылившаяся, чрезвычайно летучая жидкость превращается в слабый пар со специфическим запахом.

Все это настораживает, даже пугает.

К сожалению, дурные предчувствия начинают оправдываться.

В церкви святотатственная невидимая рука вырывает из руки священника облатку — символ воплощенного Слова. Одновременно с этим раздаётся все тот же громкий и злобный голос: «Горе, горе будущим супругам!»

На этот раз невеста без чувств падает на руки Марка.

Обстановка столь раскалена, столь непредсказуема и тревожна, что нервы и разум впечатлительной девушки не выдерживают — она сходит с ума.

Теперь игнорировать существование человека-невидимки просто невозможно, ведь невидимый человек (если он, конечно, существует) может представлять угрозу любому добропорядочному и законопослушному гражданину Рагзы. Скорее всего, приходит к мысли инженер Анри Видаль, какой-то необыкновенный секрет достался Вильгельму Шторицу от его знаменитого отца. А раз так, то от неуравновешенного человека, не имеющего четких представлений о нормах морали, действительно можно ждать чего угодно. Он уже и Миру похитил. Видимо, думает Анри Видаль, Вильгельм Шториц во время обыска находился в старом доме. Несомненно, он наблюдал за преследователями и видел их, сам оставаясь невидимым.

«Стало быть, — думает инженер, — он знает средство делаться невидимкой в любой момент. Он, как волшебник по мановению жезла, может сделать невидимым не только самого себя, но и одежду, которая на нем надета. Но вещи, которые находятся у него в руках, делать невидимыми он не может, поэтому мы все видели растаптываемый букет, разрываемый брачный контракт, похищенный венок невесты, бросаемые обручальные кольца в соборе. Тут нет никакого колдовства, никакой черной или белой магии, никакого знакомства с нечистой силой. Это надо отбросить. Будем держаться реальной почвы. Очевидно, Вильгельму Шторицу действительно известен секрет какого-то загадочного, но вполне реального состава, который стоит только выпить — и любой человек станет невидимым. Но что это за состав? Наверное, это он был налит в том пузырьке, который разбился. Состав летучий — он почти тотчас испарился. Но как этот состав делается? Из чего? Какова его формула? Этого мы не знали и не имели оснований надеяться, что узнаем...

Теперь вопрос о личности самого Шторица. Разве его так уж нельзя изловить?

Если он и умеет делать себя недоступным для зрения, то это еще не значит, что он недоступен и для осязания. Его материальная оболочка, по-видимому, не утрачивает ни одного из трех измерений, свойственных каждому телу, то есть длины, ширины и высоты. Он невидимка, но тут он налицо. Нельзя его видеть, но можно осязать, трогать. Неосязаемы только призраки, а Вильгельм Шториц не призрак, это живой человек. Стоит только схватить его за руку, за ногу или за голову — и вот он пойман, хоть он и невидимка. И, несмотря на свое поистине изумительное средство, он теперь не отвертится от четырех стен тюрьмы...

Все это так, но положение было невыносимое.

Никто в Рагзе не чувствовал себя в безопасности ни дома, ни на улице, ни ночью, ни днем. Люди вздрагивали от малейшего шороха, от ветра, поколебавшего оконную штору, от хлопнувшей половинки окна, от завизжавшего флюгера на кровле. Везде постоянно чудился Вильгельм Шториц, будто он ходит, подслушивает, подсматривает...»

В конце концов, Вильгельма Шторица, невидимого человека, убивают.

«Вдруг я почувствовал толчок от невидимой руки и почувствовал у себя на лице чье-то горячее дыхание.

Да, это рукопашная схватка!

Это схватка с невидимым врагом!

Кто бы он ни был, Вильгельм Шториц или кто другой, но мы его теперь не выпустим и заставим сказать, куда он подевал похищенную Миру. Я держу его за одну руку, Армгард за другую.

— Мира? Где Мира?

Ответа нет. Негодяй вырывается. Он борется. Он оказывается очень сильным. И если вырвется, то сейчас же убежит и скроется, и мы его никогда больше не увидим.

— Скажешь ли ты, где Мира? — повторяет капитан Аралан вне себя от ярости.

Наконец раздается ответ:

— Никогда!.. Никогда!..

Голос запыхавшийся, но узнать его все-таки можно. Это голос Вильгельма Шторица.

Нас трое против одного. Как ни силен наш противник, все-таки он долго сопротивляться не сможет. Но поручик Армгард вдруг получил сильный толчок и упал в траву. В ту же минуту я почувствовал, что меня кто-то схватил за ногу и опрокинул. Я невольно выпустил руку, которую

держал. Капитан Аралан получил сильный удар прямо в лицо.

— Он вырвался! Вырвался!

Я бросился на помощь Аралану

И в этот момент из-за деревьев на площадку выскочили люди.

Их было много. Одни перелезали через решетку, другие перепрыгивали через забор, выходили из руин сгоревшего дома. Они подходили стеной, держась локоть к локтю. Подходили тремя рядами. Первый ряд был одет в местную полицейскую форму, и в один миг они образуют кольцо, которое постепенно сжимается.

И тут мне становится понятен оптимизм Штепарка.

Узнав о планах Шторица, он принял надлежащие меры и сделал это с изумительным мастерством. Когда мы входили в сад, мы не видели ни одного человека из собранных им сотен — до того ловко он сумел всех их спрятать.

Круг, в центре которого мы стоим, все сжимается и сжимается.

Вдруг возле нас раздается крик бешенства. Поручик Армгард пришел в себя и попытался подняться. Вдруг у него быстро выхватили саблю из ножен. Ею размахивает невидимая рука. Рука Шторица. Он не помнит себя от злобы. Спаситься он не может, зато по крайней мере может убить капитана Аралана. Тот тоже обнажает саблю. Начинается дуэль обыкновенного человека с невидимкой.

Все произошло так быстро, что никто не успел вмешаться.

Вильгельм Шториц, очевидно, умеет хорошо пользоваться саблей.

Капитан Аралан нападает на него, даже не прикрываясь. Он слегка задет в плечо, но его сабля быстрее. Слышен крик боли... Трава на лужайке приминается, но она примята не ветром. На нее упало тело Шторица, пронзенное саблей, насквозь прошедшей через грудь и спину. Льется кровь, и невидимое тело, по мере того как из него уходит жизнь, принимает видимую форму и обрисовывается вполне ясно среди предсмертных конвульсий.

Капитан Аралан бросается к Шторицу и кричит:

— Мира! Где Мира?

Но перед ним лежит только труп с искаженным лицом, с широко раскрытыми глазами, в которых еще не погасла угроза.

Теперь всем ясно, что это труп Вильгельма Шторица...»

Согласитесь, ситуация знакомая.

В 1897 году в Англии вышел (и тогда же был переведен во Франции) роман Герберта Уэллса «Человек-невидимка».

Заканчивался он так:

«"Глядите! Глядите!" — раздался голос.

И, взглянув в указанном направлении, все увидели контур человеческой руки, бессильно лежавшей на земле; эта рука была словно стеклянная, можно было разглядеть все вены и артерии, все кости и нервы. Рука теряла прозрачность и мутнела прямо на глазах.

"Ого! — воскликнул констебль. — А вот и ноги показываются".

И так медленно, начиная с рук и ног, постепенно расползаясь по всем членам до жизненных центров, продолжался этот странный переход к видимой телесности. Сперва показались тонкие белые нервы, образуя как бы слабый контур тела, затем мышцы и кожа, принимавшие сначала вид легкой туманности, но быстро тускневшие и уплотнявшиеся. Вскоре можно было различить разбитую грудь, плечи и смутный абрис изуродованного лица. Когда, наконец, толпа расступилась, то взорам присутствующих предстало распростертое на земле голое, жалкое, избитое и изувеченное тело человека лет тридцати. Волосы и борода у него были белые, не седые, как у стариков, а именно белые, как у альбиносов, глаза красные, как гранаты. Пальцы судорожно скрючились, глаза широко раскрыты, а на лице застыло выражение гнева и отчаяния...»[\[57\]](#)

Конечно, «Невидимая невеста» навеяна открытиями Герберта Уэллса.

Но роман Жюль Верна — действительно роман загадок. Некоторые из них объяснил известный французский исследователь Норбер Персеро (совместно с Эриком Вайсенбергом и Оливером Дюма)^[58]. Он первый уверенно указал на то, что в «Невидимой невесте» Жюль Верн зашифровал историю своей дочери, приславшей ему в Амьен такое неожиданное письмо в мае 1886 года.

МИРА, это, несомненно, анаграмма имени МАРИ.

Дата бракосочетания Миры, «невидимой невесты», указывается в романе точно — 12 июня. Во всех вариантах рукописи Жюль Верна, писал Норбер Персеро, рукой писателя обозначена именно эта дата. Кстати, 12 июня 1836 года — это ведь еще и день рождения Эстель Энен (в замужестве Дюшен), любовницы Жюль Верна. А еще это (что чрезвычайно важно для понимания романа) дата свадьбы Мари Дюшен и Люсьена Берже — 12 июня 1886 года.

«В романе Жюль Верна, — писал Норбер Персеро, — обнаруживаются и другие возможности для анаграмм. Имя АРАЛАН (HARALAN), например, можно связать с именем ШАРЛЬ (CHARLES), — то есть с именем мужа Эстель, которое Жюль Верн, без сомнения, хорошо знал. Четыре буквы из семи тут стоят в одном порядке (сHARLes/HARaLan). А фамилия РОД(Е)РИК (RODERICH) напоминает имя РОДРИГ (RODRIGUE), которое имело также и такое написание — RODERICK (RODERICK / RODERICH).

Для чего дается эта ссылка на Родрига?

Да для того, чтобы напомнить: герой корнелевского "Сила"^[59] убивает шпагой отца Химены абсолютно так же, как это делает у Жюль Верна капитан Аралан, убив Шторица...»

«Вильгельм Шториц, — писал далее Персеро, — это персонаж, который ведет свою игру, то есть создает свою собственную иСТОРИЮ. Это сразу перебрасывает мостик между историей *настоящей* (то есть той, которая прожита Мари и ее истинным биологическим отцом) и историей *рассказанной* (которую ведет "рассказчик иСТОРИЙ" — англ. STORIES/STORITZ, как любил называть себя Жюль Верн). Тот, кто прожил *настоящую* историю, конечно, не является тем, кто создал *книжную* историю, но и тот и другой в истории участвуют, — оба молча и трусливо

играют по правилам семейного и общественного лицемерия...»

«Две даты, — указывал далее Норбер Персеро, — выступают вехами рассказа:

— 15 мая, дата гражданского бракосочетания Миры, дважды приводится в главе XI и еще два раза упоминается в главе XII. Эта дата вполне могла соответствовать дню, когда Жюль Верн получил письмо от Мари, в котором она сообщала о своем скором замужестве.

— 12 июня, как мы уже указывали, самая важная дата, — день венчания.

В главе XVIII Жюль Верн пишет, что случай Миры был отдельно рассмотрен римским судом и было принято "положительное решение", то есть не было сомнения, что невеста ("невидимая") была *живой*, а значит, могла пройти таинство бракосочетания...»

«Мишель Верн, — писал далее Норбер Персеро, — не сохранил в своей памяти ни одной из этих дат, несмотря на то, что отец явно рассказал ему о секретах, запрятанных в романе "Невидимая невеста"».

Может быть, и так. Но, может быть, и сохранил.

Просто не счел возможным с кем-либо этим делиться.

Вот уж поистине, у каждого в шкафу свои скелеты.

Полусумасшедший герой «Невидимой невесты», несомненно, опасен для окружающих. Но, как и в случае с романом «Черная Индия» (в котором Жюль Верн не смог превратить «кающегося» в столь же запоминающийся символ, как, скажем, морлоки Герберта Уэллса), герой «Невидимой невесты» остается для всех всего только обиженным злодеем. Он Мститель. Мы опять имеем дело с Мстителем.

Совсем другое дело — герой Уэллса.

Человек-невидимка Уэллса *виден*, да простится мне этот парадокс.

Поступки Гриффина вызывают смтение. Он масштабен. Он знает, ради чего убил отца, ради какой цели украл чужие деньги, сжег дом, в котором жил. За это уэллсовского невидимку и преследуют — постоянно и неустанно.

И сам он не скрывает своих целей.

«Вы проявили изумительную энергию и сообразительность, — пишет он своему бывшему другу, — хотя я не представляю себе, чего вы надеетесь этим достичь. Вы против меня. Весь день вы травили меня, хотели лишить меня отдыха и ночью. Но я насытился вопреки вам, выспался вопреки вам, и игра еще только начинается. Игра только начинается! Мне ничего не остается, как прибегнуть к террору. Настоящим письмом я провозглашаю первый день Террора. Отныне Порт-Бэрдок уже не под властью королевы, передайте это вашему начальнику полиции и его шайке, — он под моей властью, под Властью Террора. Нынешний день — первый день первого года новой эры — эры Невидимки. Я — Невидимка Первый. Сначала мое правление будет милосердным. В первый день будет совершена только одна казнь, для острастки, казнь человека по фамилии Кемп. Сегодня смерть настигнет этого человека. Пусть запирается, пусть прячется, пусть окружает себя охраной, пусть оденется в броню, если угодно, — смерть, незримая смерть уже приближается к нему. Пусть принимает меры предосторожности: тем большее впечатление его смерть произведет на мой народ. Смерть двинется из почтового ящика сегодня в полдень. Письмо будет опущено в ящик перед самым приходом почтальона — и в путь! Игра началась. Смерть надвигается на него. Не помогай ему, дабы смерть не постигла и тебя. Сегодня Кемп должен умереть».

Ни много ни мало — весь мир нужен уэллсовскому человеку-

невидимке.

А Вильгельм Шториц всего лишь похищает чужую невесту.

На Всемирную выставку 1900 года, открывшуюся 15 апреля, Жюль Верн поехать не смог. Зато в Париже побывали Онорина и падчерицы, а Мишель в то время даже работал в администрации выставки.

«Один забавный случай, — вспоминал Жан Жюль-Верн, — поможет нам понять разницу в воззрениях двух поколений. Мишель, наконец, добился определенного положения и получил возможность пользоваться щедротами первых дней XX столетия. Однажды он приехал в Амьен в меховой шубе, что по тем временам выглядело вызывающей роскошью. Чтобы оправдаться перед отцом, он уже с порога заявил:

"Смотрите, как мне повезло. Я отдал за эту шубу тысячу франков, а мне хватит ее не меньше чем на десять лет. Так что обойдется она мне всего-то по сто франков в год".

"Да, тебе и впрямь повезло, — ответил Жюль Верн. — Но я, например, шью себе пальто раз в десять лет, и стоит оно мне сто франков!"».

В конце 1894 года во французском Генштабе была обнаружена, как сейчас бы сказали, серьезная утечка секретных документов. А через некоторое время в военное министерство доставили документ, якобы случайно найденный среди выброшенных за ненадобностью бумаг германского военного агента полковника Шварцкоппена.

Экспертиза почерка указала на капитана Дрейфуса.

15 октября капитан был арестован и после короткого расследования предан военному суду. На виновности французского офицера (еврея) решительно настаивали начальник Генерального штаба генерал Буадеффе, его помощники генерал Гонз, Пати де Клам, полковник Анри и др. Но судьи колебались — улики были недостаточно. Тогда с согласия военного министра следователь предъявил судьям еще одну записку, якобы написанную уже самим германским послом и прямо изобличавшую капитана Дрейфуса в сотрудничестве с немцами...

«Дрейфус был осужден в 1894 году, — писал в своих воспоминаниях внук Жюль Верна, — и следует прямо сказать, что осуждение это было воспринято как дело для того времени вполне обычное. Правда, Вернар Лазар опубликовал волнующую книжку "Судебная ошибка". (В ней подробно рассказывалось о том, что новый начальник разведывательного бюро полковник Пикар сразу указал генералу Гонзу на явное сходство почерка капитана Дрейфуса с почерком совсем другого офицера — майора Эстергази. — Г. П.) Но общественное мнение всколыхнулось лишь после того, как 13 января 1898 года в газете "Аврора" (ее, кстати, редактировал будущий премьер-министр Франции Жорж Клемансо. — Г. П.) появилась знаменитая статья Эмиля Золя "Я обвиняю!"...

Стоит ли закрывать глаза на то, что амьенский буржуа, в которого превратился бывший мятежник 1848 года, не понял истинный смысл этого дела. Как истинный республиканец, Жюль Верн верил судьям. Хотя, надо сказать, моральная анархия, на которую сетовал писатель, гораздо менее проявилась в довольно свободных нравах той поры, чем в упорстве, с которым власти стремились погубить человека, поставив целью спасти преступную администрацию.

Ослепление Жюль Верна, оказавшегося в числе антидрейфусаров, удивляет; его сын, напротив, был ярким защитником Дрейфуса. Легко вообразить, сколь бурными были визиты Мишеля в Амьен! Вполне можно

было ожидать временного раскола, ведь ситуация сложилась парадоксальная: Жюль Верн, человек передовых, республиканских взглядов, примкнул к консервативным кругам, а роялист и консерватор Мишель оказался вдруг социалистом! Впрочем, такого рода ситуация была далеко не исключением: это дело, расколовшее Францию на два лагеря, внесло разлад во многие семьи...»^[60]

Сложные душевные настроения Жюль Верна выражены в романе «Кораблекрушение "Джонатана"». Здесь сошлось многое: политика, приключения, светлые стороны жизни и ее мрачное дно. Свободный (по крайней мере, считающий себя таковым) охотник и рыбак Кауджер («друг» — на патагонском наречии) живет под смелым лозунгом «Ни бога, ни властелина!». И когда в финале романа, разочарованный, он все же восклицает: «О Боже!» — на это не стоит смотреть, как на возвращение к истинной вере. Просто издатель помнил, что основные читатели Жюль Верна — католики.

Идеал Кауджера — Шарль Фурье (1772—1837), философ и утопист.

Великую французскую революцию Фурье встретил на баррикадах Лиона, потом отсидел в тюрьме, работал коммивояжером. Во время деловой поездки вдруг обратил внимание на то, что яблоко в парижском ресторане стоит в 100 раз дороже, чем в Безансоне. Собственно, он и раньше знал это, но теперь разница прямо бросилась ему в глаза и послужила основой для его экономических размышлений. В работе «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808), прекрасно известной Жюлю Верну, Фурье пришел к выводу, что основой единственно справедливой (на его взгляд) социальной системы может стать только фаланга — некое свободное братство, объединяющее самых разных людей.

Никакого подневольного труда! Никаких указаний свыше!

«Ни бога, ни властелина!» Никаких приказов, никаких запретов!

Кауджер глубоко убежден, что законы и запрещения никому и никогда не приносили пользы, потому что направлены исключительно против личности. Общество тогда только станет счастливым и открытым, считает Кауджер, когда каждый, абсолютно каждый гражданин получит столь желанную личную свободу и начнет пользоваться ею сознательно.

Конечно, Жюль Верн знал о своеобразной фаланге для художников, созданной в Париже французским скульптором Альфредом Буше (1850—1934).

В конце 1900 года (так, собственно, начинался XX век) Альфред Буше приобрел на улице Данциг, точнее в крошечном Данцигском проезде, участок в полгектара, на котором поставил «Улей» — трехэтажную ротонду, купленную им на распродаже имущества Всемирной Парижской выставки.

Вот оно — живое веяние фурьеризма!
Сто сорок студий сдавались в «Улье» за чрезвычайно скромную плату.
Сдавались они начинающим художникам, поэтам, драматургам, прозаикам.

«Здесь или подыхали с голоду, или становились знаменитыми», — писал позже один из знаменитых обитателей «Улья».

Михаил Кикоин (1892—1968), Казимир Малевич (1878— 1935), Леопольд Сюрваж (1879—1968), Амедео Модильяни (1884-1920), Марк Шагал (1887-1985), Хаим Сутин (1893— 1943), Осип Цадкин (1890-1967)...

«Здесь жила разноплеменная художественная богема, — вспоминал художник Марк Шагал^[61]. — В мастерских у русских рыдала обиженная натурщица, у итальянцев пели под гитару, у евреев жарко спорили, а я сидел один перед керосиновой лампой. Кругом картины, холсты — собственно и не холсты, а скатерти, простыни и ночные сорочки, разрезанные на куски и натянутые на подрамники...»^[62]

Создавая «Улей», Альфред Буше, фурьерист и стихийный коммунист, хотел насытить Париж настоящими гениями. Он был убежден: если правильно организовать быт, развитие личности ускорится...

На скалистые берега неприютной и холодной Магеллановой земли выбрасывает штормом американский клипер «Джонатан», перевозивший эмигрантов в Африку.

Вместо жарких тропических ливней — пронизывающие ветры, ледяные дожди.

У чилийского правительства нет возможности быстро вывезти потерпевших крушение, так что придется им провести на суровом острове не один месяц, даже не полгода. Более того, у чилийского правительства есть свой резон медлить: пусть вынужденные колонисты обживают не заселенные никем холодные приантарктические земли. Можно представить, с каким жаром взялись бы за обустройство далекой колонии инженер Сайрес Смит и его трудолюбивые друзья, но пассажиры с «Джонатана» — люди совсем другого сорта. Они скорее стадо, чем общество.

Кауджер с глубоким разочарованием наблюдает за несчастными.

Первое, что они делают — выбирают предводителя. «Кто усомнится в том, — гипнотизирует пеструю толпу бредовыми речами такой вот только что избранный предводитель, — что нас бессовестно эксплуатируют! Нас, истинных трудящихся! Ценой тяжкого труда мы не смогли заработать на родине куска хлеба, так неужели мы и здесь будем теперь только гнуть спины?»

Инженер Сайрес Смит призывал трудиться. Предводители толпы с Магеллановой земли призывают искать врага.

И, конечно, находят!

Это Кауджер — единственный человек, пытавшийся хоть как-то помочь колонистам.

Разочарование мучительно. Решения принимать приходится стремительно. Что делать? — размышляет Кауджер. — Остаться, как прежде, свободным и со стороны наблюдать крушение колонии? Или принудить колонистов (раз другого способа нет) быть людьми?

Колонисты разбиваются на два враждующих лагеря.

Но Кауджера пугают не солдаты, высадившиеся с чилийского боевого корабля, и не напавшие на Новый поселок патагонцы. Кауджера пугает мысль о крови. Ведь любое сопротивление вызовет кровь.

«Толпа медленно рассеивалась. Кауджер ушел в управление. Ему

хотелось побыть одному, восстановить душевное равновесие. Кто мог бы раньше подумать, что он, яростный поборник равенства, станет судьей поступков других людей? Он, страстный приверженец свободы и враг собственности, будет способствовать дроблению земли, принадлежащей всему человечеству, на отдельные участки и, объявив себя властелином какой-то частицы земного шара, присвоит право запретить доступ на нее одному из себе подобных? Однако Кауджер сделал именно так, и, хотя это нарушило его покой, он ни в чем не раскаивался, будучи убежден, что поступил правильно...»

«...суета сует, — всё суета.

...Род уходит, и род приходит...

Восходит солнце, и заходит солнце, и на место свое поспешает, чтобы там опять взойти; бежит на юг и кружит на север, кружит, кружит на бегу своим ветер, и на круги свои возвращается ветер; бегут все реки в море, — а море не переполнится... Что было, то и будет, и что творилось, то и будет твориться...

И всё это — тщета. И всё — ловля ветра».

В 1901 году в «Журнале воспитания и развлечения» Жюль Верн печатает новые романы — «Великий лес» (в отдельном издании — «Деревня в воздухе») и «Росказни Жана-Мари Кабидулена».

Охотники Джон Корт и Макс Юбер («Великий лес») — американец и француз — с проводником и с отбитым у людоедов маленьким черным мальчиком проникают в самое сердце тропического Великого леса.

В популяризаторских своих пристрастиях Жюль Верн неутомим.

«Древесные великаны возносились футов на шестьдесят над землей. Очень похожие на ореховые деревья, с таким же причудливым переплетением ветвей, тамариндовые деревья представляют собой разновидность финиковых пальм и широко распространены во многих регионах Африки. Из жидкой части их плодов негры готовят прохладительный напиток, а стручки добавляют к рису... Нижние ветви настолько переплелись между собой, что люди могли переходить по ним с дерева на дерево. Стволы у основания имели в окружности от шести до восьми футов, а на уровне развилки от четырех до пяти... Кора — совершенно гладкая до первых ветвей, расположенных футах в тридцати над землей. Учитывая толщину стволов, добраться до этих веток было бы мудрено, если бы в распоряжении мальчика Кхами не оказалось нескольких "вожжей" — очень гибких кожаных ремней из шкуры носорога, которыми возчики и проводники пользуются для управления бычьими упряжками...»

В этом лесу охотники наткнулись на заброшенную хижину.

«В хижине нашлось кое-что из предметов домашнего обихода: котел в довольно хорошем состоянии, чайник, чашка, три или четыре треснутые бутылки, рваное шерстяное одеяло, обрывки ткани, ржавый топор, футляр для очков, на котором уже невозможно было прочесть фамилию изготовителя, но особое внимание Макса Губера привлекла медная шкатулка в углу. Макс Губер попытался ее открыть, но безуспешно. Ржавчина как бы склеила обе ее части. Потребовалось ввести нож в щель между ними, и тогда она раскрылась.

В шкатулке оказалась хорошо сохранившаяся записная книжка, на обложке которой типографскими буквами было напечатано имя, знакомое охотникам...»

Оказывается, записная книжка принадлежала доктору Иохаузену — человеку легендарному, поразившему в свое время европейцев смелым

заявлением, что, по его наблюдениям, у некоторых видов обезьян существует сложный язык.

«Знания о мире животных, добытые мною, привели меня к твердому убеждению, что все млекопитающие обладают способностью говорить в той степени, которая определяется их опытом и потребностями».

Любопытно, что, подробно и постоянно описывая земной шар, касаясь многих и многих проблем научных и технических, Жюль Верн достаточно долгое время обходил шумные дискуссии, вызванные появлением главного труда Чарлза Дарвина «Происхождение видов» (1859).

Как развивается жизнь? Как появляются новые виды? Кем были наши далекие предки? Если все человеческие расы берут начало от некоего одного общего обезьяньего корня, то почему человеческие языки не могут происходить от одного общего примитивного языка человекоподобных?

В свое время в «Отчете» о кругосветном плавании корабля «Бигль» капитан Роберт Фицрой убежденно писал: «Все люди сходны по крови, но под влиянием различных климатических условий, различных привычек и различной пищи приобрели различный вид».

Казалось бы, вполне разумные рассуждения, но они не помогли капитану принять эволюционную идею Дарвина — своего спутника по кругосветному плаванию.

Опиаться следует только на «Библию», считал капитан «Бигля», всё остальное — от лукавого. Даже грубые каменные орудия, найденные археологом Джоном Эвансом на берегах реки Соммы, считал капитан Роберт Фицрой, оставлены просто одичавшими кочевниками, а не нашими далекими человеческими предками, что же касается самой теории Дарвина, так она вообще, на взгляд капитана, не опирается ни на какие факты.

В публичном выступлении 25 июня 1860 года на заседании Британской ассоциации содействия науке в Оксфорде капитан Фицрой напомнил, что во время их плавания он не раз «увещевал своего друга пересмотреть взгляды, идущие вразрез с первой главой книги Бытия». А в письме астроному Джону Гершелю (1792—1871) упрямо указывал: «Астрономия и геология убедительным образом доказывают богоданность Ветхого Завета»...

Из разлившихся вод большой реки Джон Корт и Макс Юбер вылавливают детеныша обезьяны. Никто из них не верит в бредни исчезнувшего в Африке доктора Иохазуэна, но подобранный детеныш совершенно явственно произносит вслух слово *нгора*, что на языке туземцев означает *мама*.

Случайность! Конечно, случайность!

Мало ли что может послышаться усталому человеку!

Но после многих приключений охотники попадают в необычную деревню, хижины которой, как гнезда, устроены прямо в кронах деревьев.

Вот там-то и обнаруживаются странные существа, умеющие разговаривать, — *вагди*.

Кто они? Обезьяны? Или уже люди?

Живут на деревьях — как обезьяны, но говорят — как люди.

Через много лет близкий сюжет (возможно, оттолкнувшись от романа Жюль Верна) развил французский писатель Веркор (1902-1991).

В романе «Люди или животные?» ученые Дуглас и Френсис не хотят отдавать свое прекрасное, но так быстро утекающее время мелким низменным страстям, мешающим, по их убеждениям, настоящей научной карьере и вообще — познанию мира.

Но природу не обойдешь. Устояв перед любовью к Френсис, Дуглас не устоял перед чисто биологической страстью, связавшей его... с обезьяной.

Кто он, появившийся на свет малыш?

Человек или животное?

С позиций сегодняшнего дня легко оценивать ту или иную книгу, ту или иную идею — ведь мы уже знаем подробно историю и причины возникновения той или иной книги или идеи; отсюда и обманчивое ощущение того, что мы прекрасно понимаем суть и направление авторских мыслей.

А это не совсем так. Это даже совсем не так.

Мы попросту подменяем мысли и рассуждения автора своими — по той причине, что широко пользуемся ставшими привычными знаниями, которые автору в его время были еще недоступны.

В «Росказах Жана-Мари Кабидулена» сюжет иной.

Неугомонный моряк, несомненно, всплыл из глубин личной памяти Жюль Верна.

Во времена его детства человек под таким именем в одном из портовых кабачков Нанта постоянно развлекал посетителей своими нелепыми и веселыми рассказами. Вот теперь он развлекает экипаж шхуны «Сент-Инах», Жюль Верн поименно вспомнил своих соучеников по «Малой семинарии Сен-Донатьен». В романе они стали веселыми неунывающими моряками — Ромен Аллот, Эварист Буркар, Блен Дюкре, Жан-Франсуа Эрго, Ив Кокебер, Матюрен Олива и др. Жюль Верн, так сказать, помог им задним числом реализовать мечту о море.

Первоначально он хотел назвать книгу — «Морской змей».

В Охотском море сталкиваются английский трехмачтовик и французская шхуна.

В одного и того же кита вонзаются одновременно два разных гарпуна — английский и французский. Кому достанется добыча? Тут мало просто выяснить отношения. Охота идет в чужих водах, следует помнить «жестокое законы» Москвы, так красочно описанные позже Редьярдом Киплингом.

Грустнее, чем смерть, — потеряв корабль и груз, что был на борту,

Из-за контрабанды лечь во Владивостокском порту^[63].

В самый разгар конфликта, когда с той и с другой стороны уже заряжаются пушки, когда матросы расхватывают ломы и топоры, когда крови, кажется, не избежать, непонятно откуда взявшаяся огромная морская волна топит английский трехмачтовик, а шхуну «Сент-Инах» выносит на подводные камни...

Что стало тому причиной?

Стихийные силы или неизвестное чудовище?

Главной работой 1902 года стал для Жюль Верна роман «Братья Кип».

В основу его легли события, связанные с нашумевшим уголовным делом братьев Рорики. Во время плавания на шхуне «Нью-Оранти» они жестоко убили капитана, пятерых членов экипажа и пассажира, напросившегося в тот рейс. Попав в руки правосудия, свирепые братья, конечно, изложили свою версию произошедшего. По этой их версии никого они не убивали, просто на борту шхуны вспыхнул бунт, который им пришлось подавить.

Да, силой.

Да, жестоко.

Но другого выхода у них не было.

На суде, состоявшемся 8 декабря 1893 года, братьев все-таки признали виновными.

Противоречивое дело обсуждалось французами на каждом углу, тем более что в ходе следствия выяснилось, что Рорики это вовсе даже и не Рорики, а братья Леон и Эжен Деграев — бельгийцы. В жизни им постоянно не везло. Паровое рыбацкое судно, купленное ими, сгорело в Остендском порту. Парусник, приобретенный для суровой охоты на морских котиков, разбился у береговых скал.

«В 1891 году, — вспоминал Жан Жюль-Верна, — братья объявили себя потерпевшими кораблекрушение, но эти их слова оказались ложью. Но, по правде говоря, хотя они и были повинны в этом небольшом моральном мошенничестве, которое вполне можно объяснить их образом жизни, из этого вовсе не следует, что именно они совершили серьезные преступления, вменявшиеся им в вину. Кампания, поднятая в прессе газетой "Ля жюстис", усилия комитета защиты, демарши, предпринятые королями Швеции и Бельгии, — все это заставило французское правительство смягчить меру наказания и заменить смертную казнь пожизненной каторгой...

В 1894 году, — писал далее Жан Жюль-Верна, — многие задумывались над вопросом: а не стали ли все-таки братья Деграев жертвами судебной ошибки? Не был ли их обвинитель сам причастен к тому преступлению, которое разоблачал?»

В 1897 году президентской милостью наказание братьев Деграев было ограничено двадцатью годами. «Но злая судьба неотступно преследовала

братьев. Леон отказался от предложенного ему администрацией каторги поста мастера, чтобы не превратиться в доносчика и не краснеть перед собственным братом. Его отказ не понравился начальству, и Леона решили наказать, отправив на самые тяжелые работы. В марте 1898 года он умер от дизентерии, и брат видел, как его тело бросили акулам. Так, по крайней мере, рассказывал Эжен, когда помилованный окончательно в 1898 году он был встречен как мученик жителями Антверпена. Став коммерсантом, этот мирный буржуа собирался издать книгу воспоминаний под названием "Каторга". Однако, вновь гонимый страстью к приключениям, он неожиданно исчезает, покинув жену и детей. В 1907 году Эжен служит в полиции Тринидада, затем его видели в Колумбии с кучей драгоценных камней: один американец уверял, что Эжен украл камни у него...»^[64]

На фоне всеобщих споров о возможности судебной ошибки (дело Дрейфуса) роман «Братья Кип», конечно, привлек внимание...

Итальянскому литератору Марио Туриелло Жюль Верн в 1902 году сообщил, что ждет выхода в свет восемьдесят третьей книги из серии «Необыкновенные путешествия». При этом, добавил он, в столе у него лежат рукописи шестнадцати уже готовых томов, а он, собственно, приступил к сотому. Думаю, бесстрастно заключал Жюль Верн, что последние тома «Необыкновенных путешествий» выйдут посмертно.

Мир меняется. Мир постоянно меняется.

Вот ты подробно описал Исландию, ее вулканы, ее ледники, вот ты пересек три океана, перезимовал в Арктике, описал полярные моря, побывал в тропиках, но по следам исследователей, отчетами которых ты пользовался, идут все новые и новые, прежние достижения уточняются, появляются более точные отчеты и карты. Мы видим, как прямо на наших глазах предположения о вулкане на Северном полюсе начинают выглядеть вздорными, а открытый проход, разделяющий антарктический материк на две неравные части, вообще не выдерживает критики. Так что же? Переписывать теперь «Путешествие и приключения капитана Гаттераса»? Или заново пересматривать страницы «Ледяного сфинкса»?

Да нет, конечно.

Дело не в точности.

Дело в *постигаемости* мира.

Любивший точность Жюль Верн с откровенным недоумением присматривался к появлению все новых и новых, совершенно не похожих на него писателей. В интервью английскому журналисту Чарлзу Даубарну он заметил: «В последнее время на меня произвел сильное впечатление ваш писатель Герберт Уэллс. Конечно, у него совсем иная манера письма, по сравнению со мной, он идет совершенно другим путем. Я всегда отталкиваюсь от правдоподобного и, в принципе, возможного, а Герберт Уэллс, как правило, пользуется совершенно невероятными способами. Например, если он хочет послать своего героя в межпланетное пространство, то придумывает металл, не имеющий веса...»

Время от времени до Жюль Верна доходили вести о несчастном Гастоне.

В письме сыну от 27 сентября 1903 года Жюль Верн вспоминал о племяннике:

«Мой дорогой Мишель! Я писал тебе о твоём кузене — Марселе Верне, который утонул в Швейцарии... Одна газета, рассказывая о похоронах, которые прошли в Париже, упомянула, что на них будто бы присутствовал Гастон. Значит ли это, что несчастный сумасшедший выпущен на свободу?.. Конечно, ты понимаешь, почему мы этим интересуемся. Все, связанное с Гастоном, мы хотим знать наверняка. Тем более что три дня тому назад какой-то человек приходил к нам, когда ни меня, ни твоей матери не было дома. Он хотел нас видеть, но потом так и не появился. Это очень подозрительно. Вдруг это Гастон? Вдруг он решил повторить свою безумную выходку?.. Прошу тебя, разузнай, как на самом деле обстоят дела, вышел ли Гастон из сумасшедшего дома? Сходи на улицу Виньон к своей тете и напиши нам обо всем подробнее...»

Жюль Верн все чаще болел.

Иногда не работал по несколько дней подряд.

Но в 1904 году в «Журнале образования и развлечения» появился его новый роман — «Властелин мира». Главная мысль романа: люди непременно изобретут, построят и откроют все, что только можно изобрести, построить и открыть. Совсем другое дело — в нужное ли время приходят к нам новые изобретения и открытия?

«Успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов».

Понятно, что, доказывая такой тезис, следует больше внимания уделять самому человеку...

Как все приключенческие романы, «Властелин мира» начинается с тайны.

В небе над неприступной горой Грейт-Эйри, на вершине которой никогда не бывал ни один альпинист, обыватели провинциального городка Моргантон постоянно наблюдают странные отсветы. Иногда над горой встают даже яркие языки пламени, ветром приносит странную тяжелую копоть, глубоко, как из-под земли, раздается непонятный гул.

Не извержение ли вулкана грозит городку?

К сожалению, аэростат, запущенный над горой, ветром относит в сторону — загадка остается нерешенной. Загадочное зарево, тем временем, становится все ярче, подземный гул не утихает.

На разгадку странного явления федеральные власти отправляют агента полиции Джона Строка. Жюль Верн уже не в первый раз обращается к детективному сюжету, ведь это позволяет лучше держать внимание читателей. С мистером Элиасом Смитом, мэром Моргантона, Джон Строк пытается добраться до кратера, но гора неприступна. К тому же скоро выясняется, что Грейт-Эйри образована осадочными породами, значит, это вовсе не вулкан и никакое вулканическое извержение в ближайшие миллионы лет жителям Моргантона не грозит.

«Перед коляской разбегались юркие суслики и полевые мыши, взлетали оглушительно крикливые попугаи. Быстрыми прыжками спасались двуутробки, унося своих детенышей в сумке на брюшке. Мириадами разлетались птицы, скрываясь в листве баньянов, латаний и в зарослях рододендронов, местами таких густых, что пробраться сквозь них было невозможно». Когда Жюль Верн спохватывался, что все эти красоты могут оказаться несколько утомительными для читателя, то просто замечал: «Флора и фауна была богатой».

А слухи о загадках ширятся.

Кто-то вроде видел странной формы автомобиль, с невыносимой скоростью пронесшийся по дорогам штата. Кто-то наблюдал стремительный катер, пересекающий озеро Эри. Даже воздушная и ныряющая подводная машины фигурировали в многочисленных слухах.

Джон Строк в растерянности.

А вдруг кто-то действительно изобрел машину, умеющую летать по воздуху, двигаться по земле, по воде, даже под водой?

Кажется, дело так и обстоит. На имя агента приходит письмо, в котором некто, укрывшийся под загадочными инициалами В.М., категорически требует от Джона Строка отказаться от всяких попыток подняться на гору Грейт-Эйри.

Вот тогда, наконец, в газетах появилось официальное правительственное обращение к изобретателю.

«В течение апреля текущего года, — говорится в обращении, — по дорогам штатов Пенсильвания, Кентукки, Огайо, Теннесси, Миссури, Иллинойс разъезжал неизвестный автомобиль...

В первых числах июня в водах озера Эри между мысами Северный и Сейбл курсировало по озеру чрезвычайно быстроходное судно...

Во второй половине июня в глубине озера Кирдол в штате Канзас с необыкновенной легкостью маневрировала неизвестная подводная лодка...

Есть все основания предполагать, что все эти указанные случайными свидетелями машины построены одним и тем же изобретателем, может, это даже одна и та же машина...

Кто бы ни был изобретатель, каковы бы ни были его взгляды на развитие общества, мы предлагаем ему назвать свое имя и назначить цену, за которую он согласится передать свое изобретение американскому правительству...»

Разумеется, о происходящем мгновенно узнал весь мир. Теперь многие государства Старого Света тоже пожелали извлечь выгоду из неизвестного изобретения. Действительно, почему не перехватить аппарат, обладание которым может дать очень весомые военные преимущества как на земле и над землей, так и в глубинах моря? Франция, Англия, Россия, Италия, Австрия, Германия незамедлительно вступили в игру. Прими неизвестный изобретатель предлагаемые ему условия, он мгновенно превзошел бы богатства всех этих хваленых Гульдов, Морганов, Асторов, Вандербильтов и Ротшильдов. Попытки связаться с изобретателем превратили мир в один кипящий огромный рынок, в какую-то всеобщую биржу, в небывалый аукцион. Предлагаемые изобретателю суммы непрерывно росли, миллионы громоздились на миллионы.

В конце концов изобретатель нашелся.

Ему 50 лет, у него коротко стриженные волосы — с проседью.

Никаких усов или бакенбард, только бородка. И назвался он скромно — Властелином мира. Но самое замечательное, что никакой это не неизвестный, а, напротив, хорошо уже известный читателям Жюль Верна герой — Робур-завоеватель, о котором думали, что он навсегда исчез с глаз человеческих. Новая машина Робура («Грозный») умеет не только развивать огромную скорость на суше, она умеет летать и даже нырять глубоко под воду. Но агент полиции, попав на борт «Грозного», опять занимается не столько изучением необычного аппарата, сколько (как и в других подобных романах Жюль Верна) поиском способов с него сбежать...

«На палубе было сейчас два человека; один стоял на носу, наблюдая за ходом судна, а другой находился на корме, за рулем, и, насколько я мог судить по положению солнца, держал курс на северо-восток.

Первый был тот самый человек, в котором я еще вчера, когда он взбирался на берег бухты Блек-Рок, признал одного из двух субъектов, шпионивших за мной на Лонг-стрит. Второй был его вчерашний спутник: это он нес фонарь, когда они направлялись в лесок.

Я тщетно искал глазами третьего, того, кого они называли вчера "капитаном".

Все поймут, как велико было мое желание встретиться с создателем этой диковинной машины, с командиром "Грозного", с человеком,

заинтересовавшим и взволновавшим весь мир, с дерзким изобретателем, не побоявшимся бросить вызов всему человечеству и провозгласить себя Властелином мира!

Я подошел к человеку, стоявшему на носу, и после минутного молчания спросил у него:

— Где капитан?

Он взглянул на меня из-под полуопущенных век, словно не поняв моего вопроса, — но ведь я сам слышал накануне, как он говорил по-английски. Впрочем, он, по-видимому, ничуть не встревожился, увидав меня на палубе, и, повернувшись ко мне спиной, продолжал свои наблюдения.

Тогда я прошел на корму, решив обратиться с тем же вопросом к рулевому, но тот решительно отстранил меня рукой и тоже ничего не ответил.

Итак, мне оставалось одно — ждать появления человека, который так "приветливо" встретил меня и моих спутников револьверными пулями в тот момент, когда мы пытались притянуть "Грозный" канатом к берегу.

Я мог теперь рассмотреть на досуге внешнее устройство аппарата, уносившего меня неведомо куда.

Палуба и борта судна были сделаны из неизвестного мне металла. В центре, под приподнятой крышкой люка, виднелось помещение, где равномерно и почти бесшумно работали машины. Как я уже сказал, ни мачт, ни снастей на судне не было. Не было даже флагштока на корме. Возле носа возвышалась верхушка перископа, позволявшего "Грозному" ориентироваться под водой.

К бокам судна были пригнаны дощатые приспособления вроде тех, какие бывают на некоторых голландских галиотах: назначение их было мне непонятно.

На носу находилась крышка другого люка, который, видимо, вел в каюту, где в свободное время отдыхали эти два матроса.

Такой же люк на корме вел, очевидно, в каюту капитана, который все еще не показывался.

Крышки всех этих люков благодаря резиновым прокладкам прилегали герметически, так что во время подводного плавания вода не могла просочиться внутрь.

Что касается двигателя, сообщавшего аппарату такую изумительную скорость, то я не видел его; не видел и гребного винта, пропеллера или турбины. Я заметил только, что эта быстроходная лодка оставляла за кормой длинную плоскую струю. Необыкновенно узкий обвод судна

позволял ему уклоняться от напора волн даже и во время шторма...»

Впрочем, у Джона Строка была возможность рассмотреть аппарат Робура и на суше.

«Этот аппарат имел форму веретена, причем к носу он заострялся сильнее, чем к корме, корпус был сделан из алюминия, а крылья — из неизвестного материала. Он стоял на четырех колесах, диаметром в два фута, с толстыми шинами, которые обеспечивали плавность движения при любой скорости. Спицы колес расширялись в виде лопаток и, вероятно, способствовали ускорению хода на воде и под водой, а главный двигатель состоял из двух турбин Парсонса, расположенных продольно по обе стороны киля. Движимые с огромной скоростью винты, врезаясь в воду, вызывали перемещение аппарата в воде, и я даже спрашивал себя, не придают ли они ему и поступательное движение в атмосфере. Как бы то ни было, но аппарат держался и передвигался в воздухе благодаря своим широким крыльям, которые, когда машина бездействовала, были прижаты к бокам, словно рыбы плавники. Стало быть, изобретатель применил тут известный принцип "тяжелее воздуха", позволявший ему передвигаться в воздушном пространстве быстрее самых могучих птиц. Что же до силы, приводившей в действие все части этого сложного механизма, то, повторяю, — этой силой могло быть только электричество...»

Конечно, такая машина могла изменить мир.

Прекрасные возможности для развития необыкновенного сюжета, но...

Жюль Верн устал. Он уже не ищет новых ходов. Он просто «комбинирует».

«Успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов».

На вопрос корреспондента немецкого журнала «Неделя», каких, собственно, открытий можно ожидать в ближайшее время от деятелей мировой науки, Жюль Верн ответил: «Самых разных! Самых невероятных! Я убежден, что многие открытия будут сделаны на глазах еще нынешнего поколения. Ведь знания ученых о силах природы, в особенности об электричестве, находятся пока в зачаточном состоянии. В будущем, когда мы вырвем у природы большинство ее тайн, чудеса, которые сейчас описывают романисты, покажутся нам простыми...»

Жюль Верн знал, о чем говорит.

Наука — это прежде всего знания.

При этом знания — сложные, нелегкие для восприятия.

Научные знания совершенно бесполезны, если их нельзя приложить к практике, если ими нельзя широко оперировать.

Поэтому наука постоянно нуждается в притоке свежих сильных умов, непредвзятых суждений.

А как заинтересовать молодых людей?

Да написать хороший приключенческий роман!

Жюль Верн внимательно просматривает газеты и журналы.

Наука и политика. Политика и техника. Новейшая техника и новейшая наука.

Надо, надо чувствовать конъюнктуру! Скажем, роман «Путешествие стипендиатов» Жюль Верн начал печатать в «Журнале воспитания и развлечения» в 1903 году, когда широко обсуждался вопрос о присоединении датской части Антильских островов к территории США. В литературном отношении роман ничем не выдающийся, но читатели получили верное представление об Антилах...

«Я вижу все хуже и хуже, моя дорогая сестра, — жаловался писатель Анне Дюкре де Вильнев. — Операции на глазе (катаракта) еще не было. И вообще, пока я еще могу писать и читать, с операцией, наверное, подожду. Но я совсем оглох на левое ухо. Утешаю себя только тем, что слышу теперь только половину тех глупостей и злопыхательств, которые обо мне распространяются...»

Лодку качает длинной волной,
Сладко сгущается ласковый вечер.
Звезды туманятся нежно, как свечи,
Вместе с Луною плывя надо мной...
Где-то вдали колокольчик звенит.
Нежно колотится в сонное ухо
Зной. И, как облачко светлого пуха,
Долго над тихой рекою летит...
Жюль Верн. 1887

Кто-то заметил, что старость — это не столько физическая немощь, сколько идеалы, слишком медленно отживающие свой век.

Жюль Верн пытается преодолевать слабость.

Совсем отказывают глаза, он прибегает к помощи Мишеля.

На вопрос корреспондента «Новой венской газеты», следит ли он за событиями Русско-японской войны, Жюль Верн отвечает. «По мере сил слежу. Это просто чудовищное кровопролитие. Оно приводит меня в ужас. Самые смертоносные орудия... Самые сильные взрывчатые вещества... Нет, нет! Не пушки, а дипломаты должны сохранять мир...»

Жюль Верн твердо убежден, что в наступившем XX веке никаких войн попросту не должно быть. Достижения науки кардинально изменят жизнь. Они изменят само отношение человека к жизни.

«Скоро наши телефоны и телеграфы покажутся смешными, а железные дороги — шумными и медлительными. Искусственные водопады дадут вшестеро больше двигательной энергии. Окончательно разрешатся задачи воздухоплавания. Дно океанов станет предметом широкого изучения и целью многочисленных путешествий. Придет день, когда мы начнем эксплуатировать недра океана так же просто, как сейчас эксплуатируем золотые россыпи...»

В романе «В погоне за метеором» (написанном в 1901 году) Жюль Верн одним из первых заговорил о радиоактивности. Он еще плохо представлял ее суть, но открытие было на слуху, значит, о нем следовало поговорить...

В городе Уостон (штат Вирджиния) живут астроном Дин Форсайт, вечно погруженный в свои вычисления, и любитель астрономии доктор Сидней Гьюдельсоном, давно растерявший практику и занимающийся исключительно звездным небом. Практически одновременно они засекли болид, приближающийся к Земле из мирового пространства, и короткими письмами уведомили об этом директора обсерватории в Питсбурге (штат Пенсильвания), а также директора обсерватории в Цинциннати (штат Огайо). Собственно, это и осталось бы обычной историей обычного человеческого соперничества, но болид, о существовании которого совсем недавно никто даже не подозревал, вдруг стал главным объектом наблюдений всех обсерваторий мира. Расходящиеся от болида лучи были подвергнуты спектральному анализу, и выяснилось, что ядро этого

свободно странствующего в пространстве тела — не газообразное, а плотное, и состоит из золота.

«Золото! Метеор состоял из золота!

Первое, что ощутили все, было недоверие.

Одни утверждали, что здесь ошибка, которая не замедлит разъясниться. Другие считали, что здесь какая-то грандиозная мистификация, пущенная в ход гениальными шутниками. Если дело обстоит именно так, то Парижская обсерватория поспешит опровергнуть ложно приписываемую ей статью. Но скажем сразу — такого опровержения не последовало. Даже напротив: астрономы всех стран, поспешив проверить произведенные опыты, в один голос подтверждали заключение своих французских коллег. Поэтому не оставалось ничего другого, как принять это фантастическое явление за проверенный и неопровержимый факт.

И вот тогда поднялся вихрь безумия.

В дни солнечных затмений оптические стекла, как известно, расходятся в огромном количестве. Пусть же читатель представит себе, сколько биноклей, телескопов и подзорных труб было продано в связи с таким потрясающим событием. Ни одна владетельная особа, ни одна знаменитая певица или балерина не становились предметом такого пристального внимания и на них не было направлено столько биноклей, как на чудесный болид, который в своем бесстрастном великолепии продолжал нестись в беспредельном пространстве...»

Понятно, что претендовать на такое невероятное богатство, рушащееся с небес, может только та страна, на территорию которой упадет болид.

И тут появляется гениальный изобретатель Зефирен Ксирдаль.

О таких принято говорить: ну и тип! «От плеч, изогнутых, как свод погреба, свешивались длинные, чуть не в километр руки, с непомерно большими, волосатыми и очень проворными кистями, явно указывавшими на то, что владелец их только через крайне неопределенные промежутки времени дает им возможность соприкоснуться с мылом...»

Но Ксирдалю и не нужно мыло. Он целиком занят своими изобретениями.

Похоже, в романе Зефирен Ксирдаль появился исключительно волею Мишеля, готовившего роман отца к печати. По крайней мере, некоторые исследователи считают, что к поздним романам знаменитого писателя Мишель очень активно приложил свою руку. Сам стиль диалогов наводит на размышления.

«Искося взглянув на лицо служанки Мите, производившее впечатление

бомбы с горящим фитилем, которая вот-вот взорвется, мистер Дин Форсайт, стремясь укрыться от последствий такого взрыва, поспешно стал отступать к дверям. Раньше, однако, чем он успел взяться за дверную ручку, служанка преградила ему путь.

Глядя в упор на своего хозяина, она произнесла:

— Мне нужно с вами поговорить!

— Поговорить со мной, Мите? Мне сейчас некогда...

— Мне тоже некогда, — заявила Мите. — У меня посуда стоит немытая, так что и ваши подозрительные трубы могут подождать, как ждут мои тарелки...

— А Омикрон? Слышите? Он, кажется, сейчас зовет меня...

— Ваш Ами-Крон... Тоже мне, важная птица!.. Этот Ами-Крон еще меня узнает, попомните мое слово!.. "Настанет еще твой час!" Так и передайте ему.

— Обязательно передам, Мите. Только мой болид...

— Болит... — раздраженно повторила Мите. — Не знаю, что это за штука, которая так называется. Но как бы вы ее тут ни расписывали, это такая болячка, из-за которой у вас в последнее время сердце в груди превратилось в камень.

— Болид, Мите, — терпеливо начал объяснять мистер Дин Форсайт, — это метеор...

— Ах вот как! — вскричала Мите. — Значит, это и есть ваш знаменитый ми-ти-вор! Ничего, он подождет тоже, как и Ами-Крон...

— Только этого не хватало! — вспыхнул мистер Форсайт.

— А кроме того, — неумолимо продолжала Мите, — небо сейчас полно туч, вот-вот польет дождь, так что даже вам не время любоваться луной...»

Узнав о приближении золотого болида, изобретатель Зефирен Ксирдаль строит аппарат, способный притягивать к себе с неба любые материальные тела.

«По мнению Зефирена Ксирдаля, материя есть не что иное, как видимость, — объяснял Жюль Верн (а может быть, и Мишель). — Материя не имеет реальной сущности. Если разложить материю на молекулы, атомы, мельчайшие частицы, то всегда будет оставаться еще более и более мелкая доля. Так как человек связан с внешним миром только своими чувствами, а они, эти человеческие чувства, весьма восприимчивы ко всяким возбуждениям материального порядка, то все, что не является материей, было и остается для нас неизвестным. По представлениям Зефирена Ксирдаля, энергия, наполняющая пространство, вечно колеблется между двумя противоположными пределами: абсолютным равновесием, которое может быть достигнуто ее равномерным распределением в пространстве, и абсолютной концентрацией в одной точке, которая в таком случае будет окружена совершенной пустотой. Из этого вытекает, что энергия находится в состоянии постоянного движения...»

Вдохновленный такими вот соображениями Зефирен Ксирдаль с помощью богатого банкира Роббера Лекера (крестника и опекуна) приобретает в Гренландии участок земли, куда собирается стянуть с неба золотой болид. Речь идет не меньше чем о пяти-шести миллиардах франков; на земном шаре попросту нет такого количества золота. А если появится, то мигом обрушит всю существующую в нашем мире финансовую систему.

Это же катастрофа!

Впрочем, катастрофы не будет.

Банкир Лекер намерен в течение короткого времени скупить все имеющиеся на Земле золотые прииски.

Но мировые державы не собираются пускать дело на самотек.

И когда приходят сообщения о том, что золотой болид упадет на территорию Гренландии, в пустынной бухте Упернивика тут же бросил якоря крейсер, на гафеле которого развевался звездный флаг. Высадка вооруженных американских моряков серьезно обеспокоила местные власти, но, оказывается, это было только начало: ночью подошел второй крейсер — английский. Командир его, по примеру американского коллеги,

тотчас высадил на остров вооруженных матросов. Потом прибыл крейсер под трехцветным флагом. За ним русский. За русским — японский, итальянский, немецкий. С некоторым опозданием подошли аргентинцы и испанцы, даже любопытствующие чилийцы прислали военное судно. В итоге в гавани выстроилось 16 военных кораблей — целая международная эскадра. 320 солдат и 16 офицеров самых разных стран грубо попирали землю Гренландии, не способную защитить себя: ведь что могут сделать 50 местных пехотинцев против такого объединенного флота?

Зато как же незваные гости были разочарованы, получив телеграмму от некоего Зефирена Ксирдаля: та часть гренландского берега, на которую вот-вот упадет золотой болид, по всем международным законам принадлежит исключительно ему.

Известно давно: выигрывают не армии, а банкиры.

В августе 1904 года вышел отдельным изданием роман «Драма в Лифляндии».

Этот роман был написан еще в 1893 году, то есть рукопись лежала в столе почти десять лет. Но роман не устарел, поскольку касался вполне реального противостояния двух лифляндских партий — «славянской» и «немецкой».

«С некоторых пор ректор Дерптского университета испытывал серьезное беспокойство. Политическая борьба между славянами и германцами весьма обострилась в студенческой среде. Русификация прибалтийских областей вызывала скрытое, но мощное сопротивление. Разве можно предвидеть последствия волнений, если они вдруг выльются в открытые столкновения? Как ни древен, как ни почитаем Дерптский университет, — его не пощадит строгий императорский указ, случись здесь волнения...»

Загадочное убийство, беглый каторжник, замерзшее Чудское озеро...

«Путник шел один среди ночи, — так начинался роман. — Он пробирался, как волк, между глыбами льда, нагроможденными холодом долгой зимы. Штаны на теплой подкладке, тулуп из телячьей шкуры, шапка с опущенными наушниками плохо защищали странника от свирепого ветра. Руки и губы у него потрескались и болели. Кончики окоченелых пальцев были как бы зажаты в тиски. Он брел в кромешной тьме, под низко нависшими тучами, грозившими разразиться снегом. Хотя уже начинался апрель, но на пятьдесят восьмой параллели еще стояла зима.

Человек упорно все шел и шел.

Остановись он ненадолго, у него не хватило бы сил продолжать путь».

Разумеется, не обошлось без «русской» экзотики. Злобные волки, несомненно, перебежали в роман из «Михаила Строгова». А кроме шестизарядного револьвера, ножа в кожаном чехле, сумки с остатками провизии и крепкой палки, путник, конечно, несет на поясе флягу с водкой. Какой русский беглый каторжник может обойтись без водки?

Преступление совершилось в трактире «Сломанный крест».

Содержал этот трактир некий Кроф, славянин по происхождению.

Кровавое преступление с самого начала связывается со скромным русским учителем Дмитрием Николевым. Совсем недавно славянская партия именно его выставила кандидатом на выборах. Конечно,

преступление сразу всё меняет. Кандидат теряет реальные шансы быть избранным, рушится свадьба русской девушки Ильки, и вообще всё свидетельствует против Дмитрия — даже принадлежавший ему шведский нож, даже обрывки сожженного кредитного билета...

К счастью, преступление в детективном романе не может остаться нераскрытым.

В итоге истинный преступник установлен, доброе имя кандидата от славянской партии восстановлено.

«Так закончилась драма, оставившая неизгладимый след в судебной хронике Прибалтийского края».

Небольшая повесть «Вечный Адам» тоже была опубликована посмертно.

Надо сказать, написана она захватывающе. Некий археолог в далеком, очень далеком будущем случайно обнаружил следы неизвестной древней цивилизации, многие тысячи лет назад совершенно уничтоженной Мировым океаном. После потопа уцелело всего семь человек, но, упорные, они сумели начать новую историю...

География под пером Жюль Верна вновь становится музыкой.

«Зартог Софр-Аи-Ср, что означало: "доктор, третий представитель по мужской линии сто первого поколения Софр", медленно шел по главной улице Базидры, столицы Арс-Итен-Шу, иначе говоря — "Империи четырех морей". Эта обширная страна с причудливыми географическими очертаниями в самом деле омывалась четырьмя морями: с севера — Тюбелонем, с юга — Эоном, с востока — Споном и с запада — Мероном. Ее крайние пределы, исчисляясь в известной читателю системе координат, достигали 4° восточной и 69° западной долготы, 54° северной и 55° южной широты. Общую поверхность морей измерить можно было лишь приблизительно, ибо все воды сливались в единый Мировой океан. И если мореплаватель, отправляясь в путь от одного из берегов, все время продолжал плыть вдоль него, он непременно попадал на противоположный берег — ведь на всем земном шаре не существовало другого материка, кроме Арс-Итен-Шу...»

Продолжая раскопки, удачливый археолог обнаруживает следы еще одной, на этот раз еще более древней, но столь же высокоразвитой человеческой цивилизации.

А потом еще и еще.

Находятся новые документы.

Возникает и расцветает новая история.

«По мере того как зартог Софр переводил этот странный документ, чувство, напоминающее страх, сжимало его душу. Неужели население Андарт-Итен-Шу происходило от этих людей, долгие месяцы скитавшихся в пустынном океане и высадившихся именно в той части побережья, где возвышается сейчас Базидра?»

Значит, эти несчастные существа были представителями того славного человечества, в сравнении с которым современных людей можно считать

младенцами, едва начинающими говорить. Получается, что для того, чтобы бесследно исчезла вся долгая вековая мудрость этих могущественных народов, было достаточно самой малости — едва заметного содрогания земной коры!

Как горестно, что рукопись, о которой упоминалось в записках, погибла.

Нет даже надежды, что ее можно вновь разыскать, ведь, закладывая фундамент, рабочие перекопали всю землю...

Всего этого было достаточно, чтобы поколебать оптимизм Софра.

Если рукопись и не содержала никаких технических подробностей, то она изобиловала общими замечаниями, неопровержимо указывающими на то, что погибшее человечество стояло гораздо ближе к познанию истины, чем современное поколение.

Теперь Софру было известно все, о чем говорилось в этой рукописи, однако в ней упоминались и такие научные открытия, которые он не мог даже себе вообразить. Зато он нашел разгадку тайны древнего названия Хидем, вокруг которого велось столько бесплодных споров.

Хидем — это искаженное Эдем.

А Эдем, в свою очередь, происходит от Адама.

А может быть, и имя Адам тоже лишь вариант еще более древнего имени?

Хидем, Эдем, Адам — вечный символ первого человека и объяснение его появления на Земле. Значит, Софр ошибался, отрицая его существование, — теперь оно подтвердилось рукописью. Были правы народы, рассказывавшие легенду о первых людях, похожих на них самих.

Впрочем, ни эта легенда, ни остальные притчи не были плодом воображения обитателей Маарт-Итен-Шу. Они лишь повторяли то, что уже когда-то было сказано. Возможно, современники автора записок тоже не были первопроходцами, а вновь проделали путь, проложенный другим человечеством, населявшим Землю еще до них? Ведь упоминался же в рукописи какой-то народ, названный атлантами...

Во время раскопок, произведенных Софром, под слоем морского ила, вероятно, и были обнаружены едва сохранившиеся следы этих атлантов. Насколько близко подошла к познанию истины эта древняя нация к тому моменту, когда вторжение океана смело ее с лица Земли?..

То же самое может, наверное, случиться и с нынешними обитателями Андарт-Итен-Шу... А потом — и после них...

Наступит ли день, когда неутолимая человеческая любознательность будет, наконец, удовлетворена и человек, окончив свое долгое и трудное

завоевание, отдохнет на покоренных высотах?

Так размышлял зартог Софр, склонившись над бесценной рукописью.

Под впечатлением этого рассказа, извлеченного из загробного мира, он представил ужасную драму, постоянно происходящую во вселенной, и сердце его было переполнено состраданием. Испытывая тягостные терзания из-за неисчислимых бедствий, которые выпали на долю живших до него, сгибаясь под тяжестью этих тщетных усилий, слившихся в бесконечности времени, зартог Софр-Аи-Ср медленно и мучительно, но вместе с тем глубоко убеждался в вечном возобновлении жизни».

16 марта 1905 года писатель слег от приступа диабета.

Это был очень серьезный приступ, врачи ничем не могли помочь.

24 марта 1905 года в восемь часов утра знаменитого писателя Жюль Верна не стало.

Окруженный родственниками, с которыми его давно связывали только весьма и весьма сдержанные отношения, он молча отвернулся к стене, только священнику шепнул негромко: «Хорошо, что вы пришли... Вы меня будто возродили...»

Хоронили Жюль Верна 28 марта на амьенском кладбище Мадлен.

Почитатели писателя прибывали из самых разных уголков Франции.

И не только Франции. Германское правительство, например, прислало на похороны специального представителя, а ведь писатель не раз подчеркивал свою нелюбовь к немцам.

В некрологе, помещенном 25 марта в газете «Времена», друг, ученик и горячий последователь Жюль Верна писатель Андре Лори (Паскаль Груссе) писал:

«И до него были писатели, начиная от Свифта и кончая Эдгаром По, которые вводили науку в романы, но они использовали ее главным образом в сатирических целях. Еще ни один писатель до Жюль Верна не делал из науки основу монументального произведения, посвященного изучению Земли и Вселенной, промышленного прогресса, результатов, достигнутых человеческим знанием, и предстоящих открытий. Благодаря исключительному разнообразию подробностей и деталей, гармонии замысла и выполнения, его романы составляют единый и целостный ансамбль, и их распространение на всех языках земного шара еще при жизни автора делает его труд еще более удивительным и плодотворным».

Апрельский номер «Журнала воспитания и развлечения» целиком был посвящен Жюлю Верну. В уведомлении Этцеля-младшего указывалось, что в архиве писателя остались уже законченные им романы, и они, конечно, будут выходить, продолжая знаменитую серию — «Необыкновенные путешествия».

Так и случилось.

Один за другим вышли:

«Вторжение моря» (1905),

«Золотой вулкан» (1905),

«Агентство Томпсон и К°» (1907),
«В погоне за метеором» (1908),
«Дунайский лоцман» (1908),
«Кораблекрушение "Джонатана"» (1909),
«Тайна Вильгельма Шторица» (1910).

В том же 1910 году вышел сборник «Вчера и сегодня», в который вошли повести и рассказы «Вечный Адам», «Судьба Жана Морена», «Блеф. Американские нравы».

И наконец, в 1919 году был выпущен (уже не Жюлем Этцелем-младшим, а издательством «Librairie-Hachette») роман «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака».

По завещанию писателя все его книги, карты, рукописи и письма перешли к Мишелю.

Падчерицы Жюль Верна не общались с названным братом, поэтому Мишель перевез бумаги и библиотеку в Париж. При жизни отца Мишель никогда не занимался литературой всерьез, но теперь перед ним открылось огромное новое поле деятельности. С Этцелем-младшим он заключил договор на издание всех найденных в архиве отца рукописей. Конечно, сын писателя и издатель думали прежде всего о коммерческом успехе, поэтому в договор включили специальный пункт, позволявший Мишелю править текст там, где он находил это нужным. Некоторые исследователи утверждают, что такие романы, как «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» и «Кораблекрушение "Джонатана"», были не столько выправлены, сколько заново написаны Мишелем...

В 1978 году итальянский исследователь П. Гондоло де ла Рива опубликовал в журнале «Панорама» статью о «совсем другом» Верне.

«Я нашел другого Верна! — писал он. — Его сына — Мишеля».

В своей статье итальянец категорически утверждал, что рукопись романа «Кораблекрушение "Джонатана"» была доведена Жюлем Верном только до шестнадцатой главы. Дописал роман сын писателя. Он уверенно упростил устаревшую морскую терминологию, сократил длинноты, сверил даты и имена, выбросил ненужные перечисления, вписал множество собственных эпизодов.

Можно сказать, — осовременил произведение.

Без всякого сомнения, Мишель сделал это осознанно и в чем-то был прав.

Действительно, сколько можно прогуливаться (ведь уже и XX век наступил) воспитанным благородным героиням в джунглях и среди дикарей в длинных платьях и в капорах?

«Мишель, несомненно, был лучшим писателем, чем поздний Жюль Верн, у которого сюжеты развивались медленно, натянуто, запутанно. Если не касаться идей и политических взглядов Мишеля, — писал П. Гондоло де ла Рива, — то все, сочиненное им, представляет, безусловно, положительное явление с точки зрения литературной».

И это не единственное такое мнение.

Голландский литературовед К. Хеллинг писал:

«Я считаю, что Мишель Верн был хорошим стилистом, и если он перерабатывал или редактировал посмертные произведения своего отца, то они не проиграли с точки зрения литературного стиля и остались произведениями знаменитого писателя Жюль Верна»^[66].

И все же, по высшему счету, вторгаясь в литературные работы отца, Мишель пусть неосознанно, но мстил ему.

За что? Да за отстраненность.

За нежелание понимать детские капризы.

За неуют в доме, за молчание матери, за долгие уходы в Кротуа — на борт своего «Сен-Мишеля», в свой плавучий дом, центром которого опять и опять были географические карты, книги и рукописи. За нереализованные (как Мишелю казалось) мечты, за постоянные вторжения в его личную (скажем так, далеко не совершенную) жизнь, за долгое вынужденное плавание в Индию, за мрачные месяцы, проведенные в амьенской тюрьме, за постоянные ссоры с падчерицами, за нежелание наладить хоть какие-то отношения с близкими...

Стоит ли перечислять все причины?

Да и вообще, кто объяснит логику Мстителя?

Мишель умер в 1928 году.

Ему исполнилось 64 года.

Маргарет де ла Фюи, племянница Жюль Верна, постаралась уничтожить все письма, которые, на ее взгляд, могли бросить тень на уже сложившийся образ ее знаменитого дяди. По-своему, она тоже мстила Жюлю Верну. И в этом случае мы тоже не станем перечислять причины. По крайней мере, исследователи крайне осторожно касаются указанной темы.

Время идет.

Люди побывали на Луне.

Люди опустили в самые глубокие впадины Мирового океана, завоевали оба полюса, обжили ледяные арктические и антарктические пространства, развесили искусственные спутники на заранее вычисленных околоземных орбитах, отправили исследовательские аппараты на Луну, Марс и Венеру, к дальним планетам...

Правда, еще не летали на комете.

Но это ничего. У человечества есть будущее.

Человечество часто оказывалось под угрозой исчезновения благодаря всяческим полусумасшедшим «властелинам мира». И выживать ему помогали и помогают герои Жюль Верна: капитан Гаттерас, доктор Клоубони, кузен Бенедикт, рассеянный натуралист Жак Паганель, отважные дети капитана Гранта, капитан Немо, члены незабвенного «Пушечного клуба» и еще один капитан — пятнадцатилетний и, конечно, волшебный голос Стиллы, так странно прозвучавший с фонографа, изобретенного Эдисоном. Далекий, почти растаявший в десятилетиях отзвук любви знаменитого писателя к скромной жене нотариуса из Аньера — Эстель Дюшен...

Он предсказал подводные суда
И корабли, плывущие в эфире.
Он фантастичней всех фантастов в мире
И потому вне нашего суда.
У грез беспроводны провода,
Здесь интуиция доступна лире.
И это так, как дважды два — четыре,
Как всех стихий прекраснее — вода.
Цветок, пронизанный сиянием светов,
Для юношества он и для поэтов,
Крылатых друг и ползающих враг.
Он выше наших дрызг, вражды и партий.
Его мечты на всей всемирной карте
Оставили свой животворный знак.

Игорь Северянин [\[67\]](#)

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЖЮЛЯ ВЕРНА

1828, 8 февраля — в Нанте (Франция) в семье потомственного адвоката Пьера Верна и дочери судовладельца Софи Анриетты Верн родился Жюль Габриель Верн, будущий писатель.

1829, 26 июня — родился Поль Верн (1829—1897) — брат Жюля Верна, впоследствии морской офицер, капитан дальнего плавания, постоянно помогавший Жюлю Верну в его литературной работе. Кроме братьев в семье росли младшие сестры: Анна (род. 1836) — в замужестве мадам дю Крест де Вильнев, Матильда (род. 1839) — в замужестве мадам Флери и Мари (род. 1842) — в замужестве мадам Гийон.

1837 — Жюль и Поль определены в «Малую семинарию Сен-Донатьен» (по версии Жана Жюль-Верна, внука писателя, — в школу «Сен-Станислав»). Любимые писатели детства: Фенимор Купер, Вальтер Скотт, Александр Дюма-отец, Даниель Дефо, Йохан Висе («Швейцарский Робинзон»), Виктор Гюго, Чарлз Диккенс, капитан Марриэт, Майн Рид.

1839 — начитавшись приключенческих книг, Жюль бежит в Индию. К счастью, предупрежденный случайным свидетелем отец успел перехватить юного беглеца.

1840 — в небольшом приморском городке Шантене Пьер Верн снимает летний домик. Под руководством дядюшки Прюдана дети по вечерам разыгрывают веселые домашние музыкальные спектакли. Мадам Софи Верн играет на фортепиано, иногда ее заменяет старший сын. Отдых с младшими Вернами разделяют их кузины — Каролина и Мари Тронсоны.

1844 — Жюль Верн записан в Нантский королевский лицей.

1845 — первая несчастливая любовь — к кузине Каролине Тронсон. Написаны первые стихи, некоторые положены на музыку близким другом Жюля Верна будущим композитором Аристидом Иньяром.

1846 — по настоянию отца Жюль Верн готовится к юридической карьере.

1847, апрель — Жюль Верн едет в Париж — держать экзамен на юридический факультет Сорбоннского университета.

1848, 23—25 февраля — свержение монархии Луи Филиппа, провозглашение Второй республики. В Нанте мэтр Пьер Верн революционные события в столице комментировал достаточно сдержанно.

В конце концов, резонно считал он, черни тоже понадобятся адвокаты.

Июль — начало учебы в Париже. Жюль Верн ведет рассеянную и беспорядочную жизнь, посещает художественные, литературные и студенческие салоны Монмартра. Страстно увлечен театром. Пишет многочисленные стихи, водевили, либретто к опереттам.

10 декабря — президентом Франции избран Луи Наполеон.

1849 — знакомство с Виктором Гюго и с Александром Дюма-отцом. Щедрый на душевные порывы Александр Дюма-отец читает исторические драмы Жюля Верна «Пороховой заговор» и «Трагедию из времен Регентства». Несмотря на суровость своих оценок, он поддерживает поэта.

1850 — еженедельные встречи поэтов, драматургов, музыкантов на так называемых «обедах одиннадцати холостяков» в доме композитора Адриана Талекси. Отец требует возвращения сына в Нант. Жюль Верн отвечает: «Дорогой папа, в Нант я не вернусь. Ты сам жил в Париже и прекрасно понимаешь, что тоже предпочел бы поселиться именно здесь, а не в провинции. Почему? Да потому, что в Париже я не буду жалеть о Нанте, а вот в Нанте буду жалеть о Париже».

12 июня — первый успех. Водевиль Жюля Верна «Сломанные соломинки» по предложению Александра Дюма-отца поставлен на сцене «Исторического театра». Выходит отдельное издание водевиля — первая печатная работа Жюля Верна. Книжка посвящена Александру Дюма-сыну, который внес в текст множество поправок и изменений. В том же году — в ноябре — «Сломанные соломинки» поставлены в Нантском театре.

1851, январь — знакомство с Питром (Пьером) Шевалье — главным редактором парижского иллюстрированного журнала «Мюзе де фамий» («Семейный альманах»).

Весна — Жюль Верн начинает вести картотеку научных и технических открытий и изобретений. Особенно его интересуют новые географические экспедиции в Африку и за полярный круг. Чтобы окупить расходы на жизнь, Жюль Верн работает (с семи утра до девяти вечера) сверхштатным писцом в конторе Гимара.

Июнь—август — Питр Шевалье печатает в своем журнале «Семейный альманах» рассказы Жюля Верна «Первые корабли мексиканского флота» и «Путешествие на воздушном шаре». Знакомство и дружба со слепым путешественником Жаком Араго.

Середина декабря — по рекомендации Александра Дюма-отца Жюль Верн занимает место секретаря «Лирического театра» с устраивающим его окладом в 100 франков в месяц.

1852, апрель — в «Семейном альманахе» напечатана историческая по

весть Жюль Верна «Мартин Пас» (иллюстрации — перуанского художника Игнасио Мерино).

Июнь — там же — одноактная комедия «Замки в Калифорнии, или Катящийся камень мхом не обрастает», написанная в соавторстве с Питром Шевалье.

2 декабря — роспуск Законодательного собрания. Президент Франции Луи Наполеон провозглашает себя императором.

1853, 20 апреля — одноактная оперетта «Жмурки» (в соавторстве с драматургом Мишелем Каре, музыка Аристида Иньяра) поставлена на сцене «Лирического театра».

1854, 27 марта — император Луи Наполеон подписал оборонительный и наступательный союзы Османской империи с Францией и Великобританией против России.

Апрель—май — в «Семейном альманахе» напечатана «гофманианская» повесть Жюль Верна «Мастер Захариус». *Июнь* — отдых в Дюнкерке (Северное море). Жюль Верн пишет повесть «Зимовка во льдах».

Июль — эпидемия холеры в Париже. Умирает Жюль Севест — директор «Лирического театра». Жюль Верн не находит общего языка с новым директором и вынужден оставить службу. *Сентябрь* — союзный десант высаживается в Крыму вблизи Евпатории. Участие в севастопольской блокаде принимает брат Жюль — военный моряк Поль Верн.

1855 — знакомство с учеными Теофилом Лавалле, Сент-Клер Девилем и Марселеном Бертло.

Июнь — на сцене «Лирического театра» — комическая оперетта «Спутники Маржолены».

1856, весна — поездка в Амьен на свадьбу Огюста Леларжа, близкого друга. Знакомство с молодой вдовой, матерью двух дочерей, Онориной де Виан.

Лето — работа над комедией «Сегодняшние счастливы».

Декабрь — Жюль Верн делает предложение Онорине де Виан и, готовясь к свадьбе, занимает под проценты 50 тысяч франков, чтобы войти в число официальных пайщиков биржевой конторы Фернана Эггли.

1857, 10 января — свадьба с Онориной де Виан (в девичестве — Онорина Анна Эбе Морель).

1858 — ежедневная работа в биржевой конторе Фернана Эггли. Первые попытки написать «роман о науке».

1859, 26 апреля — вступление Франции и Сардинского королевства в войну с Австрией.

Май или июнь — знакомство с Этель Энн (возможно, в одном из художественных или литературных салонов).

24 июня — поражение Австрии в битве при Сольферино.

8 июля — подписание перемирия с Австрией (в Виллафранке).

Конец июля — начало августа — Аристид Иньяр и Жюль Верн совершают большое путешествие по маршруту: Сен-Назер — Ливерпуль — Гебридские острова — Эдинбург — Лондон — Сен-Назер. Впоследствии впечатления от поездки легли в основу романов Жюль Верна «Зеленый луч» и «Черная Индия».

Август — Этель Энн выходит замуж за Шарля Дюшена, нотариуса.

1860, весна — знакомство с популярным французским карикатуристом, энтузиастом фотографии и только еще нарождающегося воздухоплавания Надаром (псевдоним Феликса Турнашона).

Лето — в театре «Буфф» поставлены комические оперы Жюль Верна «Гостиница в Арденнах» (в соавторстве с Мишелем Карре) и «Месье Шимпанзе». Музыка Аристида Иньяра, постановщик и дирижер — Жак Оффенбах.

Осень — первые наброски к роману «Дядюшка Робинзон». Начало работы над фантастическим романом «Париж в XX веке».

1861, 1 июня — в театре «Водевиль» — трехактная комедия Жюль Верна «Одиннадцать дней осады» (в соавторстве с Шарлем Валлю).

Лето — встречи с мадам Дюшен становятся постоянными.

15 июня — Жюль Верн и Аристид Иньяр совершают второе большое совместное путешествие — на этот раз в Скандинавию. Впечатления позже войдут в романы «Найденый с погибшей "Цинтии"» (в соавторстве с Андре Лори) и «Лотерейный билет № 9672».

3 августа — рождение сына Мишеля.

1862 — колониальные войны Наполеона III: мексиканская экспедиция, взятие Кохинхины (Вьетнам), установление протектората над Камбоджей.

Весна—лето — вдохновленный проектом Надара (воздушный шар «Гигант» с двойной оболочкой), Жюль Верн за три недели пишет «географический» роман «Пять недель на воздушном шаре».

Осень — после многих попыток найти издателя для своего «географического» романа Жюль Верн (с помощью Надара) знакомится с Пьером-Жюлем Этцелем.

1863, январь — Пьер-Жюль Этцель заключает с молодым писателем взаимовыгодный издательский договор сроком на 20 лет.

Лето — Жюль Верн пишет роман «Англичане на Северном полюсе» («Путешествие и приключения капитана Гаттераса»). Пьер-Жюль Этцель и

педагог Жан Массе объявляют в печати о скором выходе первого номера задуманного ими «Журнала воспитания и развлечения».

Конец августа — Надар, Постав Понтон д'Амекур и Габриель де Лаландель основывают Общество сторонников летательных аппаратов тяжелее воздуха. Жюль Верн среди учредителей. *Осень* — продолжается работа над романом «Париж в XX веке».

24 декабря — выходит в свет первый том «Необыкновенных путешествий» — роман «Пять недель на воздушном шаре».

1864, 20 марта — «Журнал воспитания и развлечения» открывается научным романом Жюль Верна «Англичане на Северном полюсе».

Апрель — в «Семейном альманахе» — очерк «Эдгар По и его сочинения». Мадам Дюшен переезжает в Аньер (пригород Парижа) из городка Кевре, где находится нотариальная контора ее мужа. Встречи с Жюлем Верном становятся регулярными.

Лето—осень — работа над «Путешествием к центру Земли».

Октябрь—декабрь — в «Семейном альманахе» — историческая повесть «Граф де Шантелен».

3 декабря — отдельное издание романа «Путешествие к центру Земли».

Декабрь — категорический отказ Этцеля печатать «Париж в XX веке». Первая размолвка между писателем и издателем.

1865, весна — математик Анри Гарсе, кузен Жюль Верна, проводит математические вычисления для задуманного писателем романа «С Земли на Луну».

Июнь — Жюль Верн принят в члены Французского географического общества.

25 июля — рождение третьего ребенка мадам Дюшен — Мари (дочери Жюль Верна).

15 сентября — 3 октября — в «Газете политических и литературных дебатов» — фантастический роман «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут».

Октябрь—ноябрь — в «Семейном альманахе» — повесть «Нарушители блокады».

Ноябрь — самоубийство мадам Дюшен. Любовь к ней оставила след во многих романах Жюль Верна, прежде всего в романах «Париж в XX веке», «Плавучий остров», «Замок в Карпатах».

1866, январь — Пьер-Жюль Этцель предлагает Жюлю Верну дописать начатую умершим географом Т. Лавалле работу над «Иллюстрированной географией Франции». Ссоры с Онориной. Семейное отчуждение. *Март* —

в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Дети капитана Гранта».

Весна—лето — Жюль Верн снимает домик в Кротуа — рыбацком поселке в устье реки Соммы. Там, закончив работу над «Иллюстрированной географией Франции», он приступает к роману «Путешествие под водой» («Двадцать тысяч лье под водой»). *Лето—осень* — Жюль Верн покупает парусный рыбацкий баркас водоизмещением в восемь тонн и переоборудует его в яхту «Сен-Мишель».

2 июня — отдельное издание романа «Путешествие и приключения капитана Гаттераса».

1867, *март—апрель* — Жюль Верн с братом отправляются в Америку на самом большом пароходе того времени — «Грейт-Истерн». Нью-Йорк, Олбани, Рочестер, Буффало, озеро Эри, Ниагарский водопад, снова Нью-Йорк. Позже впечатления от этого путешествия легли в основу романа «Плавающий город» и рассказа «Блеф».

5 сентября — в «Журнале воспитания и развлечения» объявление о том, что известный писатель Жюль Верн заканчивает новый роман под названием «Путешествие под водой».

Октябрь — в «Маленькой газете» напечатан фантастический роман Аристиды Роже (псевдоним профессора И. Рангада) «Необыкновенные приключения ученого Тринитуса», вскоре изданный отдельной книгой под заглавием «Путешествие под волнами». Пересечение сюжетов удивляет читателей, но скоро недоразумение улаживается, приоритет Жюля Верна подтвержден.

1868, 4 января — выход в свет работы «Иллюстрированная география Франции и ее колоний».

Октябрь — Жюль Верн позирует художнику Риу, придавшему профессору Аронаксу («Двадцать тысяч лье под водой») портретное сходство с автором.

1869, *март* — новый номер «Журнала воспитания и развлечения» открывается романом «Двадцать тысяч лье под водой», мгновенно ставшим популярным.

Осень—зима — работа над «Плавающим городом».

4 ноября — 8 декабря — в «Газете политических и литературных дебатов» — роман «Вокруг Луны». «Ты хочешь знать, зачем мы летим к Луне? — спрашивает Мишель Ардан капитана Николя. И сам отвечает: — Да затем, чтобы именем Соединенных Штатов завладеть ею! Чтобы присоединить к нашему Союзу новый сороковой штат! Чтобы, наконец, колонизовать Луну, обработать ее земли, населить людьми, насадить там чудеса человеческой науки, искусства и техники!»

1870 — работа над романом «Дядюшка Робинзон». Принципиальные споры с Пьером-Жюлем Этцелем.

18 июня — поступил в продажу первый из шести томов научно-популярного труда Жюль Верна «Открытие земли. Всеобщая история великих путешествий и великих путешественников».

19 июля — объявление Франко-прусской войны.

Конец июля — всеобщая мобилизация. Жюль Верн зачислен в береговую стражу порта Кротуа и назначен командиром собственной яхты «Сен-Мишель».

9 августа — 2 сентября — в «Газете политических и литературных дебатов» отдельными фельетонами печатается роман «Плавающий город».

2 сентября — разгром французской армии под Седаном. 4 сентября — революция в Париже. Падение Второй империи и провозглашение Третьей республики. Вся власть во Франции переходит к Правительству национальной обороны.

Сентябрь — прусская армия осаждает Париж.

6 октября — Жюль Верн отправляет семью в Амьен. Работа над романом «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке».

Середина декабря — прусские войска входят в Амьен.

1871, 14 февраля — работа над романом «В стране мехов».

В ночь с 17 на 18 марта — артиллеристы на Монмартре отказались отдать орудия представителям Правительства национальной обороны. Массовые выступления в Париже. Правительственные учреждения пали, Тьер с министрами бежит в Версаль.

28 марта — провозглашение Коммуны.

11 мая — в Париж входят версальцы.

22—28 мая — уличные бои в Париже.

12 августа — под одной обложкой выходят роман «Плавающий город» и повесть «Нарушители блокады».

3 ноября — смерть Пьера Верна. Непрекращающиеся ссоры с Онориной и сыном Мишелем.

Декабрь — переезд на постоянное жительство в Амьен.

1872, весна — обустройство в Амьене. «Город настолько близок от Парижа, что можно постоянно ощущать его блеск и в то же время находиться вдали от невыносимого шума и суеты. Да, кроме того, и мой замечательный "Сен-Мишель" стоит на якоре рядом!»

Весна—лето — работа над романом «Вокруг света в восемьдесят дней».

Март — в «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «В

стране мехов».

Март—апрель — в «Семейном альманахе» — повесть «Опыт доктора Окса».

12 августа — за первые тома серии «Необыкновенные путешествия» Жюль Верн получает награду Французской академии.

6 ноября — 22 декабря — в газете «Времена» из номера в номер печатается приключенческий роман «Вокруг света в восемьдесят дней», вызвавший огромный интерес у читателей, державших пари, доберется ли Филеас Фогг до Лондона в назначенный день и час.

1873, весна — работа над «Таинственным островом». Принципиальные споры с моралистом Пьером-Жюлем Этцелем.

Апрель — писатель избран действительным членом Амьенской академии наук, литературы и искусства (старейшее научное общество Пикардии, основанное еще в 1750 году).

18 сентября — Жюль Верн с воздухоплавателем Эженом Годаром поднимается над Амьеном в корзине воздушного шара «Метеор».

1874, январь — Жюль Верн избран директором Амьенской академии наук, литературы и искусства.

Март — в «Журнале воспитания и развлечения» начинает печататься роман «Таинственный остров».

24 мая — Жюль Верн читает в Амьенской академии свою юношескую комедию в стихах «Леонардо».

30 мая — выход сборника повестей и рассказов под общим названием «Доктор Оке» — с предисловием Пьера-Жюля Этцеля и с очерком Поля Верна «Сороковое восхождение на Монблан».

1875, 13 февраля — выходят в свет роман «Ченслер» и повесть «Мартин Пас».

Середина февраля — выходит в свет первый том романа «Таинственный остров» («Потерпевшие крушение»).

25 мая — выходит в свет второй том «Таинственного острова» («Покинутый»).

Лето — Жюль Верн прерывает начатую работу над романом «Солнечный мир» («Гектор Сервадак»), чтобы довести до конца «русский» роман — «Михаил Строгов. Курьер царя».

27 ноября — выход третьего тома «Таинственного острова» («Тайна острова»).

12 декабря — Жюль Верн с большим успехом читает в Амьенской академии фантастический этюд «Идеальный город. Амьен в 2000 году н. э.».

1876, весна — Жюль Верн покупает паровую яхту — «Сен-Мишель II». Лето — закончен роман «Гектор Сервадак. Путешествие и приключения в околосолнечном мире».

В Лондоне опубликована статья писателя Роберта Льюиса Стивенсона «Произведения Жюль Верна» — в связи с изданием нескольких томов «Необыкновенных путешествий» на английском языке.

25 ноября — отдельным изданием выходит в свет «Михаил Строгов».

1877, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Гектор Сервадак».

19 мая — отдельное издание «Черной Индии». Ссоры с сыном. Мишель попадает в тюрьму.

Лето — работа над «Пятнадцатилетним капитаном». По совету брата Жюль Верн отправляет сына в плавание в Индию.

Середина года — завершен последний том «Всеобщей истории великих путешествий и великих путешественников».

1878, весна — Жюль Верн продает свою яхту и приобретает в Нанте новую — способную ходить и под парусами, и с помощью мощной паровой машины. Он называет ее «Сен-Мишель III».

1 мая — открылась Всемирная выставка в Париже. Май—июль — первое большое плавание на «Сен-Мишеле III» по маршруту Нант — Виго — Лиссабон — Гибралтарский пролив — Оран — Сицилия — Чивитавеккья — Рим (здесь Жюль Верн удостоился аудиенции папы Льва XIII) — Флоренция — Венеция. Болезнь Онорины.

Середина июля — работа над романом «Пятьсот миллионов бегумы». Домашний праздничный бал, назначенный Жюлем Верном в честь жены, не удается, — Онорина тяжело больна.

15 ноября — выходит в свет роман «Пятнадцатилетний капитан».

26 декабря — в театре Портсен-Мартен — премьера пьесы Жюль Верна и Адольфа Деннери «Дети капитана Гранта».

1879, январь—февраль — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Пятьсот миллионов бегумы».

Лето — работа над «Треволнениями одного китайца в Китае». 24 сентября — «Пятьсот миллионов бегумы» и новелла «Мятежники с "Баунти"» выходят под одной обложкой. Непрекращающиеся ссоры с сыном.

1880, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Паровой дом».

Весна — удачное плавание на «Сен-Мишеле III» к берегам Норвегии, Ирландии и Шотландии.

1881, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Жангада». Жюль Верн в очередной раз переизбран директором Амьенской академии.

Лето — плавание на «Сен-Мишеле III» по суровым Северному и Балтийскому морям. К сожалению, начавшиеся штормы не позволили писателю добраться до Санкт-Петербурга. Работа над романом «Школа Робинзонов».

26 ноября — отдельное издание «Жангады» с приложением очерка Поля Верна «Из Роттердама в Копенгаген на борту яхты "Сен-Мишель"».

1882, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — «Школа Робинзонов».

26 июля — отдельным изданием выходит в свет «морской» роман «Зеленый луч».

25 ноября — на сцене театра Портсен-Мартен — феерия Жюль Верна и Адольфа Деннери «Путешествие в Невозможное».

1883, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — «Упрямец Керабан». Пьер-Жюль Этцель еще на 20 лет продлевает издательский договор с Жюлем Верном.

Май — работа над «Архипелагом в огне». Жюль Верн жалуется издателю на то, что все необыкновенные сюжеты им практически исчерпаны, пора браться за сюжеты «комбинированные».

1884, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — «Южная звезда».

Конец июля — Жюль Верн и Андре Лори работают над романом «Найденый с погибшей "Цинтии"».

1885, 8 февраля — день своего рождения Жюль Верн отметил праздничным балом. Гостей у входа встречали веселые афиши. Сам Жюль Верн оделся трактирщиком, Онорина — трактирщицей. Плясали в саду американцы в цилиндрах, шотландцы с волынками, черные, как уголь, негры, арабы в бурнусах. Гости вырядились, как могли, а Онорина, дала, наконец, волю своим кулинарным талантам.

13 февраля — на очередном заседании Амьенской академии Жюль Верн читает «загадочный» рассказ «Фритт-Флакк».

27 июля — выходит в свет первый том романа «Матиас Шандор».

17 августа — выходит второй том «Матиаса Шандора».

23 октября — выходит заключительный том «Матиаса Шандора».

Конец года — Жюль Верн начинает работу над фантастическим романом «Робур-завоеватель».

1886, январь — «Журнал воспитания и развлечения» открывается рома

ном «Лотерейный билет № 9672».

9 марта — покушение на Жюль Верна. В пять часов вечера двумя выстрелами из револьвера писателя ранил душевнобольной племянник.

17 марта — в Монте-Карло умер Пьер-Жюль Этцель. Издательская фирма перешла к его сыну — Жюлю Этцелю-младшему. 26 мая — письмо от дочери Мари Дюшен. Семейная жизнь писателя окончательно разлагается.

20 августа — выходит в свет «Робур-завоеватель».

1887, январь — «Журнал воспитания и развлечения» открывается романом «Север против Юга».

15 февраля — смерть матери Жюль Верна — Софи Анриетты.

Весна — ссоры с сыном, наделавшим новые долги. Жюль Верн продает яхту «Сен-Мишель III».

15 октября — в серии «Необыкновенные путешествия» под одной обложкой выходят роман «Дорога во Францию» и новелла «Жиль Бралтар».

26 ноября — шумная и успешная премьера спектакля «Матис Шандор» в театре Амбигю.

1888, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Два го да каникул».

6 мая — Жюль Верн избран членом амьенского городского муниципалитета.

22 июня — выходит в свет первый том романа «Два года каникул».

7 ноября — выходит второй том романа «Два года каникул».

1889, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Семья без имени».

Апрель — в американском журнале «Форум» опубликован на английском языке фантастический рассказ Жюль Верна «В XXIX веке. Один день американского журналиста в 2889 году».

3 октября — выходит отдельное издание романа «Вверх дном» с дополнительной главой, содержащей подробные математические расчеты инженера Бадуро. Жюль Верн описал новый раздел мира, не потребовавший ни флота, ни армии, ни боевых воздушных шаров...

1890, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Цезарь Каскабель».

1891, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Миссис Браникан».

1892, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Замок в Карпатах», в котором Жюль Верн снова вспоминает свою любовь к Эстель Энен.

22 декабря — выходит в свет приключенческий роман «Клодиус Бомбарнак. Записки репортера, присутствовавшего на открытии Великой Трансазиатской магистрали». Жюль Верн удостоен ордена Почетного легиона.

1893, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Мальш».

Декабрь — в «Фигаро» — фантастический рассказ «Господин Ре-диез и госпожа Ми-бемоль». Обострение диабета. Писатель болен, но продолжает работать.

1894, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Удиви тельные приключения дядюшки Антифера».

Весна—лето — работа над «Плавучим островом». Жюль Верн начинает сомневаться в полезности технического пути развития человечества. Он описывает плачевную участь придуманного им плавучего города Стандарт-Айленд. «Построить такой огромный искусственный остров, остров, свободно плавающий по всем морям и океанам, не значит ли это перейти границы, определенные человеческому гению? Дозволено ли человеку, который все еще не властен над ветрами и течениями, так необдуманно посягать на права Творца?»

1895, лето — встреча с итальянским писателем Эдмондом д'Амичисом (1846—1908), который решил выяснить, наконец, существует ли в действительности знаменитый французский писатель Жюль Верн или это просто коллективный псевдоним нескольких находчивых литераторов. Обострение болезни. Жюль Верн слепнет на левый глаз.

Осень — работа над «Ледяным сфинксом».

30 ноября — выходит в свет роман «Плавучий остров» с приложением критического очерка Шарля Канивеля об авторе «Необыкновенных путешествий».

1896, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Флаг родины». Изобретатель мелинита французский инженер Эжен Тюрпен, усмотрев оскорбительные для себя намеки в романе «Флаг родины», возбуждает против Жюля Верна и его издателя судебное дело.

Конец ноября — последняя поездка Жюля Верна в Париж. Жюль Верн и его издатель оправданы — за недостатком улик.

1897, 26 июня — роман «Ледяной сфинкс» выходит отдельным томом.

27 августа — скончался брат писателя Поль Верн.

1898, весна — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Великолепное Ориноко».

1899 — работа над романом «Невидимая невеста». Книга вышла в свет

уже после смерти писателя. К печати роман подготовил Мишель Верн — под новым названием «Тайна Вильгельма Шторица».

1900, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Вторая родина», написанный как продолжение с детства любимого Жюлем Верном романа И.Р. Висса «Швейцарский Робинзон». «Я хорошо знал, — признавался в своих воспоминаниях Жюль Верн, — что сочинение Даниеля Дефо философски более значимо, ведь в нем предоставленный самому себе несчастный однажды с ужасом натывается на след чужой босой человеческой ноги на песке! Но произведение Висса, богатое событиями и приключениями, было, видимо, интереснее для моих молодых мозгов. Там была изображена целая дружная семья: отец, мать, дети — и их различные поступки. Сколько раз я перечитывал эту книгу! С каким пылом присоединялся к каждому открытию! Стоит ли удивляться, что если позже в романе "Таинственный остров" меня непреодолимо вело ко всяким "научным" Робинсонам, то в романе "Два года каникул" — уже к целому пансиону Робинзонов находчивых!»

Февраль — выход в свет «Завещания чудака».

15 апреля—12 ноября — Всемирная Парижская выставка.

1901, весна — в «Журнале воспитания и развлечения» — романы «Великий лес» (в отдельном издании — «Деревня в воздухе»).

22 мая — встреча с журналистом Гастоном Стиглером, который возвращался в Париж из кругосветного путешествия, проделанного им за 63 дня.

Лето — выход в свет романа «Росказни Жана-Мари Кабидулена». Описывая экипаж шхуны «Сент-Инах», Жюль Верн поименно вспомнил своих соучеников по «Малой семинарии Сен-Донатьен». Правда, теперь они не семинаристы, а настоящие моряки: Ромен Аллот, Эварист Буркар, Блен Дюкре, Жан-Франсуа Эрго, Ив Кокебер, Матюрен Олива...

Лето — режиссер Фердинанд Зекк снимает — по мотивам романов Жюля Верна — черно-белые немые фильмы «Дети капитана Гранта», «На завоевание воздуха», «Подводная драма».

1902, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» печатается роман «Братья Кип» — отзвук нашумевшего на весь мир в те годы чисто политического дела французского офицера Дрейфуса.

1903, январь — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Путешествие стипендиатов».

1904, весна — в «Журнале воспитания и развлечения» — роман «Властелин мира». Окончательный вывод писателя: «Успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов».

Лето — режиссер Жорж Мелье снимает фильм по пьесе Жюль Верна «Путешествие в Невозможное».

1 августа — отдельное издание романа «Драма в Лифляндии».

1905, весна—лето — в «Журнале воспитания и развлечения» — романы «Маяк на краю света» и «Вторжение моря». Жюль Верн работает над романом «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака».

16 марта — сильнейший приступ диабета.

24 марта — Жюль Верн скончался в восемь часов утра.

28 марта — торжественные похороны на амьенском кладбище Мадлен.

БИБЛИОГРАФИЯ

СОЧИНЕНИЯ ЖЮЛЯ ВЕРНА (указаны годы первого издания)

Романы

1863 — «Пять недель на воздушном шаре. Путешествие и открытия троих англичан в Африке, составлено по заметкам д-ра Фергюссона». — «Cinq semaines en ballon. Voyage de decouvertes en Afrique par trois Anglais».

1864 — «Путешествие к центру Земли». — «Voyage au centre de la Terre».

1865 — «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут». — «De la Terre a la Lune. Trajet direct en 97 heures 20 minutes».

1866 — «Путешествие и приключения капитана Гаттераса». — «Les Aventures du capitaine Hatteras».

1868 — «Дети капитана Гранта. Путешествие вокруг света». — «Les Enfants du capitaine Grant. Voyage autour du monde».

1870 — «Вокруг Луны». — «Autour de la Lune».

«Двадцать тысяч лье под водой. Путешествие вокруг света под волнами океана». — «Vingt mille lieues sous les mers».

1872 — «Плавающий город». — «Une ville flottante». «Путешествие по Южной Африке, или Приключения трех русских и

трех англичан». — «Aventures de trois Russes et de trois Anglais dans l'Afrique australe».

1873 — «Вокруг света в восемьдесят дней». — «Le Tour du monde en quatre-vingts jours».

«Страна мехов». — «Le Pays des fourrures».

1875 — «Таинственный остров». — «L'Ile mysterieuse». «"Ченслер". Дневник пассажира Ж. Р. Казаллона». — «Le Chancellor. Journal du passager J. R. Kazallon».

1876 — «Михаил Строгое. От Москвы до Иркутска». — «Michel Strogoff. De Moscou a Irkoutsk»^[68].

1877 — «Черная Индия». — «Les Indes noires».

«Гектор Сервадак. Путешествие и приключения в околосолнечном мире». — «Hector Servadac. Voyages et Aventures a travers le monde solaire».

1878 — «Пятнадцатилетний капитан». — «Un capitaine de quinze ans».

1879 — «Пятьсот миллионов бегумы». — «Les Cinq Cents Millions de la

Begum».

«Треволнения одного китайца в Китае». — «Les Tribulations d'un Chinois en Chine».

1880 — «Паровой дом. Путешествие по Северной Индии». — «La Maison a vapeur. Voyage a travers l'Inde septentrionale».

1881 — «Жангада. Восемьсот лье по Амазонке». — «La Jangada. 800 lieues sur l'Amazonne».

1882 — «Школа Робинзонов». — «L'Ecole des Robinson». «Зеленый луч». — «Le Rayon vert».

1883 — «Упрямец Керабан». — «Keraban-le-Tetu».

1884 — «Южная звезда. В стране алмазов». — «L'Etoile du sud. Le Pays des diamants».

«Архипелаг в огне». — «L'Archipel en feu».

1885 — «Матиас Шандор». — «Mathias Sandorf».

«Найденыш с погибшей "Цинтии"». — «L'Epave du Cynthia. Cosigne par Andre Laurie». (Роман написан в соавторстве с Андре Лори.)

1886 — «Робур-завоеватель». — «Robur-le-Conquerant». «Лотерейный билет № 9672». — «Un billet de loterie».

1887 — «Север против Юга». — «Nord contre Sud». «Возвращение на родину (Дорога во Францию)». — «Le Chemin de France».

1888 — «Два года каникул». — «Deux ans de vacances».

1889 — «Вверх дном». — «Sens dessus dessous». «Семья без имени». — «Famille-sans-nom».

1890 — «Цезарь Каскабель». — «Cesar Cascabel».

1891 — «Миссис Браникан». — «Mistress Branican».

1892 — «Замок в Карпатах». — «Le Chateau des Carpathes».

1893 — «Клодиус Бомбарнак. Записки репортера, присутствовавшего на открытии Великой Трансазиатской магистрали (из России в Пекин)». — «Claudius Bombarnac. Carnet d'un reporter».

«Мальш». — «P'tit-Bonhomme».

1894 — «Удивительные приключения дядюшки Антифера». — «Mirifiques Aventures de maitre Antifer».

1895 — «Плавучий остров». — «Ille a helice».

1896 — «Флаг родины». — «Face au drapeau». «Кловис Дардентор». — «Clovis Dardentor».

1897 — «Ледяной сфинкс». — «Le Sphinx des glaces».

1898 — «Великолепное Ориноко». — «Le Superbe Orenoque».

1899 — «Завещание чудака». — «Le Testament d'un excentrique».

1900 — «Вторая родина». — «Seconde patrie».

- 1901 — «Деревня в воздухе». — «Le Village aerien».
«Россказни Жана-Мари Кабидулена». — «Les Histoires de Jean-Marie Cabidoulin».
- 1902 — «Братья Кип». — «Les Freres Kip».
- 1903 — «Путешествие стипендиатов». — «Bourses de voyage». 1904—
«Властелин мира». — «Maitre du monde».
- «Драма в Лифляндии». — «Un drame en Livonie».
- 1905 — «Вторжение моря». — «L'Invasion de la mer». «Маяк на краю света». — «Le Phare du bout du monde».
- 1906 — «Золотой вулкан». — «Le Volcan d'or».
- 1907 — «Агентство Томпсон и К°». — «L'Agence Thompson and C°».
- 1908 — «В погоне за метеором». — «La Chasse au meteore».
«Дунайский лоцман». — «Le Pilote du Danube».
- 1909 — «Кораблекрушение "Джонатана"». — «Les naufrages du "Jonathan"».
- 1910 — «Тайна Вильгельма Шторица». — «Le Secret de Wilhem Storitz». 1919 — «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака». —
«L'Etonnante aventure de la mission Barsac».
- 1991 — «Дядюшка Робинзон». — «L'Oncle Robinson». (Роман не
окончен; писался в 1860—1874 годах.)
- 1992— «Священник в 1839 году». — «Un pretre en 1839». (Роман не
окончен; писался в 1847—1849 годах.)
- Повести, рассказы, очерки, статьи, воспоминания, доклады*
- 1851 — «Драма в Мексике. Первые корабли мексиканского флота». —
«Un drame au Mexique. Les Premiers navires de la marine mexicaine».
(Исторический этюд.)
- «Драма в воздухе. Путешествие на воздушном шаре». — «Un Drame
dans les airs. Un voyage en ballon».
- 1852— «Мартин Пас. Перуанские нравы». — «Martin Paz. Meurs
peruviennes. Nouvelle historique». (Историческая повесть.)
- 1854 — «Мастер Захариус, или Часовщик, погубивший свою душу».
— «Maitre Zacharius ou l'horloger qui avait perdu son ame».
- 1855 — «Зимовка во льдах. История обрученных из Дюнкерка». —
«Un hivernage dans les glaces».
- 1863 — «По поводу "Гиганта"». — «A propos du "Geant"».
- 1864 — «Эдгар По и его сочинения. Очерк жизни и творчества». —
«Edgar Poe et ses oeuvres».
- «Граф де Шантелен». — «Le Comte de Chanteleine». (Историческая
повесть.)

- 1865 — «Нарушители блокады». — «Les Forceurs de blocus».
- 1873 — «24 минуты на воздушном шаре». — «Vingt-quatre minutes en ballon».
- 1874 — «Причуда доктора Окса». — «Une fantaisie du Docteur Ox».
- 1875 — «Идеальный город. Амьен в 2000 году н. э.». — «Une ville ideale».
- 1879 — «Мятежники с "Баунти"». — «Les Revokes de la "Bounty"».
- 1881 — «Десять часов на охоте». — «Dix heures en chasse».
- 1886 — «Фритт-Флакк». — «Fritt-Flacc».
- 1887 — «Жиль Бралтар. Обезьяний генерал». — «Gil Braltar».
- 1889 — «В XXIX веке. Один день американского журналиста в 2889 году». — «La Journee d'un journaliste americain en 2889».
- 1890 — «Воспоминания детства и юности». — «Souvenirs d'enfance et de jeunesse».
- «На дне океана. Экспресс будущего». — «Un express de l'avenir».
- 1893 — «Господин Ре-диез и госпожа Ми-бемоль». — «M. Ri-Dieze et Mile Mi-Bemol».
- 1910 — «Судьба Жана Морена». — «La Destinee de Jean Morenas».
- «Приключения семьи Ратон». — «Aventures de la famille Raton».
(Фантастическая сказка.)
- «Блеф. Американские нравы». — «Le Humbug. Moeurs americaines».
- «Вечный Адам». — «L'Eternel Adam».
- 1989 — «Путешествие в Англию и Шотландию». — «Voyage a reculons en Angleterre et en Ecosse». (Написано в 1859 году.)
- Драматические произведения*
- 1850 — «Сломанные соломинки». — «Les Pailles rompues». (Комедия в одном действии в стихах.)
- 1851 — «Замки в Калифорнии, или Катящийся камень мхом не обрастает». — «Les Chateaux en Califomie ou Pierre qui roule n'amasse pas mousse». (Комедия-пословица в одном действии. Написана в соавторстве с П. Шевалье.)
- 1853 — «Жмурки». — «Le Colin-Maillard». (Оперетта в одном действии. Написана в соавторстве с М. Карре и А. Иньяром.)
- 1855 — «Спутники Маржолены». — «Les Compagnons de la Marjolaine». (Оперетта в одном действии. Написана в соавторстве с М. Карре, музыка А. Иньяра.)
- 1857 — «Рифмы и мелодии. I выпуск». — «Rimes et melodies avec sept chansons». (Романсы А. Иньяра, из них семь написаны на стихи Ж. Верна.)
- 1858 — «Месье Шимпанзе». — «Monsieur de Chimpanze». (Опера-

буфф. Написана в соавторстве с М. Карре, музыка А. Иньяра.)

1860 — «Гостиница в Арденнах». — «L'Auberge des Ardennes». (Комическая опера в одном действии. Написана в соавторстве с М. Карре, музыка А. Иньяра.)

1861 — «Одиннадцать дней осады». — «Onze jours de siege». (Комедия в трех действиях в прозе. Написана в соавторстве с Ш. Валье.)

1863 — «Рифмы и мелодии. II выпуск». — «Rimes et melodies avec trois chansons». (Романсы А. Иньяра, из них три написаны на стихи Ж. Верна.)

1873 — «Племянник из Америки, или Два Фронтиньяка». — «Un neveu d'Amerique ou Les Deux Frontignas». (Комедия в трех действиях.)

1874 — «Вокруг света в восемьдесят дней». — «Le Tour du monde en quatre-vingts jours». (Драма в пяти действиях. Написана в соавторстве с А. Деннери.)

1877 — «Доктор Оке». — «Le Docteur Oke». (Опера-буфф.)

1878 — «Дети капитана Гранта». — «Les Enfants du Capitaine Grant». (Драма в двенадцати картинах. Написана в соавторстве с А. Деннери.)

1880 — «Михаил Строгое». — «Michel Strogoff». (Спектакль-феерия в пяти действиях и шестнадцати картинах. Написан в соавторстве с А. Деннери.)

1882 — «Путешествие в Невозможное». — «Voyage a travers l'impossible». (Фантастическая пьеса в трех действиях. Написана в соавторстве с А. Деннери.)

1883 — «Упрямец Керабан». — «Keraban-le-tetu». (Драма в пяти действиях и двадцати картинах.)

1887 — «Матиас Шандор». — «Mathias Sandorf». (Драма в пяти действиях. Написана в соавторстве с В. Бюснахом и Ж. Мореном.)

Географические произведения

1867 — «Иллюстрированная география Франции и ее колоний». — «Geographie illustree de la France et de ses colonies». (Написана в соавторстве с Т. Лавалле.)

1873 — «Меридианы и календари». — «Les Meridiens et le calendrier».

1870—1877 — «Всеобщая история великих путешествий и великих путешественников». — «Histoire des grands voyages et des grands voyageurs».

ЛИТЕРАТУРА О ЖЮЛЕ ВЕРНЕ

Андреев К. Жюль Верн // Жюль Верн. Собрание сочинений. В 12 т. М.:

ГИХЛ, 1954.

Андреев К. Три жизни Жюль Верна. М.: Молодая гвардия, 1960.

Андреев К. Искатели приключений. М., 1966.

Андреев К. На пороге великой эры. (Повести, литературные портреты.) М., 1971.

Борисов Л. Свои по сердцу. Л., 1966.

Брандис Е. Жюль Верн. Л.: Детская литература. 1956.

Брандис Е., Лазарев М. Жюль Верн. (Библиографический указатель.) М., 1959.

Брандис Е. Жюль Верн. Жизнь и творчество. Л., 1963.

Брандис Е. Вновь открытый Жюль Верн. М.: Детская литература, 1975.

Брандис Е. Впередсмотрящий. Повесть о великом мечтателе. М.: Молодая гвардия, 1976.

Брандис Е. Рядом с Жюлем Верном. (Документальные очерки.) Л.: Детская литература, 1981.

Верн Ж. Воспоминания детства и юности // Уральский следопыт. 1982. №2.

Вяткин Л. Неизвестный Жюль Верн // Техника—молодежи. 1996. № 2.

Гуревич Г. НФ-идеи: откуда они берутся? // Техника — молодежи. 1984. №12.

Жюль Верн Ж. Жюль Верн. М.: Прогресс, 1978.

Инбер В. За много лет. М.: Советский писатель, 1964.

Парижская Коммуна. 1871. М., 1964.

Потапова З. Жюль Верн // История французской литературы. М., 1959. Т. III.

Проезжая по Московии. Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов. М.: Международные отношения, 1991.

Толстой И.Л. Мои воспоминания. М.: Мир, 1933.

Шкловский В., Ивич А. Уэллс и Жюль Верн // Старое и новое. (Книга статей о детской литературе.) М., 1966.

Эттингер Я. Л.Н. Толстой — иллюстратор Жюль Верна // Детская литература. 1940. № 10.

Albessard J.-P. Le cryptogramme du Chateau des Carpathes // Bulletin. 2007. Decembre № 164.

Allotte de la Fuye M. Jules Verne, sa vie, son oeuvre. Paris, 1928.

Compere D., Margot J.-M. Entretiens avec Jules Verne: 1873—1905. Geneve: Slatkine, 1998.

Correspondance inedite de Jules Verne et de Pierre-Jules Hetzel: 1863—1886.1,1863-1874; II, 1875-1878; III, 1879-1886/etablie par Olivier Dumas,

Piero Gondolo della Riva et Volker Dehs; publ. par la Societe Jules Verne. 3 vol. Geneve: Slatkine, 1999-2002.

Dumas O. Voyage a travers Jules Verne. Monreal: Les Editions internationales Alan Stanke, 2000.

Dumas O. La reconnaissance de la fille invisible // Bulletin. 2007. Juin. № 162.

Dumas O. Elles, Nell Laurence et Helena, oeurs d'Estelle // Bulletin. 2007. Mars. № 161.

Gondolo de la Riva P. Apropos des «Pailles rompues» // Europe. 1980. № 5.

L'Europe (P. Abraham, G. Ziegler, K. Andreev, P. Gamarra, H. Psichari, R. de la Fuye, P. Sichel, G. Sadoul, J. Bouissounouse, F. Alphandery, G. Fournier, S. Tenand, E. Vazsonyi). 1955. № 112-113.

Lottman H. R. Jules Verne. P.: Flammarion, 1996.

Percereau N. Le secret de la «Fiancee invisible» // Bulletin de la societe Jules Verne. 2006. Septembre. № 159.

Popp M. Julius Verne und sein Werk. Wien; Leipzig, 1909.

Stevenson R.-L. Les histoires de Jules Verne // Bulletin. 2007. Septembre. № 163.

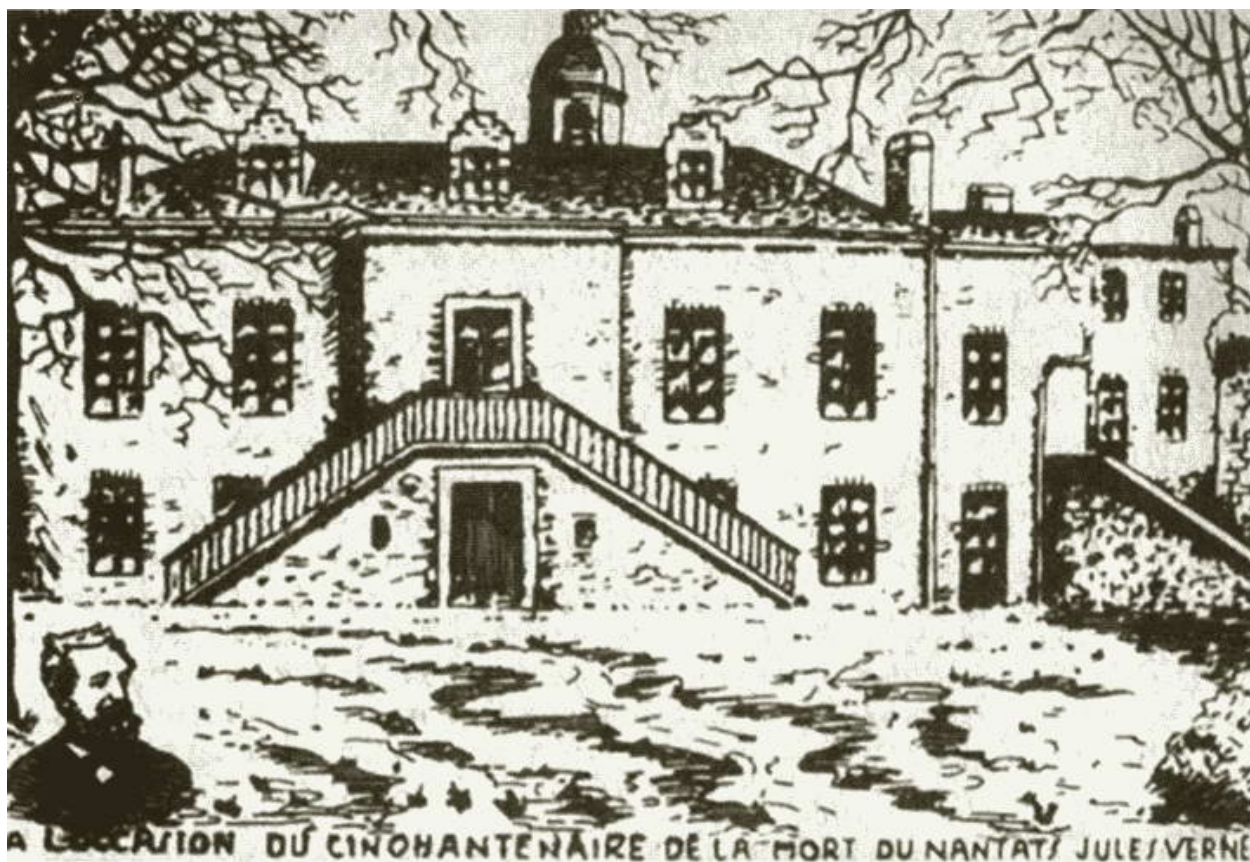
ИЛЮСТРАЦИИ

Гельс Верм

Город Нант в 30-е годы XIX века. Гравюра

Дом адвоката Пьера Верна в пригороде Нанта Шантене

Мать писателя Жюль Верна Софи Анриетта Верн (урожденная Аллот де ла Фюи). Ф. де Шатобур

Отец писателя Пьер Верн. Ф. де Шатобур

Жюль и Поль Верны на даче в Шантене

Жюль Верн. 1850 г.

Поль Верн — брат писателя

Королевский лицей в Нанте

Сестры писателя: Анна Верн (вверху) (в замужестве Дюкре де Вильнев) и Мари Верн (внизу) (в замужестве Гийон)

Жюль Верн. 1854 г.

Париж в годы юности Жюль Верна

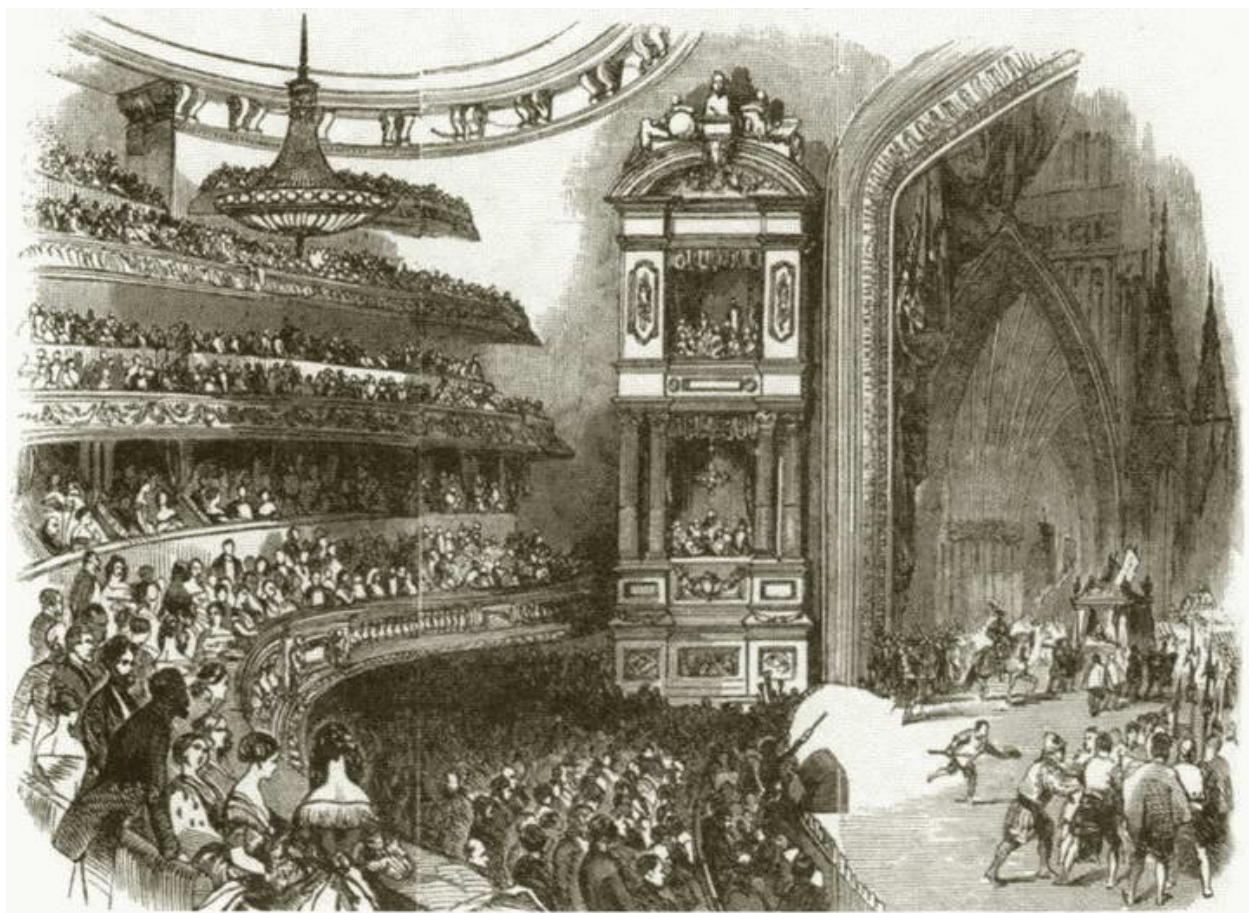
Парижская биржа, где несколько лет работал Жюль Верн

Виктор Гюго. 1837 г.

Александр Дюма-старший. 1855 г.

Зрительный зал Исторического театра в Париже. 1847 г.

Пьер Франсуа (Питр) Шевалье. 1853 г.

Мишель Карре. 1850 г.

Аристид Иньяр

Театр Граслин в Нанте

Opéra
national

Paris, le 14 juillet 1852

Administration

Monsieur,

Pourriez-vous me donner une
simple entrée, sans désignation de place,
pour la première de ce soir? - Je me
placerai où je pourrai. Je vous remercie
d'avance, et me recommande près de vous
des auteurs de Galathea.

Agnez, monsieur, l'assurance de
ma parfaite considération, et croyez moi
tout dévoué à votre disposition

Jules Verne
Secrétaire de l'Opéra national

Письмо Жюль Верна в Государственную парижскую оперу с просьбой предоставить ему билет на спектакль «Галатhea». 1852 г.

Онорина дю Фрейн де Виан (урожденная Онорина Анна Эбе Морель). 1857 г.

Жюль Верн. 1856 г.

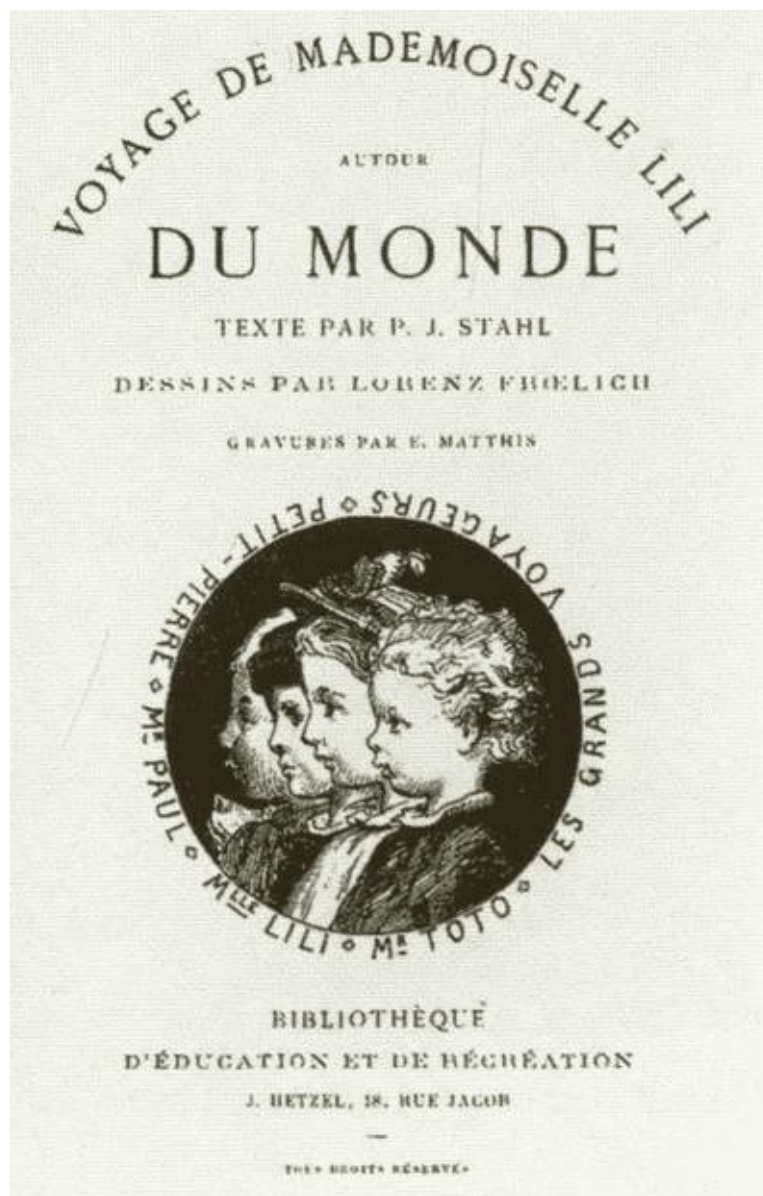
Надар со своей женой Эрнестиной в корзине воздушного шара. 1865 г.

Пьер-Жюль Этцель, редактор, издатель и автор детских повестей

Обложка книги Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой»

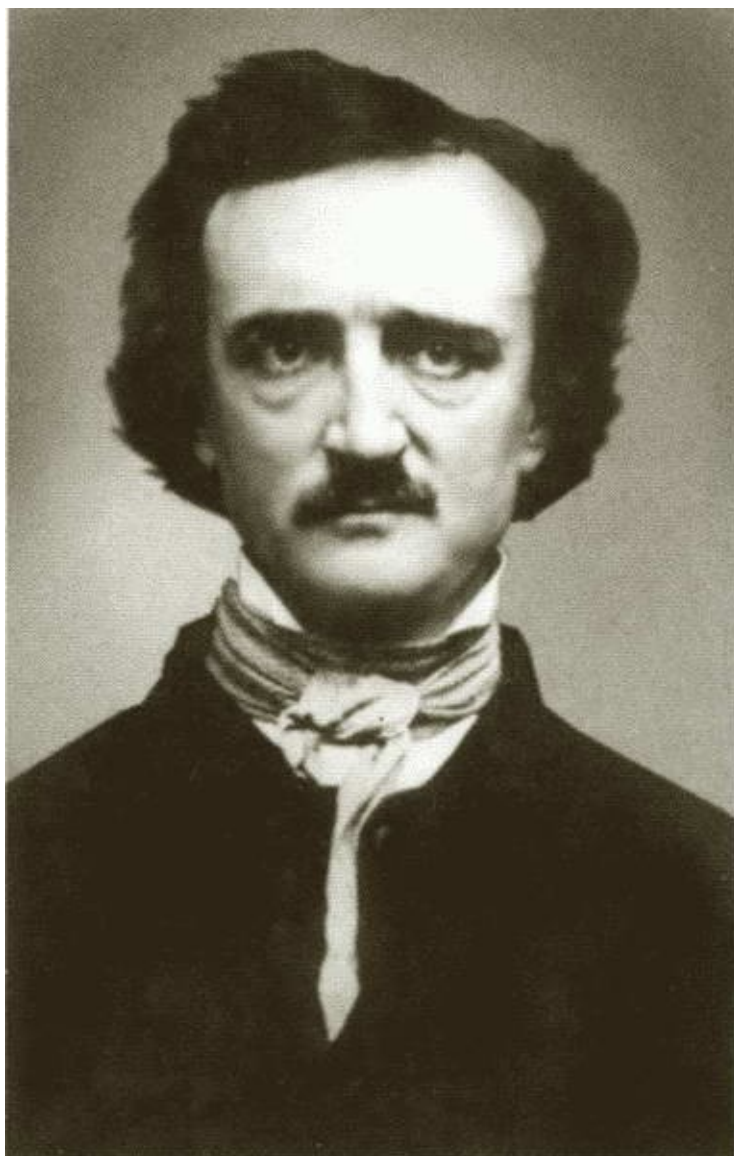
Титульный лист произведения Этцеля (псевдоним П.-Ж. Сталь) «Путешествие мадемуазель Лили»

Бульвар Мажента в Париже

Эстель Дрюшен (урожденная Энн)

Эдгар Аллан По

Жюль Верн. 1856 г.

Жюль Верн. 1874 г.

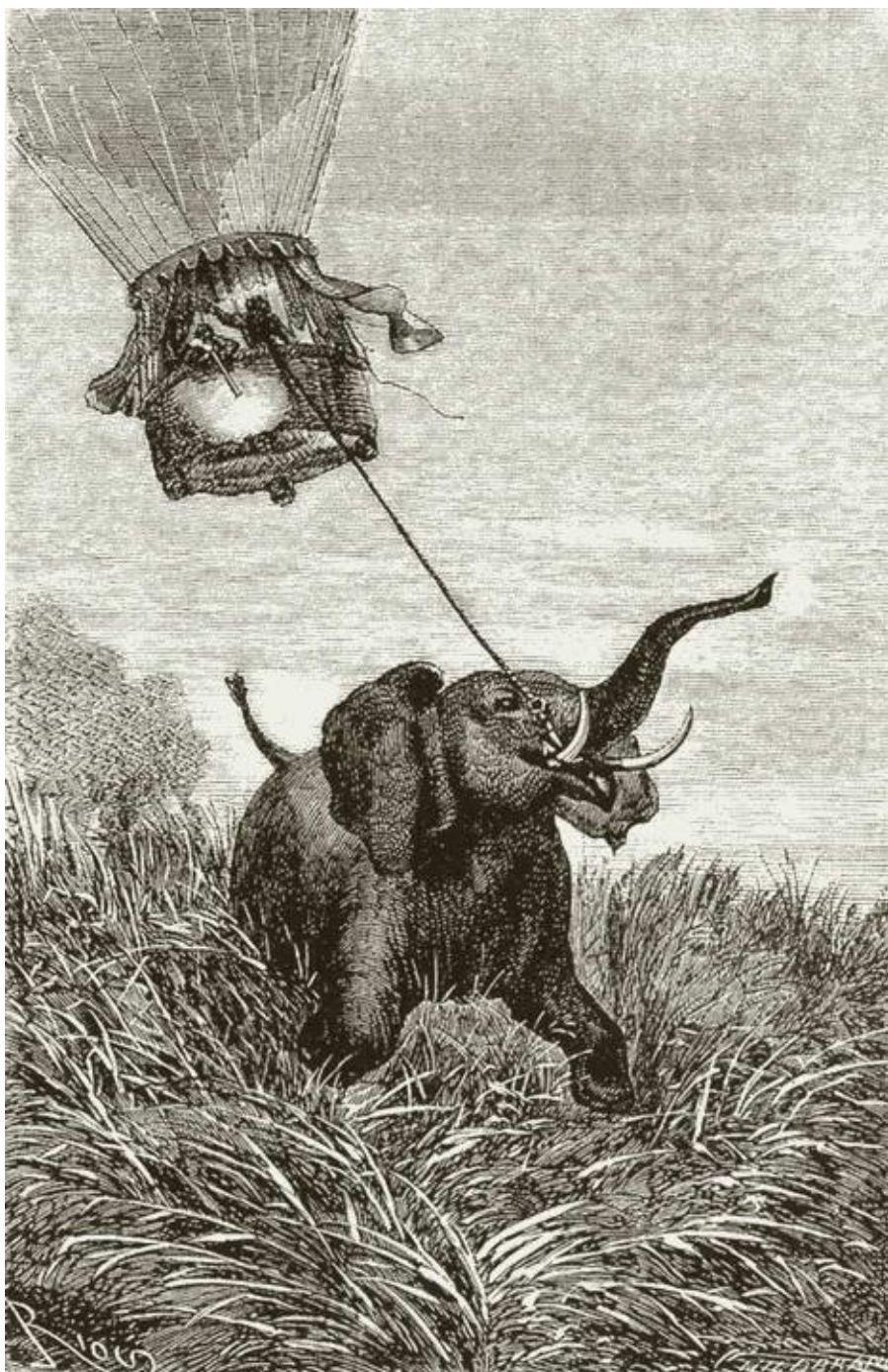
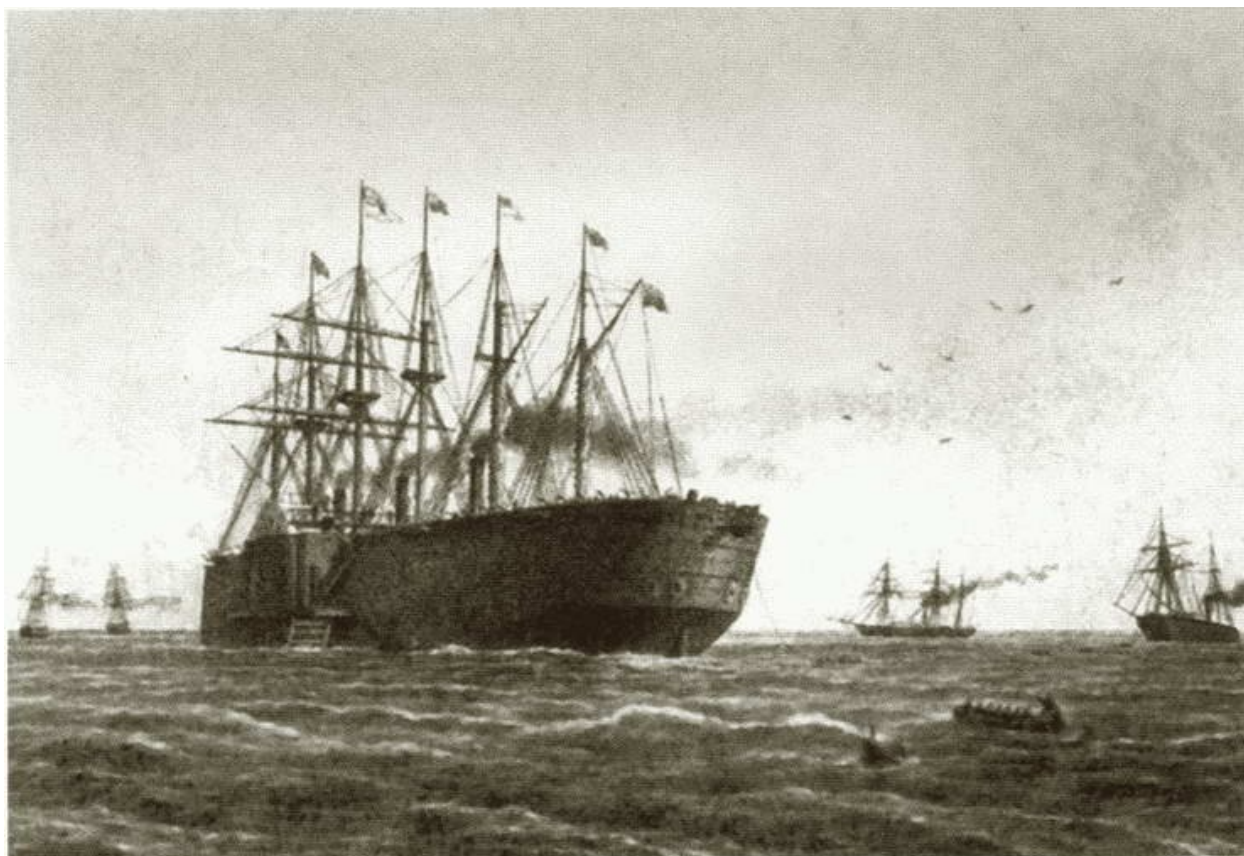

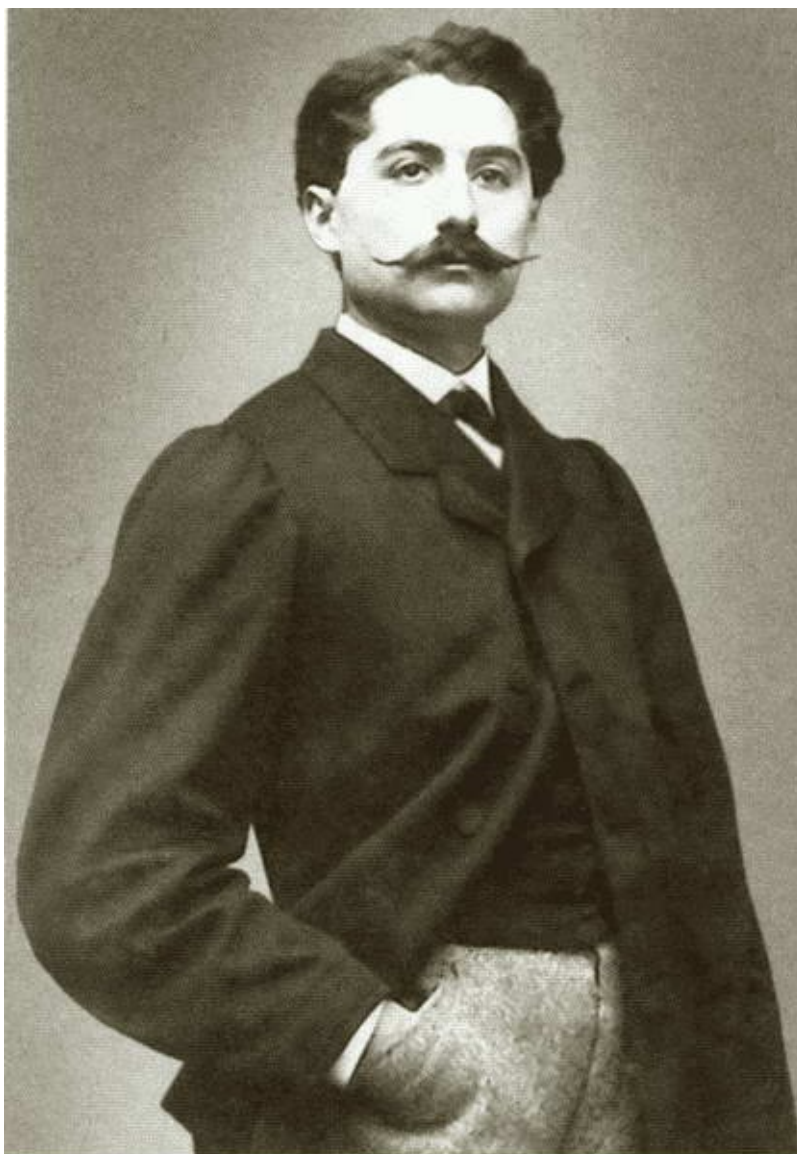
Иллюстрация к книге Жюль Верна «Пять недель на воздушном шаре». Э. Риу. 1865 г.

Дом Жюль Верна в Кротуа

«Грейт Истерн» недалеко от бухты Валенсия. 23 июля 1865 г.

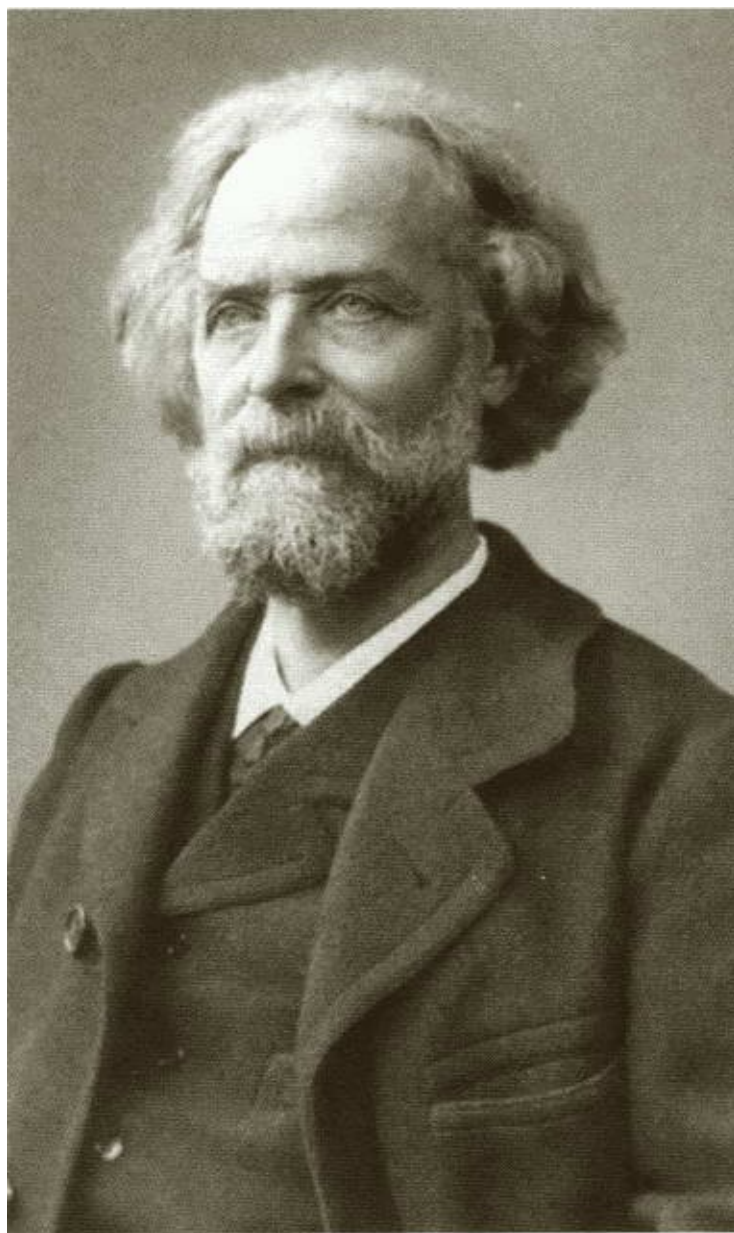
Паскаль Груссе

Пруссаки на Елисейских Полях

Луиза Мишель

Элизе Реклю

Вид Парижа 24 мая 1871 года

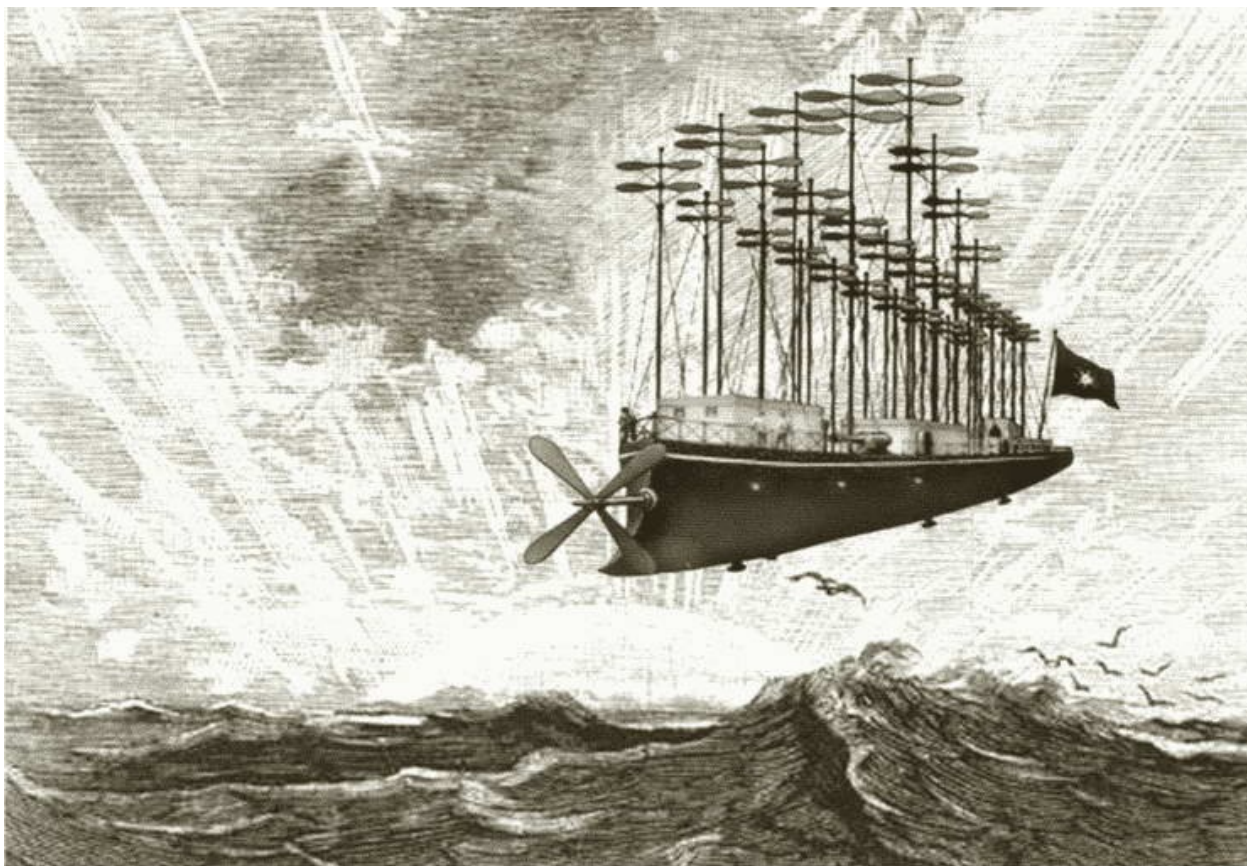
Капитанская рубка яхты

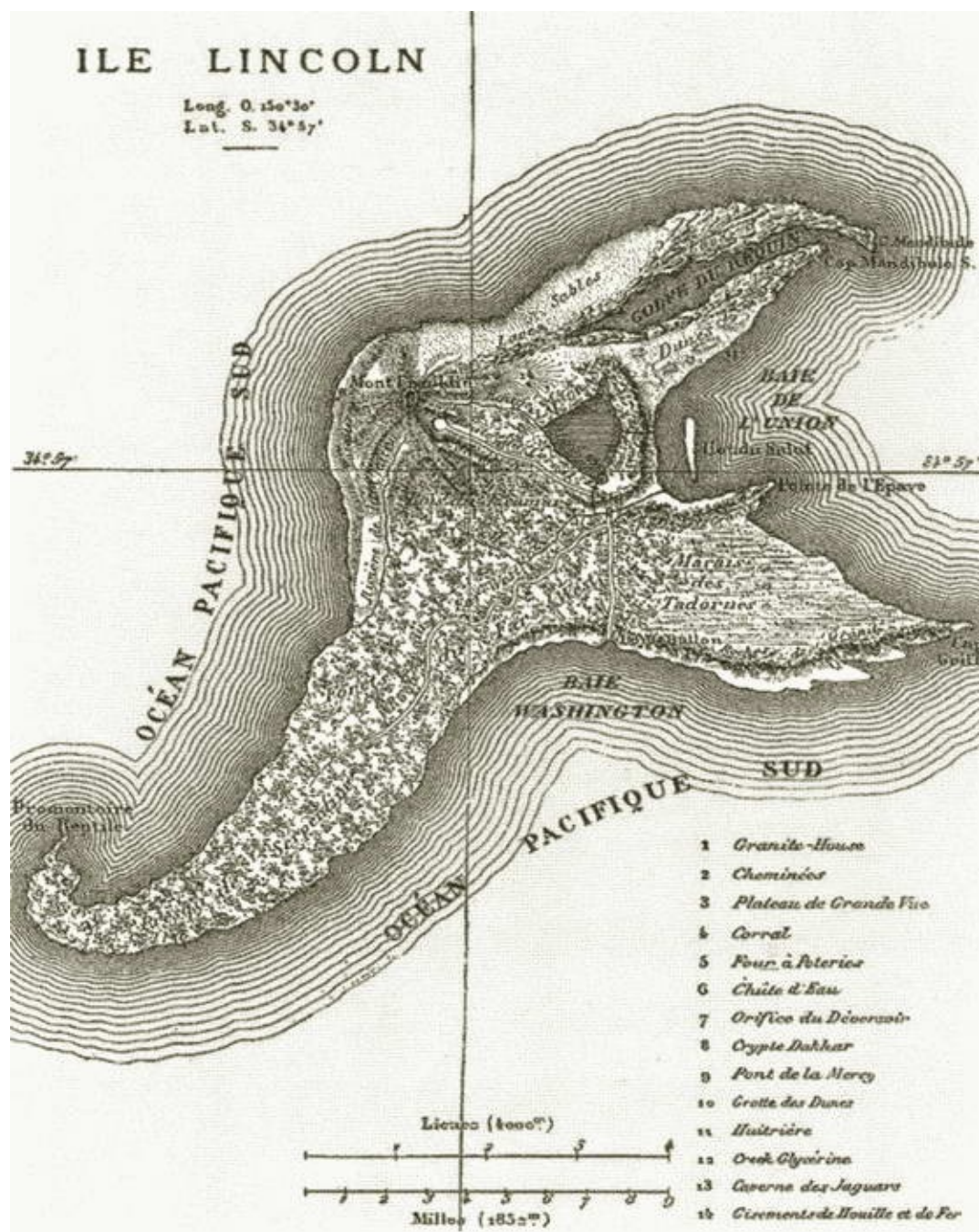
«Сен-Мишель-III. Реконструкция. Музей Жюль Верна в Амьене

Самолет с машущими крыльями (орнитоптер), способный превращаться в автомобиль, катер и подводную лодку из романа «Властелин мира». Л. Бенетт

Воздушный корабль «Альбатрос» — электрический геликоптер из романа «Робур-завоеватель».
Л. Бенетт

Карта из романа «Таинственный остров»

Страница из черновой рукописи романа «Вокруг Луны» с вычислениями траектории полета снаряда

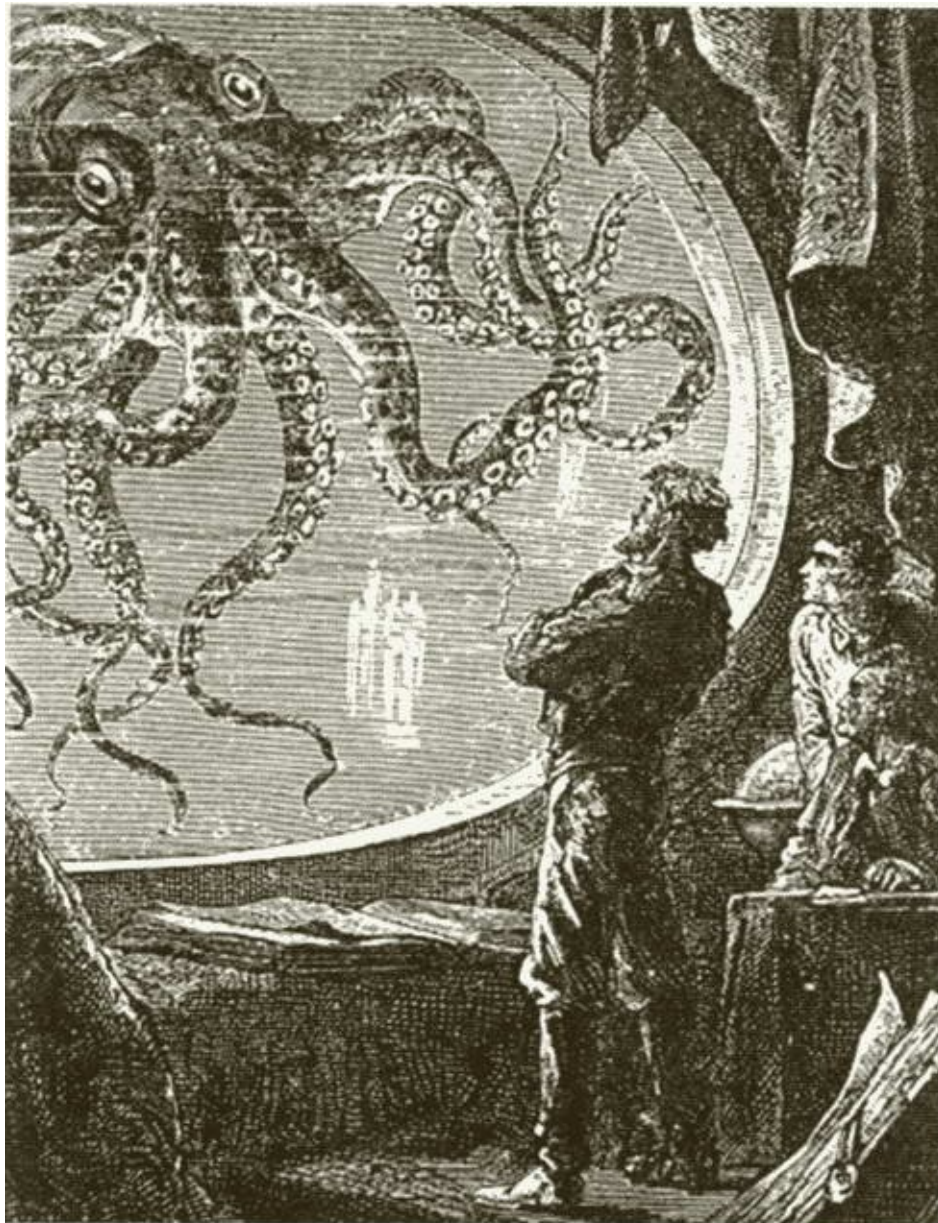

Иллюстрация к роману Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой». Э. Риу

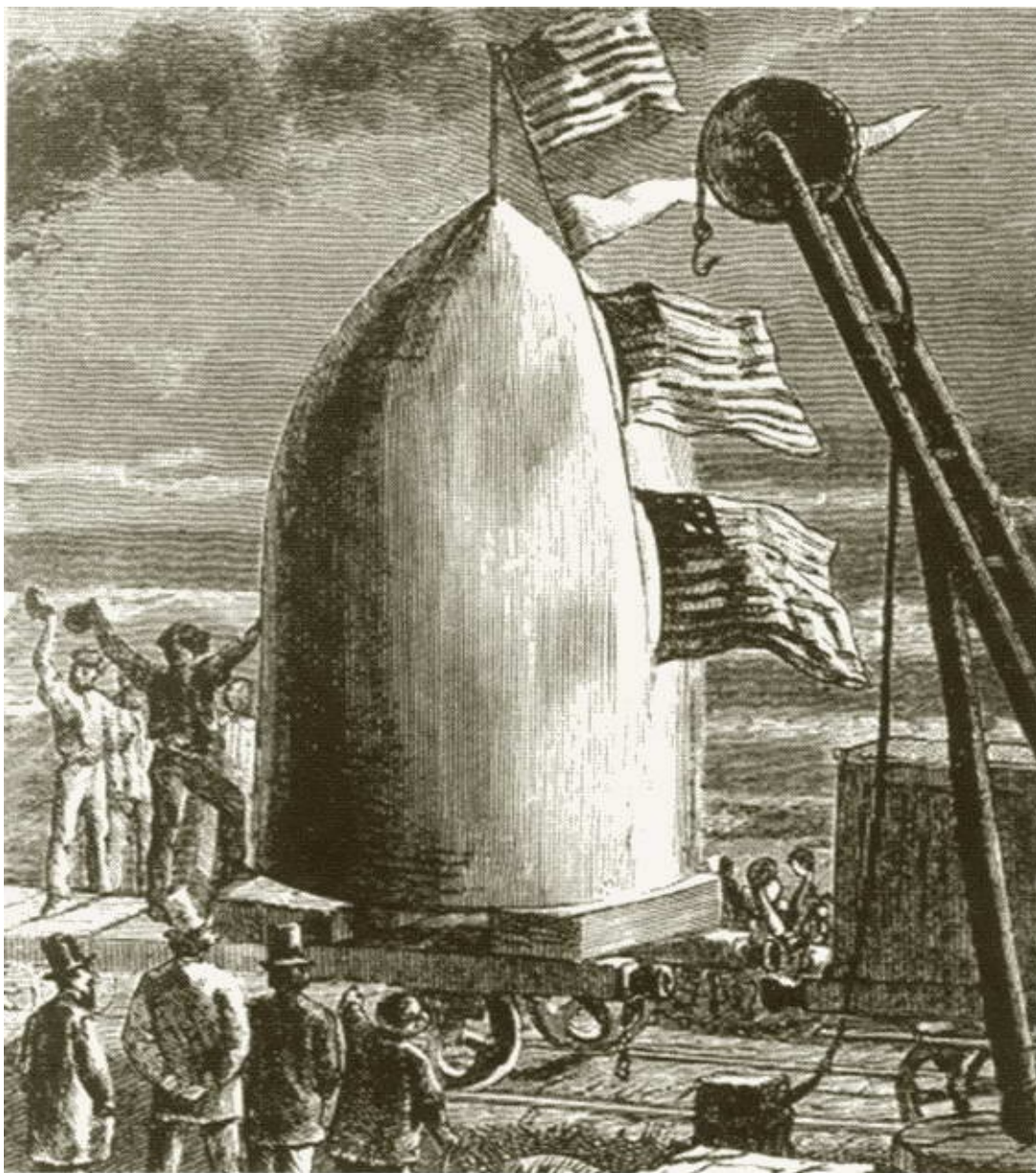

Иллюстрация к роману Жюль Верна «С Земли на Луну». Л. де Монто. 1865 г.

Рисунки Льва Толстого к роману «Вокруг света в восемьдесят дней» сделанные им для своих детей

Мишель Ардан, один из героев лунной дилогии. Надар — прототип Ардана. Э. Байяр

Марко Вовчок (Мария Александровна Маркович), переводчица романов Жюль Верна

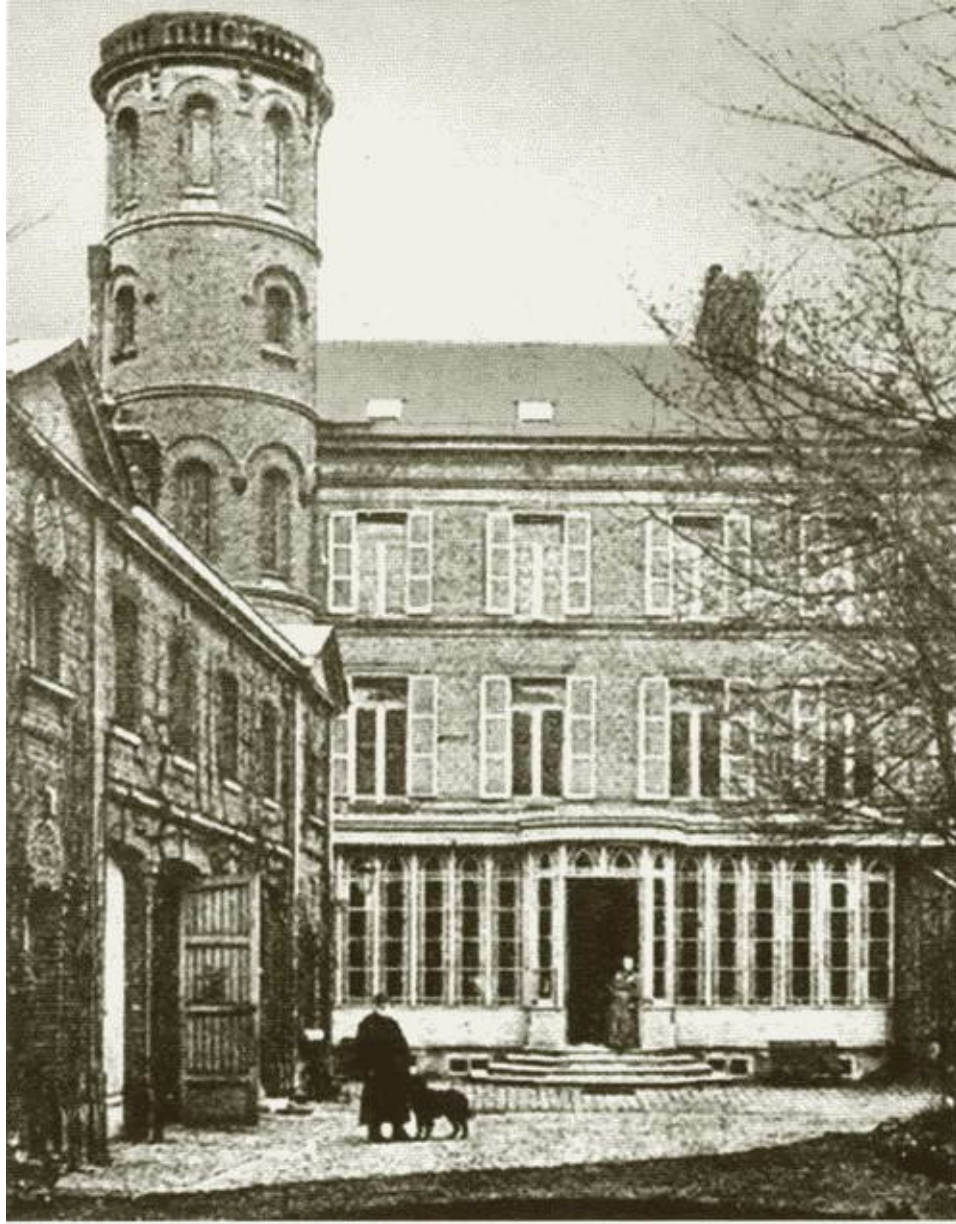
Мишель Верн, сын писателя. 1891 г.

*Профессор Аронакс, наделенный художником портретным сходством с Жюлем Верном. Э. Риу.
Иллюстрация к роману «Двадцать тысяч лье под водой».*

Рабочий кабинет и одновременно спальня писателя

Жюль Верн во дворе своего дома в Амьене. У дверей его жена Онорина. 1890-е гг.

Жюль Верн (сидит второй справа) среди граждан Амьена. Фотография сделана по случаю представления новой картины художника Пьера Пюви де Шаванна в Музее Пикардии. 5 февраля 1888 г.

Жюль Верн со своей женой Онориной. 1894 г.

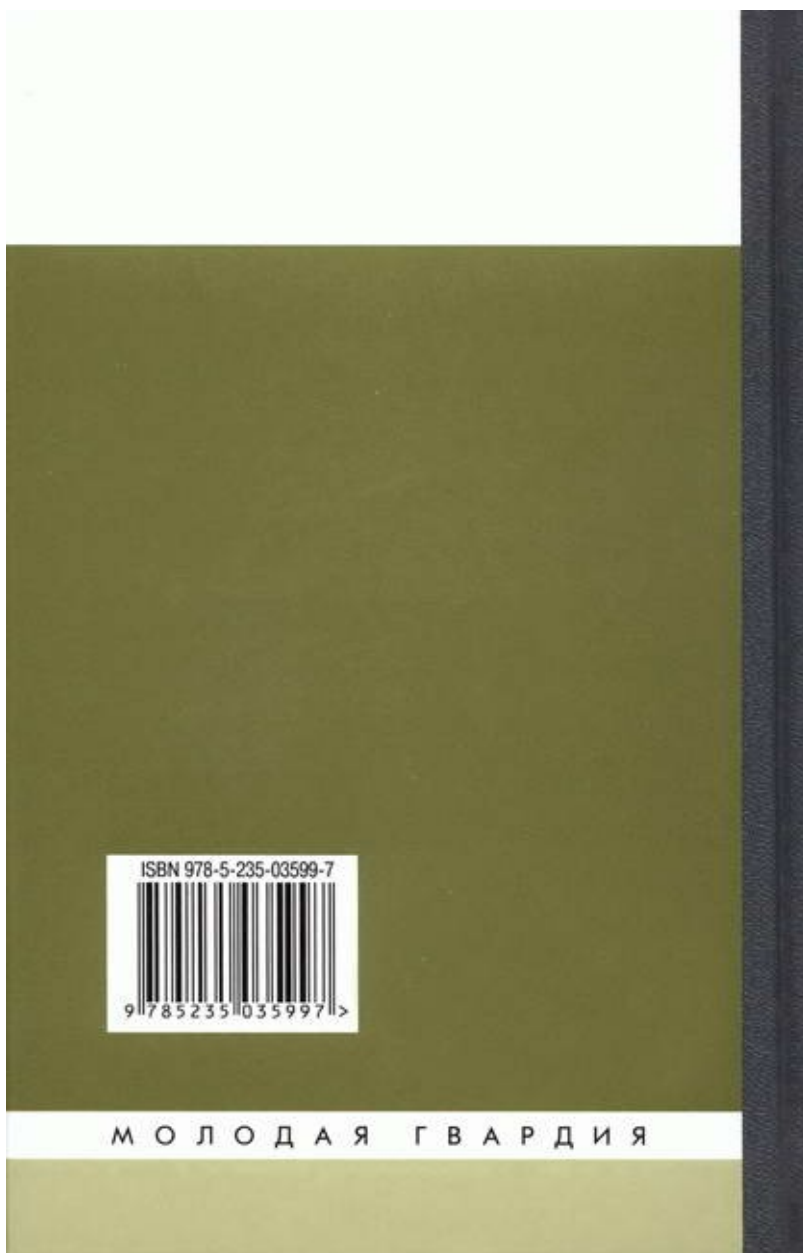
Жюль Верн на смертном одре. 24 марта 1905 г.

Похороны писателя в Амьене

«К вечной юности». Мраморная фигура на могиле Жюль Верна

notes

Примечания

Брюсов В. Из моей жизни: автобиографическая и мемуарная проза. М.: Терра, 1994.

Письмо Г.М. Прашкевичу — от 11 октября 2011 года.

Письмо Г.М. Прашкевичу — от 12 августа 1978 года.

Золя Э. Парижские письма // Вестник Европы. 1878. № 9.

Лксютин Д. Фильмография произведений Жюль Верна (Filmographie de soeuvres de Jules Verne).

Мартынов Л. Проблема перевода // Мартынов Л. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1986.

Первая русская публикация — в «Уральском следопыте» (1882. № 2).

Дефо Д. Робинзон Крузо. Пермь: Пермская книга, 1993.

Тургенев И.С. Наши послали! (Эпизод из истории июньских дней 1848 года в Париже) // Полное собрание сочинений и писем. М.; Л.: Наука, 1967.

Доминик Франсуа Жак Араго (1786—1853) — знаменитый французский физик и астроном.

Пьер Жюль Теофиль Готье (1811 — 1872) — французский поэт, критик и романист.

Перевод И. Михайлова. Цит. по кн.: *Брандис Е.* Рядом с ЖюлемВерном. Л.: Детская литература, 1981.

Известный советский писатель-фантаст Г.И. Гуревич в статье «НФ-идеи: откуда они берутся?» (журнал «Техника — молодежи». 1984. № 12 (14) писал: «Мне лично помогают "периодические таблицы", в которые сведены не элементы, как у Менделеева, а что-нибудь еще. Составишь такую таблицу, а в ней пустые клетки. Каждая из них — это неиспользованная тема или идея или способ осуществления идеи. Первая моя повесть родилась потому, что в таблице трансформаций энергии (а это меня тогда интересовало) не нашлось машины, превращающей химическую энергию в биологическую. Из таблиц же, по аналогии с радио и телевидением, возникла у меня и ратомика — передача вещей по радио. На передающей станции обед из трех блюд, в приемниках на квартире — обеды-копии...»

Толстой И. Л. Мои воспоминания. М.: Художественная литература, 1969.

Жюль-Верн Ж. Жюль Верн. М.: Прогресс, 1978.

Там же.

Антокольский П. Бальзак // Красная новь. 1930. № 6.

Jules-Verne J. Jules Verne. Paris: Hachette, 1973.

Dumas O. Paris au XXe siecle revu et corrige // Les annees 1863—1865 de Jules Verne. Bulletin. 2007. Decembre. № 164.

Dumas O. Estelle en filigrane // Bulletin. 2006. Decembre. № 160:special theatre № 9.

Пири Р. Северный полюс / Предисл. и прим. В.Ю. Визе. М.: ОГИЗ, 1948.

Перевод Г. Прашкевича.

Лье — старинная французская мера длины; сухопутное лье равнялось 4,44 километра, но в XIX веке во Франции применялось так называемое километрическое лье, равное четырем километрам; такое соотношение справедливо почти для всех романов Ж. Верна.

Гамен — уличный мальчишка (*фр.*).

Перевод Г. Прашкевича.

Паскаль Груссе (1845—1909) — публицист, политический деятель, активный участник Парижской коммуны. Был сослан в Новую Каледонию, бежал оттуда, жил в Англии, во Францию вернулся по амнистии. Печатался в соавторстве с Жюлем Верном («Найденыш с погибшей "Цинтии"»). Под псевдонимом Андре Лори приобрел широкую литературную известность.

Дефо Д. Робинзон Крузо. Пермь: Пермская книга, 1993.

Джон Браун (1800—1859) — американский аболиционист, практиковавший активную партизанскую борьбу против рабовладельцев.

Ружье Шаспо — нарезное ружье, у которого боек представлял собой металлическую иглу.

Там же.

Dumas O. Voyage a travers Jules Verne. Monreal: Les Editions internationalles Alan Stanke, 2000.

Леон Мишель Гамбетта (1838—1882) — французский политический деятель, премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881 — 1882 годах.

Луи Адольф Тьер (1797— 1877) — французский политический деятель и историк. При Июльской монархии — премьер-министр Франции, затем — первый президент французской Третьей республики.

Луиза Мишель (1830—1905) — революционерка, учительница, писательница, поэтесса. Вместе с *Жорж Санд* являлась одной из немногих женщин XIX века, носивших мужскую одежду из-за своих феминистских взглядов. Активная участница Парижской коммуны, в боях на баррикадах получила прозвище «Красная дева Монмартра». После падения Коммуны была сослана в Новую Каледонию, после амнистии 1880 года вернулась и участвовала в рабочем движении.

Рембо А. Париж заселяется вновь / Пер. Э. Багрицкого, А. Штейнберга
// Вестник иностранной литературы. 1930. № 2.

Бальзак О., де. Сцены парижской жизни // Собрание сочинений. В 10 т. М.: Художественная литература, 1983.

Цит. по: *Брандис Е.* Рядом с Жюлем Верном. Л.: Детская литература, 1981.

Дюма-отец А. Путевые впечатления в России // Сочинения. В 3 т. М., 1993. Т. 3.

Камиль Фламмерион (1842—1925) — французский астроном и популяризатор науки. Автор знаменитых в свое время книг «Множественность обитаемых миров» и «Обитатели иных миров» (1862), а также «научных» романов «Стелла» (1877), «Урания» (1889), «Конец мира» (1893).

Очерк цит. по: *Брандис Е.* Рядом с Жюлем Верном. Л.: Детская литература, 1981.

Dumas O. Jules Verne: avec la publication de la correspondance inedite de Jules Verne a sa famille. Lyon: la Manufacture, 1988.

Dumas O. «"Tempete sur tempete": rue Charles Dubois» // Bulletin. 2004.3 trimestre. №151.

Dumas O. Elles, Nell Laurence et Helena, seurs d'Estelle // Bulletin.
2007.Mars. № 161.

Заболоцкий Я. Стихотворения. М.; Л.: Советский писатель, 1965(Библиотека поэта. Большая серия).

Жюль-Верн Ж. Жюль Верн. М.: Прогресс, 1978.

Свободный перевод Г. Прашкевича.

Dumas O. Jules Verne: avec la publication de la correspondance inedite de Jules Verne a sa famille. Lyon: la Manufacture, 1988.

Бродский И. Новый Жюль Верн // Вестник русского христианского движения. 1977. № 122.

Дарвин Ч. Автобиография // Происхождение видов. М.; Л.: ОГИЗ-СЕЛЬХОЗГИЗ, 1937.

Жюль-Верн Ж. Жюль Верн. М.: Прогресс, 1978.

Гюго В. «Когда все вишни мы доели...» Пер. Б. Лившица / Французские лирики XIX и XX века. М., 1937.

Из Книги Екклесиаста.

Уэлс Г. Современный роман // Собрание сочинений. В 15 т. М.:Правда, 1964.

Рембо А. Пьяный корабль/ Пер. М.П. Кудинова.

Жюль-Верн Ж. Жюль Верн. М.: Прогресс, 1978.

Там же.

Уэлс Г. Человек-невидимка // Собрание сочинений. М.: Правда, 1964.
Т. 1.

Percereau N. «Le secret de la "Fiancee invisible"» // Bulletin de la societe Jules Verne. 2006. Sept. № 159.

Пьер Корнель (1606—1684) — французский драматург, член Французской академии. Трагедия «Сид» сразу была признана шедевром, не случайно в то время говорили: «Прекрасен (-на) как Сид».

Жюль-Верн Ж. Жюль Верн. М.: Прогресс, 1978.

Шагал М. Мой мир. (Первая автобиография Шагала. Воспоминания. Интервью.) М.: Текст, 2009.

Автор этой книги живо описал «Улей» и его необыкновенных обитателей в романе «Царь-Ужас» (М., 2002; СПб., 2004).

Киплинг Р. Баллада о трех котиколовах Пер. Г. Фиша / Киплинг Р. Избранные стихи. М.: Гослитиздат, 1938.

Жюль-Верн Ж. Жюль Верн. М.: Прогресс, 1978.

Перевод Г. Прашкевича.

Цит. по: Брандис Е. Жюль Верн. Жизнь и творчество. Л.: Детская литература, 1963.

Северянин И. Жюль Верн // Северянин И. Стихи. Л.: Детская литература, 1989.

Другое название романа «Михаил Строгое. Курьер царя».